

С
А

ергей
лексеев

Москва
«Детская литература»
1983

Сергей Алексеев

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В
ТРЕХ
ТОМАХ

Сергей Алексеев

ТОМ 2

СЕКРЕТНАЯ
ПРОСЬБА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1983

Рисунки
Л. Непомнящего

Оформление
А. Козловского

Алексеев С. П.

A47 **Собрание сочинений в 3-х томах. — М.: Дет. лит., 1982. — Т. 2. Секретная просьба: Повести и рассказы/Рис. Л. Непомнящего. 1983. 432 с., ил.**

В пер.: 1 р. 50 к.

Во 2-й том Собрания сочинений С. П. Алексеева входят повести и рассказы, созданные на историко-революционные темы: «Декабристы», «Упрямая льдина», «Сын великана», «Братишка», «Октябрь шагает по стране», «Секретная просьба».

А 4803010102—405 М101(03)83 Подписн.

P2

ДЕКАБРИСТЫ

1825 год. Декабрь. В Петербурге, в тогдашней столице Русского государства, вспыхнуло восстание против царя и крепостных порядков. Его организаторами были молодые офицеры и передовые люди русского общества. Восстание произошло зимой, в декабре, поэтому его участников и называют декабристами.

Декабристов было мало. Они не решились поднять против царя народ, рассчитывая справиться собственными силами. Но этого не получилось. Восстание было жестоко подавлено.

О декабристах — людях отважных, благородных, глубоко преданных идеям освобождения народа, — и рассказывает эта повесть.

Глава I

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

МЧАЛ В ПЕТЕРБУРГ КУРЬЕР

Из Таганрога, от берегов Азовского моря, мчал в Петербург курьер. Курьер был в высоком военном звании.

И если вдруг на почтовых станциях не находилось в тот час лошадей, тряслись и бледнели начальники станций.

— Из-под земли достать лошадей! В Сибирь упеку! — громыхал курьер. — Сгною! Самих в упряжке бежать заставлю!

— Свят, свят, — крестились начальники станций. — Упаси в другой раз от таких гостей.

1825 год. Ноябрь. Осень стоит на юге. На севере выпал снег. То в таратайке летит курьер, то несётся в кибитке, в санках. Верста за верстой, верста за верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони. То брызнут в прохожих копыта грязью, то снежные вихри взобьют полозья.

Из далёкого Таганрога, с берегов Азовского моря, мчит в Петербург курьер. А справа и слева лежит Россия.

Россия, Россия! То степью она раскинется, то прошумит дубравой. Зябью посмотрит в небо. Топью болотной ляжет. Встанет сосной и елью.

Мчит в Петербург курьер. А слева и справа лежит Россия.

Россия, Россия! То песней она откликнется, то в горе людском притихнет. То упадёт в молитве, то в гнев народном Россия вздыбится.

И днём и ночью летит курьер. Эй, пеший, эй, конный, сходи с дороги! С сообщением срочным, с сообщением тайным спешит курьер.

А следом несутся слухи:

— Может, снова война с неверными. (В те годы Россия часто сражалась с Турцией.)

— Может, снова явился Разин. (Не забыт он, не стихает в народе молва о Разине.)

— Может, царь-государь забыл в Петербурге сверхважный, сверхтайный, сверхсрочный пакет и гонит за ним курьера. (В те дни русский царь Александр I был как раз в Таганроге.)

Мчит в Петербург курьер. Верста за верстой, верста за верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони.

Примчал наконец в Петербург курьер. Сдержал лошадей у Зимнего. Бросился в царский дворец.

— К его высочеству великому князю Николаю Павловичу. Из Таганрога.

Распахнулись немедля двери. Принял великий князь Николай гонца.

Замер курьер, как солдат на параде:

— Ваше высочество, в Таганроге...

— Так что в Таганроге?

— Горе какое, горе...

— Короче давай, короче!

— В Таганроге скончался царь.

Николай быстрым шагом прошёл по комнате, проверил, хорошо ли закрыты двери. Вернулся. Палец поднёс к губам:

— Тсс!

И грозно взглянул на курьера.

ДВА БРАТА

Великий князь Николай любил манёвры, любил команды.
— Раз, два, раз, два... Левой, левой... Батальоны, к атаке в колонну стройся!..

Даже, бывало, во сне командовал. Даже жену пугал.

— Марш-марш!.. Эскадрон, развернись повзводно...

Стоит Николай перед зеркалом. Нравится сам себе. Мундир гвардейский. Ремень затянут. Роста высокого. Гладкий лоб. Вот, правда, глаза оловянные. Так ведь не у каждого голубые.

Александр I скончался бездетным. Кому же занять престол?

У Александра было три брата: Константин, Николай, Михаил. Старший из них Константин. Ему и вступать на престол российский.

Стал бы царём Константин. Да только ещё при жизни царя Александра I отказался (это хранилось в тайне) великий князь Константин от короны. Жил Константин в Варшаве. В те годы большая часть Польши входила в состав России. Был великий князь в Варшаве главнокомандующим польской армии.

Раз Константин отказался, значит, садись на престол Николай. Ой как хочет того Николай! Спит, а корону видит. Закроет глаза — и видит. Даже втайне от всех примерил великий князь Николай корону. Даже для пробы сел на престол. Сел, а сходить не хочет. Хорошо Николаю в короне. Великовата она немного, но это другое дело. Не увеличишь, конечно, голову. Можно корону слегка подогнуть. Стал бы великий князь Николай царём. Да только для этого великий князь Константин должен вновь подтвердить отречение.

Посылает брат Николай к брату Константину в Варшаву гонца.

Не приходит оттуда прямой ответ.

Брат старший ни да ни нет.

Злится брат Николай, как поступить, не знает.

Снова в Варшаву летит гонец.

Не приходит оттуда прямой ответ.

Брат старший ни да ни нет.

Неделя проходит, вторая. Кому же Россией править?

В третий раз несётся гонец в Варшаву.

В третий раз не приходит оттуда прямой ответ.

Брат старший ни да ни нет.

ШУМНО СЕЙЧАС У РЫЛЕЕВА

— Смерть тиранам!

— Царям и монархам смерть!

На квартире у отставного поручика поэта Кондратия Рылеева собрались члены тайного общества.

Свечи горят в подсвечниках. Виден в углу камин. Подошёл Рылеев к камину. К поленьям свечу поднёс. Побежал огонёк. Заиграло пламя.

Тайных обществ в России два. Одно — в Петербурге, на севере. Оно так и называлось — Северным тайным обществом. Второе возникло на юге, на Украине. Оно называлось Южным.

Стонет под властью царей Россия. Сбросить царей в России, дать землю и волю крестьянам — вот главное в планах обоих обществ. Шумно сейчас у Рылеева. Всё веселее гудит камин. Тянется пламя в трубу кинжалами.

Офицеры сидят у Рылеева. Большинство — совсем молодые люди. Гвардейские здесь офицеры, армейские. Гусары, уланы, драгуны. Офицеры морские, от артиллерии, от инфантерии¹ — представители разных войск.

Шумно сейчас у Рылеева. Обсуждается план восстания. Удачный настал момент. Не дождался великий князь Николай от Константина прямого ответа.

— Ах так!

Решил Николай не медлить. Рвётся он стать царём. Уже заготовлен о том манифест. 14-го декабря утром он будет зачитан сенаторам. Сенаторы принесут присягу. И с этой минуты великий князь Николай станет царём Николаем I.

— Не быть Николаю царём!

— Не быть Николаю царём!

— К оружию, братья, к оружию!

План у молодых офицеров такой: вывести 14 декабря утром войска на Сенатскую площадь, вступить в Сенат, заставить сенаторов отклонить манифест Николая, а затем собрать представителей ото всех областей России и вместе с ними решить, кому и как дальше Россией править.

Всё ярче и ярче горит камин. Пламя бурлит и пляшет.

С чего же начать восстание? Как обеспечить его успех?

Предлагает Рылеев:

— Нужно ворваться в Зимний дворец. Нужно схватить Николая.

Нет тут другого мнения.

Капитан Александр Якубович обещает штурмом ворваться в Зимний дворец.

— Нужно взять Петропавловскую крепость.

— Верно, верно. И это верно.

Полковник Александр Булатов дал слово: солдат повести на крепость.

— Нужен диктатор (то есть предводитель всего восстания). Кому же диктатором быть?

— Трубецкому! Трубецкому! Пусть полковник князь Сергей Трубецкой старшим над всеми будет!

Согласен Рылеев, согласны все. Князь Сергей Трубецкой согласен. Поднялся Кондратий Рылеев:

— Друзья! Минуты дороги. Смерть тиранам! Свобода родине! К делу, друзья. Ура!

— Ура! — пронеслось по комнате.

Разошлись по домам офицеры. Остался один Каховский. Давно вызывался поручик Пётр Каховский убить царя.

Спросил Рылеев:

— Не передумал?

¹ И н ф а н т е р и я — пехота.

— Стою на прежнем, — сказал Каховский.
Поклялся Каховский убить царя.
Бушует, бушует в камине пламя. Рвётся в трубу пожаром.

НОЧЬ. ТИШИНА. СПИТ ПЕТЕРБУРГ

Ночь. Тишина. Спит Петербург. У городских застав в караулах стоят дозорные. Ветер идёт с Невы. Падает с неба снег. Ночь. Тишина. Входит в Санкт-Петербург История.

Слышат солдаты в ночи шаги.

— Стой! — закричали дозорные. — Кто там?

Прислушались.

— Кто там?

Слышат в ответ:

— История.

Переглянулись солдаты:

— Эй, не шути!

— Остановись!

Мимо прошли шаги.

Прибежал офицер на крики.

— Что тут такое?

— Кто-то прошёл.

— Эх вы, скоты, разини! Вида какого?

— Не видели вовсе. Имя лишь слышали.

— Кем же назвался?

— Голос был женский.

— Что же сказал?

— История.

Посмотрел на солдат офицер изумлённо. Ясно ему, что ночные страхи помутили дозорным разум. Сплюнул с досады, вернулся в тепло.

Ночь. Тишина. Спит Петербург. А в это время по улицам города властным шагом идёт История.

Всё громче и громче слышны шаги. Смотрит направо, смотрит налево. Что-то признает. Где-то задержится. Снова продолжит путь.

Спустилась к Неве, постояла, задумалась. Достала часы. Взглянула. Спohватилась. Ускорила шаг.

Прошла по казармам гвардейских полков. На спящих солдат посмотрела.

— Вставайте, пора! — шепнула.

По ступенькам поднялась Зимнего.

— Где здесь великий князь Николай? Ах, вот этот?!

Брезгливо поморщилась. Быстро спустилась вниз.

Пришла на Сенатскую площадь. Осмотрелась вокруг внимательно. Царя Петра на коне увидела.

— Здравствуй. Стоишь, великий. Вижу, потомками ты не забыт.

Посмотрела вперёд История.

— Час пробил,— сказала громко и поднялась куда-то ввысь.

БАРАБАНЩИКИ БЬЮТ ТРЕВОГУ

Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та!.. Барабанщики бьют тревогу.

— Выходи! Становись!

— Выходи! Становись!

Утро, 14 декабря. Члены тайного общества штабс-капитаны братья Александр и Михаил Бестужевы и штабс-капитан князь Дмитрий Щепин-Ростовский взбунтовали лейб-гвардейский Московский полк.

— Выходи! Становись!

Распахнулись ворота полковых казарм. Устремились вперёд солдаты.

Рядовой Епифан Кириллов чуть запоздал к командам. Бросился вслед за своей уходящей ротой. Почти догнал. Только хотел пристроиться, но вдруг:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперёд!

Замер, оцепенел солдат. Застыл столбом верстовым на месте.

Перед восставшими появился командир полка генерал-майор Фредерикс.

— Кругом! — кричит Фредерикс. — Быдло! Кругом! В казармы!

Хотел повернуться кругом Кириллов. Да только видит: другие стойки. Никто из солдат не дрогнул. Не повернулся никто кругом.

Слышит Кириллов:

— Прошу, генерал, отойдите.— Это сказал Александр Бестужев.

— Прочь, прочь, убьём! — раздались солдатские голоса.

— Молчать! — вскипел Фредерикс. — Слушай мою команду!

Озверел Фредерикс. Рот до ушей от крика. И главное, смотрит именно на Епифана Кириллова. Оробел гренадер. Подтянулся по стойке «смирно». Ждёт, какую ж команду слушать.

Только команду так и не успел прокричать Фредерикс.

Штабс-капитан Щепин-Ростовский ударом сабли сбил генерала с ног.

Упал, замолчал Фредерикс. Хотел Епифан Кириллов скорей подбежать к своим. Но тут же:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперёд!

Вздрогнул солдат, снова застыл на месте.

Это бежал к воротам бригадный командир генерал-адъютант Шеншин.

— Кругом! — закричал на солдат Шеншин. — Быдло! Кругом! В казармы! Молчать! Слушай мою команду! — и тоже, как генерал Фредерикс, на Епифана Кириллова смотрит.

Застыл Епифан. Ждёт, какую ж команду слушать.

Но не успел закончить команду Шеншин. Сабельным ударом сбил и его Щепин-Ростовский с ног.

Рухнул как сноп генерал на землю. Рванулся Кириллов быстрее к своим. Но тут же:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперёд!

Снова застыл солдат. Даже пот у бедного выступил. Это подбегал к восставшим полковник Хвощинский.

— Кругом! В казармы! Кругом! Изменники! Быдло! — кричал Хвощинский. Кричит и тоже, как на грех, на Епифана Кириллова смотрит.

Отдельно стоит Кириллов. Больше других приметен. Поёжился под пристальным взглядом солдат. Хотел повернуть к казармам. Да в это время снова вскинул Щепин-Ростовский саблю. Однако хитрее других оказался Хвощинский. Не пожелал он на землю падать. Зайцем метнулся в сторону. Чуть Кириллова с ног не сбил. От неожиданности даже Кириллов вскрикнул.

— На Сенатскую, братцы. За мной! Вперёд! — скомандовал Александр Бестужев.

— Наконец-то команда ясная, — просиял Епифан Кириллов.

Вышли солдаты на улицу. Идут на Сенатскую площадь. Стройно чеканят шаг. Не двадцать, не тридцать идёт солдат. В строю восемьсот гвардейцев.

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО

За день до восстания, 13 декабря, сенатор Дивов, как обычно, в десять часов отошёл ко сну. Натянул до подбородка стёганое одеяло. Зажмурился.

Уютно, тепло в постели.

Завтра утром в Сенате присяга царю. «Слава богу, — вздохнул Дивов, — кончились все страдания».

Истомился Дивов за эти дни. Кто будет новым царём, гадал. Константин? Николай? Николай? Константин? К кому поближе из них держаться?

Не хотел ошибиться Дивов. Знает, цари обидчивы. Ездил он несколько раз в Зимний дворец. Старался попасться на глаза Николаю. А попадаясь, до пола кланялся и величал Николая «ваше величество» (так обращались к царю), а не «ваше высочество», как полагалось обращаться к великому князю. Пусть видит великий князь Николай, как предан его высочеству Дивов.

Ну, а как же быть хитрецу с Константином? Жалко, далеко Константин. Далеко до Варшавы ехать, чтобы и ему на глаза по-

пасться. Другое придумал Дивов. Пишет письмо Константину. Письмо пустячное. Дело не в нём. Дело, конечно, в титуле. Не «ваше высочество» — «ваше величество» пишет Дивов.

«Кто же будет царём? Николай? Константин? Константин? Николай?» Две недели в муках ходил сенатор. И вот всё решилось, будет царём Николай. Уснул спокойно сенатор Дивов.

И вдруг среди ночи:

— Павел Гаврилыч! Павел Гаврилыч!

Вздрогнул сенатор. Открыл глаза. Слуга Федул перед барином.

— Павел Гаврилыч, вставайте.

— Ну, что там ещё такое? — пробурчал недовольно Дивов.

— Жандармы, барин, — ответил Федул.

Сон из Дивова тут же вышел. Догадка шилом беднягу колет: «Дознался, дознался великий князь Николай, про письмо Константину, видать, проведал». Мерещится Дивову страшное: немилость царя, ссылка, а то и каторга.

Одевался он медленно. Руки тряслись. Никак не хотели попасть в рукава горностаевой шубы.

— Быстрее, быстрее, — командовал старший жандарм. — В санки садитесь, в санки.

Усадили жандармы сенатора в санки.

«Неужто ходом прямым в Сибирь?» — в страхе подумал Дивов.

Однако не свернули санки на тракт сибирский, не поскакали кони ни к Шлиссельбургской, ни к Петропавловской крепости. К Сенату, на Сенатскую площадь примчались санки.

«ПОЧЕМУ НИКОГО НЕ ВИДНО?!»

Сенатская площадь. Берег реки Невы. Памятник царю Петру I. Вздрыбил бронзовый Пётр коня.

Кажется, что вот-вот с огромного камня рысак сорвётся и стукнет копытами по мостовой.

Если станешь лицом к Неве: справа Адмиралтейство, слева Сенат. Сзади за памятником Петру I стройка Исаакиевского собора. Прямо перед тобой мост через реку Неву. На том её берегу, если глянуть чуть-чуть правее, стены и шпиль Петропавловской крепости. Идут лейб-гвардейцы на Сенатскую площадь, а в это время в других местах...

— Стройся! Шибче! Не трусь, ребята! — Это морской офицер Николай Бестужев и лейтенант Антон Арбузов поднимают моряков гвардейского экипажа.

— Дружнее, ребята, дружнее. Другие уже на площади. Нам ли в последних быть! — Это поручики Александр Сутгоф и Николай Панов выводят лейб-гренадеров.

Призывают декабристы к восстанию солдат и в других местах.

Пришёл Московский полк на Сенатскую площадь. Построились солдаты в боевое каре — четырёхугольником, перепроверили, хорошо ли заряжены ружья.

Тихо, пусто возле Сената. Беспечно кружит позёмка. Ветерок по камням шныряет.

Смотрят солдаты, а где же кареты, где экипажи, где же сами сенаторы. Утро, сейчас начнётся присяга царю. Но почему никого не видно?!

— Почему никого не видно?!

Попался солдатам какой-то старик. В длинной енотовой шубе.

— Были. Разъехались... Состоялась уже присяга.

— Как — состоялась?!

— Да вот так. По закону: присягнули, и всё.

Что же случилось?

Накануне восстания великий князь Николай вдруг узнал о заговоре декабристов. Нашёлся предатель — поручик Яков Ростовцев. Рассказал великому князю, что утром войска выйдут на Сенатскую площадь.

— А ты... того... не придумал? — грозно спросил Николай.

— Никак нет, ваше высочество. Сам своими ушами слышал. Сам при уговоре злодеев был. — Сбавил Ростовцев голос: — Выйдут на площадь они пораньше. До начала присяги поспеть хотят...

— Ах, до присяги! — воскликнул великий князь. — Ну что ж, на всякое «раньше» бывает раньше.

Разбудили, порастолкали среди ночи в тёплых кроватях сенаторов. Привезли их сонных, небритых, неевших в Сенат.

В семь часов утра великий князь Николай огласил манифест. Принесли сенаторы присягу. В семь двадцать стал Николай царём.

Пришёл Московский полк на Сенатскую площадь. Ни царя, ни сенаторов. К этому времени все разъехались.

«МЫ БЫ В ОДИН МОМЕНТ...»

Надломился, стал рушиться план восстания.

Выдал Яков Ростовцев Николаю I замысел декабристов. Но это ещё не всё.

Капитан Александр Якубович отказался захватить Зимний дворец.

Поручик Пётр Каховский отказался убить царя.

Полковник Александр Булатов вовсе куда-то скрылся. Так и не взята Петропавловская крепость.

А где Трубецкой? Где диктатор восстания, военный его предводитель?

— Не решился я вести солдат на Зимний дворец, — объясняет капитан Якубович. — Солдаты — толпа, стихия. Не усмотришь за ними, не уследишь. А вдруг при стрельбе были бы убиты члены царской фамилии?! Солдаты... того... могли бы сделать такое и с умыслом.

— Не мог я, — объясняет поручик Каховский. — Не поднялась на государя рука. Поторопился я дать согласие. В глазах соотечественников царсубийцей прослыть не смею.

Булатов вообще ничего не сказал. Его и в глаза-то никто не видел.

А где же князь Трубецкой? Что ответил друзьям Трубецкой? Ничего не ответил князь. Нет ни дома его, ни на площади.

Ждёт Трубецкого Рылеев, ждут Трубецкого Бестужевы. Другие ждут. Смутно ещё надеются.

Правда, собрался на площадь князь. Оделся, из дому вышел. Однако чем ближе к Сенатской площади, то шёл он всё тише и тише. Робкий какой-то шаг. Вот и вовсе застыли ноги. Глянул издали князь Трубецкой на Сенатскую площадь. Думал, что соберётся на площади пять или шесть полков. А пока там только один — Московский. Постоял князь Трубецкой, посмотрел, повернул назад.

Ищут декабристы диктатора.

— Где Трубецкой?!

— Где Трубецкой?!

Прошал диктатор иголкой в сене.

Тем делом на Сенатской площади стал собираться народ. Десятки, сотни, а вот и тысячи. Запрудили они тротуары. Рассыпались группами по мостовой. Жмутся к Адмиралтейству, жмутся к забору, что возле Исаакия, забили, как пробкой, мост. Стоят между колони Сената. Самые шустрые даже залезли на крыши соседних домов.

Мастеровые здесь, менщане, крестьяне, студенты, чиновники, разный торговый люд.

Гомон стоит на площади.

— Глянь-ка, они супротив царя!

— Ай да орлы! Вот так ребята!

Смотрят люди на восставших солдат, на офицеров.

— Так чего же они стоят?

— Братцы, вали на Зимний!

— Э-эх, нам бы штыки и ружья, мы бы в один момент!

Стоят на ветру солдаты.

Стоят час, стоят два. Промёрзли совсем солдаты. День морозный. Ветер идёт с Невы.

— Что мы стоим?

— Есть уже, братцы, хочется!

— Дядька Василий, — лезет безусый ещё солдат к седому как лунь гренадеру. — Чего мы стоим?!

— Стой, стой. Господам офицерам тут лучше знать. Такова, стало быть, диспозиция¹.

Крепчает студёный ветер. То утихнет, то вновь сорвётся. Холодит, леденит солдат.

— Дядька Василий, — лезет опять безусый, — как же, если не будет у нас царя: не погибнет ли мать-Россия?

— Не погибнет, не погибнет. Даст бог, без царей управимся. Люди с умом найдутся.

Треплет ветер солдатские куртки. Под мундиры мороз вползает.

— Дядька Василий, неужто волю получают люди?

— Получат, получат. Ради того и вышли мы нынче сюда, на площадь.

Коченеют совсем солдаты. Устали стоять солдаты.

— Дядька Василий, неужто землю дадут мужикам?

— Дадут, дадут. А не дадут, так бороды сами её возьмут, — подмигнул озорно гренадер солдату.

Крепчает, крепчает, крепчает мороз. Ветер в штыках завывает.

— Дядька Василий, а верно, что нам срок поубавится в службе?

— Верно, родимый, верно. На десять лет — это по меньшей мере².

— Так, дядька Василий, так чего мы стоим? Пока не поздно, нам бы как раз ударить!

— Стой, стой, — повторил гренадер. — Господам офицерам тут лучше знать. Такова, стало быть, диспозиция.

Понимал боевой солдат, что нарушилось что-то у декабристов. Однако не подал виду.

Сорвался у восставших намеченный ранес план. Время идёт, пока создаётся новый.

Разъехались офицеры по разным полкам, призывают солдат к восстанию.

Помощь придёт, не придёт — от этого всё зависит.

Лезет безусый теперь с тревогой:

¹ Д и с п о з и ц и я — расположение войск для боя.

² В то время солдатская служба продолжалась 25 лет

— Может, одни останемся? Может, конец всему?
Посмотрел на парня солдат сурово:
— Глуп ты, смотрю, Алёха. Начинается только дело. Драка ещё впереди.

ВЫСТРЕЛ КАХОВСКОГО

Переживал Каховский свою измену — то, что не решился убить царя.

Ходит он по Сенатской площади.

— Я не трус, я не испугался, — объясняет Рылееву.

— Готов доказать, что не трус, что ради общего дела жизни своей не жалко, — уверяет Александра Бестужева.

Обращается к штабс-капитану Щепину-Ростовскому:

— Пойми, не оробел. Рука бы не дрогнула. Но это же царь. Не способен к цареубийству.

Ходит Каховский от роты к роте, повторяет одно и то же.

Санкт-петербургский генерал-губернатор граф Милорадович, узнав о восстании, прискакал на Сенатскую площадь. В орденах и наградах граф. Прославленный он генерал. Вместе с Суворовым в Альпийский поход ходил. В 1812 году вместе с Кутузовым бил французов. Любят его в полках. Умеет он говорить с солдатами. Подъехал Милорадович к восставшим войскам.

— Братцы! Друзья! Что вы затеяли?!

Не отвечают ему солдаты. Стоят, опустивши головы.

— Братцы! Друзья! Не вы ли ходили со мной походами! Не вы ли герои Смоленска, соколы Бородина! Не вы ли в битвах далёких были, со славой вошли в Париж!

Всё верно, всё так. Московский полк — прославленный полк. Сражались его солдаты и под Смоленском, и на полях Бородинской битвы, гнали французов сквозь всю Россию. При Тарутине были, при Красном были. Сражались в далёких землях. Помнит русских солдат Париж.

Много различных наград у героев. Блестят на груди у солдат медали.

— Друзья! Солдаты! Позор вам, солдаты! — не утихает Милорадович.

Заволновались восставшие офицеры. Уговорит генерал солдат.

— Ваше сиятельство, уезжайте, — сказал один.

— Уезжайте, — сказал другой.

— Немедля покиньте площадь!

Не слушает Милорадович.

— Друзья! Солдаты! За мной, солдаты!

Приподнялся Милорадович в стремени.

Приподнялся, и в ту же минуту грянул на площади выстрел.

Все замерли. Стихло кругом. Повернулись на выстрел люди.

Видят, стоит Каховский. В руке пистолет дымится.
Ударила пуля в графа. Стал оседать Милорадович.

— Солдаты!.. — крикнуть успел генерал и рухнул с коня на землю.

— Ну что, — говорил Каховский, — видали, рука не дрогнула.

— Да ты бы лучше стрелял в царя.

— Не смог я. Не смог, — повторяет Каховский. — Цареубийцей прослыть не смел.

— Э-эх, пожалел государя. Посмотрим, пожалеет ли он тебя.

Царь Николай I был на Дворцовой площади. Дворцовая рядом с Сенатской. Десять минут ходьбы.

Давно уже отдан приказ верным царю войскам немедля прибыть на площадь. Что-то не очень торопятся «верные».

В беспокойстве великом царь:

— А вдруг и эти туда — к злодеям?!

Ходит Николай I по Дворцовой площади, губы себе кусает.

Около Зимнего дворца тоже народ собрался. Толпятся, ожидают чего-то люди.

Раздаются смешки в народе:

— Царь наш, кажись, без войска.

Ждёт Николай I войска. Пока не идут войска, решил государь обратиться к народу. Подумал: лучше всего прочитает манифест. Пусть знают, что он государь законный.

— Я государь законный, — заявил государь народу. — Слушайте волю господню.

Достал Николай I бумагу, выпятил грудь, прочитал:

— «Манифест...» Знаете, что такое есть манифест?

Кто-то ответил:

— Знаем.

— «Манифест...» — повторил Николай I и стал нараспев читать, что с этого дня не старший брат Константин, а он, Николай, и есть государь законный.

— Так кто государь законный? — спросил у собравшихся царь.

Никто ничего не ответил.

Насунился Николай I. Как же понять молчание? Может, люди не очень поняли?

— Так кто государь законный?

Кто-то один нашёлся:

— Ваше величество и есть государь.

— Верно, — ответил царь.

Ждёт Николай I, что сейчас закричат «ура!»

Однако никто не крикнул.

Ждёт вторую минуту царь.

Снова кругом молчание.

Неловко царю уходить без «ура». Хоть сам ты возьми и крикни.

— Ура! — закричал Николай I.

Один из толпы ответил.

— Ура! — повторил государь.

Ответили сразу трое.

— Государю ура! — в третий раз закричал Николай I.

Теперь уже крикнули многие. Дружно неслось «ура!» За первой волной вторая.

«Наконец-то неумные поняли», — самодовольно отметил царь. Повернулся, пошёл от толпы. И только теперь увидел. С той стороны Невы, прямо по льду, сокращая дорогу, на Сенатскую площадь, на помощь к восставшим, торопились солдатские роты. Им и кричали сейчас «ура!».

Скривилось лицо Николая I. От обиды и злобы дёрнулось. А тут ко всему какой-то шутник бросил снежок в государя. Метко пульнул, паршивец. Между лопаток как раз попал.

— Припечатал, припечатал! — выкрикнул кто-то. — Государев поставил знак.

КАКОЙ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ?

Двое дворовых крестьян из-под Луги Фёдор Рытов и Африкан Косой с барским обозом прибыли в Питер.

Остановился обоз где-то в конце Галерной. Видна отсюда Сенатская площадь. Видны и войска и народ. Бросив на улице сани, побежали крестьяне на площадь, смешались они с народом.

То тут, то там раздаются возгласы:

— Долой Николая! Даёшь Константина!

— Конституцию! Конституцию! — кто-то кричал.

А вот и вовсе кинжальный голос:

— На плаху царя, на плаху!

Слово за словом, слово за словом — разобрались вскоре Фёдор и Африкан, что происходит сейчас на площади, что и к чему.

— Ну и ну, Африкан. Значит, они за волю.

— Выходит, что против бар.

— Так это и наше дело.

Переглянулись крестьяне:

— Давай на подмогу!

Выбирают, к кому бы поближе стать. Облюбовали солдатский изгиб в каре. Туда и направились.

— Дозвольте, — обратился к солдатам Фёдор.

— Ух ты, никак, пополнение!

Рассмеялись солдаты:

— Какого, скажи, полка? Какой гренадерской роты?

— Лужские мы, — отвечает Фёдор.

— Барона Рейндорфа, — сказал Африкан.

— Калужские, лужские, баронские, графские — наши, короче. Давай становись.

Сразу пошли вопросы, как в деревне, очень ли барон лют, что говорят мужики о земле и воле.

Что говорят? Истрадались совсем мужики — дай ты им только призыв-сигнал, сразу на бар подымутся.

Заметили люди на площади, что два мужика к солдатским рядам пристроились, тоже поближе к восставшим двинулись. Обступили они солдат. Но тут подошёл офицер:

— А ну отойди в сторонку.

— Как так?

— Мы тоже с вами. Мы заодно!

— Нам бы вместе, так силы больше!

— Ступайте-ступайте,— стал оттеснять офицер.

Второй подошёл:

— Ступайте, ступайте, не ваше тут дело. Не занимай солдат.

Оттеснили народ офицеры. Вместе со всеми отошли Африкан и Фёдор.

Стоят, пожимают плечами:

— Как так не наше дело?

— Может, ошиблись с тобой, Африкан? Может быть, господа офицеры ради другого пришли на площадь?

Нет, не ошиблись лужане. За народ декабристы, за волю крестьянам. Но только так, чтобы сделать всё это самим. Сторонились они народа. Смуты большой боялись.

Стоят войска на Сенатской площади. Стоит Николай I на Дворцовой площади: «Придут, не придут полки?»

Тянется, тянется это ждание. Кончится скоро ждание. Битва не где-то за синим морем. Вот-вот — и на этом она берегу.

Глава II

ЖИВ, НЕ УБИТ СОЛДАТ

ЖЕЛВАКИ НА ЩЕКАХ ИГРАЮТ

Царь Николай I доволен. Переломилось. Свершилось. Идут на помощь царю войска. Преображенцы идут, семёновцы. Павловский полк, лейб-гвардии конный, Измайловский, Егерский, Кавалергардский её величества полк.

Шепчут Николаю I советчики:

— Про пушки, ваше величество, не забыть бы, про пушки.

— Доставить пушки! — скомаандовал царь.

— Не мешало б охрану к дворцу поставить.

— Самых надёжных веи к дворцу!

Осмелел Николай I, переехал поближе к Сенатской площади. Сам расставляет войска.

— Окружай их со всех сторон. Слева зайди и справа. Конных гони вперёд!

Шепчут советчики:

— Ваше величество, к мосту бы послать побольше. Отрезать тот берег Невы.

Командует царь:

- Преображенцы, ступай к мосту!
- Крюков канал занять бы.
- Живее шагай на Крюков!
- Прикрыть бы подход с Галерной.
- Заходи на Галерную!

В стройном марше идут войска. Раздаются команды ротных:

- Лево плечо вперед!
- Право плечо вперед!
- Эскадрон, развернись повзводно!

Крутится возле царя флигель-адъютант Дурново.

- Орлы, ваше величество.
- Орлы, Дурново, орлы, — соглашается царь. — Только как бы они, Дурново, и тебя и меня не клюнули.

Не унимается Дурново, Николаю щебечет льстиво:

- Преданы вам, государь, солдаты. За вас хоть в огонь, хоть в воду.

Грошова это, конечно, лесть. А слушать царю приятно.

Вышли войска на Сенатскую площадь. Кольцом окружили восставших. Десять тысяч солдат у царя. У декабристов их меньше тысячи.

Торжествует царь Николай I. Желваки на щеках играют.

ГОЛОС ЛЬВИНЫЙ, ПИСК МЫШИНЫЙ

Торжествует царь Николай I, торжествует, да рано...

Не менее Московского прославлен лейб-гренадерский полк. Тоже в боях заслужен. Тоже бывал в Париже.

Не пошёл к царю на Сенатскую лейб-гренадерский полк, пошёл на Сенатскую — к декабристам. Первой в полку поднялась рота поручика Александра Сутгофа.

— Дружнее, ребята, дружнее! — поторапливал гренадеров Сутгоф.

Слышится голос ротного:

- Надеть шинели!

Предусмотрительным был поручик. Другие явились на площадь в одних мундирах.

- Взять боевые патроны!

Решительным был Сутгоф.

- Ротную кассу не оставляй!

Командиром он был хозяйственным.

Схватился командир лейб-гренадеров полковник Стюрлер:

- Где рота Сутгофа?

- Ушла на Сенатскую площадь.

Выбежал Стюрлер на улицу. Стал догонять солдат. Вскочил на извозчика:

— Живо, разния, живо!
Голос у Стюрлера громкий, львиный:
— Рысью, болван, галопом!
Догнал он восставших.
— Стой!
Идут гренадеры.
— Стой!
Заедет полковник слева, заедет справа:
— Стой!
Идут солаты. Чеканят шаг.
— Дети, — кричит полковник, — остановитесь!
Тычет он шпагой в спину извозчика:
— Быстрее давай, скотина. Стой! Трогай! Бери поперёк. Да
стой же ты, леший, стой!
Снова кричит солдатам. Идут гренадеры.
Обессилен несчастный Стюрлер. Измучил коня извозчик. Понимает полковник — не остановить ему роту Сутгофа, приказал повернуть назад.
Вернулся Стюрлер к себе в казармы. Едва отдышался, как тут:
— Ваше высокородие, другие роты пошли на площадь.
Это поручик Николай Панов повёл остальных гренадеров.
Выбежал Стюрлер опять на улицу.
— Стойте! Куда вы! Стойте!
Не сбавляют солдаты шаг.
Забесжит полковник то слева, то справа:
— Стойте! Куда вы! Стойте!
Не сбавляют солдаты шаг.
Опередил командир колонну, стал поперёк пути:
— Братцы, стойте! Братцы, побойтесь бога!
Не сбавляют солдаты шаг. Чуть не растоптали солдаты Стюрлера.
«Разбойники», — хотел прокричать полковник. Однако не вышло наружу слово, раздался какой-то син.
Чуть не плачет бедняга Стюрлер. Давит себя в кадык. Ясно всем, что охрип полковник. Ни за что пропал его голос львиный. Остался мышиный писк.

ЗАБЛУДИЛСЯ

На помощь к восставшим торопился и гвардейский морской экипаж. Становились матросы в строй тут и вспомнили вдруг про патроны: брать их, не брать?
— А что тут думать, конечно, брать!
— Что же это за ружья, если в дулах, как в дудках, пусто!
— Давай волоки патроны!

Вот и послали матросы на склад фельдфебеля Чиркова. Нагрузился Чирков, тащит патронов гору.

Идёт матрос улыбается, ношей своей доволен.

И вдруг где-то на лестничном переходе столкнулся фельдфебель с самим бригадным командиром генералом Шиповым.

— Куда ты? — окликнул его генерал.

Растерялся Чирков — генерал, да ещё бригадный! Слетела с лица всёлость. Замямлил невнятное что-то матрос.

— Назад! — скомандовал Шипов.

Повернулся Чирков, патроны понёс обратно.

Шагает и думает: «Как же так, зачем же иду назад, что я скажу товарищам? Эх, была не была...»

Вернулся Чирков на склад. Минуты две простоял за дверью. Вышел опять наружу. Понёс патроны другой дорогой.

Идёт, улыбается вновь матрос и вдруг снова встречает Шипова.

«Ну, — понимает матрос, — пропал». Спрятаться негде. Повернуться и вовсе поздно. Рядом совсем генерал.

— Ты что же приказ не выполнил?!

И вдруг не растерялся, нашёлся матрос:

— Никак нет, — отчеканил. — Заблудился я, ваше превосходительство. Не той дорогой на склад пошёл!

— Заблудился? В казармах своих заблудился?!

— Так точно, ваше превосходительство.

Посмотрел на Чиркова Шипов, хитринку в глазах заметил.

— Так, так. Заблудился, значит. Не той дорогой, сказал, пошёл. — Шипов повысил голос: — Тем, что примкнул к мятежному сброду, вот ты где заблудился, любезный.

— Никак нет, — произнёс Чирков.

— Что — никак нет?

Совсем осмелел матрос. Глянул на генерала.

— Тут я точной пошёл дорогой.

Обошёл генерала Чирков, потащил свою ношу дальше.

Не окликнул матроса Шипов. Ни к чему, бесполезно — понял.

НЕПОКОРНЫЙ ВЗВОД

Неспокойно в Финляндском полку. Вот-вот и восстал бы полк. Однако замешкались здесь офицеры. Пока решали, идти ли им на Сенатскую площадь, пока дали команду солдатам строиться, пока становились в ряды финляндцы, прискакал от царя посильный. Оказался посланец проворным, увёл за собой солдат.

Идут солдаты, дорогой думают:

«Эх бы чуть-чуть пораньше!»

«Как не к месту посильный прибыл!»

«Не ждать бы нам офицеров — самим идти!»

Вторым в колонне шёл взвод декабриста поручика Андрея Розена. Любят солдаты Андрея Розена. Любит Розен своих солдат.

Вышли солдаты на берег Невы. Свернули на Исаакиевский мост. Вот и видны впереди восставшие.

На середине моста финляндцев остановили. Прозвучала команда:

— Патроны в ружья!

Зарядили солдаты ружья. «Неужто будем в своих стрелять?!»

— Вперёд! — прокричал генерал. Он и был от царя посыльным.

Перекрестились солдаты, сделали шаг вперёд.

И вдруг:

— Стой!

Это командовал Розен.

Остановились солдаты.

— Вперёд! — повторил генерал.

— Стой! — снова командовал Розен.

Не тронулись с места солдаты. Не тронулся взвод, а за ним и другие. Стоят на мосту финляндцы.

Забегали верные царю офицеры, понукают они солдат:

Вперёд, вперёд! Что вы, оглохли? Команды не слышали?

— Слышали, как же, глухих тут нет. «Стой» же была команда.

— Не «стой», а «вперёд», — подрываются офицеры.

— «Вперёд» мы не слышали, слышали «стой».

— Так «стой» же кричал поручик. Генерал вам сказал: «Вперёд!»

— Не знаем, не знаем, — твердят солдаты. — Мы нашего взводного только и слышали.

Так и остались стоять на мосту финляндцы. Загородили они движение. Не могут другие войска пройти.

Хотел Розен прорваться на Сенатскую площадь. Но заслонили проходы войска царя. Не пробиться сквозь них финляндцам.

Хотел повернуть назад. Но и тут уже стали царские силы. Попал в окружение взвод.

Стоят на мосту солдаты:

— Эх бы чуть-чуть пораньше!

— Как не к месту посыльный прибыл!

— Не ждать бы нам офицеров — самим идти.

И Розен о том же думает: «Взялся за меч — на пальцах считай минуты».

Казармы лейб-гренадерского полка находились по ту сторону Невы. Поручик Сутгоф повёл свою роту на Сенатскую площадь кратчайшей дорогой, прямо по льду Невы. Гренадеры во главе с поручиком Паповым шли через Дворцовую площадь. Торопились солдаты. Идут то шагом, то вдруг — бегом.

Тут на Дворцовой площади и повстречали лейб-гренадеры царя Николая I. Приехал сюда на минуту царь.

Когда император увидел бегущих солдат, вначале подумал: свои, надёжные. Даже крикнул:

— Остановитесь! Куда вы? Я тут!

Задержались на миг гренадеры. Узнали они царя.

И Николай I опознал солдат. Ему уже доложили, что взбунтовался лейб-гренадерский полк.

Замерло сердце у царя-императора. Гренадеров семь или восемь сотен. В охране царя пятьдесят человек, не более.

Взглянул Николай I на солдатские лица. Лица как лица: юные, старые, в морщинах, безусые, суровые, нежные, красивые лица и так себе, — много кругом солдат. Однако со страху царю Николаю солдаты кажутся все на одно лицо. И конечно, лица у всех ужасные. Что ни солдат, то разбойный вид.

«Дёрнул господь окликнуть, — сам на себя обозлился царь. — Эка какие рожи! Что им штыком прикончить».

Бывает так, что в испуге вдруг человек находчив. Нашёлся и Николай I.

— Вам на Сенатскую?

— Так точно.

— Раздайся! — подал охране команду царь.

Расступилась охрана. Побежали лейб-гренадеры дальше.

— Пронесло, — прошептал Николай I.

Когда потом во дворце вспоминали об этом случае, все говорили:

— Какой благородный у нас государь! Сам разрешил мятежному сброду идти на площадь.

Флигель-адъютант Дурново и тут больше других старался:

— Золотое сердце у государя. Добрейшей души человек наш государь.

Кивал головой Николай I. Видать по всему — соглашался.

«ЭТОТ ДУРАЦКИЙ СЛУЧАЙ»

Когда верные царю войска окружили восставших, не стал Николай I тратить напрасно время. Дал он команду конным идти в атаку.

Полковник Вельо хвастал царю:

— Да я их, ваше величество, вот этой самой рукой, — поднял он руку, взмахнул палашом, — враз приведу к смирению. Побегут у меня злодеи.

— Вперёд! — скомандовал конным Вельо.

Устремились вперёд драгуны.

Однако не дрогнули восставшие на Сенатской площади. Встретили конных огнём солдаты.

Остановились, попятились конные.

— Вперёд! — надрывается Вельо. — Орлы, вперёд!

Однако атаки конных всё тише и тише. Даже та, что считалась первой, если сказать по правде, не отличалась особой силой.

Объясняют драгуны:

— Кони у нас не подкованы.

— Не наточены палаш.

Ясно слепому — хитрят драгуны.

Да и восставшие стреляют скорее для вида. Пули проходят поперёк голов.

Понимают драгуны — гренадеры нарочно стреляют вверх. Не хотят убивать своих.

Понимают гренадеры — драгуны нарочно в атаках плохи. Не хотят разгонять своих.

Понял это и царь Николай I. Дал он сигнал прекратить атаки.

Неудобно царю признаваться в том, что драгуны нарочно щадили восставших. Объясняет своим приближённым:

— Кони у них не подкованы. Не наточены палаш.

Делают вид приближённые, что так и есть всё на самом деле. Повторяют слова государя:

— Кони у них не подкованы.

— Не наточены палаш.

Без смертей обошлись атаки. И всё же с потерей один нашёлся. Пострадал сам полковник Вельо. Лишился руки полковник.

Когда он занёс палаш и кричал громко команды, кто-то в руку ему и стрельнул. Пуля попала в локоть. Вскрикнул полковник, выпал палаш.

Сокрушался полковник Вельо:

— Наглецы! Стервецы! Злодеи! Да если бы не этот дурацкий случай, — кивал на повисшую плетью руку, — я бы в момент их привёл к смирению!

Как видно, Вельо любил похвастать. Даже конь, на котором сидел полковник, хотя он всего и обычный конь, и тот при этих словах не сдержался.

Рассмеялся драгунский конь.

Молод. Весел. Как тополь строен. Золотистые кудри. Соболиные брови.

Это и есть Бестужев. Пётр Бестужев — кронштадтский мичман.

Вот он мчится в санках по первому снегу. Как ветер летит рысак. Вьются по ветру кудри. Золотистые кудри. В серебро разукрасились брови. Соболиные брови.

В числе декабристов Бестужевых было четыре брата: штабс-капитан Александр Бестужев, штабс-капитан Михаил Бестужев, морской офицер Николай Бестужев и Пётр. Пётр Бестужев — младший из братьев. Годами и чином младший. Он мичман пока всего.

Полны отваги братья Бестужевы. Преданны общему делу. Двое из них, Александр и Михаил, вместе со штабс-капитаном Щепин-Ростовским привели на Сенатскую площадь Московский полк. Николай, из братьев он самый старший, призвал к восстанию гвардейский морской экипаж, привёл моряков на Сенатскую площадь. Пётр...

Любят старшие братья младшего, оберегают. В канун восстания договорились они отправить Петра подальше от Петербурга, в Кронштадт, к месту военной службы. Состоял молодой Бестужев в адъютантах у командира Кронштадтской крепости.

Брат Николай, прощаясь, сказал:

— Не смей возвращаться назад без вызова.

Брат Александр добавил:

— И даже если услышишь стрельбу, чтобы в руки не брал оружия.

Михаил от Петра потребовал:

— Дай слово, если придёт беда, для матери стать опорой.

Не стал младший перечить старшим. Уехал в Кронштадтскую крепость. Успокоились старшие. И вдруг на Сенатской площади в самый разгар восстания заметили братья знакомые брови, знакомые кудри. Золотистые кудри. Соболиные брови.

— Как ты посмел!

— Мальчишка!

— Немедля ступай отсюда!

— Не уйду, не уйду! Право на то имею.

— Марш отсюда, немедленно марш!

— Не уйду, не уйду! Право на то имею.

«Ну и наглец, — поразились братья. — Право ещё придумал!»

— Кто же право тебе пожаловал?

— Вы, — отвечает младший.

— Мы?! — возмутились старшие.

— Вы, — повторяет Пётр. — Право моё — фамильное. Я, как и вы, Бестужев.

Не смог генерал Милорадович уговорить солдат. Не разогнали восставших конные.

Задумался царь Николай I: что бы ещё придумать?

Кто-то шепнул царю:

— Ваше величество, слуг бы господних послать к злодеям.

Поправились мысль Николаю I. Приказал он срочно вызвать к себе попов.

Явились отцы святые — отец Серафим и отец Евгений.

Глянул царь Николай на отца одного, на отца другого:

— Ну что же, ступайте с богом.

Подкатила карета. Уселся в карету отец Серафим. Уселся в карету отец Евгений.

— Боязно что-то, — шепчет отец Серафим.

— Аж мурашки идут по телу, — отзывается поп Евгений.

Приехали они на Сенатскую площадь. Остановилась карета. Вылез наружу отец Серафим, вылез отец Евгений. Подошли святые отцы к восставшим. Задрали кресты в поднебесье.

— Побойтись бога. Он всё видит, всё слышит, — начинает отец Серафим.

— Он всё видит, всё слышит, — повторяет отец Евгений.

— Покарает за дело такое господь, — продолжает отец Серафим. — Наложит проклятие вечное.

— Наложит проклятие вечное, — повторяет отец Евгений.

Неловко солдатам от этих слов. Притихли, потупили головы.

Вовсю разошёлся отец Серафим, даже ногой притопнул:

— Гореть вам, отступники, в пламени адовом. Не видеть вам райских садов.

— Не видеть вам райских садов, — повторяет отец Евгений.

Всё шло у попов хорошо. Но вдруг среди солдат озорник нашёлся.

— Фьить! — присвистнул какой-то лихой гренадер. И лицо на страшный манер соорил.

Сбился с мысли отец Серафим.

На полуслове запнулся отец Евгений.

Хихикнули дружно солдаты. А тут ко всему ударили вдруг барабаны. На парадах не выбивали солдаты такую дробь, как тогда на Сенатской площади.

Показалось святым отцам, что расступилась земля под ними, что в небе грохочет гром.

Схватился за уши отец Серафим. Схватился за уши отец Евгений.

— Боже, спаси, помилуй!

Развеселились совсем солдаты:

— В церковь ступайте, святые отцы. Тут нам попов не надо.

Пытался отец Серафим снова начать о боге. Только раскрыл

в полуслове рот, как тут же солдаты опять подняли такой барабанный стук, что даже царь Пётр I на своём пьедестале вздрогнул.

— Ступайте, ступайте! — кричат солдаты. — Разберёмся без вас, без бога!

Кто-то пристукнул ружейным прикладом. Кто-то лязгнул для большего веса штыком. А тут гренадер-озорник снова состроил такую рожу, что обоим отцам показалось вдруг, будто бы сам дьявол своей особой явился сюда на площадь.

Попятились слуги господни. Повернулись — и прочь отсюда.

— Свят, свят, — крестился отец Серафим.

— Ик, ик, — икал от испуга отец Евгений.

СНАРЯДЫ

Коротки в Петербурге зимние ночи. Солнце взошло и тут же бежит к закату.

Боялся царь Николай темноты. Пойди уследи в темноте за солдатами. Не верил в преданность войск Николай I. Не покидала царя тревога: «Защищают пока меня, а сами небось, как бы к злодеям, думают».

Шепчут царю приближённые:

— Многие, ваше величество, ждут темноты. Перебежки возможны. Слухи идут нехорошие.

Посмотрел государь на небо. Серееет, серееет, серееет восток. Ещё час — и совсем стемнеет.

Николаю I представилось страшное. Взбунтовались кругом полки. В темноте осмелел народ. Всколыхнулось, как море, Сенатская площадь. Бегут на него солдаты. Тянут вперёд штыки. Содрогнулся от мысли подобной царь. Подумал: спасение в пушках.

Давно уже отдаи о них приказ. Время идёт. Однако что-то не едут пушки.

— Где пушки? — вскричал Николай I.

Разбежались в момент посыльные.

Ждёт государь. Слез с коня. словно в клетку посаженный волк, взад-вперёд перед свитой ходит.

— Прибыли пушки, — наконец доложили царю.

— Где пропадали?! — грохочет царь.

Объясняют артиллеристы:

— Коней запрягали, ваше величество. Дюже брыкались кони. Пушки — хоть на руках кати.

— «Брыкались»! — ругнулся царь.

А сам понимает: «Тянут, злодеи, тянут. Ждут темноты, злодеи».

— Заряжай! — скомандовал государь.

Офицеры бросились к орудиям, смотрят — снарядов нет.
— Снарядов, ваше величество, нет.

Вскипел Николай I, набросился на артиллеристов.

— Торопились очень, — объясняют артиллеристы. — Впопыхах, государь, забыли.

— «Впопыхах»! — кричит Николай I. — Болваны! Скоты! Разины!

А сам понимает: «Тянут, злодеи, тянут. Ждут темноты, злодеи».

Смотрит царь с тревогой на небо. Серееет, серееет, серееет восток. Полчаса — и совсем стемнеет.

Послал Николай I на склад посыльных. Вернулись посыльные.

— Ваше величество, нет снарядов.

— Как — нет?

— Не дают их на складе.

— Как — не дают? — взревел Николай.

— Ваше величество, бумагу от величества вашего требуют.

«Измена», — подумал царь. Пробил его пот холодный. Пишет бумагу царь, а сам понимает: «Тянут, злодеи, тянут».

Поднял снова глаза он к небу. Серееет, серееет, серееет восток. Вот-вот и совсем стемнеет.

ЧТО ОТВЕЧАЕТ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Великий князь Михаил был младшим братом царя Николая I. Пока царь ожидал снарядов, решил он к восставшим послать Михаила.

— Пообещай им чего желают. Уговоры.

Не хочется схать к войскам Михаилу. Однако что же тут делать. Сел на коня, поехал. Правда, с изрядной свитой...

Декабрист Вильгельм Кюхельбекер больше всего любил книги. На службе военной не был. Верхом на коне никогда не сидел. Сабли в руке никогда не держал. Как стреляет ружьё, не знал.

Был он школьным другом поэта Пушкина. Сам сочинял стихи. «Кюхля» — нежно называли его друзья.

Добрый, отзывчивый был Кюхельбекер. Один недостаток — уж больно вспыльчив. Обиделся на кого-то однажды Кюхля, вызвал обидчика на дуэль.

— Кюхельбекер — и вдруг дуэль! — хохотал, узнавши об этом, Пушкин.

Однако Кюхля хотел стреляться. Дуэль состоялась. Целил Кюхля в обидчика, попал в своего секунданта. Хорошо, что не в голову, только шляпу ему пробил.

— Друг Кюхельбекер, вот мой тебе совет, — сказал после дуэли приятелю Пушкин, — никогда не бери пистолетов в руки.

Но Кюхля взял. 14-го декабря Кюхельбекер оказался в числе восставших. Вот он шагает по площади. Высокий, сутулый, не в мундире гвардейском, не в шляпе с султаном, в гражданском поношенном платье. Держит в руках пистолет.

— Свобода, свобода. Ура — свободе! — кричит восторженно Кюхельбекер.

Дважды ронял пистолет он в снег. Давно в нём заряд подмочен. Не понимает того Кюхельбекер. Уверен в оружии грозном. Устал от ожидания долгого Кюхля. Хочется Кюхле действовать.

Узнал Кюхельбекер, что к восставшим подъехал великий князь, решил застрелить Михаила. Подошёл он вплотную к великому князю. Поднял руку, навёл пистолет. Дуло всаднику в грудь направил.

Увидел дуло князь Михаил, чуть с седла не слетел от испуга.

Нажал на курок Кюхельбекер. Щёлкнул курок, и только.

Развернул Михаил копя. Мчал от восставших востром. Вернулся назад к Николаю, лопочет что-то совсем невнятное.

— Что говорят злодеи?

— Б-б-б,— трясутся у великого князя губы.

— Согласны сложить оружие?

— Б-б-б,— отвечает великий князь.

САВВАТЕЙКА

Два брата, Игошка и Савватейка, вот уже третий час сидят на железной крыше.

— Домой хочу,— хнычет Савватейка.

— Сиди, сиди,— успокаивает брата Игошка.— Зорче смотри на площадь. Запоминай. Потом всем обо всём расскажешь.

Удобно на крыше. Место хорошее. Рядом сенатский дом. Всё видно. И офицеры видны, и войска, и народ.

Наблюдали ребята отсюда и то, как ходили в атаку конные, и как приезжали к восставшим святые отцы, и как появились на площади пушки.

Савватейке шесть лет. Интересно, конечно, то, что происходит внизу на площади. Однако устал и промёрз Савватейка.

— Домой хочу,— начинает хныкать опять мальчишка.

— Сиди, сиди,— повторяет Игошка.— Запоминай. Потом всем обо всём расскажешь.— Показал рукой туда, где стояли пушки: — Давай подождём. Может, они бабахнут.

Смирился Савватейка, ковырнул пальцем в носу, снова на площадь смотрит. Смотрел, смотрел и заснул.

Николай I в это время находился как раз возле пушек. Привезли наконец снаряды.

Однако медлит что-то царь Николай. Страшно открыть огонь.

Вдруг не пожелают солдаты стрелять в своих. Команду дашь, а они взбунтуются.

— Стреляйте, ваше величество! — наседают советчики. — Стреляйте!

Наконец Николай решительно двинулся к батарее.

— Стрельба орудиями по порядку, — скомандовал государь. — Первая, начинай!

Царь ожидал услышать артиллерийский раскат, но пушка молчала. Николай I скосил на солдат-канониров глаза. Увидел: один из них с зажжённым фитилём в руках стоит навтыжку перед офицером.

— Почему не стреляешь?! — кричит офицер.

— Там же свои, ваше благородие.

— Молчать, башка твоя вшивая! Свои не свои, раз приказ — стреляй!

Офицер был из тех, кто умел ругаться.

— Стреляй, говорю, паршивец, бычьи твои глаза!

Не тронулся с места солдат. Фитиль не поднёс к орудию.

Выхватил тогда офицер фитиль из рук канонира, поднёс к запалу. Змейкой юркнул огонёк. Гулко раздался выстрел. Звук его заполнил Сенатскую площадь. Долетел до Сената, Адмиралтейства. Ударив о стены, вернулся назад. Грозовым замстался эхом.

Николай I улыбнулся.

Картель ударила в мостовую, рикошетом разлетелась по сторонам. Врезалась в ряды солдат, в людей, заполнявших площадь. Взметнулась выше, поверх голов, ударила градом в соседние крыши.

Что случилось, Игошка не сразу понял. Рядом, уткнувши нос в воротник, спал Савватейка — и вдруг Савватейки нет. Потянулся Игошка к обрезу крыши. Видит, лежит на снегу Савватейка. Спрыгнул Игошка вниз.

— Савватейка! — тормошит. — Савватейка! Вставай, Савватейка!

Не встаёт Савватейка. Мёртв Савватейка. Из-под шапки алая струйка на снег бежит.

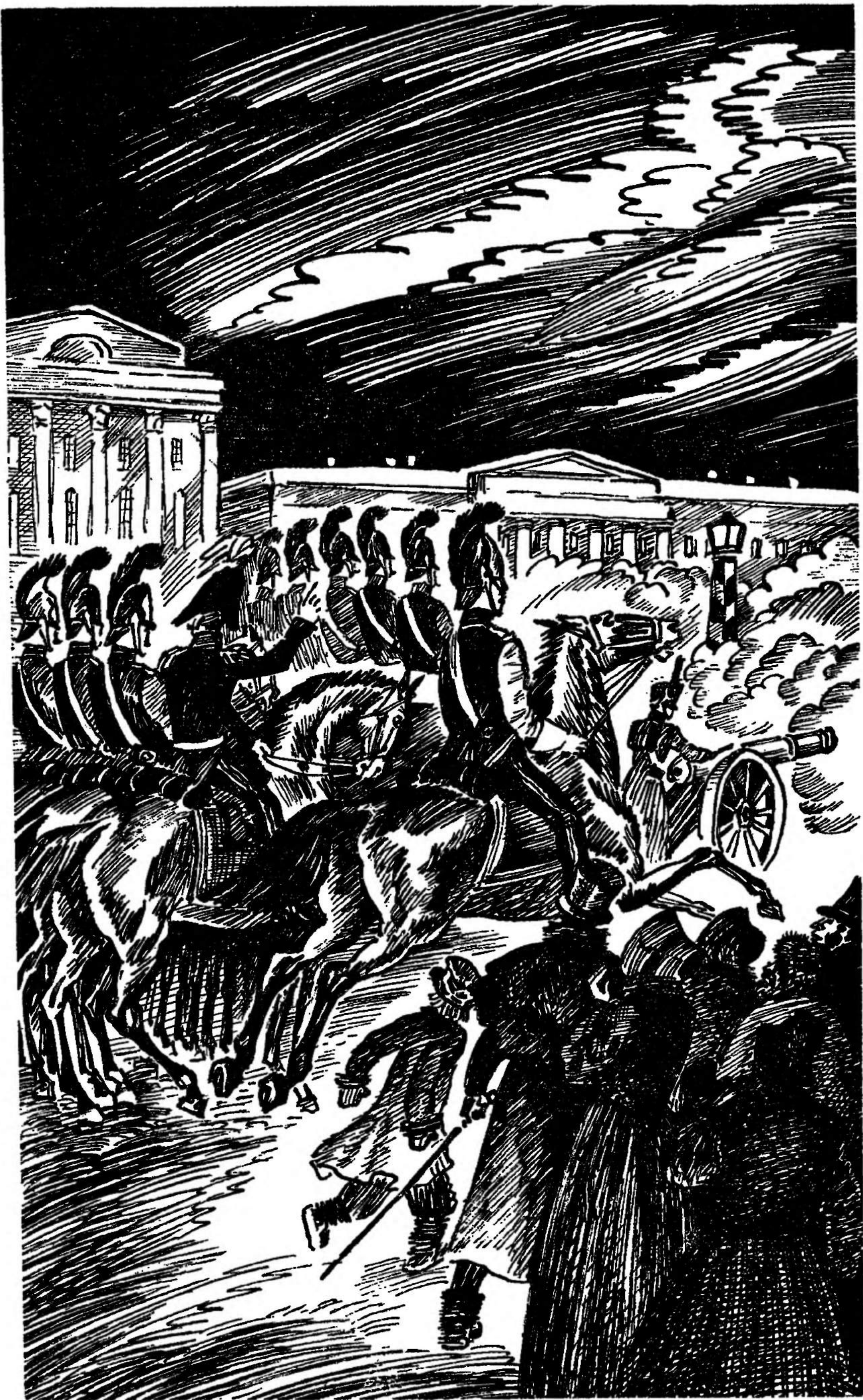
ГРУДЬЮ НА ПУШКИ

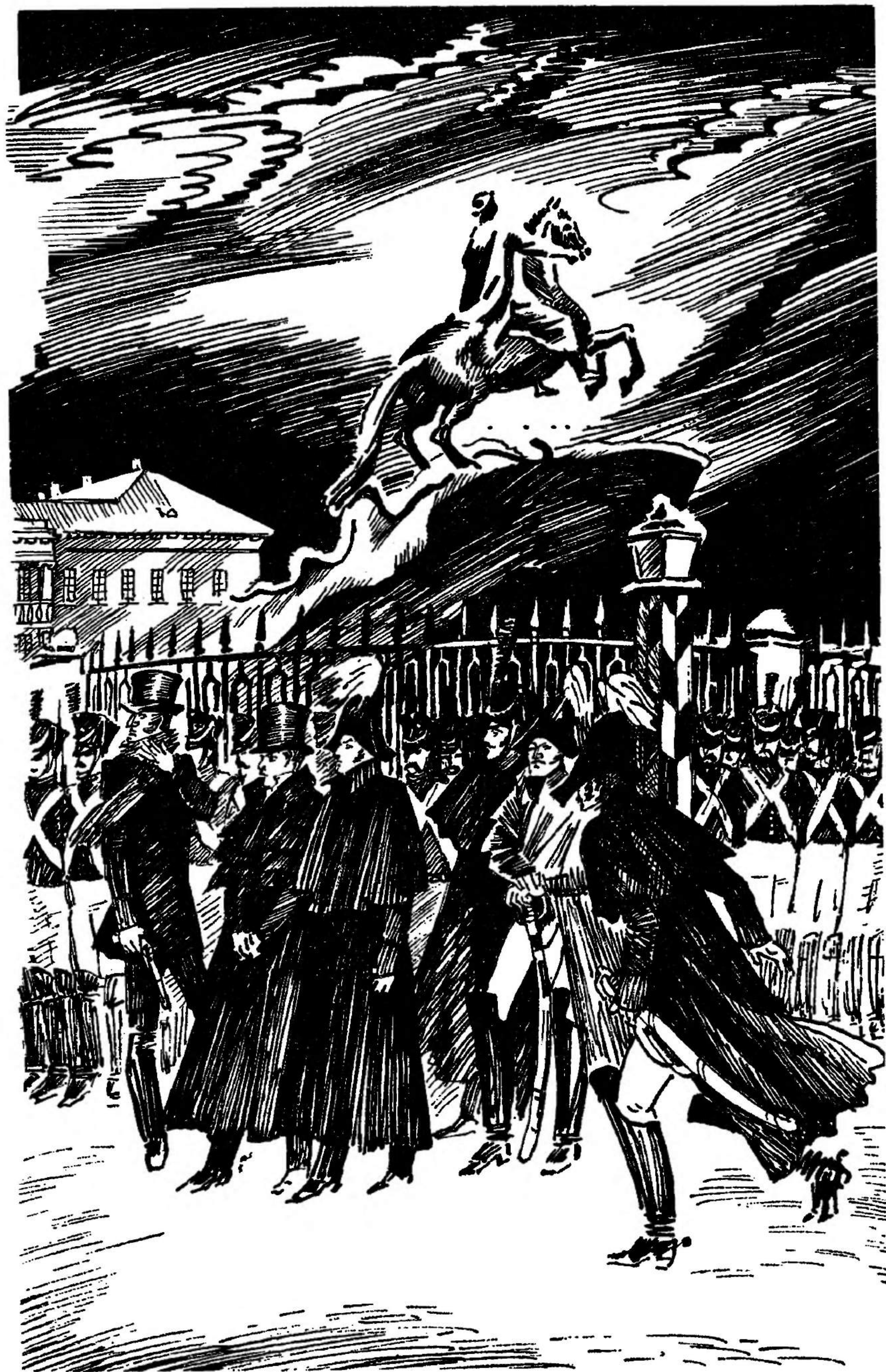
Зашевелилась, задвигалась Сенатская площадь. За первым выстрелом грянул второй, третий, четвёртый, пятый... Врезалась в людей картель, валила снопами наземь.

Распалось боевое каре. Солдаты шарахнулись в разные стороны.

И вдруг:

— На пушки! Грудью на пушки! Ура! Вперёд!

Это поручик Николай Панов звучно подал команду.

Ружья к бою! Вперёд! За мной!

Это штабс-капитан Щепин-Ростовский под свист картечи строил своих солдат.

— Ребята, не трусь! Ребята, вперёд! Нам ли картечи кланяться!

Это поручик Александр Сутгоф обращался к своим гренадерам.

Рванулись вперёд смельчаки. Открыли огонь из ружей. Но новый шквал преградил дорогу. Отступили солдаты к реке. Спустились на лёд Невы.

Тут принял команду штабс-капитан Михаил Бестужев.

— Стройся! Повзводно! — кричал Бестужев.

Собрались к нему солдаты. Строится к ряду ряд. Смотрит Бестужев на Петропавловскую крепость. Рядом она совсем. Вот куда поведёт он теперь солдат. Нет, не всё ещё кончено. Надёжны у крепости стены. Соберутся туда восставшие, поспорят ещё с Николаем.

Тем временем пушки открыли огонь по Неве. Ударяют ядра в ряды солдат. Не дают им собраться вместе.

— Стройся! Стройся! — кричит Бестужев.

Заполняют живые места убитых. Вот и готова уже колонна. Собрался Бестужев подать команду — мол, на крепость, друзья, вперёд! Как тут:

— Тонем! — раздались крики.

Глянул Бестужев — пробили ядра лёд на Неве. Повалились солдаты в воду. Сорвался поход на крепость.

Лишь немногие вышли тогда на берег. А в это время с той стороны Невы, оголив палаши, мчались навстречу восставшим конные.

Понял Бестужев — всему конец.

Последний отряд декабристов укрепился при входе на Галерную улицу. Недолго продержались и здесь восставшие. Смёл их картечный залп.

К шести часам вечера опустела Сенатская площадь. Восстание было подавлено.

НАГРАДА

Когда солдаты Прохор Ильин и Макар Телегин шли со своей ротой на Сенатскую площадь (полк их остался верен царю Николаю I), возник между ними давнишний спор.

Ильин был солдатом смирным. Верил в бога, любил царя, тех, кто восстал, называл смутьянами.

— Смутьяны они, смутьяны. Царь же отец солдатам. От господ бога царёва власть.

Телегин — другого склада. Хотя и ходил к молитвам, однако в бога не очень верил.

— Попы придумали бога, — твердил солдат. — Когда бы господь имелся, мужик бы не маялся, как грешник в аду, как в масле сыр, не катался бы барин.

И о царе у Макара другое мнение:

— Не отец он, Прохор, солдатам, нет. Тех же кровей он — барских.

Рота, в которой служили Ильин и Телегин, разместилась на Исаакиевском мосту, как раз напротив каре восставших.

— Ах, смутьяны, смутьяны, — качал головой Ильин, обращаясь к Макару Телегину. — А нам ведь, поди, Макар, будет за верность царю награда.

— Жди, жди, — усмехался Телегин. — Может, землю и волю тебе пожалует.

В самое точное место попал солдат. Не понял Ильин на-смешки:

— А как же, конечно, награда будет.

Простояли они на мосту до начала пальбы из пушек. Когда грянули первые залпы и шарахнулись в стороны люди, перекрестился Прохор Ильин:

— Ну, слава богу. Делу пришёл конец. — Снова полез к Макару: — Видал, как смутьянов лупят? Это господь покарал неверных.

Хотел ещё что-то сказать солдат, но помешал ему новый залп. Пушки стреляли теперь по Неве. Одним зарядом ударило в мост. Картечь и оборвала его на слове. Рухнул на мост солдат.

Когда Ильин очнулся, вокруг никого уже не было. Опустили и мост и Сенатская площадь.

Шевельнул головой солдат. Видит, рядом лежат побитые. Все из их же, из верной царю-государю, роты. Вот Васин Иван, вот Аристарх Извеков, Ключкин, фельдфебель Павлов. А вот в полушаге всего от Прохора языкастый его сосед. Страшно взглянуть на Телегина. Картечь угодила солдату в голову.

— О боже, — прошевелил губами Ильин. Потом о себе подумал: «Нет, заметил всё же меня всевышний. Сохранил в живых за моё смирение».

На этом снова Ильин забылся.

Сразу же после разгрома восстания Николай I отдал приказ очистить площадь от тел убитых. Явились сюда жандармы. Стали мёртвых сносить к Неве. Бросали убитых в проруби, толкали под невский лёд.

Потащили жандармы и тех, кто лежал на Исаакиевском мосту. Подхватили за ноги Васина, подхватили Извекова, Телегина, Ключкина, Павлова. Вместе со всеми и Прохора поволокли. Уже на льду, у самой проруби вдруг застонал солдат.

Остановились жандармы. Кто-то сказал:

— Братцы, кажись, живой.

Голос второй ответил:

— Живой, не живой — волокни. Все они тут смутьяны.

За секунду до этого явилось к Прохору вновь сознание. Казалось солдату, что стоит он в строю. Сам отец-государь обходит войска и за верность вручает ему награду. Какую награду, не успел разобрать Ильин. Столкнули жандармы солдата в прорубь.

ЖИВ, НЕ УБИТ СОЛДАТ

Был он высокого роста. Приметен среди других. Лихо сидит гренадерская шапка. Медаль на груди блестит.

Стоял он в каре на площади. Вынес напор Милорадовича. Отбивался от конных атак. Над призывом попов смеялся. Вместе с другими кричал «ура!».

Когда ударили царские пушки, солдата опять в общем ряду заметили.

Шёл он грудью вперёд на огонь. Валит картечь восставших. Кровь заливает снег. Вот-вот и конец солдату.

Но не упал, не сражён солдат.

Жив, не убит солдат. Лихо сидит гренадерская шапка. Медаль на груди блестит.

За залпом хрохочет залп. Окутало площадь дымом. Торжествует царь Николай I:

— Так им, так им! Кроши злодеев!

Градом стучит картечь. Вот-вот и конец солдату.

Но не упал, не сражён солдат.

Жив, не убит солдат. Лихо сидит гренадерская шапка. Медаль на груди блестит.

Когда Михаил Бестужев на льду Невы собирал гренадеров, снова солдата видели.

Взвизгнули ядра над головой. Шипя по-змеиному, в солдатские роты врезались. Вот-вот и конец солдату.

Но нет, не погиб, уцелел солдат.

Жив, не тронут судьбой солдат. Лихо сидит гренадерская шапка. Медаль на груди блестит.

Ядра пробили лёд. Место страшнее ада. Стоны. Призывы. Крики. Люди живые идут под лёд. Вот-вот и конец солдату.

Но нет, не погиб, уцелел солдат.

Жив, не тронут судьбой солдат. Лихо сидит гренадерская шапка. Медаль на груди блестит.

На том берегу Невы, когда конные мчали во весь опор, снова солдат на глаза попался.

Метнулись сабли над головой. Опустились смертельным калёным жалом. Казалось, вот-вот и конец солдату.

Но нет, не упал, устоял солдат.

Жив, не убит солдат. Лихо сидит гренадерская шапка.
Медаль на груди блестит.

Снова взлетели сабли. Кони непокорных копытами бьют.
Упавших на землю топчут. Вот-вот и конец солдату.

Но не упал, устоял солдат.

Жив, не убит солдат. Доброй дороги тебе, солдат. Славы тебе солдатской.

Глава III

ГРОЗА НА ЮГЕ

ПЕСТЕЛЬ

1823 год. Царь Александр I производил смотр Южной армии. Лихо шли гренадеры, стройно рубили шаг. Лучшее других перед царём прошёл Вятский пехотный полк.

— Превосходно! Точно гвардия! — закричал Александр I. — Кто командир?

Доложили:

— Полковник Пестель.

— Молодец!

За отличное командование полком царь пожаловал Пестелю три тысячи десятин земли.

Вот бы удивился царь Александр I, если бы узнал, что командир Вятского пехотного полка полковник Павел Иванович Пестель и был руководителем Южного тайного общества.

Много думал о судьбах родины Пестель.

Почему богатые есть и бедные?

Почему всем правит самодержавно царь?

Как сделать так, чтобы люди бедных сословий жили в России лучше?

Девятнадцатилетним прапорщиком Пестель принимал участие в войне 1812 года. Защищал батарею Раевского. Был ранен на Бородинском поле. Сам фельдмаршал Кутузов вручил ему за храбрость награду — золотую шпагу.

Корпусный командир говорил о полковнике Пестеле: «Этой умной голове только и быть министром».

Члены Южного тайного общества уже много лет готовились к восстанию. Дважды оно срывалось. Наконец был назначен окончательный срок — лето 1825 года. Ждали царя. Александр I должен был снова приехать на смотр полков Южной армии. Было решено во время смотра царя убить. Однако Александр I не приехал.

Восстание пришлось вновь отложить на год. Но тут всё резко изменилось.

Неожиданно Александр I скончался. Южное тайное общество решило восстать немедленно. В Петербург был срочно направлен курьер. Пестель предлагал и на юге и на севере выступить одновременно.

Юг приготовился. Ждал ответа.

И вдруг Пестель был арестован. Случилось это 13-го декабря, за день до восстания декабристов в Петербурге на Сенатской площади.

КТО РАНЬШЕ?

Пестель был арестован. Но гроза пронеслась по югу.

Во главе восставших стал подполковник Черниговского пехотного полка Сергей Муравьев-Апостол.

Вот как началось всё на юге. Узнав об аресте Пестеля, Муравьев-Апостол тут же поехал по другим полкам предупредить друзей о случившемся.

Только уехал Сергей Муравьев-Апостол, как тут примчались к командиру Черниговского полка полковнику Гебелю жандармы:

— Где Сергей Муравьев-Апостол?

Оказывается, вслед за приказом арестовать Пестеля получен новый приказ — арестовать и Сергея Муравьева-Апостола.

Собрался полковник Гебель, бросился вместе с жандармами догонять Муравьева.

Прискакали они в Житомир.

— Был здесь Сергей Муравьев-Апостол?

— Был.

— Где он?

— Отбыл.

— Куда отбыл?

— Кажись, в Любар.

Помчались они в Любар.

— Был здесь Сергей Муравьев-Апостол?

— Был. Отбыл.

— Куда?

— Кажись, в Бердичев.

Примчались в Бердичев.

— Был здесь Сергей Муравьев-Апостол?

— Был. Отбыл.

— Куда?

— Кажись, в Поволочь.

Мчит Гебель с жандармами в Поволочь, мчит и не знает того, что вслед за ними несётся подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин.

Подпоручик Полтавского пехотного полка Бестужев-Рюмин был ближайшим помощником Пестеля и Муравьева-Апостола. Узнал он, что Муравьеву-Апостолу грозит арест, что помчались

за ним жандармы и Гебель, вскочил на коня. Понёсся вслед. Догнать! опередить! Предупредить Сергея Муравьёва-Апостола.

Проезжает Бестужев-Рюмин местечки и сёла.

— Был здесь полковник Гебель?

— Был. Отбыл.

Несётся дальше.

— Был здесь полковник Гебель?

— Был. Отбыл.

Только уехал Бестужев-Рюмин, как примчался на тройке лихой курьер.

— Где подпоручик Бестужев-Рюмин?!

На руках у курьера приказ: арестовать Бестужева-Рюмина. Понёсся курьер догонять Бестужева.

Проезжает местечки и сёла.

— Был здесь подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин?

— Был. Отбыл.

Несётся дальше.

— Был здесь подпоручик Бестужев-Рюмин?

— Был. Отбыл.

Догоняют Гебель и жандармы Сергея Муравьёва-Апостола. Догоняет жандармов и Гебеля подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин. Догоняет Бестужева-Рюмина на тройке лихой курьер. Всё зависит сейчас от того, кто раньше кого догонит.

ДВА ОБЩЕСТВА

На юге долгое время было два тайных общества. Одно во главе с Павлом Пестелем и Сергеем Муравьёвым-Апостолом — Южное тайное общество. Во главе второго стояли братья Пётр и Андрей Борисовы. Это общество называлось Обществом соединённых славян. Оба общества возникли независимо одно от другого. Члены Южного тайного общества не знали о том, что существует Общество соединённых славян, и наоборот — славяне не знали, что существует Южное тайное общество.

Оба общества привлекали в свои ряды новых членов.

Присмотрелся Сергей Муравьёв-Апостол к братьям Борисовым. Офицеры честные, смелые. Солдаты их любят. «Вот кто достоин быть принятым в общество».

И братья Борисовы присматриваются то к Пестелю, то к Сергею Муравьёву-Апостолу, то к Бестужеву-Рюмину. «Эх, вот если бы этих — в общество!»

Попросили они поручика Тютчева разведать, каковы настроения у понравившихся им офицеров. Советуют:

— Начни, пожалуй, с Бестужева-Рюмина.

А в это же самое время вызывает Сергей Муравьёв-Апостол Михаила Бестужева-Рюмина и поручает ему, чтобы он разведал,

каковы настроения у братьев Борисовых и у тех офицеров, с которыми в дружбе Борисовы. Советуют:

— Начни хотя бы с поручика Тютчева.

Дело происходило летом. Полки Южной армии стояли в лагерях под Житомиром. И вот как-то после дневных учений встретились Тютчев с Бестужевым-Рюминым. Заговорили. Вначале, конечно, о том о сём. Как принято, прежде всего о погоде.

— Лето нынче стоит отменное, — сказал Бестужев-Рюмин.

— Отличное, — согласился Тютчев. — Дожди словно про наши места забыли.

Поговорив о погоде, начали о природе.

— И места тут на редкость дивные, — проговорил Бестужев-Рюмин.

— Можно сказать, что райские, — ответил Тютчев.

— Райские — это верно, — ухватился Бестужев-Рюмин. — Но взгляните кругом, как угнетён народ. — Сказал и выжидающе глянул на Тютчева.

— Угнетён, унижен, — ответил Тютчев и скосил глаза на Бестужева-Рюмина.

Идут они лесом, какой-то тропкой. Всё смелее Бестужев-Рюмин. Всё смелее, смелее Тютчев.

— Нам надо самим отыскать свободу.

— Царь — вот кто всему виной.

— Лишь смелые люди спасут Россию.

— Смерть не страшна, если для блага Родины.

Понял Тютчев, что Бестужев-Рюмин из тех, кому можно во всём открыться. Остановился и тихо:

— Тайное общество есть на юге. Можно в него вступить. Берусь вам содействовать в этом.

Смотрит удивлённо на Тютчева Рюмин.

— Что вы?! — смутился Тютчев.

Расхохотался Бестужев-Рюмин:

— Да я уже принят. Я-то на вас надеялся. — Рассказал он Тютчеву про Южное тайное общество. Рассказал ему Тютчев про Общество соединённых славян.

— Рядом жить — и не знать! Вот это да! — хохотал Бестужев-Рюмин. — Значит, дельное ваше общество, значит, по-настоящему тайное.

Вскоре члены обоих обществ встретились. Подумали, зачем им бороться отдельно. Решили объединиться. Вместе удобней и сил больше.

Вместо двух обществ на юге стало одно — Южное тайное общество.

Быстро несутся кони, подковами цок да цок. Едет Сергей Муравьев-Апостол. Спешат жандармы и Гебель. Птицей несётся лихой курьер. Но быстрее курьера, быстрее птицы мчится Бестужев-Рюмин.

Опередил Бестужев-Рюмин других, первым догнал Муравьева-Апостола, предупредил, что сзади идёт погоня. Свернули друзья в Трилеса. Здесь квартировала одна из солдатских рот. Остался Сергей Муравьев-Апостол в Трилесах. Бестужев-Рюмин поехал дальше. Договорились, что скоро сюда вернётся.

Устал полковник Гебель. Истомились жандармы. На многие вёрсты исколесили они округу. Поцуро илетутся кони.

— Давайте съездим ещё на Фастов,— предложил Гебель.

Едут чины на Фастов. По дороге попались Трилеса. Остановились в Трилесах. Решили кормить лошадей. Выбрал Гебель избу глазами — куда бы зайти погреться, решил: «Вот в эту».

Подошёл он к избе. Дёрнул за дверь. Ввалился с мороза в комнату. Глянул — остолебенел. Перед ним стоит Сергей Муравьев-Апостол. Не поверил полковник. Думает, что мерещится. Прикрыл глаза. Ущипнул себя в руку. Снова открыл. Стоит Сергей Муравьев-Апостол.

Выбежал Гебель стремглав на улицу:

— Тут он! Тут! Ставь караулы! Бери в ружьё!

Взяли «в ружьё» солдаты.

— Попался, голубчик, попался,— торжествует полковник Гебель.

Сидит он в той же избе, что и Сергей Муравьев-Апостол. Пьёт с дороги горячий чай, рассуждает: «Будет схвачен сейчас и второй». Сидит, Бестужева-Рюмина дожидается.

Сидит полковник Гебель, пьёт чай. Вдруг топот коней по дороге. «Едут, едет Бестужев-Рюмин!»

Остановились кони. Слышит полковник Гебель, как кто-то подходит к избе. «Торопись, торопись, злодей!»

Привстал полковник от нетерпения. Вытащил пистолет. Приготовился. «Руки вверх, закричу»,— решил.

Скрипнула дверь на петлях.

— Ру...— крикнул Гебель и тут же осекся.

В комнату входил поручик Кузьмин. А сзади стоял поручик Щепилло. А там во дворе виднелись офицеры Сухинов и Соловьёв. И от солдатских мундиров в глазах рябило.

Узнали офицеры, члены Южного тайного общества, что Сергей Муравьев-Апостол схвачен, примчались к нему в Трилеса на помощь.

— Что делать, Сергей Иванович?

— Освободить,— спокойно ответил Сергей Муравьев-Апостол.

Освободили офицеры Сергея Муравьёва-Апостола.
— Вперёд к свободе!
Восстание началось.

ВАСИЛЬКОВ

Если ехать из Киева по дороге на Белую Церковь, то, осиливши треть пути, на тридцатой версте от Киева попадёшь ты негаданно в рай.

Два холма здесь прижались к речке. Между ними давнишний спор: кто краше, кто выше, кто круче, который из них зеленей. На одном из них, на том, что на Киевской стороне, примостился маленький городок. Сбегают домишки с холма под откос. Улочки змейкой вьются. По весне здесь полыхают белым огнём садо́чки. К осени ветки под урожаем пудовым в глубоком поклоне гнутся.

Это и есть Васильков. Здесь в Василькове была штаб-квартира Черниговского полка. Сюда и собрались восставшие роты.

Штабс-капитан Маевский первым услышал необычный шум и возбуждённые голоса. «Бунт», — сообразил Маевский. Приказал он ударить тревогу.

Смотрит Маевский — за взводом вступает взвод. (Это был авангард восставших.) Шагает впереди офицер. «Кто бы такой?» — подумал Маевский. Всмотрелся — Иван Сухинов.

Знает Маевский Сухинова. Взгляд ястребиный. Язык кинжальный. Не любит Сухинов таких, как Маевский. «Ваше мышинное превосходительство» — вот как однажды Сухинов назвал Маевского. За это «мышинное превосходительство» хотел Маевский вызвать Сухинова на дуэль. Да постеснялся что-то.

Поёжился Маевский, увидя Сухинова. Не дай бог ему сейчас на глаза попасться. Попятился, шмыгнул за плетень, присел на корточки, прижался к прутьям, сквозь прутья смотрит.

В это время, услыша сигнал тревоги, на улицу выбежал заместитель полковника Гебеля майор Трухин. Пошёл он навстречу восставшим:

— Остановитесь! Одумайтесь!

Знают солдаты Трухина. Из всех командиров здешних — не человек, а зверь.

— Плетей захотели! — кричит Трухин. — Не толпись! Расступись! Разойдись!

А следом — ещё зычнее:

— Кру-гом! Бе-гом!

Рассмеялся Сухинов. Мигнул солдатам. Схватили солдаты Трухина. Сорвали погоны. Сломали шпагу. Мундир разнесли на клочья.

Съёжился Маевский. От страха даже зажмурился. «А вдруг, — кольнуло его, — Сухинов спросит:

— Кто тут поднял тревогу?

Скажут:

— Маевский!

— Маевский!

— Штабс-капитан Маевский!»

Глянул Маевский опять на дорогу. Всё больше и больше идёт солдат. Не одни, с командирами. Вот Сергей Муравьев-Апостол. Вот Михаил Бестужев-Рюмин. Вот Щепило, Кузьмин, Соловьев.

Совсем растерялся, бедный. Холодок пробежал по телу: «Убьют, убьют. На лице ближайшей вздрюнут».

Осмотрелся Маевский. Видит, клуныя стоит в огороде. Скачками как заяц, метнулся к клуне. Открыл ворота. Влетел. Забился в сено. Ни жив ни мёртв. Затих, как мышь. Прислушайтесь: даже не дышит.

УШАКОВ

Штаб-ротмистр гусарского его величества принца Оранского полка Ушаков в день восстания Черниговского полка проезжал через Васильков. Задержали его у заставы. Доставили к Сергею Муравьеву-Апостолу.

Узнав, в чём дело, Ушаков пришёл в сущий восторг.

— Долой Николая! — шумел штаб-ротмистр. Даже саблю из ножен выхватил. Даже с силой по воздуху рубанул.

Нужно сказать, что Ушаков ненавидел царя Николая I. Служил Ушаков когда-то в гвардии. Жил в Петербурге. Блистал на балах и приёмах званых.

Но вот из-за какого-то каприза в ту пору ещё не царя, а великого князя Николая перевели Ушакова из гвардии в армию. Поклялся Ушаков отомстить за обиду.

— Долой Николая! — шумит Ушаков.

Поправился восставшим пыл офицера. Решил Сергей Муравьев-Апостол дать Ушакову революционные прокламации — пусть Ушаков распространит их среди офицеров гусарского его высочества принца Оранского полка.

— Исполню, — поклялся Ушаков.

Едет он в свой гусарский его величества принца Оранского полк, решает: дай прочитаю, что в тех бумагах сказано. Читает и чем дальше читает, то едет всё тише и тише. Вот и вовсе остановил коня.

Думал штаб-ротмистр Ушаков, что в бумагах лишь против царя Николая I, а там против царя любого, за то, чтобы в России больше цари не правили, чтобы стала Россия республикой.

Думал штаб-ротмистр Ушаков лишь отомстить Николаю, а там и про то, чтобы крестьян отпустить на волю. И много ещё другого.

«Свят, свят», — закрестился штаб-ротмистр Ушаков. Порвал прокламации. Бросил в канаву. Отъезжал с опаской, как от чумного места.

ЗВЕЗДЫ ГОРЯТ, КАК СВЕЧИ

Около суток пробыли восставшие в Василькове.

Дал Сергей Муравьев-Апостол приказ идти на Мотовиловку. Легла Мотовиловка на полпути между Киевом и Житомиром. Желасень — отсюда ступай на Житомир. Желасень — иди на Киев. Дневной переход и туда и сюда.

Послал Муравьев-Апостол надёжных офицеров с извещением о восстании Черниговского полка по разным другим полкам — в Ахтырский, Кременчугский, Алексопольский, Александрийский. В Житомир послал и в Киев.

Наказал, что с ответами ждёт в Мотовиловке.

Здесь, в Мотовиловке, черниговцы встретили Новый год. Луна лениво плывёт по небу. Звёзды горят, как свечи. Синим искрится снег.

Разместили солдат по крестьянским избам. Трое из них попали к Фоме Полуяку.

Угощает Фома постояльцев кашей и квасом, а сам:

— Куда — на войну, служивые?

— На войну, на войну, — усмехнулся один из черниговцев.

— Неужто снова француз задрался?

Развеселились вовсе теперь солдаты. Рассказали они Полуяку, ради чего поднялись в поход.

Рад Фома поверить в слова солдатские, да что-то не очень верится.

— Чтобы волю крестьянам дали? Да разве может такое быть!

— Может, может, — смеются солдаты. — Это уж точно, лишь бы господь помог.

Улеглись на покой солдаты. А Фома — хватить за армяк, выскочил в сенцы. Бросился к двери. И вот уже мчит по улице. Летит, что есть силы в ногах, Фома. Новость несёт небывалую.

— Воля ведь будет, воля!

Новогодняя ночь. Луна лениво плывёт по небу. Звёзды горят, как свечи. Синим, синим искрится снег. Не спит Сергей Муравьев-Апостол. Ожидает вестей из других полков.

Представляет Сергей Муравьев-Апостол, что вот подымется полк за полком. Пойдут войска на Москву, на Петербург. Присоединятся дорогой новые. Станут войска перед царём несокрушимой силой.

Утром Сергей Муравьев-Апостол ехал верхом по селу. Шумела, как рой, Мотовиловка. Толпились крестьяне у церкви. Увидели они Муравьева-Апостола:

— Добрый ты наш полковник!

— Избавитель!

— Да поможет тебе господь!

Улыбнулся крестьянам Сергей Муравьев-Апостол.

— Братцы, для вас стараемся. Да будет угодно судьбе — добьёмся для вас облегчения. Для дела святого жизни не жалко...

Вернулся Сергей Муравьев-Апостол к себе в избу. Ожидает вестей из других полков. Тревожно у него на душе. Что привезут посыльные?

Печальные вести достигли юга. В Петербурге, на севере, царь разгромил восстание. Как поведут себя тут полки?

И вот прибыл посыльный первый.

— Ну как?

— Не поднялся Ахтырский гусарский полк.

Прибыл второй посыльный.

— Ну как?

— Не поднялся Кременчугский пехотный полк.

Третий посыльный прибыл.

— Ну как?

— Не поднялся, Сергей Иванович, полк Алексопольский.

А вот несётся ещё один. Разгорячённый копь пену с губы роняет.

— Ну как?

— Не выступит Александрийский. Арест идёт в полку.

СЕМНАДЦАТЫЙ ЕГЕРСКИЙ

Не поддержали восставших полки соседние.

Куда же идти черниговцам? На Брусилов, Новоград-Волынский, Бердичев, Бобруйск, Любар? А может, идти на Киев?

— Нам бы немедля идти на Киев!

— На Житомир упасть по-суворовски! (В Житомире находился штаб Южной армии. В Киеве — арсенал.)

За этот план выступали офицеры-славяне (так называли тех, кто раньше состоял в Обществе соединённых славян): Сухинов, Кузьмин, Соловьёв и Щепилло. Из всех декабристов офицеры-славяне отличались самой большой решительностью.

Не принял план Сергей Муравьев-Апостол. Приказал выступить на Белую Церковь. Здесь, в Белой Церкви, находился Семнадцатый егерский полк. Отважные люди в Семнадцатом егерском. К примеру хотя бы Вадковский. Обещали они поддержку.

— Ну, силы теперь удвоятся, — заговорили среди восставших.

— Кум у меня в егерях, — объяснял какой-то тощий солдатик взводному унтеру

— Там Гришка Тютюник служит, — кто-то вспомнил односельчанина.

Не дойдя нескольких вёрст до Белой Церкви, восставшие остановились. Сергей Муравьёв-Апостол выслал вперёд разведку.

Вернулась разведка.

— Ушёл, ваше благородие, Семнадцатый егерский. Нету его в местечке.

— Как ушёл?! Куда?

— Неизвестно. Из солдат, ваше благородие, лишь караульный стоит при шлагбауме.

Не поверил всё же Сергей Муравьёв-Апостол. Решил, что разведка ошиблась. Новых послал солдат.

Вернулись и эти.

— Всё верно, ушли егеря. Куда — неизвестно. Было это ещё намерении.

Гадает Сергей Муравьёв-Апостол: «Что же случилось?! Куда ушли?»

И вдруг:

— Нашлись! Нашлись! Нашлись!

Тот тощий солдатик, у которого кум в егерях, уверял, что, спустившись в овражек, что рядом с лесом, он слышал в лесу голоса и фигуры людские видел. Правда, много ли — не разобрал.

— Я по голосу кума признал, — даже сказал солдат.

Опять снарядил Сергей Муравьёв-Апостол разведку. Старшим послал офицера.

Через час офицер вернулся. А вместе с ним пришёл и солдат в егерской форме.

— Кум, кум! — закричал тощий солдатик. — Так и есть, не ошибся — кум!

— В лесу люди, это верно, Сергей Иванович, — доложил офицер. — Но не солдаты — крестьяне. Собралось их больше тысячи. (Это были крестьяне окрестных сёл. Узнав, что восстали черниговцы, они хотели примкнуть к солдатам.)

Доложил офицер и про егерей:

— Арестованы наши, Сергей Иванович. Солдат же, боясь возмущения, полковой командир срочно увёл на Сквиру.

— Так точно, — поддакнул кум. — Поручиком Вадковским с оным сообщением к вашей милости я и послан.

Офицер сделал паузу, переступил с ноги на ногу, глянул на Муравьёва-Апостола.

— Сергей Иванович!

— Что?

— Как быть с крестьянами? Может, призвать их для общего дела?

Солдатский кум оживился:

— Так-с точно. Они-с с удовольствием.

Не ответил ничего Сергей Муравьёв-Апостол. Лишь задумчиво глянул вдаль. Да и что бы он смог ответить? Поднимать на борьбу народ не входило в замысел декабристов. Так было на севере. Так было и тут — на юге.

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ РОТА

Поручик Щепилло дружил с полковником Пыхачёвым...

И вот снова идут по снежным полям черниговцы. Шли на Мотовиловку. Потом на Белую Церковь. Повернули теперь назад.

Слева сёла вдали видны. Снег — впереди и справа. Ни души.

И вдруг за холмом верстах в двух, не более, зарябило от тёмных точек. Всмотрелись солдаты: люди, кони, а рядом пушки.

— Пыхачёв! Пыхачёв! — закричал Щепилло.

Приободрились черниговцы. Сразу теплее стало. Вверх полетели солдатские шапки. «Ура!» — понеслось по полю.

И правда, к черниговцам приближалась Пятая конно-артиллерийская рота. Этой ротой и командовал Пыхачёв.

Помнит Щепилло тот день. Было это незадолго до восстания декабристов. Собрались члены Южного тайного общества... Решали вопрос, кому и когда начинать восстание. Горячился тогда Пыхачёв:

— Никому не позволю раньше меня выступить за свободу отечества! Пятой конной роте такую честь. Пятой!

Членом тайного общества был не только один Пыхачёв, но и все остальные офицеры Пятой артиллерийской роты. Рота была надёжной.

Всё ближе и ближе подходят к черниговцам артиллеристы.

— Эх, молодец! Эх, молодец! — поминает Щепилло полковника Пыхачёва. Повернулся к Муравьёву-Апостолу: — Артиллеристы слово держать умеют!

И вдруг оттуда, от Пятой роты, летит команда.

— Стой!

Остановилась Пятая рота.

— К бою!

Развернули солдаты пушки.

— Слева первая начинай!

Гаркнула пушка. Взорвала картечью снег, за первой пушкой — вторая, третья...

Попятились черниговцы.

Не сразу понял Щепилло, в чём дело. А когда понял, схватил шпагу:

— Изменник! Будь проклят!

Побежал он навстречу огню и картечи.

За залпом новый грохочет залп. Вот рядом картечь ударила. Рухнул на снег Щепилло. Выпала шпага, вонзилась в снег, как-то жалобно, тихо звякнула.

— Будь проклят! — успел простонать Щепилло.

Погиб Щепилло, не зная правды. Не был виновен ни в чём Пыхачёв. Ещё до того как рота вышла в поход на черниговцев, Пыхачёв был схвачен и брошен в тюрьму. Артиллерийской ротой другой командовал.

Разгромили пушки черниговцев. Захлебнулись в крови черниговцы.

ПОСЛЕ БОЯ. СНОВА БОЙ

«ГДЕ АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ?»

Восстание против царя на севере и на юге было раздавлено. Начались аресты декабристов. Задержанных немедленно доставляли в Зимний дворец к царю Николаю I.

Вот схвачен Рылеев. Вот схвачен Каховский. Князь Трубецкой задержан. Штабс-капитан Щепин-Ростовский взят прямо в бою на Сенатской площади. В бою на юге взяты Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Арестованы Розен, Сутгоф, Панов...

Царские сыщики искали Александра Бестужева.

Александр Бестужев был не только гвардейским офицером, но и известным в стране писателем. Печатался он под именем Марлинский.

Ворвались сыщики в дом Бестужевых.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Бросились к месту военной службы.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Стали вспоминать жандармские офицеры, с кем Бестужев был близок, с кем находился в приятельских отношениях. Ездили на Мойку, на Фонтанку, на Васильевский остров.

— Где Александр Бестужев?

Сбились с ног царские сыщики, прибыли в Зимний дворец, докладывают:

— Нет Александра Бестужева.

— Разыскать! — последовал строгий приказ.

И снова по петербургским улицам, по разным домам, по офицерским квартирам и клубам забегали сыщики и жандармы.

— Где Александр Бестужев?

— Где Александр Бестужев?!

А в это время к Зимнему дворцу подходил офицер. Был он в полной парадной форме. В мундире, при сабле, в белых как снег рейтузах, на ногах сапоги драгунские. Шпоры на сапогах. Пересек офицер Дворцовую площадь. Быстрым шагом направился к Зимнему. Перед ним распахнули дверь. Офицер переступил порог и представился:

— Я — Александр Бестужев.

— По-рыцарски поступил сочинитель Марлинский, — доложили царю приближённые. — Явился, ваше величество, сам.

«По-рыцарски» ответил на это и царь Николай I. Приказал заточить Александра Бестужева в Петропавловскую крепость. в Алексеевский рavelин.

Пронька Малов первым заметил тройку. Выскочила она из-за леса, птицей с бугра слетела. Тряхнув бубенцами, пронеслась перед самым Пронькой. Исчезла за поворотом.

«К барам, в гости», — подумал Пронька.

Помчал по селу мальчишка:

— Тройка, тройка, а в ней военный!

Гадали тогда в селе, кто же приехал к барину. И к какому из них, к молодому ли, к старому?

А через час тройка неслась обратно.

И снова Пронька её увидел. А вместе с ним увидел тройку и бывалый солдат Гурий Донцов.

— Эка дела́, — произнёс Донцов. — И с чего бы?..

Объяснил он Проньке, что тройка была фельдъегерской, что в кибитке сидел жандарм. А рядом... Впрочем, молодого барина Пронька и сам разглядел. Умчал неизвестно куда жандарм молодого барина.

...1812 год. Русские войска отступают под ударами французского императора Наполеона I. В барском доме переполох.

— Никита! Никита! Никитушка!

Дворовые сбились с ног.

— Никита! Никита! Никиту-ушка!

Шестнадцатилетний Никита Муравьёв исчез из дому.

Через несколько дней младший брат Никиты — Александр признался: Никита бежал на фронт.

Никита Муравьёв сражался под Дрезденом, под Лейпцигом. Вместе с русскими войсками вступил в побеждённый Париж. В Париже он прожил несколько лет. Изучал здесь политику и историю.

В 1816 году вышла в свет большая работа историка Н. М. Карамзина «История государства Российского». Предисловие к этой работе кончалось словами: «История народа принадлежит царю».

«История народа принадлежит народу» — так ответил на слова знаменитого историка молодой офицер Никита Муравьёв.

Вместе с Кондратием Рылеевым Никита Михайлович Муравьёв был одним из главных руководителей Северного тайного общества. В день Декабрьского восстания на Сенатской площади его не было. Никита Муравьёв находился в орловском имении родителей своей жены. Сюда и примчался за ним жандарм.

Долго гадали в селе крестьяне, за что и куда увезли их молодого барина. Барин был добр, крестьяне его любили.

Вместе со всеми гадал и Пронька.

— Знаю, знаю! — кричал мальчишка. К царю он поехал. На званный приём.

— Во-во — на приём названный, — усмехнулся солдат Донцов.

По всей России носились тогда фельдъегери. Хватали они декабристов.

ЛУНИН И ЗАЙЧИКОВ

Декабрист подполковник Михаил Сергеевич Лунин отказался спастись от расправы. Спасти же Лунина намеревался сам великий князь Константин. Подполковник был у него в адъютантах.

14-го декабря Лунин находился в Варшаве и, конечно, на Сенатской площади не был. Но и ему угрожал арест. Лунин состоял членом тайного общества.

Великий князь Константин любил своего адъютанта. Умён, находчив молодой подполковник. Ростом высок, подтянут. К тому же лихой наездник. А князь Константин обожал лошадей.

Распорядился великий князь Константин приготовить для Лунина иностранный паспорт.

Паспорт готов. Граница рядом. Бери бумагу. Скачи к границе. И ты свободен.

И вдруг Лунин отказался взять паспорт.

Великий князь Константин даже обиделся:

— Ну смотри, смотри...

— Не могу, — объясняет Лунин. — Не могу побегом обесчестить себя перед товарищами.

Дежурный офицер Зайчиков, узнав про такое, сказал:

— Хитёр, хитёр Лунин. Не зря не берёт паспорт. Инос, видать, придумал.

Предположение дежурного офицера вскоре подтвердилось. На охоту стал собираться Лунин. Давно он мечтал съездить в леса, к самой силезской границе, сходить с ружьём на медведя. Много медведей в силезских лесах. Знатная там охота.

Попросил Лунин у великого князя Константина разрешение на отъезд. Дал великий князь разрешение. Получил Лунин нужный пропуск, уехал.

— Не дурак он. Ищи теперь ветра в поле, — посмеивался дежурный офицер Зайчиков.

Только уехал Лунин, как тут примчался из Питера на тройке фельдъегерь:

— Где Лунин?

— Нет Лунина. На охоте Лунин. На силезской границе, — объясняют фельдъегерю.

— Фить! — присвистнул царский посыльный. — На силезской границе!

— Не дурак он, не дурак, — опять о своём начинает Зайчиков.

И всё-таки Лунина ждут.

— Приедет,— сказал Константин.— Знаю характер Лунина. Приедет.

Ждут день, второй, третий. Четвёртый кончается день. Не возвращается Лунин.

— Обхитрил, обхитрил,— не унимается Зайчиков.

Прошёл ещё день, и вдруг Лунин вернулся. Разгорячённый, красивый, стройный. С убитым медведем в санках.

Спрыгнул Лунин на снег.

— К вашим услугам,— сказал фельдъегерю.

Все так и замерли.

Усадили Лунина в фельдъегерскую тройку.

— По-ошёл! — дёрнул ямщик вожжами.

Тронулись копи. Ударили бубенцы.

— Чудак человек,— говорили в Варшаве.— По доброй воле голову в пасть.

«Чудак»,— подумал и сам великий князь Константин.

Даже дежурный офицер Зайчиков и тот заявил:

— Да, не каждый бы, ваше высочество, способен к поступку оному.

— Ну, а ты бы? — спросил Константин.

— Я бы, ваше высочество,— поминай как звали...

— Да, не каждый...— задумчиво повторил Константин. Потом посмотрел на дежурного офицера, брезгливо поморщился и, нахмуривши брови, бросил: — В том-то беда для трона: Луниных мало, Зайчиковых много.

ПЯТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРОВ

Жандармский унтер Нафанаил Сысоев ходил по улице. Вертел головой, как курица. Щупал людей глазами.

Повторял про себя Сысоев: «Роста высокого, сутуловат, зарос бородой немного, когда говорит, рот на правую сторону кривится».

Это были приметы декабриста Вильгельма Кюхельбекера. Искали его повсюду — по всему Петербургу и даже в других городах.

Прошёл унтер-офицер Сысоев по Литейному, Невскому, свернул на Фонтанку, затем на Мойку. Был и в Летнем саду, и на Марсовом поле. Версты три прошагал вдоль невского берега и вот вернулся опять на Литейный. Тут и заметил Сысоев, как кто-то поспешно шмыгнул в подворотню. Бросился унтер вслед за прохожим, перехватил. Смотрит: роста высокого, сутуловат, зарос бородой немного.

Схватил унтер человека за руку:

— А ну-ка, любезный, стой!

— Позвольте,— сказал прохожий.— Не понимаю. В чём дело?

Когда прохожий говорил, рот у него скривился и как раз на правую сторону.

«Он!» — понял Сысоев.

Приволок унтер прохожего в жандармскую часть.

Глянул жандармский полковник на человека: роста высокого, сутуловат, зарос бородой немного.

— Кюхельбекер? — спросил полковник.

— Я коллежский асессор¹ Семён Мигайло-Немигайлов, — отвечает приведённый к нему человек.

Видит полковник — у человека рот при ответе кривится и как раз на правую сторону. «Кюхельбекер, — понимает полковник. — Вот же, мошенник, имя какое выдумал».

Решил полковник тут же отправить схваченного Кюхельбекера в Зимний дворец к генерал-адъютанту Левашову. Начал писать письмо. Вывел: «Его превосходительству...» И вдруг входит унтер Каблуков:

— Ваше высокоородис, схвачен злодей!

— Что ещё за злодей?

— Кюхельбекер, ваше высокородие.

Представил унтер Каблуков жандармскому начальнику схваченного им человека. Глянул полковник: роста высокого, сутуловат, зарос бородой немного.

— Господин полковник, — возмущается человек, — это же чёрт его знает что. Да я — государю... Да я... Я — отставной генерал Лафетов.

Смутился жандармский полковник, но тут же пришёл в себя. «Ловко, злодей, придумал, ловко. Ишь ты, отставной генерал. Не проведёшь. Рот-то на правую сторону кривится!»

Всё хорошо. Плохо одно — в жандармском участке два Кюхельбекера. Какой же из них настоящий?

Гадает полковник: «Этот? Нет, этот?» А в это время открывается дверь. Входит жандарм Удакин.

— Ваше высокородие, схвачен злодей!

И тут же «злодея» вводит.

Смотрит полковник: роста высокого, сутуловат, зарос бородой немного.

— Кто ты? — вскричал полковник.

— Отто-Ганс-Иохим Кюхельгартен, булочник местный, из немцев, — отвечает «злодей». И рот при этом, конечно, кривит.

«Боже! — взмолился полковник. — Какой же теперь из троих? Может, как раз последний... Кюхельгартен, Кюхельбекер, Кюхельбекер, Кюхельгартен», — стал повторять полковник.

К вечеру Кюхельбекаров стало пять. Запутался вовсе теперь полковник. Ложился в постель с головой чугуной.

Ждал он утра с тревогой. Но утром от генерал-адъютанта

¹ Коллежский асессор — мелкий чиновник.

Левашова пришёл приказ прекратить поиски Кюхельбекера. Задержан уже Кюхельбекер.

Раздосадован был полковник, что не он задержал Кюхельбекера. К тому же боялся жалоб.

Но успокоил его генерал-адъютант Левашов:

— Лучше невинных схватить десятков, нежели хоть одного упустить из злодеев.

Даже награду за усердие получил жандармский начальник.

На радостях этой награды он и унтерам раздал по рублю серебром на водку.

— Хватай! Не жалея! — говорил полковник.

Рады стараться царские слуги. Хватают они безвинных.

«ВРЕШЬ!»

Старый князь Иван Александрович Одоевский поднялся со сна в сквернейшем духе. Пнул ногой казачка Варварку — оплошал Варварка, неловко подсунул под барские ноги ночные туфли. Норовил плюнуть в лицо камердинеру Агафону («Не отворачивай буркалы, не отворачивай!») — не тот притащил камзол. «Глашка, негодница!» — кричал на коридорную девушку Глашу. Замешкалась где-то Глашка, не тащит кувшин с водой. Съездил по шее лакея Кузьку. Этого просто так.

Наконец князь оделся. Вышел в просторную залу. Подошёл к окну, смотрит в окно наружу. Зима. День морозный-морозный. Иней схватил берёзки, повис на ветвях серёжками. Рядом сосна у дома. Бьёт по сосне деловито дятел. Подумал Одоевский: «Эка же шея крепкая!» Но не на берёзки, не на сосну, не на дятла, на дорогу смотрит сейчас Одоевский.

— Пало дворянство, пало!

Весть о восстании декабристов уже дошла и до этих мест. Здесь в Юрьев-Польском уезде родовое гнездо Одоевских. Знатен Одоевских род. Ещё при царе Алексее Михайловиче прапрадед князя Ивана князь Яков Одоевский в самых видных боярах был.

— Пало дворянство, пало. Опозорилось!

Знает князь Одоевский, что восстали полки Московский, лейб-гренадерский, гвардейский морской экипаж.

— Мальчишки! — поминает восставших князь.

Одно утешение для старика. Не поколебалась конная гвардия. Верной осталась царю. Именно в конной гвардии служил когда-то сам князь Иван. А сейчас в том же самом конногвардейском полку служит корнетом сын князя Ивана молодой князь Александр Одоевский.

— Верен царю род Одоевских, верен. В старых родах опора! Гордился сыном Иван Одоевский.

Кто лучший наездник во всём эскадроне? Любой ответит —

корнет Одоевский. Кто ловчее владеет саблей? Скажет вам всякий — корнет Одоевский. Не жалеет денег для сына князь. В лучшие сукна одет Одоевский. Восемь комнат один снимает.

Стучит за окном, не стихает дятел.

— Ишь ты разбойник, — ворчит старик. — Долбит и долбит. Глянь, и сосну повалит.

Смотрит князь на дорогу. Ждёт. Десятый день, как староста Селиверст Прахов уехал в Питер. Пора бы уже вернуться. Специально погнал его князь Одоевский. Захотелось вдруг князю взглянуть на сына. Наказал Одоевский Прахову:

— Привези. Не мешкай. Скажи, что отцова воля!

И вот оттуда, где кромка парка, с бугра, с пригорка брызнул раскат бубенцов.

— Едут!

Ближе, всё ближе кони. Вот мелькает среди берёз. Вот Звездочёт коренным несётся. Копыто кладёт в копыто. «Эка красавец конь!» Видны уже санки. В санках — ямщик. В овчинном тулупе Прахов. А где же князь?! Вот бежит уже Прахов лестницей. Вот стоит перед князем в зале:

— Князь, батюшка Иван Александрыч, беда!

Князь Одоевский посмотрел на старосту. Кольнула тревожная мысль. Однако не подал вида.

— Ну!

Замаялся Прахов под колким взглядом.

— Ну!

«Тук, тук», — вновь забил деловито дятел.

Не сдержался Одоевский:

— Говори, не молчи, каналья!

— Схвачен князюшка наш Александр Иваныч, — проплакал Прахов. — С бунтовщиками взят.

Глянул на Прахова князь, ёжисто повёл бровями. Понял, что это верно. А сам:

— Врёшь! — закричал. — Выдумал всё ты, безбожник. В плети! — кричал Одоевский.

Лакей Кузьма сунулся было на крик. Однако, князя увидя в гневе, тут же захлопнул двери.

СТАРШИЙ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

Гордо держали себя декабристы во время допросов. По Петербургу ползли слухи о смелом ответе царю Николаю Бестужева.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

Морской офицер Николай Бестужев был старшим из братьев Бестужевых. Это он призвал к восстанию, а затем и привёл на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж.

Стоят друг против друга царь Николай I и Николай Бестужев.

Внимательно смотрит на декабриста царь.

— Ты Николай Бестужев?

— Так точно, ваше величество, я и есть Николай Бестужев.

— Значит, поднял руку свою на отечество?

— Никак нет, ваше величество. За святынь почитаю родину.

Ценю превыше всего отечество.

— Против чего же ты бунтовал?

— Против негодных порядков, ваше величество.

Генерал-адъютант Левашов — он сидел за большим дубовым столом и записывал ответы Николая Бестужева — при этих словах оторвал голову от бумаги, глянул на Бестужева, на государя. Щеки царя зарозовели — признак того, что царь подавляет гнев.

— Да знаешь ли ты, — Николай I заметно повысил голос, — что все вы в моих руках...

— Знаю, — спокойно ответил Бестужев.

Спокойный ответ и взорвал царя.

— Ах, знаешь! — закричал Николай I. — Нет, ты пока ничего не знаешь. Хочешь, тебя помилую?

Не отвечает Бестужев.

— Хочешь, тебя повешу?

Не отвечает Бестужев.

— Да знаешь ли ты, слово одно государя — и...

Вот тут-то Николай Бестужев и произнёс ту самую фразу, о которой потом говорил Петербург:

— Ваше величество, в том-то и всё несчастье, что каприз царей в России превышает любых законов. Против порядков этих я и поднял с друзьями меч.

ОСОБАЯ ЧЕСТЬ

Как поступить с царём? — вот вопрос, который не раз возникал у декабристов.

Большинство декабристов было за то, чтобы царя убить.

Разные были планы: убить на манёврах, убить на балу, устроить засаду возле Зимнего дворца, напасть на царя в масках среди дороги.

Года за полтора до восстания группа молодых офицеров собралась для того, чтобы бросить жребий, кому из них, если понадобится, совершить покушение на царя.

В числе офицеров был и Иван Якушкин.

— Не надо жребия, — заявил Якушкин. — Предлагаю свои услуги. Сочту за честь.

После разгрома декабристов, на следствии, генерал-адъютант Левашов допытывал у Якушкина, кто был на том памятном совещании.

— Я был, — ответил Якушкин.

— Так, так, ну, а ещё кто?

— Ещё был Иван Якушкин.

Левашов усмехнулся.

— Так, ну, а кроме Якушкина?

— Был ещё один капитан...

Левашов придвинул лист бумаги, записал: «Капитан».

— Ну, ну, как же его фамилия?

— Капитан Якушкин, — ответил Якушкин.

— Значит, только одного Якушкина и помните? — уже зло спросил Левашов.

— Так точно, ваше превосходительство...

Понял генерал-адъютант Левашов, что Якушкин не выдаст своих товарищей. Решил не тянуть с допросом.

— А ведь мне, милостивый государь, давно уже всё известно. И кто на том злодейском сборище был, и кто о чём говорил. Всё, всё, — повторил Левашов. — Знаю и тех, кто выступил там в зачинщиках, знаю и о том, что на вас пал жребий убить государя.

— Вот и неправда, — резко ответил Якушкин.

— Нет, правда, — сказал Левашов.

— Неправда, ваше превосходительство, — повторил Якушкин. — Жребий вовсе не пал на меня.

Поднял глаза Левашов на Якушкина.

— Я вызвался сам нанести удар императору, — произнёс Якушкин. — Счёл за особую честь. Не хотел уступить никому из товарищей.

В это время дверь, ведущая в соседнюю комнату, с шумом раскрылась. На пороге стоял Николай I.

— За особую честь?! — закричал государь.

Повернулся Якушкин навстречу царю, приставил каблук к каблуку по-военному:

— Так точно, ваше величество.

«НА КОЛЕНИ!»

За день до восстания Михаил Бестужев со своей ротой находился в Зимнем дворце. Он командовал караулом, который пёс охрану у царской спальни.

Неспокойно спал в ту ночь Николай. Ворочался с боку на бок. В голову лезли тревожные мысли. Николаю стало уже известно, что в России существует тайное общество.

Где-то в дворцовых залах половица чуть слышно скрипнула, не скрипнула — просто, скорей, вздохнула, и сразу же вздрогнул, замер, застыл Николай. В окно застучался ветер, да где застучался — просто игриво прошёл по стёклам, и сразу мурашками — кожей гусиной — покрылось холёное царское тело.

Но вот сомкнулись в дремоте усталые веки. И вдруг — металлический звяк, словно удар штыками. Николай встрепенулся. Повёл глазами. За дверями спальни услышал шаги. «Всё, — пронеслось в голове у великого князя. — Сейчас ворвутся, сейчас убьют». Закрыв он глаза. Приготовился.

Но нет. Всё тихо опять за дверью. Николай поднялся с постели, осторожно двинулся к двери. Минуту стоял. Открыл.

— Ах, это ты, Бестужев?!

Царь узнал начальника караула.

— Так точно, ваше высочество.

— Что здесь такое?

Объясняет Бестужев: менялись, мол, на посту часовые, повернулись не очень точно, вот штык и задел за штык.

Николай облегчённо вздохнул. Вернулся назад к постели.

14-го декабря Михаил Бестужев со своей ротой оказался в числе восставших. В числе первых он был схвачен после поражения восстания. В числе первых прошёл допрос.

Николай I, который присутствовал на этом допросе, кричал:

— Злодей! Совершенный злодей! Да он же караулил меня перед бунтом. Признавайся — хотел убить?!

— Нет, ваше величество, не хотел.

— А на Сенатской, на Сенатской? — заседал царь и сам же давал ответ: — Не пожалел бы. Мерзавец, только о том и думал! Все вы мерзавцы, все. На колени! — кричал Николай I.

Не стал на колени Бестужев.

— В кандалы! В Алексеевский рavelин!

«ПРАВДУ СВЯТУЮ, НЕГОДНИК, ПИШЕТ...»

Из Петропавловской крепости от декабриста Александра Якубовича царь получил письмо.

Рад государь письму. Раз прислал Якубович письмо, значит, будет, конечно, каяться, будет просить прощения.

Глянул — письмо большое.

«Эка сколько всего написал. Совесть, видать, пробрала. А он ничего. Он молодец. Надо его помиловать», — стал рассуждать Николай I.

Царь уже знал о том, что Александр Якубович не выполнил поручения декабристов. Именно он 14-го декабря должен был захватить Зимний дворец.

Уселся царь в кресло, начал читать письмо.

Пишет Якубович ему о том, что Россия страна богатая. Не считаны богатства её, не мерены.

«Прав Якубович, прав, — кивает царь головой. — Правду святую, негодник, пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что страна, мол, богатая, но народ вот в России несчастен, замучен народ поборами, гнётом дворян придавлен.

Хмыкнул на это царь Николай I. Недовольно поморщился.

Пишет Якубович царю о русских солдатах. Мол, более геройских солдат не сыщешь на целом свете.

«Прав Якубович, прав, — соглашается царь. — Правду святую, негодник, пишет...»

А дальше Якубович пишет о том, что этот самый русский солдат-герой солдатской лямкой, словно удавкой, схвачен. Бесправен. Начальством бит. Трудно порой понять, человек ли вообще солдат.

Хмыкнул снова царь Николай I, на письмо покосился недобрый взглядом.

Пишет Якубович царю о законах (мол, писаны эти законы богатыми против бедных), о жизни торгового люда (и эти от разных пёборов стонут), о многих других делах.

Читает Николай I письмо, мрачнест от строчки к строчке.

— Не прощу, не прощу, — шепчет царь. — Пусть хоть трижды теперь покается.

Тем более хочется Николаю I, чтобы Якубович попросил у него прощения. Гадает царь, на какой странице начнёт Якубович каяться — на пятой, шестой, на последней?..

Глянул царь на страницу пятую, читает: «Нет защиты утеснённому».

Глянул на страницу шестую, читает: «Нет грозы и страха утеснителю».

Морщится в гневе царь. Сжал кулаки от злобы. Дочитал письмо до конца. А где же слова о прощении? Нет ни строчки о том в письме.

— Ах ты разбойник, дрянь! — совсем не по-царски ругается царь. — Все они сволочи, все. Нет им прощения, нет им пощады!

Разволновался совсем государь. Схватился рукой за сердце: — Дурново! Дурново!

Мчит Дурново, тащит капли ему от сердца.

ЧЁРНЫЕ ГЛАЗА

Николай I почему-то боялся чёрных глаз. Полагал, что у всех революционеров глаза непременно чёрные.

Допрашивая декабристов, царь прежде всего обращал внимание на глаза. Подводил заключённых к свету, свечку к самым бровям подносил. Долго смотрел, прикидывал. Декабристу Андрею Розену даже ресницы слегка подпалил.

Преследовать стали чёрные глаза Николая I. Ночами, представьте, снились. Успокаивал генерал-адъютант Левашов царя. Приводил примеры: мол, Пестель. Сергей Муравьёв-Апостол, Каховский на что уж самые отъявленные злодеи, а ведь глаза-то у них не чёрные.

Однако не успокоило это вовсе Николая I. Скорее наоборот. На своих приближённых стал теперь государь коситься. Однажды чуть ли не до смерти напугал престарелого графа Хвостова. Встретил император Хвостова.

— Назад, назад! — закричал.

Попятился старый граф, чуть на паркет не рухнул.

— Стой!

Остановился Хвостов.

Подвёл Николай I старика к окну. Долго не отпускал. Никак не мог понять, глаза у Хвостова чёрные или зелёные.

— Зелёные, ваше величество, зелёные, — уверяет Хвостов, а сам от страха как осиновый лист трясётся.

Начался в Зимнем дворце переполох. В страхе живут приближённые. Ходят ваши сиятельства, ваши превосходительства, ваши высокородия и высокоблагородия по комнатам и залам Зимнего дворца, друг другу в глаза заглядывают.

Даже придворный батюшка архиепископ Авраам и этот живёт в испуге. Какой-то шутник сказал Аврааму, что царь теперь и за духовных особ возьмётся. И подмигнул негодник, глянув в глаза Авраама. А глаза у архиепископа действительно чёрными были, пречёрными. Стал ходить с той минуты батюшка, словно кот-лежебока, щурясь. А при встречах с царём и вовсе старался глаза закрыть. Закроет, ладошку прижмёт к ладошке, идёт, молитву господу богу шепчет.

Кончилась эта странная блажь царя враз, неожиданно. Подошёл он однажды к коту Митридату, тоже вздумал глаза проверить.

Не понравилось это, видать, Митридату. Хватанул он когтями царя по носу.

— Ай! — вскричал государь. Вот тут-то вместе с криком отлетела и блажь государева.

ЦЕЛОВАНИЕ

Декабристов Александра Муравьёва, Ивана Анненкова и Дмитрия Арцыбашева на допрос к царю привели не по отдельности, а всех вместе. Встретил их Николай I учтиво, даже приветливо.

— Эка каковы молодцы! Молодцы каковы, — повторял государь, поглядывая на молодых людей.

Все они были гвардейскими офицерами.

— Мундиры-то как сидят! И сшиты с большим искусством. Похвально для офицеров, похвально.

Николай I прошёлся по кабинету.

— Как матушка? — спросил у Александра Муравьёва. Екатерина Фёдоровна Муравьёва, мать декабристов Никиты и Александра Муравьёвых, была известна на весь Петербург. Дом её посещали разные знаменитости: поэты, художники, музыканты. — А ты, кажись, одинок: ни сестёр у тебя, ни братьев, — обратился к Ивану Анненкову. — Помню, помню отца твоего, — сказал Дмитрию Арцыбашеву, — лестное только могу сказать.

Смотрят молодые люди на государя. Вот ведь милый какой государь. Даже пеловко им как-то стало.

Николай I был неплохим актёром. Умел он принять вид устрашающий и тут же на редкость добрый. Знал, где мягко сказать, где твёрдо. Где голос повысить, где перейти на шёпот. Тренировался царь перед зеркалом. Даже у настоящих актёров уроки брал.

Вот и сейчас: выпятил грудь государь, голову важно вскинул, посмотрел по-отечески на декабристов.

— Уверен, господа, пробудете в крепости вы недолго. Надеюсь вас видеть снова в своих полках.

Слова эти были равны прощению.

Стоявшие рядом с царём приближённые бросились целовать Николаю I руки. Кто-то шепнул молодым офицерам, чтобы и они подошли к руке государя.

Переглянулись друзья. «Эх, была не была! Бог не выдаст, свинья не съест...»

Протянул Николай I им руку для целования. Протянул и опять говорит:

— Надеюсь вас видеть в гвардейских полках. Уверен в чистосердчном вашем признании. Жду рапорт от каждого с описанием всех возмутительных дел.

Кто-то подсказал Николаю I:

— О Рылееве пусть больше напишут. Пусть не забудут про братьев Бестужевых.

— О Рылееве — больше, о Бестужевых — больше, — сказал Николай I.

Вот тут-то и поняли друзья, почему царь стал вдруг таким добрым, во имя чего обещал им прощение.

Стоит Николай I с протянутой рукой. Не подходят к руке офицеры.

— Целуйте же, — кто-то опять шепнул.

— Целуйте!

— Целуйте!

Не хотят целовать офицеры. Стоит Николай I, держит на весу руку, от неудобства как рак краснеет.

Хорошо, не растерялся флигель-адъютант Дурново, выскочил он вперёд, наклонился к руке государя. Чмок! — разнеслось по залу.

КОНСТИТУЦИЯ

14-го декабря на Сенатской площади не раз раздавались призывы:

— Конституцию!

Кричали в народе и даже в войсках. То есть люди хотели, чтобы в России была республика.

Об этих призывах много говорили тогда в Петербурге. Неприятно, конечно, царю Николаю I подобное слышать. Хочется ему что-то такое придумать, слово «конституция» как-то так объяснить, чтобы получилось вовсе не то, что означает это слово на самом деле.

Думал, думал царь Николай I, ничего не придумал. Поручил придумать своему младшему брату великому князю Михаилу.

Думал, думал князь Михаил, ничего не придумал. Вызвал царь генерал-адъютанта Левашова.

Но и Левашов оказался на выдумку тоже слаб.

Позвал государь флигель-адъютанта Дурново.

— Думай,— сказал и этому.

Вскоре Дурново заявил:

— Придумал.

— Ну, ну?

— Нужно так объяснить,— сказал Дурново,— что не «Конституцию!» тогда кричали на площади, а «Экзекуцию!». Мол, верноподданные вашего величества требовали быстрее наказать виновных. Вот и кричали они «Экзекуцию!». А про конституцию это кто-то потом придумал.

Хмыкнул царь Николай I. Что-то в ответе ему понравилось.

— Ну, а как же с солдатами быть? Они-то чего кричали про экзекуцию?

Походил Дурново по комнате. Вскоре сказал:

— Придумал.

— Ну, ну?

— Раскаялись, ваше величество, мятежники. Вот и просили себя наказать. Смыть свой позор перед вами, перед государем своим старались.

Насупился Николай I:

— Ну и глуп же ты, Дурново. Кто же в ересь такую поверит?

Не получилось ничего у царя. И вот неожиданно при допросе штабс-капитана Щепина-Ростовского нашлось вдруг то, чего так искал Николай I.

На следствии Щепина-Ростовского стали обвинять в том, что солдаты его роты кричали «Конституцию!». Понимает Щепин-Ростовский, если признается он, что солдаты кричали, будет солдатам за это вдвойне. Хочется хоть как-то смягчить ему солдатскую участь. Но ведь сказать, что не кричали, тоже нельзя. Всем об этом уже известно.

— Кричали,— сказал Щепин-Ростовский.— А как же! И даже громко. И даже с великой радостью.

Генерал-адъютант Левашов и министр внутренних дел граф Чернышёв, они и вели допрос, переглянулись.

— Значит, громко? — переспросил Левашов.

— И даже с великой радостью? — переспросил Чернышёв.

— Так точно,— ответил Щепин-Ростовский.

Записали эти слова в следственный протокол.

— Но выступили не против царя солдаты,— продолжил Щепин-Ростовский.— А за царя-государя они кричали.

Переглянулись опять Чернышёв и Левашов, что за вздор тут несёт подследственный.

— За царя,— повторил Щепин-Ростовский.— За Константина были они. И за его жену. Подумали: раз государь — Константин, то жена у него — Конституция. Вот почему кричали.

Подивились Левашов и Чернышёв. Исподлобья на Щепина-Ростовского глянули. Шутит, что ли, Щепин-Ростовский?

— В протокол запишите, прошу в протокол,— напоминает им Щепин-Ростовский.

Записали и эти слова в следственный протокол. Спас ротный своих солдат от двойной расправы.

О показаниях Щепина-Ростовского допесли Николаю I. Почитал Николай I, просиял Николай I.

— Ну и хитрец! Ну и хитрец! Голова! — сказал о Щепине-Ростовском.— Когда бы не взбунтовал он Московский полк, взял бы его министром.

Стал объяснять теперь Николай I, почему тогда на Сенатской площади раздавались крики: «Конституцию!»

— Тёмный, тёмный у нас народ. Надо же этак спутать. Тёмный, а любит своих царей.

Нужно сказать, что многие в это поверили. Среди таких даже нашлись историки. Написали они, что якобы всё это было на самом деле, а не Щепин-Ростовский выдумал.

«ЕСЛИ ВМЕСТО ФОНАРЕЙ...»

Ночь. Морозная. Зимняя. Вдоль опустевших улиц тускло горят фонари. Снег крупинками белых зёрен ложится на Зимний дворец, на Неву. Ветерок подымает молочные вихри, то беззаботно их гонит вдаль, то вдруг споткнётся, замрёт на месте и вскинет к небу снежный водоворот.

Ночь. Царь Николай I склонился над бумагами. Читает материалы Следственного комитета. Лежат перед ним папки с допросами Рылеева, Пестеля, Сергея Муравьёва-Апостола, братьев Муравьёвых, братьев Бестужевых...

За страницей листает страницу царь.

О чём же говорят декабристы? Об освобождении крестьян, о разделе барских земель, о сокращении сроков солдатской службы. Читает дальше. Снова об освобождении. А вот о том, как лучше организовать в России власть без царя. Опять об освобождении крестьян. Вновь о сроках солдатской службы.

Хмурится Николай I. «А где же про заговор? Где про то, что мою особу убить хотели?» Нашёл и про это. «Вот это — главное. А остальное — об этом потомкам не важно знать».

Не хотел Николай I, чтобы сохранилось в истории то, ради чего поднялись на бой декабристы. Приказал он из следственных материалов выбросить всё, что касалось и освобождения крестьян, и сроков солдатской службы, и того, как представляли себе декабристы новую власть в России.

Продолжает царь Николай I за бумагой читать бумагу. Попались царю стихи. «Ну, ну, что тут такое?» Читает:

Если вместо фонарей
Поразвешивать князей...

Глянул царь Николай I в окно, как раз фонарь ему на глаза попался. Зеленеет от злости царь, однако опять читает:

Как идёт кузнец да из кузницы.
Слава!
Что несёт кузнец? Да три ножика.
Слава!
Вот уж первой-то нож — на злодеев-вельмож.
Слава!
А другой-то нож — на попов, на святош.
Слава!
А молитву сотворя — третий нож на царя.
Слава!

Вскочил царь Николай I из-за стола, словно осой ужаленный. Стукнул кулаком по дубовой крышке.

— Татищев! Татищев!

Прибежал председатель Следственного комитета военный министр Татищев.

— Чьи?

— Рылеева, ваше величество.

— Вымарать! — кричит Николай I.

Исполнил Татищев приказ Николая I. Тушью забил стихи. Даже поставил подпись: «С высочайшего соизволения вымарал военный министр Татищев».

Глава V

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

ПРИМЕРНЫЙ СУКИН

Петропавловская крепость. Алексеевский рavelин. Равелин — это крепость в крепости. В казематах холод и мрак. Каменный пол. Каменный потолок. Сырость кругом. Стены, как в бане, стоят вспотевшие.

Сюда, в Алексеевский рavelин, и были брошены декабристы.

Комендантом Петропавловской крепости был генерал от инфантерии Сукин. Наводил на подчинённых он страх и грозным

видом своим, и своей фамилией. Умом большим Сукин не отличался. Но служакой он был примерным.

— Из крепости, мне отцом-государем доверенной, муха и та не вылетит, — любил говорить генерал Сукин, — блоха, простите, и та не выпрыгнет.

И вдруг оказалось, что на волю попало письмо, написанное в крепости «государственным преступником» декабристом Иваном Пушным. Слух о письме проник в Зимний дворец. Стало известно о нём царю. Поднял комендант на ноги всю охрану, молнии мечет, ведёт дознание.

— Да чтобы в крепости, мне отцом-государем доверенной, и такое вдруг случилось!.. Государю о том известно. Кто виноват, говорите!

Молчат подчинённые.

— Да я любого из вас сгною! В кандалы вас, в Сибирь!

Молчат подчинённые. И даже те, которые готовы были бы обо всём рассказать, тоже сказать ничего не могут. Нет свидетелей тому, как попало письмо на волю.

Трудно гадать, что бы предпринял примерный Сукин, да тут нашёлся один из охранников:

— А может, вины здесь, ваше высокопревосходительство, вовсе ничьей и нет.

— Как так нет?! — поразился Сукин.

— А может, письмо из крепости ветром выдуло, — ответил охранник и тут же добавил: — Вестимо, ветром. Только это и может в доверенной отцом-государем вашему высокопревосходительству крепости быть.

Подумал Сукин. Ответ понравился.

В тот же вечер комендант докладывал царю:

— Ваше величество, всё проверено.

— Так, так.

— Виновных по этому делу нет. В крепости, доверенной мне вашим величеством, всё в полном порядке. Письмо из крепости выдуло ветром.

Царь посмотрел удивлённо на Сукина. Шутит, что ли, примерный Сукин? Однако вид у генерала вполне серьёзный. Стоит аршином. Не моргнёт, ест глазами отца-императора.

— Ладно, ступай, — произнёс Николай I. Понял: ждать от Сукина больше нечего.

— Да он же дурак, — сказа́д царю присутствовавший при этом разговоре князь Фёдор Голицын.

— Дурак, но опора отечеству, — ответил Голицыну Николай I.

— Опора — вот что сказал обо мне государь, — хвастал после этого Сукин.

— Опора, опора, — шептались люди. — На Сукиных всё и держится.

Страшное место Алексеевский рavelин. Тут и здоровый недолго выдержит.

Декабрист Михаил Митьков был болен чахоткой.

Стала мать Митькова обивать пороги у разных начальников, писать письма, прошения. Просит она совсем о немногом: хотя бы передачу разрешили принять для сына.

— Он же болен у нас, поймите. Христом богом прошу о милости.

Гонят отовсюду старушку мать:

— Тюрьма не больница. Шёл на царя — не кричал, что хворый.

И всё же кто-то из добрых людей нашёлся.

Наготовили дома для заключённого узел. Тёплое бельё уложили, носки из верблюжьей шерсти, шарф из козьего пуха, поддёвку из заячьих шкурок, большие крестьянские валенки. Собрали мешок съестного.

Приняла охрана для заключённого передачу. Унтер-офицер Соколов понёс её в камеру.

Стал Митьков разворачивать узел. Вот это тебе богатства: и шарф, и поддёвка, и валенки.

— А вот тут ещё,— уточняет унтер-офицер Соколов,— вот в этой холщине, для вас харчи: и сдобный калач, и тушка утиная, и сала целых четыре фунта.

Наголодался Митьков, как и все заключённые, сидел на воде и хлебе. При виде съестного обилия закружилась у него голова. Хотел он тут же потянуться к сдобному калачу, да постеснялся охранника.

— Ешьте, ешьте,— сказал Соколов.— Другой бы вам позавидовал.

Митьков насторожился. Повернулся к тюремщику:

— Как — позавидовал? Что, разве другим...

— Не полагается. Ни-ни,— покачал головой Соколов.— Это вы уж матушке в ноги своей поклонитесь. Сие никому не позволено.

— Как не позволено?

— Строжайше,— сказал Соколов.

— Вот что, любезный,— Митьков посмотрел на еду и на вещи, отломил кусок от сдобного калача, отложил в сторону шарф, остальное придвинул к тюремщику.— Вот это тебе — раздели, как сочтёшь разумным. Рылеева не забудь и Лунина. Валенки лучше б всего Фонвизину. Поддёвку из заячьих шкурок — Басаргину.

— Да что вы, Михаил Фотиевич, что вы, бог с вами! Да за такие дела...

— Как?! И этого тут нельзя?!

— Ни-ни. И думать об этом страшно.

— Любезный,— просит Митьков,— сделай такую милость, Каховского не обдели, Бестужевых...

— Нельзя,— строго сказал Соколов.

Митьков сразу как-то обмяк, осунулся. Страшный кашель сдавил его грудь.

— Нельзя! Ах так! Нельзя!

Он хотел сказать ещё что-то, но кашель мешал. Слова вырывались хрипом.

Тогда поспешно, не разбирая, где провиант, где вещи, Митьков сгрёб всё в один мешок, сунул туда же оставленный шарф и кусок калача, бросил мешок Соколову.

— Уноси!

— Да что вы, Михаил Фотиевич! Да как же так? Так ведь матушка, они старались...

— Уноси! — кричал Митьков. — Уноси! Слышишь? — И неожиданно скомандовал: — Кругом!

Соколов растерялся. Попятился к двери. Унёс мешок.

Поступок Митькова произвёл впечатление даже на самых суровых тюремщиков.

— Чудной,— говорили одни.

— Чахоточный, с придурью.

Однако нашлись и другие:

— Эка каков молодец! Не мог такой ради дурного идти на площадь. Э-эх, не помог им тогда господь...

Правда, эти говорили негромко. Шептались из уха в ухо.

ЭТО ЕЩЕ СТРАШНЕЕ

Страшное место Алексеевский равелин. Но если ты кинул в бою товарищей, если совесть твоя в огне — это ещё страшнее.

На совещании у Рылеева полковник Александр Булатов дал слово захватить Петропавловскую крепость. Подвёл Булатов своих товарищей. Не явился в тот день к войскам.

И вот вместе с другими схвачен теперь Булатов. Сидит за крепкой тюремной стеной Булатов. Сырость кругом и мрак.

Не замечает Булатов сырости. Безучастен к тому, что мрак. Холод кругом.

Не ощущает Булатов холода.

Казнит сам себя Булатов. Не может себе простить того, что предал, подвёл товарищей.

Лучшие люди России — Рылеев и Пестель, братья Муравьёвы, братья Бестужевы, Якушкин и Лунин, Пущин и Кюхельбекер и много, много ещё других — не там, на свободе, а здесь.

Бесстрашные дети России, герои войны 1812 года — генералы Волконский, Орлов, Фонвизин, командиры полков и рот Ар-

тамон Муравьёв, Повало-Швайковский, Давыдов, Юшневский, Батеньков и много-много ещё других — не там, на свободе, а здесь.

Повисла петля над всеми. Близок расправы час.

Терзает себя Булатов: это он, Булатов, за всё в ответе. Из-за него, по его вине на смерть и муки пойдут товарищи.

Снятся ему кошмары. Приходит к нему Рылеев; приходят к нему Каховский, Лунин, Якушкин, братья Бестужевы, Пестель, Сергей Муравьёв-Апостол. Обступают они Булатова, на бывшего друга с укором смотрят.

— Простите! — кричит Булатов.

Молча стоят друзья.

Проснётся Булатов, едва успокоится — на смену кошмару новый идёт кошмар. В тюремной, до боли в глазах темноте, в тюремной, до боли в ушах тишине вдруг явно Булатов слышит:

— Предатель.

— Предатель.

— Предатель.

Не вынес Булатов душевных мук. Покончил с собой. Разбил о тюремные стены голову.

Страшное место Алексеевский равелин. Но если совесть твоя в огне — это ещё страшнее.

ЖЕЛЕЗНЫЕ РУКАВИЧКИ

Унтер-офицер Глыбов отличался особым рвением. Ходил он по тюремным коридорам Петропавловской крепости, заглядывал в камеры.

Если видел, что кто-нибудь спит:

— Не спать! Не спать!

Если видел, что кто-нибудь по камере ходит:

— Не ходить! Не ходить!

— Вы теперь — того... — пояснял Глыбов. — Я — старший. Чуть что — в железные рукавички.

Железными рукавичками он называл кандалы.

— Повезло нам, — говорил Глыбов другим охранникам. — Повезло. Тут у нас словно сам Зимний дворец — князья, генералы, ваши превосходительства.

Гордился Глыбов таким положением.

— Повезло, повезло!

И тут же:

— Генерал Волконский? Что мне генерал? Я тут сам генерал. Я — Глыбов.

— Князь Оболенский? Что мне князь! Я тут сам князь. Я — Глыбов.

Особенно строго в Петропавловской крепости следили за

тем, чтобы заключённые ничего не писали. Лишь тогда, когда от них требовались письменные показания, в камеры приносили бумагу, чернила. После дачи показаний чернила и бумагу уносили опять.

Глыбов и здесь старался. Ходил, подглядывал.

Декабрист Бобрищев-Пушкин каким-то образом ухитрился оставить чернила в своей камере. Стал он тайно вести записки. Надеялся потом передать их на волю.

Поступал Бобрищев-Пушкин осторожно. И всё же не уберёгся, не услышал кошачий шаг.

Подкрался тихонько Глыбов, глянул в замочную скважину — с поличным застал Бобрищева.

Заблестели глаза у тюремщика. Выполнил он угрозу. Надели на руки Бобрищева-Пушкина тяжёлые цепи — железные рукавички.

Глыбов был страшно доволен:

— Хи-хи, время нынче смотри какое: в рукавичках господа офицеры ходят.

И опять начинал:

— Мне что генерал? Я сам генерал. Мне что князь? Я сам князь. Я — Глыбов.

Ходит Глыбов по коридорам Петропавловской крепости:

— Не спать! Не спать!

— Не ходить! Не ходить!

— Мо-о-лчать!

ФОНВИЗИН

Узникам Алексеевского рavelина дважды в неделю разрешались короткие прогулки по тюремному двору. Двор маленький, прогулка крохотная. Шаг вперёд, шаг назад — вот и вся прогулка.

Во время одной из таких прогулок декабриста генерала Михаила Александровича Фонвизина кто-то окликнул:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Фонвизин поднял глаза:

— Петров?!

— Так точно, ваше превосходительство!

— Откуда же ты, Петров?

Объяснил солдат, что несёт караул в Петропавловской крепости.

— Да я не один, — добавил. — Здесь и Мышкин, и Дугин, и унтер-офицер Измайлов. Может, помните, ваше превосходительство?

— Как же, помню, помню — орлы! — ответил Фонвизин.

Оказывается, охрану Петропавловской крепости в этот день несли солдаты, которыми генерал когда-то командовал.

Солдаты очень любили своего командира. Фонвизин был одним из немногих, кто отменил у себя в полку телесные наказания.

Посмотрел Петров на генерала:

— Михаил Александрович, ваше превосходительство, значит, и вы тут? Вон оно как. — Потом перешёл на шёпот: — Мало вас было. Э-эх! — Петров замолчал. Затем неожиданно: — Один минут, ваше превосходительство, — и куда-то исчез.

Вскоре солдат вернулся. Но не один. С ним ещё двое — Дугин и унтер-офицер Измайлов.

— Здравия желаем, ваше превосходительство, — поприветствовали солдаты своего бывшего командира. Затем Измайлов тихо сказал:

— Бегите, Михаил Александрович. Караулы у крепости наши.

Фонвизин смутился.

— Бегите, — зачастил Измайлов, — не мешкав, бегите, ваше превосходительство. В другой раз такого не будет. Караулы, что ни день, меняются.

Фонвизин покачал головой.

— Бегите, — повторил Измайлов, — о нас не тревожьтесь. Комар не подточит носа. Не видели, не знаем, не ведаем. А ежели и палок дадут, спина у солдат привычная.

— Спасибо, братцы, — сказал Фонвизин. — Спасибо. Ценю. До гроба ценить буду. Не помышляю о спасении. Об отечестве думал. Не получилось. Не один я тут. Не мне выходить одному отсюда. Прощайте!

— Кончай прогулку! Кончай прогулку! — раздался голос дежурного офицера.

— Прощайте, — ещё раз повторил Фонвизин.

ОЛЕНЬКА

Представился случай бежать из Петропавловской крепости и поручику Николаю Басаргину.

Поручик был молод. Отличался весёлым нравом. Однако в крепости Басаргин изменился.

Стал грустен, задумчив. Что-то мучило Басаргина. Нет, не суда он страшился, не суровой расправы. Человеком он был отважным. Осталась на воле у поручика дочка. Безумно любил Басаргин свою Оленьку. Думал теперь об Оленьке. «Эх, бежать бы из крепости!»

И однажды тюремный сторож сказал Басаргину:

— Жалко мне вас, ваше благородие. И я готов вам помочь.

«Чем же он может помочь? — подумал поручик. — Разве что притащит лишнюю порцию каши».

Через день унтер-офицер (тюремный сторож был в унтер-офицерском звании) снова появился в камере Басаргина и опять зашептал:

— Ваше благородие, хотите бежать из крепости?

Всего, что угодно, ожидал Басаргин, только не этого. Даже не поверил тюремному сторожу.

— Как же ты через все караулы — в кармане, что ли, меня пронесёшь?

— Хотя б и в кармане, — загадкой ответил сторож.

Долго не мог заснуть в ту ночь Басаргин. Лежал он на нарах.

смотрел в сырой потолок. И представлялась поручику Оленька. Шли они вместе по лугу. Носились стрижи над обрывом. В небе висело солнце. Тихо шептались травы. Заливалась Оленька смехом.

«Убегу. Ради неё убегу», — решил, засыпая, поручик. Заснул он и снова увидел Оленьку. Только девочке вовсе не три года, а взрослая Оленька. Красивая, стройная. Смотрит Оленька на отца и вдруг задаёт вопрос:

«Скажи, а это верно, что ты убежал из крепости?»

«Верно».

«А верно, что остальные пошли на каторгу?»

Запнулся с ответом поручик и тут же открыл глаза. Чувствует — пробил его пот холодный. Утром в камере вновь появился тюремный сторож.

— Всё договорено, ваше благородие. Готовьтесь. Нынче ночью.

Посмотрел Басаргин на унтер-офицера и говорит:

— Братец, прости, не могу: Оленька.

— Что — Оленька? — не понял сторож.

— Не велит.

Унтер-офицер удивлённо посмотрел на Басаргина.

— Не простит, понимаешь, Оленька. Ступай, дорогой, ступай.

Сторож хотел что-то сказать.

— Ступай, — повторил Басаргин.

«Э-эх, рехнулся, видать, поручик», — подумал унтер-офицер, выходя из камеры.

«ОХ, ОХ...»

— Ох, ох, — вздыхала княгиня Ордын-Нащокина, — от чего уберёг господь! Они-то, батюшка мой (княгиня имела в виду декабристов), все, как один, грабители.

— Да что ты, матушка Глафира Стократовна, — возражал княгине её сосед граф Пирогов-Пищаев, — не грабить вовсе они собирались, а подняли смуту по убеждениям, так сказать, политическим.

— Грабить хотели, — твердила княгиня, — паграбить и всё бы себе. Вот к слову хотя бы — Бестужевы. Бедный же род у Бестужевых. Вот к чужому богатству они и рвались.

— А Муравьёвы? — вставлял Пирогов-Пищаев. — Да нам с тобой, матушка, такие богатства, как у Муравьёвых, даже во сне не виделись.

Не убедил Пирогов-Пищаев княгиню Ордын-Нащокину.

Стоит старая барыня на своём:

— Грабить злодеи хотели, грабить. Не дворяне они, а разбойники. С ножами их и схватили. Точно тебе говорю...

— Ты уж того, — насупился граф Пирогов-Пищаев. — Меру, матушка, знай. Зачем же с ножами. Чай же, шпаги у них имелись.

Разные слухи о декабристах по дворянским усадьбам тогда ходили. Решил Пирогов-Пищаев обо всём разузнать из надёжных мест. Собрался. Поехал в Москву, в Петербург. Повстречался с друзьями, с министрами, с генералами. Вернулся снова к себе в имение.

— Ну, матушка Глафира Стократовна, — сказал Пирогов-Пищаев, — всё-то ты на старости лет напутала. Тоже скажешь — разбойники! Да не о себе они вовсе думали. Хотели освободить от неволи крестьян — вот отчего бунтовали.

Посмотрела княгиня Ордын-Нащокина на графа Пирогова-Пищаева:

— Освободить крестьян! Так что я тебе говорила? Вот видишь, грабить они хотели. И Дуньку, и Прошку, и Маньку, и Фёклу моих отнять. Эка ж разбойники. Страшно подумать. Вот от чего уберег господь.

СЛУХ НА СЛУХЕ СИДИТ ВЕРХОМ

Нифонт Пряхин примчал из большого села Зосимова. Был Пряхин на торжище. Возил на продажу соленья разные. Как раз в это время в самой они цене. И тут от местных мужиков, а народ там знающий, услышал такое!.. Бросил Пряхин свои соленья. Ветром летел назад.

— Мужики! — закричал он от самой околицы. — Сам царь на господ поднялся. Барам, считай, конец.

Весть, конечно, была потрясающей. Набежали и стар и мал.

— Сам царь-государь, — продолжает Пряхин, — слава ему великая, о нас, горемычных, вспомнил. Бар хватают по всем уездам. Дождались они, мучители. Попили нашей кровушки. За то и призвал государь к ответу. В крепость Петра и Павла — вот их куда сажают, в Алексеевский рavelин.

Смотрят крестьяне на Пряхина: «Неужто и в самом деле?!»

— Слава отцу-государю! — крикнул истошно Нифонт.

Радость в селе небывалая. Да только в любой деревеньке русской поперечный всегда найдётся. Оказался такой и тут. Вышел вперёд Лучезар Рассветов.

— Чтобы царь — да за нас, сермяжных?! Не может такого быть. Что-то подпутал Пряхин.

— «Подпутал!» — возмущается Пряхин. — Да я своими ушами слышал. Я в Зосимове, чай, бывал.

— Не может такого быть, — стоит на своём Рассветов.

Был мужиком он дотошным. Сам поехать решил в Зосимов.

Слухов в Зосимове — пруд пруди. Пересуда идёт к пересуде.

Каждый мелет, что в ум взбредёт. Доподлинно только одно известно: в Петербурге на Сенатской площади из пушек была пальба.

Покрутился Рассветов в Зосимове, в уездный поехал город.

Слухов в городе — пруд пруди. Каждый несёт, что с языка сорвётся. Одни говорят, что в царя стреляли, другие — что царь стрелял. Доподлинно только одно известно — в Петербурге из пушек была пальба.

Упорный мужик Рассветов — в губернский едет город.

И тут не лучше — слух на слухе сидит верхом. Рассветов и дальше бы, в Петербург, поехал. Да только тут попался ему человек — встречный, как раз из Питера. Толком всё и узнал Рассветов. Так и есть, всё подпутал упрямый Пряхин. Чтобы царь за крестьян, за униженных — да разве может такое быть!

Вернулся Рассветов к себе в село. Торопится рассказать обо всём мужикам и Пряхину. Только где же сам Пряхин? Пряхина нет в селе. Что же случилось?

Взбаламутил всё же Нифонт Пряхин тогда крестьян.

— Жги утеснителей. Жги! Отец-государь благословляет! Схватились крестьяне за косы, за вилы. Начали бар громить. Но тут... приехал исправник. А с ним солдаты.

Били крестьян нещадно. Пряхин ушёл в Сибирь.

Во многих местах заволновались тогда крестьяне. Да всюду итог один.

ПОСТАВЩИК ДВОРА

В Петербурге в торговых рядах владельцем одной из лавок был купец, по фамилии то ли Уткин, то ли Голубкин, то ли Голубкин-Уткин. Торговал он заморскими фруктами. Себя величал: «Поставщик двора его императорского величества». Действительно, был однажды случай, когда этот Уткин или Голубкин поставил в Зимний дворец ящик с апельсинами. С той поры и задрал он нос.

Когда начинал торговаться с кем-то в цене, а надо сказать, что брал он на редкость дорого, купец непременно вставлял:

— Я поставщик двора...

Если с кем-нибудь заводил разговор, пусть и не о торговых совсем делах, то и тут не мог удержаться:

— Я поставщик двора...

Даже как-то жандармского унтер-офицера Хваткина обозвав нехорошим словом, избежал ответственности лишь потому, что в жандармском участке всюю кричал:

— Я поставщик двора...

И вот появились у этого Уткина или Голубкина новые покупатели. Приобретали они один за одним по целому ящику апельсинов и, что особенно поразило купца, не торгуясь.

После этого к купцу явился старый его знакомый жандармский унтер-офицер Хваткин.

— Собирайся!

— Я поставщик двора... — начал купец.

— Собирайся!

Привёл Хваткин Уткина или Голубкина в участок.

— Я поставщик двора... — снова начал купец.

— Вот мы сейчас разберёмся, какого двора, — грозно произнёс жандармский полковник.

— Его императорского величества, — гаркнул купец.

— Разберёмся, — повторил полковник.

А дело всё в том, что в Петропавловской крепости и даже в Алексеевском равелине у заключённых декабристов вдруг были обнаружены апельсины.

Как, откуда они попали? В самой крепости, у охраны, выяснить ничего не удалось. Стали тогда искать продавца. Им и оказался Уткин-Голубкин.

— Вот вы какого двора поставщик! — кричал на купца жандармский начальник. — Да за это тебя... шкуру с тебя... В кандалы да в Сибирь. Кто приходил за товаром?

Перепугался купец. Со страху забыл, кто приходил, как покупатели выглядят.

— Двое их было. Двое. Нет, кажись, трое. — Через минуту: — Точно припомнил — был он один.

Понял жандармский полковник, что от купца не добьёшься прока, приказал у лавки устроить засаду, схватить покупателей. Однако за апельсинами больше никто не явился. Так и осталось неизвестным, как, через кого попадали заморские фрукты в Петропавловскую крепость.

Для купца эта история кончилась плохо. Правда, в Сибирь его не погнали, но в торговых рядах лавку приказали закрыть. Однако купец есть купец. Погоревал он, поохал. А затем перевёл свою лавку в другое место и снова открыл торговлю.

Теперь, когда он начинал торговаться в цене, а брал он и на новом месте на редкость дорого, то непременно вставлял:

— Я, к вашему сведению, этот продукт, — купец показывал на апельсины, — поставлял аж самим господам офицерам, тем, что... — В этом месте купец делал жест рукой, показывал в сторону Петропавловской крепости. — Во!

Нужно сказать, что теперь торговля лучше пошла у купца.

МАЛИНА

Большая, надёжная стража охраняла Алексеевский равелин. Много здесь грозных и злых тюремщиков. Но и тут нашлись люди, которые сочувствовали декабристам.

На хороших тюремных сторожей особенно повезло поручику Басаргину. Один из них хотел устроить ему побег, другой...

Лежал однажды Басаргин в своём каземате. Снова смотрел в потолок. Опять вспоминал свою Оленьку. А думая об Оленьке, вспомнил и своё детство: речку-певунью, густые травы, то, как ходил в лес по грибы, по ягоды. Лежал Басаргин, и представлялось ему, что он снова в густом лесу.

«Ау! Ау!» — раздаётся тревожный голос.

Это нянька разыскивает Николеньку Басаргина.

«Ау! Ау!»

Не отвечает Николенька. Забрался он в куст малины. Свисает с веток душистая ягода. Спелая-спелая. Вкусная-вкусная. Так и просится ягода в рот.

Лежит вспоминает поручик лес. И вдруг так захотелось ему малины, как в жизни ещё никогда не хотелось.

В это время тюремный сторож и зашёл в камеру к Басаргину. Видит, лежит мечтает о чём-то поручик.

— Небось снова, ваше благородие, об Оленьке? — спросил сторож.

Почти все охранники знали, что у Басаргина осталась на воле любимица дочь.

— Об Оленьке, друг, об Оленьке, — сказал Басаргин. — А ещё о малине, — и усмехнулся. — Вот ведь какая блажь.

Рассказал он тюремному сторожу тот случай из детства, про речку-певунью, про лес.

— Да-а, — протянул тюремщик. Видно, детство тоже своё припомнил.

Прошло два дня. Поручик уже и забыл про разговор, про малину. И вдруг входит к нему в камеру сторож, протягивает бумажный кулёк.

— Что такое? — подивился Басаргин.

— Берите, ваше благородие, берите.

Взял Басаргин кулёк. Развернул. Посмотрел — малина.

— Откуда?!

Сторож замялся.

— Ешьте, ешьте, ваше благородие.

Басаргин взял ягодку, осторожно отправил в рот.

— Откуда же, друг?

— Да тут... Да это же... начальство, — стал что-то невнятно объяснять сторож. Наконец нашёлся: — По случаю престольного праздника.

В этот день действительно был какой-то церковный праздник.

— А-а, — протянул Басаргин. — Ах, хороша, ах, хороша! Ай да малина! — Хитро улыбнулся: — Слава престольным праздникам.

ПРИГОВОР

Шесть томительных месяцев провели декабристы в Петропавловской крепости. Шесть томительных месяцев не прекращались допросы и следствия. И вот приговор объявлен. Пять декабристов — Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Пётр Каховский — были присуждены к смертной казни через повешенье. Остальные лишались чинов и званий и ссылались в Сибирь на каторгу. Декабристы гордо встретили свой приговор.

— И в Сибири есть солнце, — сказал декабрист Сухинов.

12-го июля, впервые за все эти месяцы, заключённых собрали вместе. Была устроена церемония лишения осуждённых чинов и званий. Называлось это гражданской казнью. С осуждённых должны были сорвать эполеты и ордена, бросить в огонь. Над головой у каждого переломить шпагу.

Николай I находился в это время далеко за городом в Царском Селе. Он приказал, чтобы через каждые 15 минут к нему являлся фельдъегерь, сообщал о том, как идёт церемония.

Приехал первый фельдъегерь:

— Построены, ваше величество. Генерал-адъютант Чернышёв приказал распалить костры.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно, ваше величество.

Прибыл второй фельдъегерь:

— Костры разложены, ваше величество.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышёв дал приказ срывать эполеты и ордена.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно, ваше величество.

Третий курьер явился:

— Срывают эполеты и ордена, ваше величество. Бросают в огонь.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышёв отдал приказ ломать шпаги над головами.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно.

Четвёртый курьер примчался:

— Шпаги ломают, ваше величество.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышёв отдал приказ в каторжные халаты одеть виновных.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Осмелюсь доложить, государь, смеются, кажись, злодеи. Царь побагровел, в гневе посыльным бросил:

— В цепи презренных, в цепи. Разойдись! — закричал посыльным. Схватился рукой за сердце. — Дурново! Дурново! Мчит Дурново, тащит капли ему от сердца.

РАСПЛАКАЛСЯ

Гордо встретили декабристы приговор суда. А вот морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

— Морской офицер лейтенант Бодиско расплакался, — доложил генерал-адъютант Чернышёв царю.

Николай I улыбнулся, остался доволен.

— Вижу, среди негодяев хоть и один, да человек благородный есть. Если бы знал — помиловал. Что же он говорил?

Что говорил Бодиско, генерал-адъютант Чернышёв не знал.

— Разузнать. Доложить! — приказал Николай I.

Стал хвастать царь своим приближённым, что морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

Похвастал брату.

Похвастал жене.

Адъютантам своим похвастал.

— Расплакался! Расплакался! Расплакался! — повторял государь. Даже повеселел. Даже по-мальчишечьи насвистывать что-то начал. — Расплакался! Расплакался! А сегодня я вам передам, что при этом сказал Бодиско.

Разнесли адъютанты налево, направо слова государя о том, что морской офицер расплакался.

— «Среди негодяев человек благородный есть. Если бы знал, помиловал» — вот что сказал государь.

В богатых домах Петербурга о слезах лейтенанта Бодиско только теперь и речь.

— Морской офицер расплакался!

— Морской офицер расплакался!

Правда, надо сказать, что активного участия в восстании Бодиско не принимал. И по решению суда наказание было вынесено ему, по сравнению с другими, совсем не суровое, а даже, скорее, мягкое. Как других, не отправляли его на вечную каторгу. Лишался Бодиско чинов и дворянства, ссылался в Сибирь на поселение.

Вечером генерал Чернышёв снова докладывал царю:

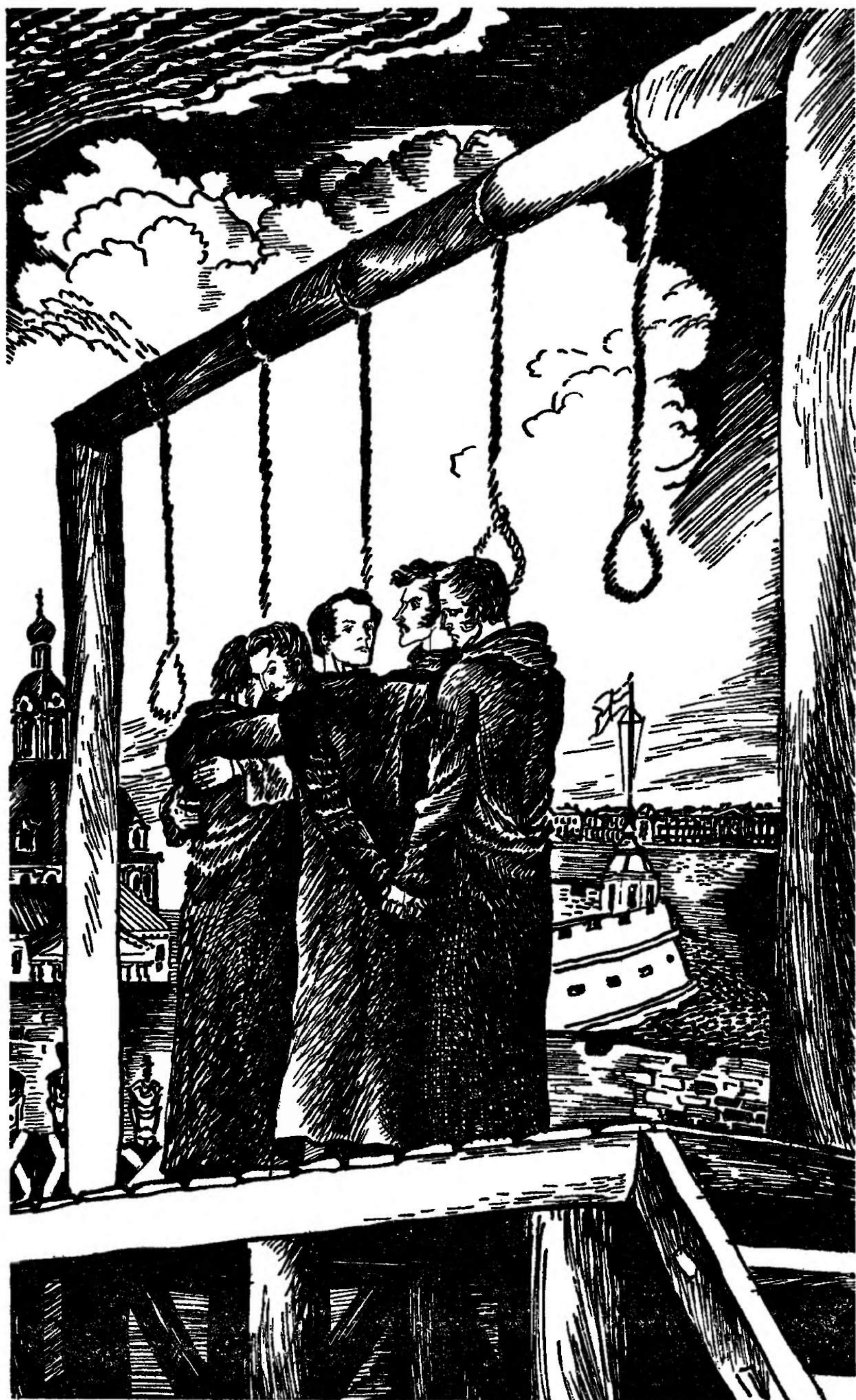
— Дознались, ваше величество.

— Ну-ну. Что говорил Бодиско? Какими словами каялся?

— Ваше величество, он того...

Что «того»? — насупился царь.

— Плакал этот злодей не потому, что в тяжких грехах раскаялся. Счёл, разбойник, ваше величество, за личное унижение столь мягкий ему приговор. «Стыдно смотреть мне в глаза товарищам» — вот что сказал Бодиско.

ПЯТЕРО

Петербург. Лето. Июльский рассвет. Неохотно плывут облака. Нева ещё сонно дремлет. Шпиль Петропавловской крепости шпагой вонзился в небо.

Осуждённых ведут на казнь. Вот они, пятеро: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьёв-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Пётр Каховский. Идут они в белых льняных рубашках. Прощально звенят кандалы.

Кронверк Петропавловской крепости. Слева стоят солдаты. Справа стоят солдаты. Помост. Два столба. Перекладина. В красной рубахе палач. Пять верёвок, как змеи, петлей свисают.

Идут декабристы. Двадцать шагов до смерти... десять... последних пять.

Генерал-адъютант Чернышёв, он старший и тут — при казни, сидит верхом на коне, смотрит на обречённых. В руках у генерала лорнет. То поднесёт он его к глазам, то на секунду опять опустит.

Ждёт генерал-адъютант Чернышёв, не дрогнет ли кто-нибудь из осуждённых. Не раздастся ли стон, не сорвётся ли крик.

Четыре шага до смерти. Идут декабристы. Открытый, бесстрашный взгляд. Три шага. Два. Последний предсмертный шаг.

— Начинай! — закричал Чернышёв.

Накинул палач на осуждённых петли. Затянул. Перепроверил. Из-под ног ловким ударом выбил скамейки.

Натянулись верёвки-змеи, превратились в тугие струны.

Снова поднёс к глазам генерал-адъютант Чернышёв лорнет.

И вдруг... Оборвался Рылеев.

И вдруг... Оборвался Сергей Муравьёв-Апостол.

И вдруг... Оборвался Каховский.

Солдаты, присутствовавшие при казни, замерли. Кто-то быстро перекрестился, зашептал:

— Помиловал господь, помиловал.

В старину существовал обычай, по которому человека, который срывался с виселицы, второй раз не казнили — миловали.

Растерялся и сам палач. Повернулся он к Чернышёву.

Махнул генерал рукой. Не понял палач, замешкался.

— Вешай! — закричал Чернышёв.

Похоронили казнённых на острове Голодай — тайно. Где — неизвестно. Могилы их до сих пор не найдены.

ПОНРАВИЛСЯ ЧЕМ-ТО СОЛДАТ
ГОСУДАРЮ

ПЫЛЬ И ПАЛКИ

Свистят, надрываются, плачут флейты. Нескончаемо бьют барабаны.

Жах, жах! — взлетают над строем и опускаются палки.
— Братцы, помилосердствуйте!

Солдаты стоят двумя рядами. Ряд перед рядом. Лицом друг к другу. В узком проходе идёт человек. Он оголён до пояса. Пригнулся, едва ступает. Взлетают палки над головами солдат, ударяют по оголённой спине несчастного.

Разносится в воздухе: жах, жах!

Бьют барабаны. Надрываются флейты.

— Братцы, помилосердствуйте!

На плацу перед казармами идёт экзекуция. Солдат, принявших участие в восстании декабристов, прогоняют сквозь строй. Гонят их в Московском гвардейском, и в гвардейском морском экипаже, за Невой на Аптекарской улице в лейб-гренадерском полку. Гонят на Украине в полках Черниговском, Тамбовском, Саратовском. Гонят в других полках.

Жах, жах!

Бьют барабаны. Надрываются флейты.

— Братцы помилосердствуйте!

Ещё до того как окончилось следствие по делу декабристов-офицеров, специальные военные суды огласили приговор солдатам восставших полков. Погнали виновных под палки. Называлось это — шпицрутены. Солдаты получали по четыре, шесть, восемь и даже двенадцать тысяч ударов. Не все из них вынесли столько шпицрутенных, не все из них выжили.

Но это лишь часть наказания.

Что закрубилося там вдалеке?

Пыль, пыль пыль...

Чей громыхает голос?

— Левой! Левой!

Чей раздаётся шаг?

Это идут солдаты.

Солнце палит. Идут солдаты. Непогода, град. Идут солдаты. Развезло от дождей дороги. Идут, месят солдаты грязь.

— Левой! Левой!

Живее, скоты!

— Живее!

Приказал царь Николай I отправить восставших солдат на войну, на Кавказ. В ссылку идут солдаты.

— С тебя всё началось! — кричал при допросе на Михея Шутова командир Черниговского полка полковник Гебель. — Когда бы не ты, не быть на свободе злодею! (Гебель «злодеем» называл Сергея Муравьева-Апостола). Не возмутить бы злодею Черниговский полк!

Не отпирался Шутов в своей вине:

— Ваша правда, ваше высокоблагородие, ваша правда. Так ведь попутал бес.

В канун восстания Черниговского полка подполковник Сергей Муравьев-Апостол был схвачен и арестован. Сидел он под караулом в селе Трилеса. Начальником караула был фельдфебель Михей Шутов. Вскоре в Трилесах появились офицеры-декабристы. Шутов с караулом примкнул к восставшим. Сергей Муравьев-Апостол был освобождён и стал во главе восстания.

— Когда бы не ты, — продолжает полковник Гебель, — из караула никто не посмел бы команды моей послушаться. (Полковник Гебель призывал тогда солдат сохранить верность царю.)

Не отпирался Шутов в своей вине.

— Ваша правда, ваше высокородие, ваша правда. Так ведь попутал бес.

— Ты чуть не убил меня, — наседает полковник Гебель.

И это правда. Бросились тогда солдаты с ружьями на полковника Гебеля. Еле полковник спасся.

Не отрицает Шутов и здесь вины.

— Ваша правда, ваше высокородие, ваша правда. Не убил. В живых вы остались. Так ведь попутал бес.

— Дурак! — закричал полковник.

— Так точно — дурак, — согласился Шутов. — Оно же, конечно, раз поднял ружьё, так что же тут думать — коли без промаха.

Взвизгнул полковник Гебель, хватанул по щекам гренадера.

Михея Шутова двенадцать раз провели сквозь тысячный строй солдат, а затем погнали в Сибирь на вечную каторгу.

НЕОЖИДААННЫЙ ПОВОРОТ

Когда войска стояли на Сенатской площади, Николай I подсылал к восставшим разных лазутчиков. Интересно было ему узнать, какие речи ведут декабристы, кого ожидают к себе на помощь, кто старший у них над войсками, много ль вообще солдат, что говорят в народе, забившем Сенатскую площадь.

Подходили лазутчики то тихо, осторожно, через соседние улицы, крадучись, то словно свои — в открытую, заводили бе-

седы разные. Затем возвращались опять к царю, доносили о том, что видели.

Были посланцы в чинах и званиях, просто жандармы были, появлялись люди в партикулярном — гражданском — платье. А тут подошёл подпоручик гвардейский, совсем молодой, кудрявый.

Покрутился подпоручик возле народа, потом поравнялся с солдатской цепью, завёл разговор с солдатами. Вначале осторожно, издалека: мол, погода сегодня неважная, мол, пробирает насквозь мороз. Гренадеры стояли в одних мундирах.

Какой-то усач поддакнул:

— Ваше благородие, как есть, всё равно. Аж холодит внутри. Оно, конечно, в казармах лучше.

— Да и дело как раз к обеду, — обронил невзначай подпоручик.

Забурчало в гренадерских желудках от этих слов. Представились каша и щи солдатские. Кто-то слюну глотнул. Сожалелючи кто-то вздохнул:

— Как раз в эту пору к еде команда.

Смотрит подпоручик — народ податливый. Решает, пора о главном. Глянул быстро по сторонам, нет ли из восставших офицеров кого поблизости. Голос до тихого сбавил:

— Покайтесь. Простит государь. Покайтесь!

Не ожидали солдаты таких речей. Ясно теперь гренадерам кто перед ними такой и зачем он сюда пожаловал.

— Покайтесь. Простит государь. Покайтесь!

Всколыхнулся солдатский ряд:

— Да что тут слушать. Бей ты его, кудрявого!

— Прикладом его, прикладом!

— А ну придави штыком!

Избили солдаты лазутчика. На четвереньках едва отполз.

Потом на допросах, когда задавали вопрос — кто же избил подпоручика, все отпирались: не знаем, не ведаем, и в глаза-то не видели, и слыхом не слыхивали. И вдруг:

— Я!

— Я!

— Я!

Десять, двадцать уже назвалось. Признаются всё новые, новые. Оказалось, что солдатами был избит подпоручик Яков Ростовцев. Тот самый предатель, выдавший план декабристов царю Николаю I.

Узнали солдаты, кого они били. Проснулась солдатская гордость. Каждому хочется, чтобы знали теперь другие, что и он колотил предателя. Вот и стали они признаваться. Даже нашлись такие, которые и близко к месту тому не стояли да и вообще о том, что кого-то когда-то побили, впервые сейчас услышали, однако и эти теперь кричали:

— Я тоже его хватил!

— Я тоже по роже смазал!

Вот ведь поворот неожиданный.

Хоть и пришибли тогда на Сенатской солдаты изрядно Ростовцева, но нужно сказать, что ему повезло, конечно. Не знали солдаты в лицо предателя. Если бы знали, вовсе не встал бы с земли Ростовцев.

ПРОСТИ

Лежал он побитым. Без стонов и вздохов. Сил не хватало на стоны. Лежал в казарме, на полу, на соломе. Спина превратилась в кровавое месиво.

Два солдата пришли к несчастному. Ступали тихо, не солдатски, словно по пуху шли.

— Дядька Андрей!

Поднял тот веки, повёл глазами.

— Дядька Андрей, прости!

Опустились они на колени, пригнули солдатские головы.

Олимпий Лазыкин и Аким Петухов были из тех, кто не примкнул к восставшим. Служили они в лейб-гренадерском полку с дядькой Андреем в одном полувзводе. Дядька Андрей из бывалых солдат бывалый. Двадцатый год на солдатской службе. Петухов и Лазыкин почти новички — первых мундиров ещё не сносили. 14-го декабря вместе со всеми восстал полувзвод. Дядька Андрей, как и все, ушёл на Сенатскую площадь. Петухов и Лазыкин в казармах остались. Разошлись их солдатские судьбы. Бывалый пошёл под палки. За верность царю молодые добились чести. Только честь вот им какая выпала — палками бить своих.

Началась в лейб-гренадерском полку экзекуция. В два длинных ряда стоят солдаты. Это те, кто будет виновных бить. Среди них Петухов и Лазыкин. Друг против друга. Держат в руках шомпола.

Вот идёт Пантелей Долговязов. Жах! Вот Семён Рытов, Даниил Соловьёв. Жах! Жах! Трофим Фёдоров, Фёдор Трофимов. Жах! Жах!

А вот и дядька Андрей ступает.

Ещё издали видят его Петухов и Лазыкин. «Пропущу», — решает Лазыкин. «Пропущу», — Петухов решает. Поравнялся с ними дядька Андрей. Пропустили солдаты его без удара. Только прошёл grenадер, как тут:

— Стой! Назад!

Хитрость солдат офицер заметил. Заставил он дядьку Андрея вернуться назад.

— Бей! — закричал на Лазыкина.

Вскинул тот шомпол. Ударил.
Жах!

- Бей! — на Петрова кричит офицер.
Вскинул тот шомпол. Ударил.
Жах!

Двенадцать тысяч ударов назначили дядьке Андрею. Двенадцать раз он прошёл сквозь тысячный строй солдат. По двенадцать раз опустили Лазыкин и Петухов свои шомпола на его оголённую спину.

И вот теперь оба стоят на коленях.

— Дядька Андрей, прости!

Шевельнулся солдат. Повёл утухающим взглядом:

— За что вас простить, родимые?

— За палки, за палки,— частит Петухов. А про себя: «Помрёт, помрёт не простивши. Грех на душе оставит».

— Так то офицер,— добавляет Лазыкин.— Кабы да по нашей воле...

Привстал на руках страдалец.

— Дурни, за палки давно простил. Не мне — с кем не пошли на площадь, тем упадите в ноги.

Сказал и рухнул опять на пол. Подхватили душу его архангелы.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ФАМИЛЯТ

На юге, во время летних лагерей, в палатке у Сергея Муравьёва-Апостола собирались офицеры-декабристы. Мечтали они о будущем, говорили о планах и целях восстания. Иногда приходили сюда и солдаты. Однако мало свободного времени у солдат. То наряды, то караулы. То строевым, то церемониальным шагом под солнцем палящим ходят: «Выше ногу! Ровнее шаг!» То ружья и сабли чистят.

Вот в Саратовском пехотном полку кто-то из солдат и придумал. Пожаловался он фельдфебелю:

— Господин фельдфебель, господу богу некогда помолиться.

Фамилия у фельдфебеля была Фамилят.

Доложил Фамилят ротному командиру: мол, приходил такой-то солдат, мол, была у солдата жалоба: господу богу некогда помолиться.

— Набожный солдат. Похвально,— сказал Фамиляту ротный. Посмотрел на фельдфебеля, распорядился: — Найти для солдата свободное время.

Через несколько дней другой солдат подошёл к фельдфебелю:

— Господин фельдфебель, господу богу некогда помолиться.

Доложил Фамилят ротному командиру: мол, приходил такой-то солдат, мол, была у солдата жалоба: господу богу некогда помолиться.

— Похвально. Похвально.

Разрешил ротный молиться и этому.

За этими двумя приходили к фельдфебелю третий, четвёртый, пятый. Отпускал своей волей фельдфебель теперь солдат.

Во время следствия оказалось, что посещали палатку Сергея Муравьёва-Апостола именно те солдаты, которых отпускал Фамилят из роты.

Взялись за Фамилята.

— Отпускал?

— Отпускал.

— Зачем отпускал?

— Господу богу некогда помолиться. Народ у нас набожный, — начинает Фамилят, — богобоязненный. Посты соблюдает каждый.

— «Посты»! — ругнулись на Фамилята. — Сколько отпускал?

— Пятерых.

— Ясно.

Допросили ротного:

— Отпускал?

— Отпускал.

— Скольких отпускал?

— Двоих.

Ясно. Обвинили Фамилята в содействии декабристам. Сняли с него нашивки за безупречную службу, разжаловали в рядовые.

Жалели тогда фельдфебеля:

— Ни за что пострадал Фамилят!

И лишь немногие знали, что совсем не в последних здесь был Фамилят. Что не только фельдфебель знал, куда и зачем ходили его солдаты. Но и про бога не кто иной, как сам Фамилят, и выдумал.

ПОВЕЗЛО

Были они друзьями — Трофим Федотов и Фёдор Трофимов. Вместе в лейб-гренадерском полку служили. Вместе французов били, гнали с родной земли.

Есть что обоим вспомнить.

Грудью стояли они под Смоленском.

— Помнишь, Троша?

— Помню, Федя. Как же о том забыть!

Ломали хребет французу в Бородинской кровавой сечи.

— Помнишь, Федя?

— Помню, Троша. Как же о том забыть!

По Европе вместе друзья шагали. Гнали врага в Париж.

— Помнишь, Троша?

— Помнишь, Федя?

— Как же о том забыть!

На Сенатской площади тоже рядом друзья стояли.

Не простые они солдаты. Барабанщик — Трофимов. Знаменосец — Федотов.

Это он, Фёдор Трофимов, бил в барабан тревогу, когда поднимался лейб-гренадерский полк.

Это он, Трофим Федотов, на Сенатскую площадь полковое гвардейское знамя нёс.

Когда началась расправа над солдатами-декабристами, стали

выяснить, кто первым в лейб-гренадерском полку начал бить в барабан тревогу.

Доложили — Фёдор Трофимов.

Кто вынес из казармы полковое знамя?

Доложили — Трофим Федотов.

Всыпали Трофимову шесть тысяч шпицрутенгов. Столько же всыпали и Федотову.

Разлучили друзей-приятелей.

На Кавказ погнали Трофимова. В Сибирь уехали Федотова.

Ходит Трофимов в огонь, в атаки. Глубоко под землёй в сырых рудниках таскает Федотов тяжёлые тачки.

Но не забыли друзья друг друга.

Есть что обоим вспомнить.

Вместе рвались они к свободе.

«Помнишь, Федя?»

Несётся из дальних далей:

«Помню, Троша. Как же о том забыть!»

Вместе о счастье народном думали.

«Помнишь, Троша?»

Несётся из дальних далей:

«Помню, Федя. Как же о том забыть!»

Не утихает их дружба солдатская.

«Э-эх, не повезло, не повезло Фёдору, — сокрушается в Сибири Трофим Федотов. — Я тут камни всего таскаю. А он ведь пошёл под пули».

«Э-эх, не повезло, не повезло Трофиму, — рассуждает Фёдор Трофимов. — Я-то хожу на воле. А он в кандалы закован».

Кому повезло, разберитесь сами: на Кавказе убили Трофимова, сгноили в Сибири Федотова.

ОСТАВЛЕН В ПОДОЗРЕНИИ

Радовался солдат Агафон Щербинин. По шесть тысяч шпицрутенгов получили его товарищи, в том числе и родной брат Агафона — Филипп Щербинин, а он, Агафон, наказания избежал, хотя, как и все, когда взбунтовался Черниговский полк, был в общем строю со всеми.

При допросе Агафон Щербинин вину свою отрицал. Друзья тоже его не выдали. В общем, открутился солдат от палок.

Избежал Агафон наказания. Однако в протоколах суда напротив его фамилии было помечено: «Оставлен в подозрении»

Отлежались друзья Агафона после шпицрутенгов, пошагали кто в Сибирь, а кто на Кавказ. Щербинин в полку остался.

Рад был солдат, да рано радовался.

Не стало жизни ему в полку. Чуть что — солдат в подозрении.

Отлучится ль куда солдат, лишнее слово при встрече бросит, закричит ли во сне Щербинин, сразу начальство теперь гадает, спроста ли так поступил солдат, не замыслил ли снова солдат худого.

Повернётся не так солдат, собьётся, спутает шаг, в стрельбе из ружья промахнётся, опять на солдата все косо смотрят. Спроста ли так поступил солдат?

Измучился Агафон Щербинин. Стал проситься в соседний полк. Добился.

Прибыл сюда. И что же?

То же самое. Даже хуже.

Стал проситься в дальний какой-то полк. Добился.

Прибыл сюда. И что же?

То же самое. Даже хуже.

В подозрении ведь солдат. Всюду за бедным слежка.

Исстрадался совсем Щербинин. Решает уж лучше во всём признаться. Пусть высыплют, как всем, шпицрутенцов. Пошлют на Кавказ. Вместе со всеми будет.

Признался Щербинин.

Обрадовалось начальство: «Ага, не зря в подозрении был!»

Прогнали солдата сквозь строй. Высыпали шесть тысяч шпицрутенцов. А за то, что молчал, за то, что не сразу сознался, и ещё добавили столько же. Выжил солдат после шпицрутенцов, ждёт, когда же пошлют его на Кавказ.

Ждал, ждал. Не послали.

Решило начальство:

— Пусть остаётся здесь. Глаз за ним острый нужен.

Был оставлен солдат в полку. До конца своих дней промаялся.

ЧУДАК ЧЕЛОВЕК

Рядовой лейб-гвардии Московского полка Николай Поветкин отказался присягать Николаю I.

— Не желаю, — сказал солдат. (До этого Поветкин уже присягнул Константину.)

Уговаривали его товарищи:

— Дура! Царь есть царь. Николай, Константин — кому ни служи, едино.

— Не желаю, — твердил солдат.

Рассмотрение солдатских дел в Московском полку вёл полковник барон Шлиппенбах. Шлиппенбах уговаривал.

Не помогло.

Начальник Главного штаба генерал Дибич уговаривал. Родной брат Николая I великий князь Михаил уговаривал.

Не помогло.

Случай был редкостный.

Побили солдата тюремщики. И это не помогло. Упрям человек. Чудак человек.

Доложили Николаю I. Обозлился царь. «Ах он такой-сякой!» Погнал солдата в Сибирь на вечную каторгу.

Отказался присягнуть Николаю I и старый генерал-аншеф Долгоруков.

Уговаривали Долгорукова друзья-генералы. Жена просила, в ногах валялась. Дети молили. Не помогло.

Уговаривал военный министр Татищев. Родной брат Николай I, великий князь Михаил, уговаривал. Не помогло.

Доложили Николаю I.

— Долгоруков? Генерал-аншеф?

— Так точно, ваше величество.

Обозлился царь: «Ах он такой-сякой! Лишу упряма я царской милости». Приказал не пускать на балы во дворец.

Узнали солдаты, какое наказание Долгорукову.

— Вот так тебе немилость!

— Волк на волка, считай, не бросится!

— Аист лягушку глотнёт, не аиста!

Обидно им за Поветкина.

— Раз солдат — так гони в Сибирь!

— Коль лютость — так к нашему брату!

— Братцы! Не любит наш государь солдат — вот она горькая правда.

Солдат Касьян Епиходов молчал, молчал. Однако при этих словах сорвался.

— Любит, не любит — не в этом суть. Глубже смотрите в дело. Не генерал ему страшен, а страшен солдат. Вот она, лютость, идёт откуда. Вот где зарыта правда.

ОБМАНУЛИ

Николай I всячески старался доказать, что солдаты по ошибке, случайно пошли за декабристами. Мол, декабристы их обманули.

Приехал как-то царь в Царское Село, в свой загородный дворец. Смотрит, у входа на карауле стоит солдат. С ним и заговорил Николай I:

— Ну что, служивый, обманули злодеи вас?

— Так точно, ваше величество! — гаркнул солдат.

Доволен царь Николай I. «Вот она, правда, в словах народа».

Понравился чем-то солдат царю. Костью крепок, в плечах широк. Глаза ясные-ясные, синие-синие.

— Обманули, государь, обманули, — продолжает солдат.

Говорили, поубавится срок нашей солдатской службы. А где оно всё? О том и не слышно.

Царь вскинул глаза на солдата. «Да что он — дурак? — подумал. — Конечно, дурак. Эко глаза коровьи».

Раздосадовал солдат Николай I своим ответом. Плохо спал в эту ночь государь. Всё о солдате думал. «А может, он не дурак, может, очень хитрый солдат попался».

Утром вышел в парк на прогулку царь. Выходит, видит — на карауле стоит солдат. Другой, конечно. Прежний давно сменился. Обратился Николай I к солдату:

— Обманули злодеи вас!

— Так точно, ваше величество! — гаркнул солдат. Замер по стойке «смирно».

Царю солдат чем-то понравился. Строен, подтянут, высок.

— Обманули, государь, обманули, — продолжает солдат. — Обещали народу волю. А где она, воля? Теперь-то с кого спросить!

Глянул царь на солдата. «Да что он — дурак? — подумал. — Дубина. Вона как вымахал. Конечно, дурак».

Пошёл государь по парку. Пруд обогнул. Поравнялся с беседкой. Смотрит, и здесь на карауле стоит солдат.

Обратился к солдату царь:

— Обманули злодеи вас?

— Так точно, ваше величество! — гаркнул солдат.

Понравился чем-то солдат государю. На редкость лицо симпатичное.

— Обманули, ваше величество, обманули, — продолжает солдат. — Про землю они говорили. Мол, будет земли передел. А где передел? По-прежнему всё осталось.

Сплюнул царь Николай I от обиды. Глянул в лицо солдату. «Дурак, конечно, дурак. Вот и морда какая противная». Обозлился, обиделся царь. Прекратил он прогулку. Быстрым шагом пошёл по двору. Идёт, о солдате думает. «Дурак, дурак. А может, просто хитрый солдат попался?!»

Подошёл государь ко дворцу. Смотрит, на карауле стоит солдат. Другой, конечно. Сменился прежний.

Понравился чем-то солдат государю. Хотел Николай I солдату задать вопрос. Однако не решился, не задал. Лишь бровью, как ворон крылом, повёл. Лишь глазом недобрым глянул.

ХМЕЛЬНЫЕ СОЛДАТЫ

Нет покоя царю Николаю I. Хочется ему доказать, что офицеры-декабристы — это одно, а солдаты-декабристы — это совсем другое. Мол, вышли солдаты на Сенатскую площадь совсем случайно. Произошло, мол, всё по недоразумению.

Думал, думал царь Николай. Ничего не придумал.

Поручил придумать своему брату великому князю Михаилу.

Думал, думал великий князь Михаил. Ничего не придумал.

Вызвал царь военного министра Татищева.

— Думай! — сказал и этому.

Но и Татищев оказался на выдумку тоже слаб.

— Дурново! Дурново! — позвал государь.

Явился флигель-адъютант Дурново.

— Думай!

Сидит, думает Дурново. Наконец просиял:

— Придумал!

— Ну, ну?

Объясняет Дурново, мол, надо сказать, что были солдаты в тот день хмельные. Вот почему на Сенатскую площадь они и вышли.

— Хмельные! Откуда?! — нахмурился царь.

— Злодеи их подпоили. Вот откуда, — сказал Дурново.

Царь улыбнулся:

— Идея! Умён Дурново. Идея!

Стал после этого царь и налево и направо всем говорить:

— А солдаты того — выпивши были тогда солдаты.

Даже английскому посланнику как-то сказал:

— А вы знаете, милостивый государь, солдаты оказались в тот день хмельные. Я даже и сам не думал. Представьте, подпоили их офицеры. Вот до чего дошли.

Затем то же самое сказал и посланнику французскому.

Доволен царь Николай I. Разнесут теперь посланники эту весть по всему белому свету. Интересно ему, что же они в свои страны напишут. Приказал проследить. Перехватили жандармы донесения посланников, показали царю.

Писал английский посланник о том, что был у него разговор с царём Николаем I. Разговор касался недавних событий.

«Верно, правильно», — кивает головой Николай I.

Почти слово в слово передал английский посланник свой разговор с Николаем I, а в конце: «Судя по тому, какую нелепицу мне говорил государь, был он в состоянии вряд ли трезвом».

Глянул царь на письмо французского посланника, а там и ещё сильнее: «Судя по тому, какую глупость мне говорил государь, не солдаты тогда на Сенатской площади, а сам император русский находился явно в хмельном возбуждении».

Помутилось в глазах у царя Николая I. Схватился рукой за сердце:

— Дурново! Дурново!

Мчит Дурново, тащит капли ему от сердца.

Однако на этот раз не потянулся к лекарству царь. Размахнулся отец-император и по шес советчика съездил.

СПОХВАТИЛСЯ

Уже на Кавказе давно солдаты. Тот, кто приговорён к сибирской каторге, давно дошагал в Сибирь. После этого время ещё прошло. И вдруг спохватился, подумал царь Николай I, а всех ли он наказал примерно, не забыт ли какой солдат.

— Дурново! Дурново!

Явился флигель-адъютант Дурново.

Вместе сидят, гадают.

Дурново называет полки и солдат. Царь вспоминает — наказаны, нет ли?

— Лейб-гренадеры?

— Наказаны.

— Гвардейский морской экипаж?

— Наказан.

— Солдаты, что несли полковое знамя, когда шёл на Сенатскую площадь Московский полк?

— Не забыты, Дурново, не забыты.

— А те, что, потерявши последний стыд, били в барабаны, когда выступали святые отцы — отец Серафим и отец Евгений?

— И этих господь приметил.

— Унтер-офицер Фёдор Анойченко?

— Наказан, наказан. До смерти, кажись, забит.

— Михей Шутов?

— Фёдор Трофимов?

— Трофим Федотов?

Называет Дурново всё новых и новых солдат. Хорошая память у государя:

— Наказан.

— Наказан.

— Наказан.

Сидят Дурново и царь. Гадают. Ломают головы. Кто же ещё забыт? И вдруг:

— Знаю, — кричит Дурново. — Знаю!

— Ну, ну?

— Про этих забыли, ну как их... про тех.

— Да толком же ты говори!

Забыл Дурново, как называют тех, про кого он вспомнил.

— Ну про тех, ну как их... про этих.

Водит рукой Дурново по воздуху.

— Болван, — обозлился царь.

— Про... про... — Наконец Дурново просиял: — Про писарей.

— Фу-ты!

Некоторые из армейских писарей были причастны к восстанию декабристов. Они переписывали революционные воззвания.

О них и вспомнил теперь Дурново.

— Молодец, — похвалил Николай I. Дал он приказ разыскать писарей.

Ищут. Не могут найти.

— Ищите! Ищите!

Ищут. Не могут найти.

— Ищите! Ищите!

Наконец разыскали.

— Кто же такие?

— Иван Хоперский, Иван Дмитриевский, Иван Нововоздвиженский.

Похвалил государь жандармов за верную службу. Приказал наказывать писарей.

Вечером кто-то шепнул царю: мол, безвинных он посылает под палки. Мол, не нашли жандармы виновных, вот и других назвали.

— Иван Нововоздвиженский, ваше величество, в то время и вовсе при роте не был.

Посмотрел на советчиков царь.

— Был, не был, раз писарь, гони под палки. Знаю я этих писак. Разбойное это племя.

Глава VII

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

— В Сибирь!

— Бог ты мой!

— Катенька!

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая уезжала к мужу в Сибирь, на каторгу.

Когда прошение Трубецкой попало в руки к царю, он долго вертел бумагу. Не хотел Николай I отпускать Трубецкую:

— Пример нехороший. Поедет одна, а за ней и другие следом.

Мечтал Николай I о том, чтобы забыли вообще декабристов, чтобы отвернулись от них и отцы и жёны. Решил припугнуть Трубецкую.

— Если поедет, лишит её титула княжеского. Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся Николай I. — Сразу небось перестанет думать.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Уставился в потолок. Что бы ещё придумать?

— Денежных сумм не брать. Ценных вещей не брать. Подчиняться во всём коменданту. Видеться с мужем в неделю раз. Ладно, пусть будет — два, зато в арестантской палате. И при свидетелях. Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся Николай I. — Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Грозно повёл бровями. Уставился в потолок. Что бы ещё придумать?

— Если родятся дети, — царь поднял палец над головой, — лишать их отцовской фамилии. Приписывать к местным заводам. Считать крестьянами. Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся Николай I. — Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— У княгини слёзы стоят в глазах.

Улыбнулся царь Николай I. Ладонью потёр ладошку. Молодец, неплохо, видать, придумал.

— Значит, не едет теперь Трубецкая!

— Ваше величество, едет, согласна.

— Ах так! — обозлился царь. — Навеки ее в Сибирь. Дороги назад не будет!

Тронулась в путь Трубецкая. Верста за верстой, верста за верстой. Десятки, сотни, тысячи вёрст. Приволжские степи. Уральские горы. Просторы сибирских лесов и рек.

— Быстрее, быстрее, — просит княгиня.

Едет и ночью и днём. Через месяц Трубецкая была в Иркутске. Рядом совсем Благодатский рудник — там находился сейчас Трубецкой. Ещё несколько дней — и увидит княгиня мужа. Однако не пропускает иркутский генерал-губернатор жену декабриста дальше. Находит причины разные. Получил он приказ от царя чинить непокорной помехи.

— Не могу, не могу, княгиня. Осень. На Байкале обвалы, большая идёт волна.

При новой встрече:

— Не могу, не могу, княгиня. Не предвидится транспортных средств.

Проходит ещё неделя.

— Не могу, не могу, княгиня. На дорогах идёт разбой. Я же за вас в ответе.

Не отступаст отважная женщина.

Сослался губернатор тогда больным.

Ходит к нему Трубецкая и раз, и второй, и пятый, слышит одно в ответ:

— Его превосходительство хворые.

— Его превосходительство хворые.

— Не может принять, не может.

Пять месяцев добивалась Трубецкая приёма. Не отступи-

ла. Доконала она губернатора. Получила право тронуться дальше в путь.

Но это было ещё не всё. Приехала Трубецкая на Нерчинские рудники, и тут началось всё сначала.

Встретил её начальник Нерчинских рудников Бурнашев:

— Княгиня, княгиня. Жалко мне вас, княгиня. Там не дворцы.

— Знаю!

— Не хоромы...

— Знаю!

— Там снега и кандалный звон!

— Знаю!

Развёл Бурнашев руками. Приказал для Трубецкой приготовить санки.

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ

В доме Волконских давали бал. Свечи костром пылают. Мелькает за парой пара. Кружатся. Кружатся. Кружатся. Плавно играет вальс. Марии Волконской всего восемнадцать лет. 1825 год. Весна.

Всем известна батарея Раевского. Все помнят суровый 1812 год. Неман. Витебск, Смоленск, Бородино... Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Николай Раевский... Мария Волконская — дочь генерала Раевского.

Твои пленительные очи
Милее дня, чернее ночи,—

так Пушкин писал о Марии Раевской.

В 1825 году, меньше чем за год до восстания декабристов, юная Мария Раевская стала женой князя Волконского.

Сергей Волконский, как и отец Марии, был прославленным героем войны 1812 года.

В семнадцать лет он уже командовал полком. В двадцать пять стал генералом. В пятидесяти восьми сражениях участвовал князь Волконский. Не счесть наград и орденов, полученных им за отвагу.

Князь Волконский был активным участником Южного тайного общества. И вот приговор — Сибирь, двадцатилетняя каторга, вечное там поселение.

Ещё с большим трудом, чем княгиня Трубецкая, добилась Мария Волконская права поехать следом за мужем на каторгу.

Княгиня Трубецкая ехала летом. Княгине Волконской пришлось двигаться тем же путём зимой!

Снова бежали вёрсты. Мелькали поля в сугробах. Угрюмо смотрели Уральские горы. Грозно качали ветвями сибирские

кедры. Бушевали бураны, стонали метели. Кони сбивались с пути. А где-то были голодные волки. И птицы, не выдержав лютых морозов, падали в снег, как камни.

В Иркутске Марии Волконской, как и княгине Трубецкой, пришлось выдержать нелёгкий разговор с губернатором. Пугал губернатор княгиню.

— Согласна! Согласна! На всё согласна!

В Нерчинске — с Бурнашевым:

— Согласна!

— Согласна!

— Согласна!

И вот Благодатский рудник.

Вот он — Сергей Волконский.

Мария Николаевна бросилась к мужу. Замерла: поёлышался звон цепей. Это рванулся навстречу Волконский.

Не ожидала Мария Николаевна увидеть мужа в цепях. Растерялась. Но тут же пришла в себя. Опустилась перед Волконским она на колени, поцеловала его кандалы. Потом поднялась и нежно прижалась к мужу.

Начальник рудников Бурнашев, бывший при этой встрече, остолбенело смотрел на молодую княгиню. Было Марии Волконской двадцать неполных лет.

ПЕРВЫЙ СУП

Богат и славен Волконских род. Под Петербургом у них имения. На Украине у них имения. И леса, и луга, и поля — к одной десятине другая нижится.

Ещё богаче князя Трубецкие.

В домах гувернантки, лакеи, слуги. Да и сами дома стены метровые, двери дубовые, входы с колоннами. Внутри кабинеты, залы, столовые, комнаты детские, комнаты взрослые — для себя, для родных, для гостей.

А тут...

Поселились молодые княгини в хилой, убогой каморке. Два аршина вдоль, два поперёк — вот и вся каморка. Если ляжешь, протянешь ноги — дверь не открыть. Если откроешь двери — некуда сунуть ноги. Чтобы хоть что-то увидеть в оконце, надо неделю тереть оконце. К тому же

надо печку самим топить,

надо стирать,

пол подметать,

подметать и мыть,

надо кровать стелить,

картошку чистить,

обед варить,

штопать,

латать и шить.

У русской печки стоят княгини. Впервые в жизни варят княгини суп. Рядом книга лежит поваренная.

Положили картошку, нарезали лук.

— Не забыли ли мы чего?

Положили морковку, лавровый лист.

— Не забыли ли мы чего?

Положили ложку топленого масла.

— Не забыли ли мы чего?

Бросили соли горсть.

Получился на славу суп. Пар над горшком как облако.

Несут Волконская и Трубецкая в камеру суп — мужьям. Разлили его по мискам. Суп и горяч, и красив, и душист. И жиринки, как льдинки, плавают.

Попробовал суп Трубецкой. Попробовал суп Волконский. Смотрят на них княгини. Мол, не тяните, скажите, как суп.

— Сладок, сладок, — сказал Трубецкой.

— Ой, как сладок, — сказал Волконский.

Смутились княгини. Суп — и вдруг сладок! Что же они сварили?!

— Сладок, сладок! — опять Трубецкой.

— Ой, как сладок! — опять Волконский.

Смутились совсем княгини. Может, книга их подвела поваренная? Может, спутали соль и сахар?

Сладок, сладок! — хором твердят мужья.

Растерялись жёны теперь окончательно. Недогадливы.

Ну, а вы?

Суп ведь руками любимых сварен. Оттого он мужьям и сладок.

КОРОТКОЕ СЛОВО «НЕТ»

Вслед за Трубецкой и Волконской приехали в Сибирь жёны и других декабристов. Александра Григорьевна Муравьёва — жена Никиты Муравьёва, Наталья Дмитриевна Фонвизина — жена генерала Фонвизина, Александра Ивановна Давыдова, Елизавета Петровна Нарышкина, Александра Васильевна Ентальцева. Приехали и другие.

Рвалась к мужу и Мария Андреевна Поджио. Но где же сам Поджио? Нет о нём никаких вестей. Куда же Марии Андреевне схать? На рудник Благодатский, на Зерентуйский? В остроги Читинский, Петровский, в другие места? Куда?!

— Забудь ты его, забудь, — говорит Марии Андреевне отец — сенатор и генерал Бороздин. — Он преступник. Забудь!

Иосиф Викторович Поджио был приговорён к двенадцатилетней сибирской каторге.

Посылает Мария Андреевна письма в Сибирь.

«Не привезён», — отвечают с рудника Благодатского.

«Не привезён», — отвечают с рудника Зерентуйского.

Приходит ответ из острога Читинского. Приходит из острога Петровского. Из других далёких сибирских мест. Во всех ответах один ответ: короткое слово «нет».

— Забудь ты его, забудь, — начинает отец. — Из головы ты злодея выброси.

Но не забывает Мария Андреевна Поджио.

Летят её письма в далёкие дали: в Якутск, в Верхоянск, в Верхне-Колымск, Туруханск, на Витим. По многим местам Сибири разослал декабристов царь. Может, Поджио именно здесь?

Приходят ответы из дальних далей. Во всех ответах одно слово: короткое слово «нет».

— Помоги, разузнай, — просит Мария Андреевна отца. — Ты сенатор, ты генерал, ты у царя в почёте. Неужели тебе откажут?

Пообещал генерал Бороздин. Слово сдержал. Через неделю принёс ответ.

— Разузнал. Помер давно злодей.

Плачет Мария Андреевна. Не верит.

Идут годы. Один за другим. Не верит Мария Андреевна. Всё ждёт: вот-вот откроются двери, хотя бы письмо принесут от мужа. Десять лет дожидалась она вестей. Наконец сникла, смирилась. Поверила — нет в живых Поджио.

А Поджио был и жив и здоров. Томился он в Шлиссельбургской крепости. Сам Бороздин декабриста туда запрятал. Не зря он сенатор, не зря генерал, не зря у царя в почёте.

Не хотел генерал Бороздин, чтобы дочь вслед за мужем в Сибирь уехала.

— Я хитрее других, — хвастал друзьям Бороздин. И Трубецких и Раевских. Я свою дуру обвёл вокруг пальца. Ради счастья её старался.

А какое у Марии Андреевны счастье? До самой смерти она томилась. Всё вспоминала Поджио.

ЖЕНА КАВАЛЕРГАРДА

— Я выйду замуж за русского!

— Что за фантазии?!

— За русского, за русского, — смеялась Полина Гебль.

Полина Гебль родилась во Франции. И вдруг сложилось так, что девушка приехала в Россию, в Москву. Здесь в Москве Полина Гебль и познакомилась с молодым гвардейским офицером, будущим декабристом кавалергардом Иваном Анненковым.

Редкой преданностью отличалась Полина Гебль. Когда Анненков был арестован, она немедленно приехала из Москвы в Петербург, бросилась к Петропавловской крепости, добилась с ним встречи.

Кто вы? Куда? Тут и жён не пускают, — преградили ей путь дежурные офицеры. И всё же уступили просьбам молодой девушки.

Пропустили её офицеры, а потом сами же поражались: «Как это мы её пропустили?!»

Полина Гебль и вторично проникла в крепость. Прошёл слух,

что Анненков собирается кончить жизнь самоубийством. Стояла ночь. Мосты через Неву были разведены. Шёл лёд. Казалось, перебраться на противоположную сторону нет никакой возможности. И всё же Полина Гебль уговорила старика лодочника.

— Погибнем же, милая, — отговаривался старик.

— Прошу тебя, дедушка.

— Не пропустит Нева, не думай.

— Пропустит, дедушка, пропустит! — твердила Полина Гебль.

Сдался старик, перевёз её на ту сторону. Перевёз, а потом сам же и поражался: «Как это я её перевёз!»

Дежурные офицеры остоленели, увидя Полину Гебль. Разрешили они ей второе свидание с женихом. Разрешили, а потом сами же и поражались: «Как это мы ей опять разрешили?!»

После объявления Анненкову приговора Полина Гебль решила ехать за ним в Сибирь. Но для этого нужно было получить согласие царя. Узнав, что Николай I будет на военных манёврах под городом Вязьмой, Полина Гебль помчалась под Вязьму. В день манёвров ей удалось подойти к царю. Николай I нахмурился:

— Что вам угодно? Кто вы, жена?

Раздражённо поморщился: «Свои надоели. Так вот тебе на, тягайся теперь с француженкой».

И всё же разрешил Николай I Полине Гебль поездку в Сибирь. Разрешил, а потом сам же и поражался: «Как это я ей разрешил?!» Хотел отменить согласие. Да оказалось — поздно.

И вот Чита. Читинская церковь. Священник. Алтарь. Кадило.

Стоят рядом Полина Гебль и Иван Анненков.

— Да соединит вас господь на веки веков, — выводит батюшка и машет кадилом.

— На веки веков... — тянут певчие.

В Сибири закончилась история француженки Полины Гебль. Она стала Прасковьей Егоровной Анненковой.

Прямо из церкви, заковав в кандалы, Ивана Анненкова вновь увезли в острог.

ОКНА

По Петербургу ходили слухи:

— Вы слышали, тюрьма-то без окон.

— Без окон?!

— Без окон, без окон. Как гроб!

За Байкалом на Петровском заводе для декабристов строили специальную тюрьму. Привезли заключённых, смотрят

они на тюрьму — нет окон. Даже хотя бы самых маленьких, даже с решётками, хотя бы у самого потолка...

— Как — без окон?! — возмутились декабристы.

Но не заключённым тюрьму выбирать по вкусу.

— Как — без окон?! — негодовали жёны.

Окружили они со всех сторон генерала Лепарского:

— Фельдфебель!

— Жандарм!

— Палач!

— Будьте благоразумны. Будьте благоразумны, — повторял генерал Лепарский и отступал под защиту тюремных стен. Уж больно грозным был вид у женщин.

Вечером Лепарский вызвал к себе Трубецкую. Из всех жён была она самой решительной.

— Вот посмотрите.

Лепарский показал Трубецкой план Петровской тюрьмы. По плану окна не полагались. Снизу стояла подпись: «Быть по сему. Николай».

— Вот так, Екатерина Ивановна, — сказал генерал Лепарский. — Тут всё выше моей генеральской власти. Только об этом, о том, что видели, очень прошу — молчок.

Не выдали женщины генерала Лепарского. Однако в тот же день в Петербург помчались десятки писем. Жёны декабристов писали родным, знакомым, друзьям, подругам, соседям близким, соседям дальним, друзьям родных, друзьям знакомых и даже тем, кого вовсе почти не знали. И в каждом письме об одном: о Петровском заводе — тюрьме без окон.

Вскоре весь Петербург уже говорил об этом.

Поражался царь Николай. Со всех сторон слышит он об одном и том же. И даже жена царя царица Александра Фёдоровна:

— Николя! Это верно — тюрьма без окон?! Кто это сделал? Фи!

Пришлось отступить царю.

— Да это не я. Вовсе не я. Я ничего не знал. Это же всё генерал Лепарский, — свалил он вину на сибирского коменданта.

Отдал царь Николай I приказ прорубить на Петровском заводе окна.

Что касается генерала Лепарского, то тюремщиком он был терпимым. И там, где мог, содействовал декабристам. Уважали его декабристы.

Пребывая в настроении добром, Лепарский любил говорить:

— Лучше иметь дело с тремястами государственными преступниками, чем с десятью их жёнами. Да где с десятью, — генерал лукаво поглядывал на Трубецкую, — тут и одной достаточно.

ПОКЛОНИСЬ

В далёкой Сибири среди многих могил — могила. Часовня стоит над ней.

Если ты будешь когда в Сибири, поклонись дорогой могиле. Русской женщине поклонись.

Александра Григорьевна Муравьёва — жена декабриста Никиты Муравьёва — общей была любимицей. Редкой она красоты, редкой она доброты.

Грязь, непогода стоит на дворе, мороз три шкуры с тебя сдирает, пурга ли сбивает с ног, — спешит Муравьёва к тюремной ограде, то мужу еду несёт, то просто взглянуть идёт.

Любому поможет Александра Григорьевна — покормит, напоит, словом утешит, рубаху зашьёт.

Завидуют все Муравьёву.

В Сибири у Муравьёвых родилась дочь. Назвали девочку Нонушкой. Обожала Александра Григорьевна Нонушку.

— Нонушка — солнышко!

— Красавица наша Нонушка!

— Нонушка самая, самая умная!

А Нонушке только год.

Счастлива была Муравьёва. Не замечала сибирской каторги. Но вот подошла беда.

Возвращалась она как-то в непогоду домой из тюрьмы от мужа. Застудилась в пути. Слегла. Не встала больше Александра Григорьевна.

Донесли царю, что в Сибири скончалась жена Муравьёва.

— Все мы смертные, все, — ответил Николай I. — Говорил, не езжайте! Господь покарал. Ну что же, пусть царство ей будет небесное.

Умирая, просила Муравьёва похоронить её в Орловской губернии, в родовом склепе, рядом с отцом.

Доложили царю и об этом. Не соглашается Николай I.

— Ваше величество, просят родные.

— Воля усопшей.

— Нас не поймут.

— Вновь зашумят на улицах.

Непреклонен Николай I:

— Пошумят, пошумят — забудут. Пусть будет другим наука...

Но не забыта жена декабриста.

Если ты будешь когда в Сибири, поклонись дорогой могиле. Ниже, ниже ещё поклонись.

САПОЖКИ

У декабриста князя Евгения Оболенского была шапка. меховая, с ушами, тёплая. Из медвежьей дублёной шкуры. С тёмной крапункой впереди.

И вдруг исчезла куда-то шапка.

Ходит Оболенский, прикрывает затылок ладошкой. А на улице вот-вот ударит всю мороз.

Были у Екатерины Ивановны Трубецкой сапожки. Красивые, с меховым верхом. Из оленьей пошиты шкуры. Хранились они в сундуке, ждали трескучих морозов.

Жалко Трубецкой Оболенского. Достала она меховые сапожки. Стала кроить для Оболенского шапку. Сама мёрзнет, в каких-то старых ботинках ходит.

Приближалось рождество — один из зимних церковных праздников. К рождеству и старалась управиться Трубецкая. Торопится, готовит подарок для Оболенского.

Успела. Получилась отличная шапка. С козырьком, с ушами, с завязками. Не хуже, а даже, скорее, лучше той, что была у Евгения Оболенского.

Завернула Трубецкая шапку в тряпицу, перевязала. Пошла к острогу, к охранникам. Просит, чтобы те передали свёрток Оболенскому. Согласились охранники. Уважали они Трубецкую.

— С праздником вас, Екатерина Ивановна!

Бежит Трубецкая домой. Лютая стужа стоит на улице. Греется Трубецкая, ударяет ногой о ногу. Довольна, что с шапкой к самым морозам управилась. Будет князь Оболенский ходить в тепле.

Подходит княгиня к дому, видит, у дома стоит надзиратель Сёмушкин.

— С праздником, Сёмушкин! — кричит Трубецкая.

— И вас, — отвечает Сёмушкин. — С поручением я к вам, Екатерина Ивановна.

— Вот как?!

— От князя Оболенского. Уж очень просил вручить, — и протягивает Трубецкой свёрток.

«Что бы такое?» — гадаёт Трубецкая. Развернула, глянула — сапожки! Меховые, тёплые. Из медвежьей дублёной шкуры. На одном тёмная крапункой впереди.

ОБОЗ

Мало что изменилось в доме Екатерины Фёдоровны Муравьёвой после ареста сыновей. Всё так же приезжали к ней разные знаменитости: поэты, музыканты, художники. Всё так же устраивались богатые званые вечера.

Разве только то новое, что переехала Екатерина Фёдоровна из Петербурга в Москву.

Впрочем, надо начать с другого. Заметили сибирские начальники, что у декабристов стали появляться то запрещённые книги, то деньги, то вдруг вещи, которые заключённым ни при каких условиях не полагались.

Донесли об этом из Сибири в Петербург. Стали искать петербургские жандармы, через кого попадают в Сибирь запрещённые вещи. Не нашли. Тут и вспомнили про Екатерину Фёдоровну Муравьёву. «Не зря, не зря в Москву переехала, — рассуждали они. — И к Сибири поближе, и от нас, от нашего ока подальше».

Сообщили жандармы петербургские о своём подозрении жандармам московским. Установили московские цареохранники за домом Муравьёвой контроль и слежку.

В ту ночь на дежурстве стояли двое. Жандарм Присыпкин и унтер Кудря.

Ходили жандармы вокруг дома, ходили. Скучно. Прислонились к ограде. Вздremнули. Вдруг среди ночи сквозь сон слышит Кудря какие-то приглушённые голоса. Открыл глаза. Видит, у дома Муравьёвой стоит телега. Суется возле телеги молодые парни, какие-то ящики грузят.

Понял Кудря: вот они как попадают, запрещённые вещи, в Сибирь. Толкнул в бок Присыпкина:

— Грузят!

— Ай! — вскрикнул спросонья Присыпкин.

— Цыц! Грузят. Попались, голубчики!

Довольны жандармы. Укрылись в тени. Ждут, когда парни нагрузят телегу полностью.

— Нам полковник спасибо скажет, — шепчет Присыпкин.

— А как же, — соглашается Кудря.

— По стакану водки небось дадут.

— Может, медаль повесят.

Взгромоздили парни последние ящики. Тронулись лошади в путь.

Только отъехала муравьёвская телега от дома, и вот тут-то:

— Стой! — закричали Присыпкин и Кудря.

Остановилась телега.

Приказали жандармы гнать лошадей в жандармский участок. Погнали муравьёвские парни коней, куда им указано.

«Спасибо полковник скажет», — опять о своём жандармы.

— Быть тебе в унтерах, — хлопнул Кудря по плечу Присыпкина.

— В фельдфебели произведут, — пророчит Присыпкин Кудре.

Прибыла телега к жандармскому участку. Сам полковник немедля сюда пришёл. Генерал прикатил жандармский.

Сгружают жандармы ящики:

— Тя-жёлые!

Кряхтят, надрываются. Отбили доски, глянули внутрь. А в ящиках битый кирпич да камни.

Оказывается, узнала Екатерина Фёдоровна Муравьёва, что за её домом стали следить жандармы, для отвода глаз и снарядила такую телегу. Пока занимались жандармы пустой телегой, настоящий обоз и ушёл в Сибирь.

Более ста обозов отправила из Москвы в Сибирь Екатерина Фёдоровна Муравьёва. Она щедро помогала не только своим сыновьям, но и другим декабристам.

«Великая наша печальница», — называли её декабристы.

ВАРЕНЬКА ШАХОВСКАЯ

Декабрист штабс-капитан Пётр Муханов встретил однажды девушку Вареньку Шаховскую. Глянул и тут же влюбился. И Варенька влюбилась в Муханова.

Решили они пожениться. Но не успели. Грянул декабрь 1825 года. Муханов ушёл на каторгу.

У Вареньки была сестра — Полина. Муж Полины, Александр Николаевич Муравьёв, одно время тоже был членом тайного общества. В восстании он не участвовал и избежал каторги. Его просто сослали в Сибирь.

Вместе с мужем поехала в Сибирь и Полина. Варенька упросила сестру взять с собой и её. Ехала Варенька в Сибирь, на восток, верила в скорую встречу с Мухановым. И Муханов в это время ехал. Только мчали жандармы декабриста совсем не в Сибирь, не на восток, а как раз в противоположную сторону. Везли под строгой охраной на запад, в Финляндию. Заточили Муханова в Свеаборгскую крепость.

Николай I не мог слышать имени декабриста Петра Муханова. В день восстания Муханов находился в Москве. Узнав о разгроме декабристов на Сенатской площади и о том, что его друзья схвачены и посажены в Петропавловскую крепость, Пётр Муханов хотел тут же ехать в Петербург, убить царя и освободить друзей.

Почти два года просидел Муханов в крепостях. И вот наконец погнали его в Сибирь.

Узнала Варенька. Рада безумно Варенька. Ждёт известий, куда, в какой же острог поместят Муханова.

Верит Варенька в скорую встречу со своим женихом.

И вдруг приходит Александру Николаевичу Муравьёву (а Варенька все эти годы жила в его доме) строжайший приказ, чтобы ни он, ни его жена, ни сестра жены, то есть сама Варенька, не встречались ни с кем из сосланных в Сибирь декабристов и даже писем никому не писали.

Поплакала Варенька, однако пришлось смириться. В одном не удержалась лишь Варенька. Послала девушка письмо жениху. Завязалась у них переписка. Конечно, тайная.

Пишут молодые люди друг другу письма, ждут того времени, когда у Муханова кончится срок каторги и выйдет он на поселение.

И вот прошло восемь долгих, мучительных лет. Кончился у Муханова срок каторги.

Приободрилась Варенька. Счастлива Варенька.

Верит девушка в скорую встречу свою с любимым.

И вдруг... Приходит Александру Николаевичу Муравьеву строжайший приказ, чтобы и он, и его жена, и сестра жены, то есть Варенька Шаховская, немедленно оставили город Иркутск — а жили все эти годы они в Иркутске — и ехали в город Тобольск, а из Тобольска ещё дальше на запад — в Вятку.

Поплакала Варенька.

Однако приказ есть приказ.

Едет Варенька Шаховская на запад. А в это время жандармы мчат Муханова на вечное поселение ещё дальше в сибирскую глушь.

Были близко они один от другого. Восемь лет жили почти что рядом. И вот снова между ними тысячи и тысячи вёрст.

Но не теряет надежды Варенька. Пишет государю она письмо. Просит, чтобы разрешили ей стать женой декабриста Муханова.

Не теряет надежды и сам Муханов. Тоже пишет письмо царю. Тоже о том же просит.

Ждёт ответа Варенька Шаховская. Ждёт ответа и сам Муханов. Верят в добрый ответ, надеются.

И вот получают они ответ.

«Отказать», — читает Муханов.

«Отказать», — читает Варенька Шаховская. Не вынесла Варенька всех испытаний, заболела, слегла.

— К врачам её! К солнцу! На море!

Повезли её к морю, на солнце.

Но не помогли уже ни море, ни солнце. Скончалась Варенька Шаховская.

ЕЛЕНА, МАРИЯ, ОЛЬГА

Братья Николай и Михаил Бестужевы строили дом. Отбыв каторгу, жили они в Селенгинске.

— Братья Бестужевы строят дом!

Любопытно жителям Селенгинска. Приходят, толпятся, смотрят. Вырастает всё выше и выше дом. Дом большой, пятистенки. Комнаты слева, комнаты справа. Четыре окна на запад. Четыре окна на юг.

Прошлись братья по новому дому. Николай показал на двери:

— Елена, Мария, Ольга.

«Кто же приедет?» — гадали тогда в Селенгинске.

Улыбается старший Бестужев:

— Елена, Мария, Ольга.

Улыбается младший Бестужев:

— Елена, Мария, Ольга.

Гадают опять в Селенгинске:

— Если жёны, то очень много!

— Если гости какие, так надо ж в такую даль!

Ждут в Селенгинске — кто же приедет?

А в это время из Петербурга летит возок. Резво несутся кони.

Клубится дорожная пыль.

Трое сидят в кибитке: Елена, Мария, Ольга.

— Наконец-то, — сказала Елена.

— Теперь уже всё, — заявила Мария.

Ольга вздохнула:

— Боже, сколько минуло лет.

Мчит по дороге возок. Дорога то вниз, то вверх. Бубенцы то звенят, то стихают.

Ждёт Селенгинск в нетерпении:

— Кто же приедет?!

— Кто же приедет?!

Улыбается старший Бестужев:

— Елена, Мария, Ольга.

Улыбается младший Бестужев:

— Елена, Мария, Ольга.

И вот прикатил в Селенгинск возок. Кони стали. Звон бубенцов утих.

Окружили возок селенгинцы. Спустились на землю трое. Бросились к братьям Бестужевым.

— Николай!

— Михаил!

— Елена!

— Мария!

— Ольга!

— Так это же сёстры! — выпалил кто-то.

И правда, приехали сёстры Бестужевы — Елена Александровна, Мария Александровна, Ольга Александровна. Двадцать два года добивались отважные женщины царской «милости» — разрешения поехать к братьям в Сибирь на каторгу. И вот только теперь добились. Говорили тогда в Селенгинске:

— Этих бы русских женщин поднять до небес, до солнца!

И это, конечно, верно. Когда ты о женщинах русских думаешь, гордость тебя берёт.

Грозил царь Николай I, что запретит детям декабристов носить фамилию своих отцов. Грозил и сдержал угрозу.

У Александры Григорьевны Муравьевой и Никиты Муравьева родилась в Сибири дочь. Она была общей любимицей. Называли все её нежно Нонушка.

Приветливая очень Нонушка.

Ласкова очень Нонушка.

Сердечко у Нонушки очень нежное.

Отец у Нонушки — Муравьев. Мать у Нонушки — Муравьева. А вот у Нонушки совсем иная была фамилия — Никитина. Такова воля царя-императора.

Александра Григорьевна Муравьева очень рано скончалась. Вскоре умер и Никита Михайлович Муравьев. Осталась Нонушка сиротою.

После долгих хлопот девочку удалось перевезти в Петербург к бабушке. Отдали Нонушку учиться в пансионат.

— Здравствуй, Никитина, — сказала начальница пансионата.

Не отвечает Нонушка.

— Здравствуй, Никитина.

— Я не Никитина. Я — Муравьева.

— Никитина ты! — прикрикнула начальница.

— Нет, Муравьева, — упирается Нонушка.

Как ни старались воспитатели, ничего не могли с ней поделать. Хотели отчислить из пансионата, да всё же оставили. Правда, Муравьевой никто её не называл, но и Никитиной тоже. Выкликали к доске по имени.

Однажды в пансионат приехала императрица Александра Фёдоровна — жена царя Николая I.

Стали к царице подводить воспитанниц. Подошла очередь Нонушки.

— Никитина, — представила её начальница.

— Нет, Муравьева, — поправила Нонушка.

— Никитина, — вновь повторила начальница.

— Муравьева, — ещё громче сказала Нонушка.

Стоят начальница и воспитатели бледные-бледные, глаза боятся поднять на Александру Фёдоровну.

Нашла царица выход из неловкого положения, сказала девочке:

— Здравствуй!

Здороваясь с императрицей, девочки называли её матерью. Так полагалось.

Присела слегка перед Александрой Фёдоровной Нонушка (так тоже полагалось) и ответила:

— Здравствуйте, мадам.

Из белых стали теперь начальница пансионата и воспитатели красными. Ещё ниже приопустили головы, шепчут Нонушке, как надо правильно сказать, думают, от волнения, наверное, забыла девочка. Начальница даже незаметно её за платице дёрнула.

— Маман,— шепчет,— маман.

— Нет, мадам,— повторила Нонушка.— Моя мать — Александра Григорьевна Муравьёва,— гордо ответила девочка.

С НЕБА, СО ДНА МОРСКОГО

Началось это еще в Благодатском, с первого года каторги. Трубецкая и Волконская только-только сюда приехали.

Каждый день, когда заканчивались работы на руднике, обе женщины выходили к дороге, встречали мужей. Постоят они, пока стража прогонит колодников, вернутся опять домой в свою крохотную, в узкую, как клеть, каморку.

Стояли княгини Трубецкая и Волконская у дороги и в этот день.

Сибирская зима приближалась к концу. Уже синь пробивала небо. Всё веселее смотрело на землю солнце. Вот-вот и нагрянут птицы.

Стоят молодые женщины, смотрят, как гонят колодников, ищут глазами мужей. В какой-то поддёвке идёт Трубецкой. В простом армяке шагает Волконский. На ногах у обоих башмаки арестантские. Крестьянские шапки на головах. Загребая не-просохшую грязь, волокутся кандалные цепи.

Поравнялись декабристы с тем местом, где стояли их жёны, быстро наклонились, что-то положили на землю. Поднялись, помахали приветливо женщинам. Глазами скосили на землю: мол, место запомните, мол, подойдите.

Прошли колодники. Подбежала Трубецкая. Смотрит, что-то в тряпицу лежит завернутое.

Нагнулась, подняла, гадает.

— Записка, наверное. Важное что-то.

Развернула она тряпицу.

— Батюшки мои! Подснежники...

Прижала Трубецкая пакетик к груди. Не сдержала слезу в глазах. Набежала слезинка, капнула.

Подбежала к дороге Волконская. Смотрит, что-то в тряпицу лежит завернутое.

Нагнулась, подняла, гадает.

— Записка, наверное. Что-то важное. А может быть, план побега?!

Развернула она тряпицу.

— Батюшки мои! Подснежники...

Прижала Волконская букетик к груди. Не сдержала слезу. Расплакалась.

Трубецкой и Волконский и после собирали для жён цветы. То ромашки, то колокольчики, то сорвут багульника нежную веточку. Пройдут, бывало, колодники, глянешь — у дороги непременно лежат букетики.

Приметили это охранники.

— Глянь-ка, князя, кажись, блажью мучаются.

Блажь ли это, не блажь — не берусь судить. Не знаю, как ты, а я бы с неба, со дна морского жёнам таким бы достал цветы.

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

УПАСИ

О том, что многих из них ожидает царская милость, декабристы узнали ещё до того, как примчался курьер из Питера.

Декабрист Михаил Нарышкин первым принёс эту весть товарищам.

Нужно сказать, что сам Нарышкин к этому времени был уже на свободе — окончился срок его каторги.

Гадали тогда в Сибири, кому будет милость, какая милость.

Одни говорили, что всем разрешат вернуться теперь в Россию. Другие — что милость коснётся лишь тех, кто не был 14-го декабря на Сенатской площади. Третьи считали, что помилован будет тот, кто отличился в войне с французами.

— Всех простит государь, всех, — говорил Нарышкин. — Не зря сюда скачет курьер специальный.

— Ну, а тебе какая же будет милость? — спрашивали товарищи у Михаила Нарышкина.

— Думаю так, — отвечал Нарышкин, — вернёт государь мне военное звание и снова вверит драгунский полк.

До ареста Нарышкин был в чине полковника. Гордился высоким званием.

И вот прискакал из Петербурга курьер. Оказалось, что царская милость касалась лишь шести человек. В их число попал и Нарышкин.

«Что же Нарышкину будет?» — стали снова гадать в Сибири. Собрали тех, кто попал под милость.

— Прощает вас государь, — заявил посыльный.

— Всем вам вернут военные звания, — зашептал Нарышкин товарищам.

— Разрешает вам государь вновь приступить к доблестной службе.

— А? Что я вам говорил! — торжествует Нарышкин. — Снова вернёмся в армию. Здравствуй, драгунский полк!

— Разрешает вам государь, — продолжает посыльный, — покинуть Сибирь и...

Совсем размечтался Нарышкин. Представил далёкий, почти забытый уже Петербург, Невский, Литейный, Дворцовую площадь, Сенатскую площадь, Неву, Мойку, Фонтанку и Летний сад. Вот он куда поедет. Родных и друзей представил. Жену и детей. Брата, сестёр. Тёщу, тестя, отца и мать. Вот он кого увидит. Представил себя в наряде полковничьем — мундир, эполеты, сабля сбоку, усы торчком.

Мечтает Нарышкин и вдруг слышит слова курьера:

— ...великой милостью повелевает вам государь ехать рядовыми в Кавказскую армию.

Не поверил Нарышкин своим ушам:

— На Кавказ, рядовыми?!

— Рядовыми, — сказал курьер.

Вот так милость!

Поехал Нарышкин.

Говорили потом декабристы: «Не страшен нам царский гнев. Упаси нас от царской милости».

«ДАЛЕЕ В СИБИРЬ»

Декабрист Михаил Александрович Фонвизин обратился к царю Николаю I с просьбой отправить и его на Кавказ. Был Фонвизин генералом, соглашался ехать в действующую армию рядовым.

— Сам желает?! — поразился царь Николай I.

— Так точно, ваше величество.

Хмыкнул царь.

— Дурново, Дурново!

Явился флигель-адъютант Дурново.

Рассказал государь Дурново про письмо Фонвизина.

— Ну, как думаешь?

— Пусть едет, ваше величество. Может, под пули как раз попадёт.

Задумался царь Николай I.

— Нет, — говорит, — рано.

К этому времени у Фонвизина ещё не окончился срок каторги.

— Пусть посидит, пусть посидит, — заявил Николай I. — Послать на Кавказ мы всегда успеем.

Отказал Николай I в просьбе генералу Фонвизину.

Прошло несколько лет. Отбыл Фонвизин сибирскую каторгу. Снова пишет письмо царю. Снова просит о старом — послать его в действующую армию на Кавказ.

Прочитал государь письмо.

— Дурново, Дурново!

Явился флигель-адъютант Дурново.

Рассказал Николай I Дурново про письмо Фонвизина:

— Ну, как думаешь?

— На Кавказ его, ваше величество!

Посмотрел Николай I с усмешкой на Дурново, повертел пальцем возле виска: «Мол, не мозги у тебя в голове, Дурново, а каша».

— Нет, — заявил. — Уж коли Фонвизин и сейчас на Кавказ желает, значит, в Сибири ему невтерпёж. А раз так, — царь

Николай I хихикнул, — пусть поживёт, пусть поживёт в Сибири.

При этих словах царь снова покрутил пальцем возле виска: мол, учись, Дурново, учись.

«В другое место, далее в Сибирь», — написал Николай I на письме Фонвизина.

Помчали жандармы Фонвизина ещё дальше в сибирскую глушь.

РАЗРЕШИЛ

Братья Муравьёвы, Никита и Александр, очень любили друг друга. Всегда и во всём один помогал другому.

Срок каторги у Александра Муравьёва окончился раньше, чем у Никиты. Стали братья решать, куда проситься Александру на поселение.

После окончания каторги декабристам не разрешали возвращаться в европейскую часть России. Их расселяли по разным местам Сибири.

— Просись в Баргузин, — говорит Никита. — Там рядом Байкал.

Повёл Александр отрицательно головой.

— Просись в Курган. От Кургана к Москве и к Петербургу ближе.

Опять закачал головой Александр.

— Поезжай в Тобольск, на Иртыш, на Илим.

— Нет, — говорит Александр. — Буду проситься, чтобы оставили здесь.

Отбывали братья каторгу вместе со всеми вначале в Читинском остроге, а затем на Петровском заводе. Не хотел младший брат уезжать от старшего. Решил поселиться в посёлке рядом с Петровским заводом. Послал письмо со своей просьбой в Петербург.

Попало письмо с просьбой Александра Муравьёва к царю Николаю I.

— Ах, это тот Муравьёв?

Александр Муравьёв был в числе тех трёх молодых офицеров, которые во время допроса отказались Николаю I поцеловать руку.

— Тот, тот, — подтвердил Дурново. Тот самый.

«Разрешил» Николай I братьям остаться вместе: приказал младшего Муравьёва и впредь содержать в остроге.

— Пусть посидит, раз в Петровском ему так нравится.

Ещё несколько лет промучился Александр Муравьёв на каторге.

У братьев Муравьевых был однофамилец — Александр Николаевич Муравьев. Участия в восстании этот Муравьев не принимал. Даже не знал ничего ни о дне самого восстания, ни о его планах. Когда-то много лет тому назад он состоял в каком-то неугодном царю обществе. За старое его и привлекли к ответу. По суду не лишили его ни чинов, ни звания. Просто сослали в Сибирь.

— Пусть едет за собственный счёт,— распорядился Николай I.

Через несколько дней добавил:

— Да не в экипаже, не на рессорах, пусть едет в простой телеге.

Ещё через день:

— А если последует за ним жена, то пусть едет не вместе с ним, а сзади, на версту, не ближе.— Потом подумал: — Нет, пусть едет сзади на две версты.

Поехали Муравьевы в сибирскую ссылку. Муж — впереди. Жена — позади. Рядом с Муравьевым жандарм в телеге.

Не давала телега царю покоя: «А вдруг Муравьев ослушался? Не на телеге, а по-барски, в карете, едет?!»

— Послать фельдъегеря! — скомандовал царь.

Помчался фельдъегерь, вернулся.

— Ну как?

— На телеге едет, ваше величество.

Распорядился Николай I доносить о телеге и впредь.

Прибывают в Петербург курьеры.

Первый прибыл.

— Ну как?

— Всё в порядке, ваше величество. Муж впереди. Жена позади. Кони бегут ретиво.

Через неделю опять курьер.

— Ну как?

— Колесо у телеги сломалось, ваше величество.

Проходит ещё неделя.

— Ну как?

— Дышло, ваше величество, треснуло пополам.

Катит по сибирской земле телега. Не знает того, что сам государь проявляет к ней интерес. То забуксует телега в грязи, то кто-то из коней потеряет в пути подкову, то железная шина слетит с колеса,— тут же доносят обо всём Николаю I.

Даже зашептались среди приближённых:

— Помешался наш государь на телеге!

Приметили царские угодники, что приятно царю про телегу слушать, стали доносить ему разные разности: и то, что было, и то, чего вовсе не было.

Уже и к месту ссылки давно Муравьев доехал, а царю всё доносят, доносят:

- Перевернулась в овраг телега.
- Ха-ха-ха!
- Коренной в дороге у них подох.
- Так им и надо.
- Волки за ними гнались.
- Догнали?
- Догнали.
- Покусали?
- Покусали.
- До смерти?
- Нет, не до смерти.
- Жаль.

Привык к муравьевской телеге царь. Без неё даже скучно стало.

СОГЛАСЕН

Кавказ. Горы и водопады. Реки бурлят в ущельях. Где-то за небом кричат орлы.

На Кавказе идёт война, гибнут в боях солдаты.

В числе декабристов, отправленных царём на Кавказ, находился и Александр Бестужев.

Таскает Бестужев тяжёлый солдатский ранец. Ходит со всеми в атаки.

Не раз отличался в боях Бестужев. В приказах не раз отмечен. Даже орденом награждён.

А в те часы, когда утихают бои и выпадает свободное время, превращается Александр Бестужев в писателя Александра Марлинского. То сядет у горной речки. То на краю утёса. Достанет перо, бумагу. Строчка бежит за строчкой.

Один из кавказских начальников граф Воронцов знал и очень ценил Бестужева. Решил граф Воронцов облегчить участь писателя. Послал письмо Николаю I. Писал Воронцов, что Александр Бестужев человек талантливый и как писатель он может быть очень полезным отечеству, что надо его уберечь от боёв и от пуль. Просил Воронцов у царя разрешения перевести Бестужева-Марлинского из армии на гражданскую службу.

Получил Николай I письмо от графа Воронцова, прочитал раз, прочитал два.

— «Полезным отечеству», — проговорил, посмотрел на флигель-адъютанта Дурново. — Что значит быть полезным отечеству, а?

— Любить отца-государя, ваше величество, — выпалил Дурново.

— Верно, — ответил царь. — Вот ты, Дурново, полезен.

— Рад стараться, ваше величество, — поклонился царю Дурново и тут же чмокнул императора в руку.

— Бестужева не туда надо послать, — заявил Николай I, — где он будет полезен, а туда, где он может быть безвреден.

— Bravo, bravo! — закричал Дурново. — Ваше величество, bravo!

— Так что же, Дурново, написать графу Воронцову?

— Полный отказ, ваше величество.

— Ну и глуп же ты, Дурново, — усмехнулся царь. — Пиши: государь согласен.

Смутился, притих Дурново, вывел «согласен».

— Написал?

— Так точно, ваше величество.

Прошёлся царь по кабинету из угла в угол. Опять подошёл к Дурново. Ткнул пальцем в письмо к Воронцову:

— Пиши: «Согласен. Перевести его можно, но в другой батальон».

Остался Александр Бестужев в армии. И дальше лямку тянул солдатскую. Не вернулся Бестужев с Кавказа. Вскоре в одном из боёв погиб.

БАТЕНЬКОВ

Гавриил Степанович Батеньков по решению суда был приговорён к бессрочной сибирской каторге.

— Знакома ему Сибирь, знакома, — сказал на это Николай I. — Не напугаешь.

Батеньков до ареста был крупным государственным чиновником. По делам службы он несколько лет провёл в Сибири, хорошо изучил и знал этот край.

Приказал Николай I оставить Батенькова в Петербурге, заточить в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин.

Но главное было, конечно, не в том, что Батенькову была хорошо известна Сибирь. Будучи на важной государственной службе, Батеньков знал многое из того, что царь хотел бы сохранить в тайне.

— Тут место надёжное, — говорил Николай I о Петропавловской крепости и потирал ладошки. — Пусть посидит, пусть посидит. Стены тайны хранить умеют... Ну как? — спрашивал царь у Дурново.

— Гениально! — кричал Дурново. — Гениально!

Упрятал царь Батенькова в Алексеевский рavelин и всё же мучился, не находил покоя. Всё казалось Николаю I, что Батеньков и через стены сумеет разгласить известные тайны.

Думал царь, что бы ещё изобрести.

— Его бы — того, — подсказал Дурново.

— Что — того?

— Объявить, ваше величество, что злодей от своих злодейств ума своего лишился.

Посмотрел на советчика царь:

— Умён Дурново, умён!

Объявил государь Батенькова психически больным. Доволен Николай I, — что бы ни сказал теперь Батеньков, кто же ему поверит, раз он не в своём уме.

Батеньков был и остался отважным человеком. Из Петропавловской крепости он писал царю резкие, негодующие письма. Одно из них кончалось словами:

И на мишурных тронах
Царьки картонные сидят...

— Картонные! — возмущался Николай I. — Я ему покажу — картонные. — И тут же: — Сумасшедший. Вот видите, сумасшедший. Что я вам говорил?

Двадцать лет продержал царь Батенькова в одиночной камере. Но и этого ему показалось мало:

— Ладно, пусть едет теперь в Сибирь.

БЕСТУЖЕВ ПЯТЫЙ

После разгрома декабристов усилился царский надзор над армией, над офицерами.

Однажды в одно из военных училищ приехал брат Николая I великий князь Михаил. Переходил он из комнаты в комнату. Сзади почтительно шли начальник училища, педагоги и воспитатели.

Осмотрел великий князь учебный плац, учебные классы, кабинет начальника, столовую, карцер, перешёл в общежитие воспитанников.

Шёл Михаил и вдруг заметил на столике, который стоял между двумя кроватями, какой-то журнал. Шагнул великий князь к столику, взял журнал в руки, видит — запрещённый журнал. Раскрыл и сразу попал на стихи Рылеева.

— Чей журнал?! — закричал великий князь Михаил. Поднёс он журнал к самому носу начальника училища. Вертит журналом и так и этак. — Дармоеды! Бездельники!

Побледнел начальник училища, повёл плечами растерянно забегал глазами по сторонам, наконец, обратился к старшему воспитателю:

— Чей журнал?!

Старший воспитатель тоже побледнел, тоже повёл плечами, обратился к младшему воспитателю:

— Чей журнал?!

Младший воспитатель от страха вовсе лишился речи. Стоял, лишь разводил руками.

Вновь ругнулся великий князь Михаил. Затем указал рукой на одну из кроватей:

— Укажите хотя бы, кто на этой кровати спит?

Начальник училища посмотрел на старшего надзирателя, старший — на младшего.

— Павел Бестужев, ваше высочество, — пискнул младший надзиратель.

— Павел Бестужев, ваше высочество, — повторил надзиратель старший.

— Павел Бестужев, ваше высочество, — доложил начальник училища.

— Бестужев?! Всё ясно. Вопросов нет, — ответил великий князь Михаил. (Павел Бестужев был младшим братом декабристов Бестужевых.) Взял великий князь журнал и уехал.

Когда провели следствие, выяснилось, что Павел Бестужев ни в чём не виноват. Хозяином журнала оказался другой воспитанник. Однако несмотря на это, Павла Бестужева уволили из училища. Мало того что уволили, но и сослали солдатом в отдалённую крепость.

— Прав, молодец, — похвалил Николай I великого князя Михаила. — Так им, так им! — Император, словно шашкой, взмахнул рукой. — Знаю Бестужевых. Под корень этот бунтарский род!

«РАДИ ВАШЕЙ ЖЕ ПОЛЬЗЫ»

— Ефимка! Ефимка!

— Слушаю, барин.

— Как с экипажем? Рессоры проверил?

— Проверил рессоры, барин.

— Ефимка! Ефимка!

— Слушаю, барин.

— А ну покажи, в какой стороне Сибирь?

Показал Ефимка рукой на восток.

— Верно. Туда и поедem.

Отставной генерал Ивашев был сподвижником генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Вместе с Суворовым в Альпийский поход ходил. Во многих бывал сражениях. Заслуженный он человек. В чести у царя и у царской свиты.

А вот сын генерала Ивашева — Василий Ивашев — оказался в числе декабристов.

Проведать в Сибирь сына и собрался старый боевой генерал.

— Ефимка! Ефимка!

— Слушаю, барин.

— Коней выбирай ретивых.

— Так это понятно, барин.

— Ефимка! Ефимка!

— Слушаю, барин.

— Ты у экипажа колёса лучше смажь. Скрипят у тебя колёса.

Целый месяц собирался в дорогу генерал Ивашев. Сам проверил и экипаж, и коней, и колёса. Сам приготовил и то, что возьмёт для сына. Книг отобрал до тысячи. Тёплой одежды на пятерых. Кликнул опять Ефимку:

— Ефимка! Ефимка!

— Слушаю, барин.

— Ящик тащи с шампанским.

Приготовился генерал, отправил письмо в Петербург царю Николаю I.

Правда, сосед по имению, тоже отставной генерал, но не столь известный, сказал Ивашеву:

— Пётр Никифорович, не пустит тебя государь. Поверь, что не пустит, не разрешит.

Нахмурился Ивашев. Даже обиделся:

— Эка язык у тебя несносный. Да у меня одних орденов мешок. Я человек заслуженный.

Ждёт Ивашев от царя ответа. Месяц проходит. Проходит второй. Нет от царя ответа.

А тут, как назло, что ни неделя, наезжает к нему сосед.

— Пётр Никифорович, ты ещё здесь?! А я-то думал — ищи в Сибири.

Языкастый сосед попался. Замучил издёвками он Ивашева.

— Занят, видать, государь, — находит Ивашев для царя оправдание.

Кончилось лето. Осень прошла. Забелело вокруг от снега. Ефимка карету сменил на сани.

Вновь к Ивашеву сосед приехал.

— Пётр Никифорович, ты ещё тут? А я-то думал — ищи в Сибири.

Хотел разозлиться генерал Ивашев, да тут примчался курьер, привёз письмо от царя-государя.

Разорвал Ивашев конверт, начинает читать. Не может скрыть он счастливого вида. Письмо от царя доброе, даже нежное. Про заслуги Ивашева упоминает в письме государь, про Альпийский поход, про его награды.

Тычет генерал Ивашев царский ответ соседу:

— Ну-ка, голубчик, читай. Где же твоё пророчество? Вот видишь — про Альпийский поход. Вот видишь — про мою знаменитость. А вот тут, читай чуть пониже, — про боевые мои награды.

Далее царь писал о здоровье генерала. Торжествует генерал Ивашев:

— Нет, всё же помнит, всё же ценит меня государь, вот тут о здоровье даже пишет.

Стоит сосед, смотрит в письмо. Всё верно, всё так.

— Ефимка! Ефимка! — кричит Ивашев.

— Слушаю, барин.

— Коней запрягай, Ефимка.

Перевёл генерал дыхание, перевернул письмо Николая I, продолжает читать ответ.

Читает и вдруг бледнеет.

«А так как вы в немалых уже годах, — писал царь, — и здоровье ваше оберегать надобно, то посему, ради вашей же пользы, не могу отпустить в Сибирь».

До конца своих дней мстил Николай I декабристам. Мстил и в большом и в малом.

Глава IX

«СИЛА В ЗЛОДЕЯХ ЕСТЬ»

СОДЕРЖАТЬ И ДОНОСИТЬ

Начальник Нерчинских рудников Бурнашев ломал себе голову. Перед ним лежала инструкция, как содержать декабристов.

«Содержать по всем строгостям», — значилось в инструкции. Но тут же была и приписка: «О состоянии их ежемесячно доносить в собственные руки его императорского величества». Это добавление и смущало Бурнашева.

Что значит «содержать по всем строгостям», начальник рудников представлял хорошо. Не первый год он ведаёт каторгой. Не один каторжанин здесь кончил век.

— Да если по полной строгости, — рассуждал Бурнашев, — то, пожалуй, от этих господ полгода — и ваших нет.

Бурнашев усмехнулся, стал вспоминать: князь Сергей Трубецкой харкает кровью, болеет горлом. Князь Евгений Оболенский болен цингой. У Василия Давыдова открылись раны. Александр Якубович страдает грудью.

Бурнашев презрительно сплюнул.

— Мелкота. Вот, может, Волконский побольше других протянет. Ну год, ну от силы два.

Решил Бурнашев обращаться с декабристами согласно инструкции. Назначил начальником тюрьмы сурового офицера. Стал тот всячески притеснять заключённых. Распорядился не выдавать декабристам свечей, то есть вечерами держал в темноте. Запретил им во время работы общаться и даже разговаривать друг с другом. Покрикивал. Всех называл на «ты».

Суровое к ним отношение и вызвало протест декабристов. Прибежали однажды охранники к Бурнашеву, докладывают:

— Ропчут, ваше высококородие.

— Но, но... Я их в момент... При мне тут не очень пикнут.

— Они не словесно, ваше высококородие.

— Как — не словесно?!

— Объявили голодовку, ваше высококородие.

— Бунт! — закричал Бурнашев. — И там бунтовали, — махнул он рукой на запад, — и здесь! Пороть их! Кнутами!

Потом поостыл, подумал: «А вдруг от голодовки они помрут. Не простит государь за это!» Послал он в тюрьму посыльного.

— Ну как?

— Голодают, ваше высококородие.

Через день:

— Ну как?

— Голодают.

Пришлось отступить Бурнашеву.

— Хворые, хворые, а всё же сила в злодеях есть, — пробурчал Бурнашев. Приказал он выполнить все требования декабристов. Даже начальника тюрьмы заменил.

СУХИНОВ

— Шевелись! Шевелись! — монотонно командовал офицер.

Пятеро смертников рыли себе могилу. Уходят лопаты в промёрзший грунт. Всё глубже и глубже яма.

Рядом с могилой врыли столбы.

— Ваше превосходительство, всё готово, — доложил офицер генералу.

Подвели обречённых к столбам. Генерал поднял руку, скомандовал:

— Пли!

Взвился дымок из солдатских ружей. Рухнули вниз казнённые.

Декабрист поручик Иван Сухинов был схвачен позднее других.

Невзлюбило тюремное начальство Сухинова. Погнало в Сибирь пешком. Семь тысяч вёрст прошагал в кандалах Сухинов. Шёл год, шесть месяцев и одиннадцать дней.

Попал он на ту же нерчинскую каторгу, правда отдельно от всех других — на Зерентуйский рудник.

Пробыл Сухинов здесь месяц, второй. Присмотрелся. Освоился. Появился у Сухинова план. Решил он взбунтовать Зерентуйский рудник. Встать во главе восстания. Поднять всю округу.

Явиться в Читинский острог. Тут в Читинском остроге в то время находилось большинство декабристов. Сухинов мечтал организовать целую армию из заключённых. Он собирался освободить не только друзей-декабристов, но и всех тех, кто томился по разным сибирским каторгам.

Заключённые в Зерентуйске поддерживали Сухинова. Стали сообща готовиться.

— Пули нужны, пули, — говорил Сухинов.

Стали заговорщики в лесу тайно лить пули и делать патроны.

— Первым делом бери цейхгауз¹, — наставлял Сухинов.

Ходили каторжники вокруг цейхгауза, смотрели, с какой стороны лучше на склад напасть.

Восстание назначили на май, на весну. Всё выше и выше над лесом солнце. Всё ближе и ближе момент восстания.

И вдруг заговор Сухинова был раскрыт. Страшная участь постигла его участников. Шесть человек, в том числе и Сухинов, были приговорены к смертной казни. Остальных нещадно били плетями и кнутами.

Сухинова перед казнью хотели клеймить — поставить на лице раскалённым железом тюремные знаки. Для офицера такое наказание было страшнее смерти.

Узнал Сухинов:

— Не радоваться палачам!

Когда тюремщики пришли за ним в камеру, Сухинова не было уже в живых. Он сам распрощался с жизнью.

ШЕСТНАДЦАТЬ АЛЕКСАНДРОВ

Александр Бестужев, Александр Муравьёв, Александр Якубович, Александр Одоевский, Александр Поджио, брат Иосифа Поджио, моряк Александр Беляев и десять ещё Александров. Всего шестнадцать. Вот их сколько среди декабристов.

Каждый год в конце лета тюремное начальство разрешало для всех Александров устраивать общие именины. Торжественно, весело проходил этот день.

Макар Макаров — солдат из новеньких — нёс охрану, ходил вдоль тюремной стены. Знает он, что веселятся сейчас заключённые. Сквозь окна дружный несётся смех.

Ходит солдат, рассуждает: «Ишь смеются! Каторжные, а веселятся, ишь!»

Потом кто-то запел. Басом таким, что Макаров вздрогнул. «Не хуже, чем наш Гаврила», — прикинул солдат. Был у них на деревне певец Гаврила. Голос имел такой, что минуту его слушаешь — неделю в ушах звенит.

¹ Цейхгауз — помещение, где хранилось оружие.

Затем кто-то читал стихи. Кто-то играл на скрипке. Снова пели. На этот раз хором:

Эй, вы, сени, мои сени,
Сени новые мои...

«Ишь веселятся...» — опять о своём Макаров.

И вдруг сквозь песню солдату слышался звон цепей.

Замер Макаров.

«Никак, кандалы сбивают, — пронеслось в голове у солдата. Прислушался. — Так и есть — сбивают! Вона железа стук».

Представил себе Макаров — вырвутся каторжане сейчас наружу. Их много. А он один. И ружьё одно!

Сильнее, сильнее кандалный стук.

Бросился Макаров к унтер-офицеру Кукушкину. Вышел Кукушкин из караульного помещения. Прислушался. Верно. Так и есть — кандалы сбивают.

— За мной! — закричал Кукушкин. Бросился к камере.

Однако за дверь не рванул. Приложился вначале к замочной скважине. Глянул, расправился. Повернулся затем к Макарову и съездил солдата по шее.

— Дубина, — сказал и ушёл.

Постоял в изумлении новичок. А потом и сам приложился к двери. Глянул, не верит своим глазам — в танце, в мазурке кружатся узники. Мазурка — азартный танец. Нелегко в кандалах танцевать мазурку. Бьют по дощатому полу кандалные цепи. Дребезжат и трясутся рамы.

Глазеет обалдело на декабристов Макар Макаров: «Ишь напридумали! Каторжные, а веселятся. Ишь!»

«СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ»

Разрешили декабристам получать книги. Выделил комендант тюрьмы молодого офицера. Поручил ему следить за тем, какие книги будут присылать заключённым. Нет ли среди них недозволенных.

— Читай, да внимательно, — наставлял комендант.

Обрадовался молодой офицер: «Повезло. Буду себе полёживать, буду себе почитывать».

И вот стали поступать к декабристам книги.

Полёживает офицер, почитывает. Прочитает, пишет на первом листе «Читал», расписывается и отдаёт декабристам.

За первой партией книг поступила в Сибирь вторая, затем третья, четвёртая, пятая. Всё больше и больше приходит книг. Привозят десятками, сотнями. Тащат их в комнату к офицеру. Завалили книги углы, поднялись от пола до самого потолка.

С ужасом смотрит молодой офицер на эти печатные горы. А книги идут и идут.

Присылают их в пачках, в мешках, в деревянных ящиках. Разные книги сюда приходят: по астрономии, по геологии, по географии, по биологии, по философии, по математике...

А тут пришёл обоз из пяти саней.

— Что такое? — кричит офицер.

— Книги.

— Какие книги?!

Отвечают:

— Медицинская библиотека.

А в этой библиотеке четыре тысячи разных книг.

— Боже! — вырвалось у офицера.

Где же книги ему читать! Листать едва успевает. Сидит за столом от зари до зари. Уже не пишет на книгах «Читал», помечает «Свидетельствовал».

А тут повалили иностранные книги. На французском, английском, турецком, испанском, арабском — на пятнадцати языках.

Совсем ошалел бедняга. Уже и не может понять, какую книгу с какого конца листать. Словарями обложился со всех сторон. Словарей не хватает. Сторон не хватает.

А главное, как разобраться, как уследить, какая книга из них запретная.

— По названиям определяй, по названиям, — советует комендант.

Взял комендант рядом лежащую книгу, прочитал: «Опыт археологических исследований».

— Вот видишь, — сказал офицеру. — Археология. Тут ничего нет запретного. Значит, давай.

Потянулся за другой книгой. Попалась иностранная, с картинками. На картинках жуки и бабочки. «История насекомых», — перевёл комендант название книги.

— Тут тоже нет ничего опасного, — объясняет комендант. — Также смело её давай. А вот если попадётся, — комендант кашлянул, — про государя императора и недоброе, так не давай. Понял?

— Понял, — сказал офицер.

Ушёл комендант.

Открыл молодой офицер книгу «Опыт археологических исследований», пометил на ней «Свидетельствовал», расписался, хотел положить в сторону, однако заинтересовался, открыл страницу, прочёл первые строчки и ахнул. Ничего там нет про археологические исследования, а речь в ней как раз о том, что власть царей — власть деспотическая, что надо царей свергать.

Потянулся к «Истории насекомых», посмотрел на жуков и бабочек, раскрыл словарь, начал читать, а в книге вовсе не про

жуков и бабочек и хотя не по-русски, опять про царей и опять недоброе.

Присмотрелся офицер к одной книге, к другой. И только теперь заметил, что заглавные листы у них вклеены. Взяты из других книг. Жуки и бабочки тоже вклеены.

Бросился офицер к коменданту.

— Ах, негодяи! — кричал комендант. Потом успокоился. — Изобретательно, — проговорил. — Вот что, — сказал офицеру. — От этих господ голова у меня болит. Разберись-ка, любезный, сам. Поступай, как сочтёшь разумным.

А как поступать? Особенно если книги на языках турецком, арабском или китайском.

Придумал наконец офицер: одну книгу налево, вторую — направо, одну — декабристам, вторую — взапрет. Даже листать не надо.

«ЧЁРТОВА МОГИЛА»

Четыре часа утра.

— Подымайся! — неслась команда дежурного унтер-офицера.

Гремя кандалами, каторжане сползали с нар.

Так начинался рабочий день в Благодатском. Работали здесь декабристы глубоко под землёй. Добывали свинцовую руду, дышали едкой рудничной пылью.

В Чите рудников не было. Тут и работа была иной, по сравнению с прошлой, — лёгкой. Подметали улицы. Рыли рвы и каналы. Чистили казённые хлевы и конюшни. Чинили частокол, окружавший Читинский острог. Мололи зерно на ручных мельницах. Работа нерадостная. И всё же нет-нет — схватит людей озорство.

— Господа! Сегодня дуэль, дуэль! — выкрикивал Щепин-Ростовский. — Кого в секунданты?

— Пущина!

— Пущина!

— Лунина!

Составят декабристы четвёрки. В одной старшим Щепин-Ростовский, в другой Басаргин, Розен или Михаил Бестужев.

— Начинай! — командует Пущин.

«Дуэль» начинается. Состязаются декабристы, кто раньше зерно смолотит.

— Не отставай! — басом гудит Щепин-Ростовский.

— Не отставай! — Басаргин нараспев выводит.

Уходит зерно к жерновам за ведром ведро. Белым чудом мука сыпается.

На многие работы водили в Чите декабристов. Но чаще

всего заключённых гнали к оврагу. Памятен декабристам этот овраг.

Засыплют декабристы овраг, заровняют, зачистят. Пройдёт дождь — размыло опять овраг. Снова лопаты и тачки в руки. Снова дождь — и опять начинай всё сначала. Человеческий труд, как дым, — в трубу. Без всякой пользы, без всякой цели.

Измотал декабристов овраг.

— Господа, дуэль, дуэль! — пытался и здесь чем-то увлечь товарищей Щепин-Ростовский.

Однако никто не откликался.

Первым не выдержал Бобрищев-Пушкин:

— Не могу! Тошнит!

И вдруг, словно в истерике:

— Не могу! Бесцельно! Бездумно! Как миф! Как дым! Не могу. Лучше назад — в рудники, под землю. Там хоть польза стране и людям. Бесцельно! — кричал Бобрищев.

Еле его успокоили.

Срывались Давыдов, Вадковский, братья Беляевы. Да и другим этот овраг словно кинжал у сердца.

«Чёртовой могилой» назвали овраг декабристы. Правда, никто из них здесь не погиб. Да и вообще могил никаких здесь не было. Однако с названием этим никто не спорил. Даже солдаты-охранники.

— Могила, как есть могила, — говорили они. — Господа офицеры молодость, силы свои хоронят.

«ОТЕЧЕСТВО»

Декабристы любили песни. Весёлые — в дни веселий. Грустные — когда становилось грустно. Пели народные песни. Пели арии и романсы. По-французски пели песни французские. Итальянские — по-итальянски. Были песни и собственных сочинений. Но самой любимой, той, которую декабристы исполняли чаще всего и громче, была революционная песня «Отечество наше страдает под игом твоим».

Запевали её обычно тогда, когда строем шли на работу. Начинал Тютчев. У него был мягкий красивый голос. Затем подхватывали братья Александр и Николай Крюковы. У этих был бас. Потом подключались все.

Офицер Сорокин, начальник караула, который сопровождал декабристов на работу и с работы, каждый раз, когда начиналась песня приходил в ужас: «Крамольная!»

— Молчать!

Декабристы умолкали. Но шагов через сто опять начиналось «Отечество».

Молчать!

Вновь обрывалась песня. Но опять ненадолго.

Мучился Сорокин с декабристами. Поступал и по-грубому и по-хорошему. Не помогало.

— Это же про Наполеона, — отшучивались декабристы.

— Про Наполеона?! Да Бонапарта давно уже нет в живых!

— Про Наполеона, про Наполеона. Мы про прошлое.

Самой неприятной для Сорокина была та минута, когда строй проходил мимо окон комендантского дома.

«Господи, пронеси», — молил Сорокин.

Но бог не проносил. Декабристы запевали. «Отечество наше» гремело на всю округу.

Комендант тюрьмы вздрагивал, выглядывал в окно, посылал декабристам проклятья, но тоже ничего с ними не мог поделать. Доложили самому Бурнашеву.

— Поют?

— Поют!

Через месяц:

— Поют?

— Поют!

Через год:

— Поют?

— Поют!

«Господи, — вздыхал Бурнашев. — За что наградил ты меня злодеями!» Конечно, мог бы власть применить Бурнашев. Но однажды кто-то шепнул на ухо:

— А вдруг, ваше высокородие, простит разбойников государь и назначит Трубецкого сюда губернатором. Или Волконского. А?

Подумал Бурнашев: «Характер царей капризный. Род Трубецкого княжеский, давний. У Волконского родня на родне в царском дворе сидит. Всякое может быть!»

Так и тянулось время. Бурнашев в острожные дела не вмешивался. Комендант по-прежнему вздрагивал, когда возле окон гремело «Отечество». А Сорокин привык. Даже сам подпевать начал.

АКАДЕМИЯ

«...И вот тогда карфагенский полководец Ганнибал послал в бой боевых слонов. Но не растерялись отважные римляне. Они обмотали стрелы паклей. Подожгли её. Горящие стрелы начали поражать нежданных пришельцев из Африки. Обезумевшие от боли животные стали топтать своих же солдат...»

Князь Трубецкой читал своим товарищам по заключению лекцию по истории военного искусства.

Находясь в тюрьме, а затем на поселении, декабристы всячески старались пополнить своё образование. Изучали историю и русский язык, химию, физику, астрономию, математику,

философию. Много времени уделяли занятиям иностранными языками. Изучали английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, польский и даже латинский, и даже греческий.

Так возникла каторжная академия.

Макар Макаров — солдат из новеньких, тот, что поднял тревогу в день именин шестнадцати Александров, — перестал уже числиться в новеньких. Третий год на солдатской службе. Всё охраняет да конвоирует декабристов. Знал теперь солдат всех по фамилиям и именам, по прошлым военным званиям, разбирался, кто князь, кто не князь, кто служил в армии, кто служил в гвардии, кто был членом Северного тайного общества, кто Южного, даже знал про Общество соединённых славян.

Любил Макаров в те часы, когда «работала» каторжная академия, остановиться перед окном или у дверей камеры — стоит, слушает.

Была у солдата и память отличная, и к наукам, видать, способности. Особенно любил он военную историю и иностранные языки. «Ишь ты — люди, кажись, одни, а все говорят по-разному».

Увлёкся Макаров как-то какой-то лекцией, не заметил, как подошёл к нему унтер-офицер Кукушкин.

— Макаров!

Не откликается солдат.

— Макаров! — повысил голос Кукушкин.

Повернулся Макаров к Кукушкину и вдруг:

— ...И вот тогда карфагенский полководец Ганнибал послал в бой боевых слонов.

— Что-что? — поразился Кукушкин.

— Но не растерялись отважные римляне, — продолжает Макаров и произносит слово в слово всё то, о чём рассказывал князь Трубецкой.

Попятился унтер Кукушкин, а затем:

— Да ты что, ошалел?!

— Вас?¹ — спрашивает Макаров по-немецки.

— Ошалел! — кричит Кукушкин.

— Пардон², всё в порядке, — отвечает Макаров ему по-французски.

«Рехнулся. Ума лишился», — решил унтер-офицер Кукушкин.

Доложил он офицеру, что у рядового Макарова мозга за мозгу зашла, мол, случилась с солдатом беда — не вынес службы, бедняга, тронулся.

Осмотрел солдата тюремный лекарь:

¹ В а с — что?

² П а р д о н — извините.

— Вполне нормален, вполне здоров.

Бесконечна солдатская служба. Двадцать пять лет. По разным местам бросала судьба Макарова. И всюду всех поражал он своими знаниями. Когда задавали ему вопрос, где он учился, откуда знания такие, отвечал солдат:

— Академию я окончил. Академию.

ПУЩИН

Иван Пущин был школьным другом поэта Пушкина.

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой дом уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил, —

писал Пушкин в Сибирь Пущину.

Было это за год до восстания декабристов. Пушкин томился в ссылке под Псковом, в селе Михайловском. А рядом Тригорское. Рядом Петровское. Река Сороть. Озёра Кучане и Малинец. Три сосны по дороге в Тригорское...

Всё под снегом лежит сейчас. Замело, запорошило кругом дороги. И вдруг — колокольчик. Выбежал Пушкин. Тройка. А в тройке — Пущин. Иван Иванович Пущин среди декабристов занимает особое место...

Декабрист Веденяпин, минуя каторгу, был сразу отправлен на поселение. Происходил он не из богатого рода. Никто ему из России деньгами помочь не мог. Пришлось Веденяпину думать о том, как прожить. Чем за квартиру платить, чем за дрова, за хлеб.

Поселили его в Киренске.

Устроиться на работу здесь в Киренске Веденяпину не удалось. Ходил он в нерадостных думах. Дело было как раз к зиме. И вдруг предложили ему место репетитора в каком-то богатом доме. Было, правда, это не в Киренске, а в сорока верстах от него. За работу, или, как тогда говорили, за услужение, обещали Веденяпину хорошую плату.

Ободрился Веденяпин. Не пропадёт он теперь без крыши, без дров, без хлеба. В одном лишь сложность: чтобы выехать из Киренска, пусть всего и на сорок вёрст, необходимо разрешение царя. И для того, чтобы поступить на работу, хотя бы и репетитором, тоже необходимо царское разрешение.

Пришлось Веденяпину писать в Петербург письмо, просить царской милости. «Согласен», — написал царь. Это было разрешение на переезд из Киренска. «Но в услужение идти не разрешать». Это касалось самой работы.

Так и остался Веденяпин ни с чем.

Но не пропал Веденяпин. Не умер с голоду, не остался без дров, без крыши.

Находясь в заключении, декабристы создали кассу взаимопомощи, то есть часть денег сделали общими. Кто был богаче — больше денег в неё вносил. Кто был беден — совсем немного.

Не умер Веденяпин с голоду потому, что декабристы сами ему помогли. Из этой общественной кассы.

Организатором и бессменным председателем денежной кассы и был Иван Иванович Пущин.

Был Пущин человеком на редкость отзывчивым и справедливым.

«Рыцарем правды» называли его декабристы.

УЛЫБНУЛСЯ

У поручика Андрея Розена в Сибири родился сын. Счастлив был Розен.

Разрешило тюремное начальство молодому отцу пойти посмотреть на сына. Разрешение навестить новорождённого было дано и другим декабристам.

Обступили они кроватку.

Лежит крохотный Розен, простынкой схвачен, лишь глазёнки да нос торчат. Хлопнул мальчонка глазёнками раз, хлопнул два и вдруг горько при всех расплакался.

— Плакать нельзя, плакать нельзя, — погрозил ему пальцем князь Трубецкой.

Никита Муравьёв состроил ему «козу».

Не помогают «коза» и палец.

Николай Бестужев щеглом присвистнул. Не помогает свист. Ещё больше младенец плачет.

Подошёл к колыбели Сергей Волконский. Наклонился, руки поднял над маленьким. Звонко, как погремушкой, потрянул кандалами.

Утих мальчонка, скосил глазёнки. На железные кольца смотрит.

Стали декабристы думать, какое имя мальчику дать.

— Александром пусть будет. Александром! — кричат Александровы. Пусть будет семнадцатым.

Предложили. Посмотрели на Розена. Что-то не очень за это Розен.

Кто-то сказал:

— Григорий.

Сказал и тоже на Розена смотрит. Что-то Розен опять не очень.

Пошли предложения:

— Алексей!

Мальчик опять расплакался.

— Кирилл!

Всё громче и громче младенческий крик.

— Михаил!

Не умолкает мальчонка.

— Сергей!

Снова за всхлипом всхлип.

Повернулись все к Розену. Мол, слово твоё, отец. Глянул Розен на мальчика. Посмотрел на друзей.

— В честь памяти доброй Рылеева первенцу быть Кондратием. — Наклонился к кроватке: — Здравствуй, Кондратий, здравствуй!

Притих мальчонка, скосил глазёнки, посмотрел на отца, на других. Улыбнулся Кондратий маленький.

ПОРТРЕТ

Вскоре после победы над императором Наполеоном в Петербурге, в Эрмитаже, была открыта Галерея героев 1812 года. Здесь висели портреты тех, кто больше других отличился в войне с французами.

Вот в центре висит портрет Михаила Кутузова. Вот Багратион и Барклай де Толли. Генералы Раевский, Коновницын, Дохтуров, прославленный партизан Денис Давыдов. А вот... Это портрет генерала Сергея Волконского. При орденах Волконский, в полной парадной форме.

Проходил как-то по Галерее царь Николай I, было это вскоре после суда над декабристами, видит — висит генерал Волконский.

— Снять! — закричал Николай I.

Сняли портрет Волконского.

Прошло полгода, и вот как-то царь Николай снова зашёл в Галерею. Посмотрел на Кутузова, на Багратиона, на Барклая де Толли. На Раевского и Коновницына. Глянул на Дохтурова и Дениса Давыдова. Подошёл к тому месту, где находился портрет Волконского. Глянул — висит Волконский.

Топнул царь Николай ногой:

— Почему мой приказ не выполнен?

— Как же, выполнен, ваше величество, выполнен, — отвечают царю. — Полгода как снят портрет.

Действительно, снят портрет. Лишь рама висит на стене.

Смотрит царь Николай на раму. Раму не видит, Волконского видит. При орденах генерал, в полной парадной форме. Смотрит Волконский на императора. И даже, как показалось царю, с насмешкой, с вызовом смотрит.

Через год царь Николай снова зашёл в Галерею. Входил осторожно. Долго не решался повернуться в ту сторону, где когда-то висел портрет генерала Волконского. Наконец повернулся. Видит — висит Волконский.

Мерещился Николаю I портрет декабриста.

Повернулся, ушёл Николай I. С той поры и до конца своих дней не зашёл он больше ни разу в Галерею героев. Семьдесят восемь лет рама висела пустой. Лишь в 1903 году в неё был снова вставлен портрет прославленного генерала.

Если войдёшь в Галерею героев, вот Михаил Кутузов. Слева

Багратион. Справа Барклай де Толли. Вот генералы Раевский, Коновницын, Дохтуров, прославленный партизан Денис Давыдов. А вот и Сергей Волконский.

Портрет и сейчас висит.

«СТРУН ВЕЩИХ ПЛАМЕННЫЕ ЗВУКИ...»

Их на память читали в камерах. Повторяли дорогой, идя на работу, во время самих работ. С ними декабристы ложились спать. А просыпаясь, опять читали.

Вот эти стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Стихи написал Пушкин. Привезла их в Сибирь Александра Григорьевна Муравьёва. Везла тайно, с большой осторожностью. Попади стихи к царским сыщикам — самому Пушкину грозила бы Сибирь и каторга.

Во время восстания декабристов Пушкин томился в ссылке, в селе Михайловском. Вернувшись из изгнания, он был приглашен к Николаю I.

— Где бы ты был 14 декабря, окажись в Петербурге? — спросил Николай I.

— На Сенатской площади, — гордо ответил Пушкин.

На послание Пушкина декабристы откликнулись тоже стихами:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли..
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями!

Были в стихах и другие строчки. Среди них две — пророческие:

Наш скорбный труд не пропадёт,
Из искры возгорится пламя...

Глава X

ДВОЙНАЯ ПАМЯТЬ

ИСПРАВИЛ

Отправляя декабристов в Сибирь на каторгу, Николай I гадал, как поступить лучше: то ли расселить их по разным тюрьмам, то ли в общий согнать острог. Наконец решил: «Вместе держать их лучше. Когда вместе, за ними следить удобнее».

Рассуждал царь и о другом: «Побудут год они в общей тюрьме, начнут между собою ссориться. Характеры у них разные, привычки разные. По богатству не одинаковы — кто беден, а кто богат. И по чинам — кто генерал, а кто рядовой поручик. И по званиям — кто князь, а кто грязь. Хи-хи! Перессорятся!»

Дурново и здесь был у царя в советчиках.

— Гениально! — кричал Дурново. — Гениально!

Приказал Николай I собрать декабристов вместе вначале в Читинском остроге, а потом построил специальную тюрьму на Петровском заводе, ту, что была без окон.

Привезли декабристов. Выждал царь год.

— Ну как, перессорились?

— Нет, дружно живут, ваше величество.

Прошёл ещё год.

— Ну как, перессорились?

— Нет, дружно живут, ваше величество. Даже ещё дружнее.

И верно. Жили декабристы на редкость дружно. Общая каторга ещё больше сблизила, объединила их. Не кичились они ни чинами, ни званиями, ни богатством своим. Всегда приходили на помощь один другому. Сообща им было легче бороться с тюремным начальством. Легче переносить лишения и утраты.

Понял Николай I, что из плана его ничего не вышло.

— Ошиблись мы с тобой, Дурново, ошиблись. Обмишурились. Надо бы их поместить раздельно.

И вот когда декабристы стали выходить на поселение, царь решил исправить свою ошибку.

— Разгону их по разным местам. В разные стороны раскидаю!

По всей необъятной Сибири разбросал декабристов царь.

Несли тройки в Тобольск, Селенгинск, Минусинск. В Туринск и Кунгур. В Баргузин и Нарым. В Кяхту, Берёзов, Иркутск, Пелым и в десятки других селений.

— Гениально! — кричал Дурново. — Гениально! Погибнут они среди местных жителей. Затеряются.

Но не затерялись декабристы в снегах Сибири, не погибли. Благодарна память о них в Сибири. Она и сейчас жива.

Как жили декабристы в изгнании, как встретили их местные жители, почему с благодарностью помнят о них в Сибири, вы и узнаете из последней главы этой книги.

ССЫЛЬНЫЙ

Расселяя декабристов, Николай I поступал так: возьмёт карту, ткнёт пальцем:

— Сюда вот Бестужевых. Сюда Трубецкого. Сюда Волконского.

Когда решалась судьба декабриста Николая Лорера, царь вообще указал на пустое место. Долго колесили по Сибири жандармы, прежде чем нашли хотя бы избёнку одну поблизости. «Мёртвый Култук» называлось то место. И в нём действительно только одна изба.

Матвея Муравьёва-Апостола царь поселил в Вилюйске.

Узнали жители — каторжный едет на поселение. Что за каторжный, толком никто не знал. Всполошился Вилюйск. Разные слухи пошли нехорошие. Мол, едет грабитель с большой дороги, мол, пятерых зарезал.

Поселился ссыльный. Живёт незаметно. Ножей не точит. Никого не режет.

«Что-то не то», — понимают жители. Стали при встречах с ссыльным они здороваться. Кто-то даже в доме у него побывал. Разнёс по Вилюйску: в доме, мол, книги — полным-полно. Как-то мальчишки к дому подкрались. Увидел ссыльный.

— Заходите, — сказал ребятам.

Смутились мальчишки, однако зашли. Сидели, листали книжки. Затем ссыльный о диковинных странах им рассказал, карту и глобус им показал.

— Есть люди как сажа чёрные, — несли ребята потом по Вилюйску.

— А земля стоит не на трёх китах. Есть она шар и вертится.

— А за что он сослан? — интересуются жители. — За что? Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Потянулись мальчишки к Муравьёву-Апостолу.

— Про войну расскажи, про войну. Про Суворова и Кутузо-

ва. (Матвей Муравьев-Апостол отличился в войне с французами. Три награды имел за храбрость.)

Опять по Вилюйску несли ребята:

— Суворов ел солдатские щи и кашу.

— Правый глаз у Кутузова был незрячий.

Интересуются жители:

— А за что же он сослан? За что?

Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Всё больше и больше интерес у жителей к ссыльному. Вот и сами стали к нему заходить. Поначалу на минутку, на две. Потом по часу, по два сидели. Стал им Муравьев-Апостол книги давать для чтения. О многом и им рассказывал. То про Луну, про Солнце, то про Петербург и Сенатскую площадь. То про Кутузова и партизана Дениса Давыдова, то про царя и Алексеевский равелин.

Прошёл год. Нет в Вилюйске теперь человека, который не знал бы, кто такие декабристы, за что боролись они, за что сослал государь их на каторгу.

Недолго пробыл здесь Муравьев-Апостол. Перевели декабриста в другое место. Сожалели о нём в Вилюйске.

— Жаль, что уехал, жаль.

— Что тут скажешь — конечно, жаль.

И кто-то задумчиво, тихо:

— Дороги ему хорошей. О деле святом, великом пусть и в новых местах расскажет.

МЕЛЬНИЦА

Десять лет простояла она в бездействии. Что-то случилось с приводом. Отказалась работать мельница.

Многие брались её наладить. Что-то крутили, где-то вертели. Морщили лбы, разводили руками.

Кряхтели, потели. Только упёрлась мельница. Хоть умри — колесо не вертится.

Как-то учёный немец чудом сюда попал. В ноги упали немцу. Явился на мельницу гость. Что-то потрогал, на что-то глянул.

— Вайс нихт¹, — произнёс. Уехал.

Стала мхом покрываться мельница. Травой заросло подворье.

И вдруг... Пашка, Наташка и бурят Талалайка сами такое видели — заработала старая мельница. Закрутилось, задвигалось колесо. Заискрилось весёлыми брызгами.словно взяло солнце ручей в ладошку, словно ладошкой бросило.

¹ В а й с н и х т (нем.) — не знаю.

Понесли Пашка, Наташка и бурят Талалайка новость по всей округе:

— Крутится!

— Крутится!

— Крутится!

— Стойте, так что же крутится?

— Колесо!

— Колесо!

— Колесо!

— Чьё колесо? Какое?

— То, что на мельнице!

— Мельнице!

— Мельнице!

— Стойте же вы, пострелы. Кто починил? Говорите толком!

— Они, — отвечают Пашка, Наташка и Талалайка.

— Кто же они?!

— Ну, эти!

— Ну, эти!

— Ну, эти!

— Да говорите вы ясно, грачи-сороки!

— Те, которых царь в кандалах пригнал.

Мельницу, которую никто не мог починить, пустили в ход декабристы Николай Бестужев и морской офицер Торсон.

Среди декабристов много было людей знающих и умеющих. Своим искусством и опытом многим в Сибири они помогли.

УРОДИЛОСЬ

Пашка, Наташка и бурят Талалайка новую новость несут по округе:

— Уродилось!

— Уродилось!

— Что уродилось?

Разводят ребята руками.

— Жёлтое, аж красное, — заявил Пашка.

— Длинное, — сказала Наташка.

Талалайка добавил:

— С хвостиком!

— Где уродилось?!

— Там!

Показали ребята на стену, которая окружала Читинский острог. За этой стеной, за частоколом, находился клочок земли. Перекопали её декабристы, устроили огород. А нужно сказать, что в тех местах никто до этого огородами не занимался.

Про огороды первым узнал Талалайка. Залез он как-то на

тюремную стену, а это совсем не простое дело, глянул внутрь — видит, декабристы копают землю.

Рассказал Талалайка Наташке и Пашке о том, что видел. «Что бы такое?» — гадают те.

С этого дня и стали к стене приходить ребята. Правда, Наташка и Пашка лазить на неё не решались. Залез Талалайка. Что видел, о том рассказывал.

Вскоре он доложил:

— Что-то в землю они понатыкали.

Через какое-то время:

— Что-то растёт. Прёт из земли зелёное.

К середине короткого читинского лета разросся за тюремной стеной огород. Огурцы завязались, поднялся картофель, репа взошла, морковь.

Прошло ещё небольшое время. Талалайка снова залез на стену. Видит, Волконский идёт меж грядок.

— Волконский идёт, — зашептал ребятам. — Остановился.

Через минуту:

— Нагнулся, руку к чему-то тянет.

Не утерпели Наташка и Пашка. Тоже полезли на частокол. Вцепились руками в брёвна, глазают на огород.

Нагнулся Волконский к какой-то зелёной метёлке. Дёрнул. И вдруг из-под земли — длинное, жёлтое, с хвостиком. Разинули рты ребята — впервые видят они морковь.

Соскочили с забора, понеслись по читинским улицам:

— Уродилось!

— Уродилось!

— Что уродилось? Где уродилось?

— Там!

Местные жители вскоре переняли опыт у декабристов. Теперь огороды появились в разных местах Сибири.

Позже, когда декабристы вышли на поселение, им удавалось, правда не под открытым небом, а в парниках, выращивать в Сибири и цветную капусту, и спаржу, и даже арбузы, и даже дыни.

«ОЗОЛОЧУ!»

У иркутского купца-богатейши помирала жена. Молодая. Красивая.

Купец плакал, как маленький. Метался от доктора к доктору:

— Спасите! Озолочу!

Получали доктора деньги. Лечили. Но больной становилось всё хуже и хуже. Наконец наступил момент, когда уже никто не брался спасти умирающую.

Побежал купец к колдунам и знахаркам. Заклинали те,

плясали вокруг больной. Огонь разводили, дымили, чадили. Помирает совсем жена.

И вот тут какая-то иркутская старуха шепнула обезумевшему от горя купцу — мол, в Читинском остроге сидит колодник.

— Он доктор. Своих он лечит. Великий искусник он.

Не привирала старуха, сказала правду. Декабрист доктор Вольф был великолепным врачом. До ареста он числился личным лекарем главнокомандующего Южной армии.

Помчался купец в Читу. Бросился к коменданту тюрьмы:

— Спасите! Не забуду! Озолочу!

Долго не мог понять комендант, в чём дело: кого спасти? От кого спасти? Решил, что на купца напали разбойники.

— Да не разбойники. Жена помирает,— стонал купец.

Согласился комендант отпустить заключённого. Посадили Вольфа в телегу. Приставили рядом солдата с ружьём. Поехали.

Вылечил доктор молодую купчиху. Купец от счастья был на десятом небе. Отпуская Вольфа, он поставил перед ним расписной кувшин. Подивился Вольф, что это, мол, такое?

— Вам,— говорит купец.— С огромнейшей благодарностью. От души, от сердца. Внутрь загляни, благодетель, внутрь.

Поднял Вольф крышку, глянул в кувшин. А там полным-полно золота. Нахмурился Вольф. Отодвинул кувшин.

— Не беру. Не беру! Пошли,— сказал караульному.

Уехал Вольф с караульным солдатом, а купец ещё долго стоял над кувшином, остолбенело смотрел на золото.

— Не поймёшь их, каторжных. Ей-ей, не поймёшь!

Своим искусством доктор Вольф прославился на всю Сибирь. Многих он спас от тяжёлых болезней и верной смерти. Даже сам генерал Лепарский и тот у него лечился.

Но денег Вольф никогда не брал. Об этом тоже в Сибири знали. Об этом легенды тогда ходили.

«УЛАН-НОРОК»

Братья Николай и Михаил Бестужевы жили на поселении в Селенгинске.

На сотни вёрст на восток от Байкала тянулись в те годы кочевья бурят. Не жили буряты тогда оседло. Переезжали с места на место, перевозили кибитки, перегоняли скот.

Ехали как-то бурятские семьи, остановились на днёвку рядом с берегом Селенги. Видят, тут же, шагах в ста, на пригорке сидит человек. На коленях лежит доска. На доске бумага. По бумаге чем-то загадочным водит.

Заинтересовались буряты. Подошли чуть поближе.

— Смелее, смелее,— проговорил человек. Это был Николай Бестужев. Он рисовал.

Подошли буряты совсем вплотную. Глянули. Замерли.

Перед ними течёт Селенга, и на бумаге течёт Селенга. Сопки видны правее, и на бумаге они правее. Вот совсем рядом стоит сосна. И на бумаге точь-в-точь такая.

Старик Ивенго стоял как вкопанный.

Заметил это Бестужев. Достал новый лист бумаги. То на Ивенго посмотрит, то над бумагой склонится. Опять на Ивенго глянет, опять к бумаге. Снял наконец бумагу. Повернул. Показал. Глянули все и ахнули. С листа бумаги смотрит на всех Ивенго. Морщинка в морщиночку — как живой!

Отбежали буряты.

— Колдун!

Однако затем вернулись.

— Бери,— протянул Бестужев портрет Ивенго.

Не может, в чём дело, понять старик. Растерянно улыбается.

— Бери,— повторил Бестужев и вдруг по-бурятски: — Бери!

Вновь отбежали буряты.

— Колдун!

Однако скоро вернулись.

Подружился Бестужев с бурятами. Ездил в улусы к ним. Про Петербург, про царя рассказывал. Рисовал и детей и взрослых. На охоту ходил с Ивенго.

В свою очередь, буряты часто приезжали в Селенгинск. Здесь братья Николай и Михаил Бестужевы обучали их разным ремёслам: слесарному, столярному, кузнечному.

Николай Бестужев был на редкость талантливым человеком. Он писал рассказы и умел шить сапоги. Знал, как вспахать землю, и мог починить часы. Когда декабристам разрешили снять кандалы, он из цепей выковал кольца. Эти кольца попали потом в Россию, и не было им цены.

Но больше всего Николай Бестужев любил рисовать. Это благодаря ему мы можем сейчас представить, как выглядели многие из декабристов. Как и где они жили. Какими были те тюрьмы, в которых они томились.

«У него были золотая голова, золотые руки и золотое сердце» — так отзывались товарищи о Николае Бестужеве.

«Улан-Норок», то есть «Золотое солнышко», называли его буряты.

ЗОЙКА

Привязалась к братьям Борисовым девочка — Зойка. Была она худенькой-худенькой, лёгкой-лёгкой. Казалось, дунешь — к небу взовьётся Зойка.

К этому времени Пётр и Андрей Борисовы жили на поселении. Была у них страсть — собирали коллекции растений и насекомых. Радовались братья любой находке.

Началось это ещё давно, в тюремные годы. Идут из острога в острог Борисовы, на работу шагают, валят с другими лес, а сами смотрят внимательно по сторонам, собирают букашек, цветы и травы.

Привезли Борисовы с собой на поселение коллекцию в нескольких ящиках.

Глянула Зойка, разгорелись глаза у Зойки. Вот и стала девочка ходить за братьями. Борисовы в степь — и Зойка за ними. Борисовы в сопки — и Зойка тут. Неблизко уходят порой Бори-

совы. Куда же Зойке в такую даль! Отгоняют они девчонку. Отойдёт девчонка чуть-чуть в сторонку. Постоит, переждёт. И снова бежит за братьями.

Стали тогда Борисовы уходить из селения так, чтобы не видела Зойка. Выйдет один из дому, осмотрится по сторонам. Если нет поблизости Зойки, машет рукой другому. Сбегут они к речке, пройдут за кустами, пригнутся — быстрее за холм. Отойдут от дома версту, вторую, только облегчённо вздохнут, смотрят — сзади несётся Зойка. Нет им покоя от этой Зойки. Хотели за уши её отодрать. На части готовы её разорвать.

И вдруг... Были дома братья Борисовы, разбирали свои коллекции. Посмотрели в окно. На бревне перед домом уселась Зойка. Крутит загадочно что-то в руках, словно бы на улицу братьев манит.

Заинтересовались Борисовы, вышли на улицу. Смотрят, в руках у Зойки невиданный жук. Усищи длиннющие, клещи огромные, глазищи почти с пятак.

Вот так находка! Разгорелись глаза у Борисовых:

— Что за чудо?

Откуда?

Покажи!

Подари!

— Не скажу, — отвечает Зойка. — Не покажу.

Убежала коварная Зойка. Огорчились, конечно, Борисовы. Вернулись к себе в избу.

На следующий день вновь разбирали они коллекции. Посмотрели в окно. На бревне перед домом уселась Зойка. Крутит загадочно что-то в руках. Словно бы братьев на улицу манит.

Заинтересовались Борисовы, вышли на улицу. В руках у девчонки ягода-невидаля. Размером почти с кулак.

Разгорелись глаза у Борисовых.

— Что за чудо!

— Откуда?

— Покажи!

— Подари!

Улыбнулась хитрющая Зойка. Согласилась отдать и жука и ягоду, только, конечно, с одним условием... чтобы братья брали в походы её с собой.

Ходит Зойка теперь в походы. Оказалась она глазастой. В той коллекции, которую собрали братья Борисовы, есть и Зойки упрямой доля.

Скончались Борисовы, состарилась, умерла Зойка, а коллекция эта долго ещё хранилась. Не только братья Борисовы, но и другие декабристы занимались изучением сибирской природы. Их исследования многие годы с пользой служили людям.

Горчаков был генерал-губернатором Западной Сибири.

Узнал он, что декабристы приедут на поселение и к нему, в Западную Сибирь, заволновался.

— На мою беду! Не жди от них ничего хорошего!

Решил он обратиться к картам. Посмотреть, что карты ему предскажут. Разложил раз. И верно, получилось так, что не жди ничего хорошего.

Разложил второй раз. И снова карты сулят худое.

— Ну ещё раз, третий, решающий!

Разложил третий, решающий. Снова карты легли к беде.

И вот приехали декабристы. Поселились. Прожили совсем недолго. От местных жителей жалоб наслушались. Сами увидели многое. Взятки берут чиновники, местных жителей притесняют, о нуждах края совсем не думают. Знал Горчаков, конечно, об этом. Мог бы к ответу привлечь виновных. Да дело всё в том, что и сам Горчаков был в тех же грехах замешан.

Написали декабристы обо всём в Петербург.

Пронюхали чиновники, что письмо декабристов пошло в Петербург, побежали скорей к Горчакову.

— Отобьёмся, отобьёмся, — успокоил их Горчаков. А сам про себя о картах: «Нагадали, паршивцы, неужто пророчество?!»

Однако не стал он тратить напрасно время. Садится и сам строчит в Петербург письмо. Пишет, конечно, о декабристах, пишет о них плохое. Получили в Петербурге оба письма. И, конечно, не декабристам, а Горчакову поверили. Даже приказ пришёл о строгом внушении декабристам.

— Ага, то-то! — торжествует Горчаков; глянул на карты: «Соврали, голубчики. А? Соврали!»

Довольны чиновники. Доволен и сам Горчаков. И всё же не удержался генерал-губернатор и вновь разложил карты. Карты снова легли к беде.

И правда. Не успокоились декабристы. Опять посылают письмо в Петербург. Письмо большое, подробное.

Узнал Горчаков о письме. Погнал в Петербург курьера:

— Птицей лети! Галопом!

Отбился Горчаков и на этот раз. Снова пришло внушение декабристам.

— Мы — сила, стена, гранит! Смиритесь. Смиритесь, — шипят чиновники.

Но не смирились декабристы. В третий раз посылают они письмо. Писали затем и в четвёртый, и в пятый. Доняли всё же в Петербурге они начальство. Пришлось назначить в Сибирь ревизию.

Только не стал Горчаков дожидаться ревизии. Тут же в отставку подал.

ЗАДАЧИ

Многими добрыми делами оставили декабристы в Сибири о себе благодарную память. Особенно тем, что создавали для местных детей школы.

С ребятами занимались и Матвей Муравьёв-Апостол, и братья Бестужевы, и братья Беляевы, Александр Якубович, Пётр Борисов, Пётр Муханов, моряк Торсон. Занимались и другие.

Учил детей и Иван Якушкин.

Начал вначале про «а», про «б». А когда освоили дети чтение, с цифрами их познакомил. Прошёл сложение и вычитание, умножение и деление. Про половинки и четвертинки им рассказал, ребята были смыслёными — освоили даже дроби.

Но больше всего любили ребята решать задачи.

— Сегодня задача на сложение, — начинает Якушкин.

Замрут ребята, слушают.

— Было у барина две деревеньки. Прикупил барин ещё одну. Сколько всего стало?

— Три, — голосят ребята.

— Правильно. А теперь давайте на умножение. Срубил крестьянин в барском лесу три осинки. Узнал барин, приказал за каждое деревосыпать крестьянину по пять плетей. Сколько плетей получил крестьянин?

— Пятнадцать! Пятнадцать! — кричат ребята.

— Молодцы. Правильно. А теперь давайте на вычитание.

Притихли опять ребята. Начал Якушкин:

Собрал крестьянин с поля десять мешков зерна. Три из них за землю отдал помещику. Четыре мешка вернул тому же помещику за долги. За крестины сына один мешок оттащил попу. Два пришлось отвезти купцу — задолжал крестьянин купцу за ситец. А ну, кто живее из вас сосчитает, сколько мешков зерна у крестьянской семьи осталось?

— Ничего не осталось! — кричат ребята. — Ничего! Пусто!

— Молодцы, — говорит Якушкин. — Ну, дело у вас пойдёт.

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ

Жандармы искали мятежный дух.

Унтер Уклейка примчал к исправнику:

— Нашёл!

— Ну, ну.

— Пушки видел! Ядра видел!

Исправник недоверчиво посмотрел на жандарма.

Ты — того... А? Снова пьян?!

— Никак-с нет.

— Ступай-ка сюда.

Уклейка шагнул.

— Дыхни!

Дыхнул жандарм. Видит исправник — верно, не пьян Уклейка.

— Ну, ну, так что ты видел?

— Пушки видел. Ядра видел, — твердил Уклейка. — Порох в мешках. Фитили для запала.

Исправник всё ещё с недоверием смотрел на жандарма, однако спросил:

— Где? У кого?

— У него, — зашептал Уклейка. — Рядом с домом, в амбаре.

Всё было ясно. Речь шла о декабристе, бывшем подполковнике Андрее Васильевиче Ентальцеве. Отбыв каторгу, Ентальцев жил на поселении в городе Ялуторовске.

— Да-с, протянул исправник, а сам подумал: «Молодец Уклейка. Всё совпадает. Не зря и начальство о том говорило».

Как раз в это время предполагалось, что Сибирь посетит наследник русского престола, будущий царь Александр II. Наследник должен был проехать и через Ялуторовск. Предупредили об этом исправника, а заодно и о том, чтобы зорко следил за городом. Прежде всего за ссыльными декабристами. (Кроме Ентальцева, здесь жили Якушкин, Пущин и Оболенский.) Чтобы был начеку. Не убавилось, мол, у злодеев мятежного духа. Всякое может быть.

В ту же ночь, взяв отряд военного караула, исправник окружил дом и амбар Ентальцева.

Наставлял:

— Тише, чтоб взять живьём!

— Раз будет стрелять из пушек, не разбегайся. Падай на землю, ползи пластом.

Крадутся солдаты к амбару. Вдруг раздался какой-то шорох — то ли в амбаре, то ли за ним.

— Ложись! — закричал исправник.

Упали солдаты на землю.

— За мной!

Пополз исправник, за ним солдаты.

Снова раздался шорох.

— Замри!

Замерли все. Уклейка лежит, трясётся. Пролежали минуту, две, снова исправник сказал:

— Вперёд.

Поползли солдаты, как снова шорох.

— Стреляй! — закричал исправник.

Пульнули солдаты в амбар по двери. Тут же вскочили в рост. Помчались к амбару. Выбили с ходу дверь.

Осмотрели амбар — два ржавых старых лежат лафета, труба от самовара, шары от крокета, мешок с овсяной крупой. Фитилей никаких, конечно, не видно. Даже нет на них ничего похожего.

Вдруг снова в амбаре шорох.

— Ложись! — закричал исправник.

Упали на пол солдаты.

«Мяу», — раздался кошачий писк.

— Ты что же, — кричал исправник на Уклейку, — шутики шутить изволишь? Ну, где твой порох, где ядра, пушки?

— Да тут они были, тут в щёлку я видел, — уверяет жандарм. — Были, были. Вот тут стояли. Доложу вам — нюхом учуял мятежный дух.

— Нюхом, — ругнулся исправник. — Не в щёлку смотри, болван, а в душу. Вот где мятежный дух.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Стояла весна. С окрестных сопок сбежали ручьи. Загомонили, закричали криком весёлым птицы. С востока, с Тихого океана, подул ветер, понёс тепло.

Идёт Николай Бестужев по привольной сибирской степи. Небо синее-синее. Чиста и прозрачна даль.

Идёт Бестужев. Мысли его о друзьях, о России. Много минуло лет. Спят в могилах друзья боевые. Но не о прошлом, о том, что было, — о том, что будет, думает декабрист.

Россия, Россия!.. Нет крепостных в России. Равен один одному.

Идёт Бестужев по привольной сибирской степи. Ветер бьёт в щёки. Палит в лицо. Мысли его о друзьях, о России. Много минуло лет. Но не о прошлом, о том, что было, — о том, что будет, думает декабрист.

Россия, Россия!.. Нет на престоле царей в России. Да и сам-то престол в музее.

Идёт Бестужев по привольной сибирской степи. Мысли бегут, как реки. Память оковы рвёт. Но не о прошлом, о том, что было, — о том, что придёт, что непременно будет, думает декабрист.

Россия, Россия!.. Не в стонах, не в криках лежит Россия. В весеннем стоит цвету.

Царь разгромил декабристов. Сгноил в Сибири. Лишь через тридцать лет, уже после смерти царя Николая I, декабристам разрешили вернуться с каторги. Дожили до этого времени всего лишь несколько человек.

Декабристы погибли. Но не стихла борьба в России. На смену одним героям, как волны в открытом море, девятым валом пришли другие.

Всё теснее, теснее ряды борцов.

И вот уже гремит выстрел в царя в Петербурге, у Летнего сада.

И вот снова в страхе живут дворцы.

И вот уже бомба летит в царя.

Но это было другое время. И об этом другая книга.

УПРЯМАЯ ЛЬДИНА

***В** 1866 году рабочие американского города Чикаго объявили забастовку. Капиталисты жестоко расправились с её участниками: несколько человек было казнено, многие брошены в тюрьмы.*

Забастовка американских рабочих произошла первого мая. В память об этом событии трудящиеся всех стран решили ежегодно отмечать Первое мая как день борьбы против угнетателей. Они договорились Первое мая объявить международным праздником — днём солидарности трудящихся всех стран.

Из рассказов, вошедших в книгу «Упрямая льдина», вы узнаете, как отмечали Первое мая трудящиеся нашей родины до Великой Октябрьской социалистической революции.

В ЛЕСУ У ЕМЕЛЬЯНОВКИ

Деревня Емельяновка лежала в стороне от проезжих дорог, верстах в трёх от Петербурга. За деревней — лес, сразу за лесом — берег Финского залива.

Ничем не примечательна Емельяновка: домов в ней немного, жители мирные. Никаких историй, никаких происшествий.

И лес как лес, ничего в нём особенного: сосна да берёза, кусты колючей малины, заросль орешника. Редко кто забредал сюда из прохожих.

И вдруг...

Крутился однажды местный мальчишка Санька Лапин около леса, глянул — два неизвестных. Прошли неизвестные полем, осмотрелись по сторонам, скрылись в орешнике.

«Кто бы это? — подумал Санька. — Парни молодые, здоровы. Вдруг как разбойники!»

Хотел было мальчишка подкрасться к орешнику, да не решился. Обошёл стороной, выбежал к заливу, смотрит — у берега лодки: одна, вторая, третья... Из лодок выходят люди, тоже озираются по сторонам и направляются к лесу.

Бросился Санька назад в деревню, к дружку своему Пашке Дударову.

— Паш, Паш, — зашептал он. — Люди, человек двести!

— Брось врать!

— Не сойти с места.

Побежали приятели к заливу. Смотрит Пашка — действительно лодки!

Помчались в лес. Идут осторожно, крадучись. От куста к кусту пробираются. Вышли к поляне — народу! Стоят полукругом. В центре — плечистый рабочий. Развернул красное знамя. Заговорил.

Обомлели ребята, залегли за кустом, притихли.

— Сегодня мы, петроградские рабочие, собрались сюда... — долетают до Саньки и Пашки слова оратора. — Нас мало сегодня, но близок час народного пробуждения...

Выступающий говорил долго, а кончил словами:

— Да здравствует наш пролетарский праздник!

Санька толкнул Пашку:

— Про что это он?

Пашка пожал плечами.

Вслед за первым рабочим выступил второй, затем третий, четвёртый. Все говорили о тяжёлой доле трудящихся, о том, что надо бороться за лучшую жизнь, и снова о празднике.

Два часа под кустом пролежали ребята. Сходка окончилась. Рабочие начали расходиться небольшими группами. Переждав немного, поднялись и мальчишки. Идут гадают: что же такое было в лесу, о каком это празднике говорили рабочие?

Вернулись ребята в Емельяновку, решили разузнать у старших.

Санька отцу рассказал про сходку, про знамя.

— А вы не придумали? — усомнился отец.

— «Придумали»! Мы же видели. Мы под кустами лежали.

Пожал Санькин отец плечами. Ничего объяснить не смог.

Расспрашивали ребята у матерей, к тётке Марье ходили, к дяде Егору бегали. Да только никто ничего не знал о рабочем празднике.

Помчались ребята к деду Онучкину. Он самый старший, уж

он-то наверное знает. Онучкин принялся объяснять, что праздники бывают разные: рождество, пасха, день рождения царя, день рождения царицы...

— Не то, не то! — перебивают ребята.

— Есть ещё сретенье, крещение, троицын день.

— Ты давай про рабочий праздник! — кричат.

— Про рабочий? — Старик задумался. Почесал затылок. Развёл руками. Не слышал он о таком празднике.

Так ничего и не узнали приятели.

А происходило в лесу деревни Емельяновки вот что: русские рабочие впервые отмечали Первое мая. Было это давно, в 1891 году.

Только о том, что же это за праздник Первое мая и почему его отмечают, Санька и Пашка узнали не скоро — много лет спустя, когда уже выросли, когда сами стали рабочими.

НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ

Трудна, безысходна жизнь рабочих. Работали по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки. А получали гроши. Чуть что — штрафы. Не лучше других жилось и рабочим Обуховского оружейного завода.

В апреле 1901 года обуховцы заволновались:

— Хватит!

— Натерпелись!

— Пусть ставки повысят!

— Штрафы, штрафы долой!

Объявили рабочие забастовку.

Хозяин завода приказал для острастки уволить двадцать шесть человек с работы.

Забегал слесарь Афанасий Никитин.

— Братцы, — кричит, — приступайте к работе. Так они нас всех уволят!

Только рабочие не послушались Афанасия Никитина, не испугались: к работе не приступили. Мало того, предъявили хозяину новые требования: уволенных немедленно восстановить, рабочий день сократить, а подумав, добавили и ещё одно — разрешить открыто праздновать Первое мая.

Прошёл день, второй, третий. Прошла неделя, наступила вторая.

Не дымит, не работает Обуховский оружейный завод.

Слесарь Афанасий Никитин и вовсе перепугался.

— Братцы! — уговаривает он рабочих. — Так нет же силы в наших руках. Всё равно не будет по-нашему. Только хуже себе...

Не слушают рабочие Никитина.

Прошло Первое мая. Следом — ещё неделя. Не прекращается забастовка.

Вызвал тогда хозяин войска. Окружили войска завод.

Построили рабочие баррикады, приготовились к обороне.
— Братцы! — не унимается Афанасий Никитин. — Пожалейте себя. Братцы, нас же солдаты, как зайцев...

Двинулись солдаты на баррикады, открыли стрельбу. А что у рабочих? Камни да доски. Продержались полдня на баррикадах, сломали войска рабочих.

Арестовали в этот день восемьсот человек. Судили. Многих отправили в Сибирь — на каторгу.

Так ничего и не добились рабочие.

— Говорил я, предупреждал, — опять завёл про своё Афанасий Никитин. — Нет же силы в наших руках. Не стоило начинать.

— Начинать, говоришь, не стоило?! — возмущались рабочие. — Да в любом деле главное — начать. Силы, говоришь, нет? Эх, ты! Сила в народе могучая, богатырская. Погоди: придёт время — покажет себя народ!

ОТПЕВАНИЕ

Запрещалось рабочим праздновать Первое мая. Нельзя им было в этот день собираться большими группами, устраивать митинги и демонстрации.

Приходилось рабочим идти на разные хитрости. Рабочие одной из московских окраин решили собраться на кладбище.

Сколотили гроб. Наняли батюшку. Шесть человек подняли гроб на руки. Остальные пристроились сзади. Процессия двинулась к кладбищу. Впереди шёл батюшка и важно махал кадилом.

Теперь уже никто не мог разогнать рабочих. Даже городовые почтительно уступали дорогу.

В кладбищенской церкви «покойника» отпели. Батюшка махал кадилом и тянул:

— За упокой души раба божьего... Как звать?

— Николаем.

— За упокой души раба божьего Николая, — выводил батюшка.

Кончив отпевание и получив пять рублей по договорённости, батюшка удалился. А рабочие собрались в самом дальнем конце кладбища и провели митинг. Спели вполголоса революционные песни, прочитали первомайские прокламации.

Вечером кладбищенский сторож Тяткин, обходя могилы, наткнулся на незарытый гроб. Удивился Тяткин, приподнял крышку, глянул, а там такое, о чём и подумать страшно.

Сторож бросился к участковому надзирателю.

— Ну что тебе?

— Гроб, ваше благородие.

— Ну и что?

— Так в том гробу... — Тяткин стал заикаться.
— Ну, так что же в гробу?
— Его императорское величество, царь-государь Николай Второй, — проговорил Тяткин.
— Ты что, сдурел?!

— Никак нет, — крестился кладбищенский сторож. — Сам государь император, изволю доложить.

Надзиратель пошёл на кладбище. Заглянул в гроб, а в нём действительно, ну правда, не сам император Николай Второй, а царский портрет: при орденах, во весь рост, в военном мундире.

Началось следствие. Тяткин ничего нового сообщить не мог. Взялись за батюшку.

— Отпевал? — допытывался надзиратель.

— Отпевал.

— Кого отпевал?

— Раба божьего Николая.

— Идиот! — закричал надзиратель.

Батюшка долго не мог понять, за что такие слова и за какие такие провинности его, духовную особу, и вдруг притащили в участок. А узнав, затрясся как осиновый лист. Трясётся, крестится, выпученными глазами моргает.

— Кто был на сходке? — не отстаёт надзиратель.

Старается батюшка вспомнить. Не может.

— Разные, — говорит, — были. Человек сорок. И высокого роста и низкого. И молодые и старые. Аллилуйя ещё кто-то здорово пел.

— «Аллилуйя»! — передразнил надзиратель. — Ну, а кто нанимал? Кто деньги платил?

— Плечистый такой, — оживился батюшка. — С усами. Руки ещё в мозолях.

Стали искать. Да мало ли среди рабочих широкоплечих да с усами. А руки в мозолях у каждого. Так и не нашли.

Обругал ещё раз надзиратель Тяткина и батюшку. На этом дело и кончилось.

Рабочие были довольны. Шутка ли сказать — и Первое мая отметили, и самому царю устроили отпевание.

АРАКЕЛ

Небывалой силой славился тифлисский¹ кузнец Аракел.

— Дядя Аракел, согни-ка подкову, — просят ребята.

Положит кузнец подкову на огромную, словно сковорода, ладонь, сожмёт — согнулась подкова.

— Гирю, гирю подбрось, — не отстают ребята.

¹ Т и ф л и с — старое название города Тбилиси.

Возьмёт Аракел пятипудовую гирю, начинает играть, словно мячиком.

...Вместе с русскими рабочими Первое мая стали отмечать и рабочие других национальностей: украинцы, латыши, белорусы, армяне, татары.

В 1901 году отпраздновать Первое мая решили и рабочие города Тифлиса.

Первомайская демонстрация в Тифлисе получилась большая, многолюдная — две тысячи человек вышли на улицы.

Вместе со всеми вышел и Аракел. Шёл впереди, нёс красное знамя.

На одной из улиц рабочим преградили дорогу конные полицейские и казаки.

— Разойдись! — приказал казачий офицер. Он взмахнул плетёной нагайкой.

Демонстранты остановились.

— Разойдись!

Никто не шевельнулся.

Подал тогда офицер команду. Выхватили полицейские и казаки шашки, бросились на демонстрантов.

Смешались ряды рабочих, потеряли равнение. Окружили полицейские Аракела, оттеснили его от товарищей.

Подскакал офицер и схватился за красное знамя.

Не выпускает Аракел знамени, ещё крепче прижал к груди.

— Отпусти! — закричал офицер и полоснул по лицу знаменосца нагайкой.

Пересек красный рубец лицо Аракела, кровью наполнился левый глаз.

Держится Аракел за знамя.

— Отпусти! — хрипит офицер; выхватил он шашку, взмахнул — вот-вот рубанёт Аракела.

Но перехватил кузнец офицерскую шашку. Вырвал, подбросил и, как хворостинку, переломил её на две половины.

Опешили офицер и полицейские. Сидят на лошадях, разинули рты.

А Аракел презрительно швырнул на землю обломки шашки, сжал крепче в руках знамя и не торопясь направился к демонстрантам.

Опомнились полицейские.

— Стой! — закричал офицер. — Стой! Держи его!

Бросились догонять Аракела, да поздно. Смешался он с толпой. Не видать Аракела. Не найти. Лишь по-прежнему развевается над демонстрантами красное знамя.

— Да здравствует Первое мая! Да здравствует свобода! — несётся по улице.

Дело было в Могилёве. Извозчик-старик Качкин подкарауливал возле вокзала пассажиров. День был весёлый, майский.

Сидел старик на козлах пролётки, от яркого солнца щурился. Смотрит — идут два парня. В руках у одного корзина. Сверху платком накрыта. Из-под платка торчит гусиная голова. Крутит гусак головой, с любопытством на всех поглядывает.

Поравнялись парни со стариком:

- Свободен?
- Милости просим.
- Нам бы на главную улицу.
- Тридцать копеек.

Парни спорить не стали. Один из них сел на пассажирское сиденье, поставил рядом с собой корзину. Второй попросил:

- Разрешь-ка, папаша, лошадкой поправить.
- Садись, — согласился старик. — Но за это ещё пятак.
- Ладно, будет тебе пятак.

Качкин подвинулся.

Взобрался парень на козлы. Взял вожжи и кнут. Гикнул.

Тронулись.

— Из деревни, никак? — поинтересовался старик. — Гостинчик, видать?

— Подарочки, — ответил загадочно парень.

Выехали на главную улицу.

— Держись, папаша! — крикнул парень Качкину и посильнее ударил коня.

Запрыгала пролётка по булыжной мостовой, засвистел в ушах ветер.

— Э! — заворчал старик. — Так не договаривались. За это ещё десять копеек.

— Ладно, — согласился парень.

Видит Качкин — уступчив пассажир.

— Нет, — говорит, — двадцать.

Пока они договаривались, второй парень, тот, что сидел на пассажирском сиденье, снял с корзины платок, приподнял гуся, а под гусем — листовки! Взмахнул парень рукой — взвились, закружились, полетели листовки в разные стороны.

Оглянулся Качкин, понял — недоброе...

— Стой! Стой! — закричал с испугу.

— Тише, тише, папаша, за это ещё целковый.

Только Качкину теперь не до денег.

— Караул! — завопил. — Разбойники!

Летит пролётка по главной улице. А сзади несутся городовые, слышится свист, хлопают выстрелы. Подбирают прохожие листовки, суют поспешно за пазуху. Свернула пролётка в один переулок, в другой, в третий.

Осадили парни разгорячённого коня, сунули старику горсть медяков, оставили корзину и гуся, бросились во двор, перемахнули через забор — только их Качкин и видел.

Подбегают запыхавшиеся городовые. Окружили пролётку, стянули Качкина с козел.

— Кого вёз? Где пассажиры?

Хотел Качкин показать, куда побежали парни, да не успел. Подошёл к нему офицер.

— Сволочь! — закричал он и съездил старику по уху. — Душу пуцу по ветру! Где негодяи?!

Насупился Качкин, глянул из-под навислых бровей на офицера, помедлил.

— Вон туды утекли, — показал он на противоположный конец переулка.

Отпустили жандармы старика, помчались в указанном направлении.

Возвращался Качкин домой, щупал медяки в кармане, поглядывал на гуся, вспоминал неожиданных пассажиров. «Парни, видать, рискованные, — рассуждал старик. — Ишь напридумали! По самой по главной улице...»

ГРИША ЛОЗНЯК

Гриша Лозняк отбывал заключение в одиночной камере. Худ. Ростом мал. В плечах узок. Глянешь — ничего в нём особенного. Да и нраву Гриша был скромного. Ссор с надсмотрщиками не заводил. Тюремных правил не нарушал. Во время прогулок не разговаривал. Смотрели на него надзиратели и думали: «По глупости небось угодил парень, по недоразумению».

Раз в неделю приходила сестра, приносила передачу — всегда одно и то же: буханку хлеба, бутылку молока и четверть фунта дешёвых конфет, но непременно в бумажках.

Звали её Лизой. Была она под стать брату: худенькая и маленькая, совсем девочка. Лиза терпеливо дожидалась своей очереди, робко протягивала корзину и уходила.

— Видать, пугливая, — говорили охранники.

Только всё было не так.

Гриша сидел не случайно. Был он членом большевистской партии, печатником, и арестовали его при разгроме подпольной типографии.

И Лиза была вовсе не сестрой Лозняка. Она тоже состояла в большевистской партии и выполняла партийное поручение. Да и хлеб, молоко и конфеты приносила она неспроста. В конфетные обёртки вкладывались письма от товарищей с воли. Сидел Гриша в тюрьме, а был в курсе всех новостей и событий.

Из хлеба Гриша делал чернильницы, наливал в них молоко и молоком писал ответы товарищам. Когда к Гришиной камере приближались охранники, он проглатывал и «чернила» и «чернильницу». Вы, наверное, знаете, что так писал письма из тюрьмы Владимир Ильич Ленин.

Приближалось Первое мая.

Гриша не раз принимал участие в первомайских маёвках. Решил он и в тюрьме отметить рабочий праздник. Сообщил об этом соседям — заключённым, сидящим в других камерах. Сообщал стучком — специальным шифром. Вначале постучал в стену направо, потом в стену налево. Товарищи поняли, поддержали, в свою очередь сообщили соседям.

Вскоре о предложении Гриши Лозняка знали все политические.

И уже на следующий день стали в тюрьму поступать лоскутки красной материи: одному — запечённые в хлебе, другому — в пироге вместо начинки, третьему — засунутые в корешок книги.

Во время прогулок заключённые незаметно передавали лоскутки Грише, а он по ночам шил из них красное знамя.

И вот наступило Первое мая. Как и обычно, утром заключённых вывели на прогулку. Тюремный двор небольшой. Ходят они цепочкой по кругу. Десять кругов тридцать минут. Тридцать минут — вот и вся прогулка.

Прошли заключённые круг, прошли два, и вдруг взвилось над арестантами знамя. Затрепетало в воздухе алым полотнищем. Потянулось к небу и к солнцу.

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,—

запел Гриша Лозняк.

Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою! —

подхватили другие.

Забегали, заволновались охранники.

— Молчать! — кричат. — Молчать!

Не слушают заключённые.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнём,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!..

Прибежал начальник тюрьмы. Окружили охранники со всех сторон заключённых, избили прикладами, погнали в вонючие подземные карцеры.

Две недели отбыли демонстранты в карцере. А потом разослали их по другим городам, в разные тюрьмы. Был отправлен и Гриша Лозняк.

Привезли его в новую тюрьму, посадили в одиночную камеру.

Прошла неделя, и снова у Гриши появились «чернильница» и «чернила», снова он стал получать письма от товарищей с воли...

Худ Гриша. Ростом мал. Скромн. Глянешь — ничего в нём особенного...

Томский батюшка, отец Макарий, любил простому народу для чтения раздавать книжечки. Книжечки были или божественного содержания, или про жизнь царей и цариц.

Читателями поначалу были старухи и монашенки соседнего монастыря, а потом, смотрит батюшка, и рабочий люд потянулся.

Раздавая книжечки, отец Макарий любил расспрашивать про прочитанное: понравилась ли книжечка, хороши ли картинки.

Приходила к батюшке за книжечками и одноглазая Харитина, прислуга генерала Обозина.

Вот как-то, было это в конце апреля, под самое Первое мая, отец Макарий и спрашивает у Харитины:

— Ну как, понравилась книжечка?

— Ой, как понравилась! — отвечает Харитина. — Интересно, — говорит. — И, главное, очень понятно. Особенно там, где про Первое мая.

— Про какое ещё Первое мая? — удивился он.

— Как — про какое?! Про то, что рабочий праздник, — говорит Харитина.

Схватил батюшка книгу, смотрит — не верит своим глазам. Действительно, в книжечке листки про Первое мая: и откуда праздник пошёл, почему он рабочий. А дальше и совсем страшное — всё против царя, помещиков и капиталистов: мол, пора их прогнать и установить народную власть. Бросился отец Макарий в жандармское управление к полковнику Голенищеву.

Развернул Голенищев книжечку, побагровел.

— Откуда такая?! — накинулся на святого отца.

Батюшка и принялся рассказывать про то, как он раздаёт для чтения простому народу книжечки, и про Харитину.

— Позвать Харитину, — приказал Голенищев.

Привели Харитину.

— Откуда листовки? — заревел Голенищев.

Уставила Харитина на полковника свой единственный глаз.

— От батюшки, — говорит. — От отца Макария.

— Дура! — обругал её полковник и стал допытываться у священника, кто ещё приходит за книжечками.

— Кучер его сиятельства князя Пирятина, Митрофан, — стал перечислять батюшка.

— Так. Ещё?

— Монашенки из соседнего монастыря.

— Так. Ещё?

— Пекаря из булочной Незатейкина.

— Так.

— Прачки из заведения госпожи Белоручкиной.

— Ещё?

— Санитар из богоугодного заведения Еремей Дрёмов.

Приказал Голенищев собрать всех батюшкиных читателей и вместе с книжечками привести в полицейское управление.

Собралось человек сорок. Проверили книжечки. Почти в каждой — листки про Первое мая. Стали допрашивать.

— Откуда листки про Первое мая? — спрашивал каждого Голенищев.

— Не знаю, ваше высококородие, — отвечал Митрофан, кучер его сиятельства князя Пирятина. — Мне такую батюшка, отец Макарий, пожаловал.

— Не знаем, — пропищали монашки. — Мы книжечек не читаем. Мы так, ради прогулки, к батюшке ходим.

Ничего не могли ответить ни пекаря из булочной Незатейкина, ни прачки из заведения госпожи Белоручкиной.

— Тут не иначе, как нечистая сила замешана, — заявил санитар из богоугодного заведения Еремей Дрёмов.

Три дня велось следствие. Безрезультатно. Пришлось отпустить арестантов.

Рассвирепел Голенищев, вызвал отца Макария.

— Богу служишь, — кричал, — царя забываешь! Тебя самого за такие дела под арест, в Сибирь да на каторгу!

Стоял батюшка, слушал, краснел, разводил руками. Ну и задача: как же оно случилось — в божественных книжечках и вдруг про Первое мая?

А дело было так. Служил у отца Макария в работниках мальчик — Никишкой звали. У Никишки был брат — Григорий. Работал Григорий слесарем на заводе. Узнал он от Никишки про книжечки. А тут как раз приближалось Первое мая. Рабочие напечатали листовки и стали их тайно распространять по городу.

Подумал Григорий, что и книжечки отца Макария могут послужить на пользу. Поговорил с Никишкой. Дал ему пачку листовок. Тот их в книжечки и вклеил. Ну, а кто на мальчика подумает?

И потратил-то Никишка двадцать минут, а вон какая из этого история получилась!

ПЛАВНИ

Широки кубанские плавни. Островки. Протоки. Осока. Стеною стоит камыш. Раздолье здесь и для крякв, и для нырков, и для лысух.

В кубанских плавнях на островах екатеринодарские¹ рабочие проводили маёвки. Приплывали на лодках в темноте с ночи, для безопасности выставляли дозорных.

Сидел в дозоре старик Макар Макарыч Картечин. Забился на своей плоскодонке в камыш. Поглядывает на протоку. Для виду забросил удочку. Тихо кругом. Лишь нет-нет да пробежит в камышах болотная курочка.

¹ Е к а т е р и н о д а р — город на юге России, ныне Краснодар.

Прошло часа полтора. И вдруг возле острова появился на лодке шпик Терентий Лизунов. Поручили ему жандармы следить за плавнями. Чуть что — сразу в участок.

Пробирается Лизунов, осторожно, крадучись раздвигает потихоньку камыши и вдруг слышит:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!

Сообразил Лизунов, в чём дело, заторопился в город. Рад Лизунов — знает, что будет ему награда. Была бы ему награда, да только попал Лизунов на протоку, возле которой сидел в дозоре старик Картечин.

«Шпик», — понял Картечин.

Закрякал он по-утиному, дал сигнал для других дозорных.

Выплыли на протоку слесарь Фёдор Горшков и токарь Иван Васильев.

— Эй, мил человек! — закричали они Лизунову.

Метнулся от них Лизунов. Подналёг на вёсла. Раз — взмах, два — взмах, всё ближе и ближе к старику Макару Макарычу.

Выждал старик минутку — и наперерез Лизунову. Ударилась лодка о лодку — бух!

— А-а-ай! — закричал Лизунов.

Подплыли Горшков и Васильев. Помогли они деду. Связали Лизунова, заткнули рот кляпом, бросили на дно лодки Картечина. Вернулись Горшков и Васильев на свои дозоры. Забился снова в камыш и старик Картечин. Снова закинул удочку.

Вскоре маёвка окончилась. Подплыли рабочие к старику:

— Ну, как улов?

— Есть улов, — отвечает Картечин.

Глянули рабочие в плоскодонку — Лизунов с кляпом.

Рассмеялись рабочие:

— Вот так рыба!

— Ай да карась!

— Глянь-ка: окунь в щиблетах!

Стали решать: как же им быть с Лизуновым?

— В воду его! Камень на шею!

— Ракам в клешню!

— Бычкам на съедение!

Поступили так: оставили Лизунова на острове, а лодку пустили вниз по течению.

— Если предашь — утопим, — пригрозили рабочие шпику.

Долго вспоминали екатеринодарские рабочие про «улов» старика Картечина.

— Какой там улов, — усмехнулся старик. — Ершишка паршивый!

Рабочие фабрики Абрикосова потребовали объявить Первое мая нерабочим днём.

Фабрикант отказался.

Стали рабочие советоваться, что делать, как им быть.

— Не работать, — заявляют одни.

— Как можно! — возражают другие. — Хозяин уволит.

— Всех не уволишь!

После долгих споров решили на фабрику явиться, однако работу не начинать.

Наступило Первое мая. Разошлись по цехам рабочие. Стоят, не включают станки.

Бегаёт мастер, кричит. Подлетел к Спиридону Нечаеву:

— Чего стоишь? Почему станок не пускаешь?

— Да тут что-то заело, — отвечает Нечаев и показывает на ремённую передачу.

— Чего заело?

— Да кто его знает. Видать, ремень в неисправности.

Подбежал мастер к Никите Хохлову:

— Почему не работаешь?

— Да резец затупился, — медленно отвечает Хохлов. — Резцы нынче пошли никудышные.

Подскочил к Андрею Извекову:

— Почему не работаешь?

— У меня глаз засорился, — говорит Извеков и трёт ладонью веко.

Понял мастер, в чём дело.

— Бунтовать?! — закричал.

Молчат, не отвечают рабочие.

Прибыл на завод фабрикант Абрикосов. Ругаться не стал, но пригрозил:

— Каждого, кто через десять минут не приступит к работе, уволю.

Не испугались рабочие. Не приступили к работе. Один Прохор Колышкин опустил голову и молча включил станок.

— Ты что же? — набросились на него товарищи. — Для тебя, что же, общий уговор не закон?!

— Вы как хотите, — огрызнулся Колышкин. — А для меня работа дороже. Я сам за себя в ответе.

Не поддержал Прохор товарищей, не захотел быть со всеми.

Прошёл час. Видит Абрикосов, угроза не действует. Решил обратиться в уезд, к жандармскому начальнику. «Покорнейше прошу прислать казаков, — писал. — На фабрике беспорядки».

Казаки прибыли. Вошли в цех.

— Приступай к работе! — закричал сотник.

Стоят рабочие, молчат.

— Приступай!

Никакого ответа.

Подал сотник команду, стали выгонять рабочих во двор.

Подошёл здоровенный казак к Колышкину:

— Ну, а ты чего?

— Я же работаю.

— Работаешь,— усмехнулся казак.— Знаем мы вас. Ступай, не прикидывайся.

— Так я же работаю,— упирается Колышкин.— Я сам по себе.

— Но-но,— прикрикнул казак,— ступай! — и вытолкнул Прохора в шею.

Стали искать зачинщиков.

— Кто научил? Кто главный?! — кричит сотник.

Молчат рабочие. Нет главного. Все в главных.

— Пересажая! Сгною! — не унимается сотник. Поглядывает на рабочих, прикидывает, кого бы арестовать.

— Ваше благородие,— обратился к сотнику здоровенный казак,— вот тот упирался, сопротивление оказал,— и закосил глазами в сторону Колышкина.

— Взять! — приказал офицер.

Схватили казаки Колышкина, скрутили руки.

— Я же не виноват! — закричал Колышкин.— Братцы! — обратился он к рабочим.— Заступитесь, братцы!

Однако никто ему не ответил.

Двинули казаки крикуну по шее, потащили к арестантской повозке.

— Поделом,— бросил вдогон Спиридон Нечаев.

— Шкура,— заявил Никита Хохлов.

— Дурная трава,— произнёс Извеков.

РЯЗАНСКИЕ МУЖИКИ

На шахте «Святая Мария» готовились к встрече Первого мая. Договорились шахтёры провести митинг. Решили пригласить и новичков. Было их человек десять. Все из крестьян, из Рязанской губернии, приехали полгода назад. Жили мужики отдельной артелью. Вспоминали деревню свою Голодайку. Бывалых шахтёров сторонились.

«Хватит им, как бобылям, на отшибе,— решили на шахте.— Пусть приобщаются к общему делу».

Послали к крестьянам молодого забойщика Лёшу Заборова. Пришёл Заборов, заговорил о жизни, о том о сём, а кончил рассказом про Первое мая.

Слушают мужики, посматривают на пришельца искоса.

— Нам, товарищи,— объясняет Лёша,— нужно всем вме-

сте. Сила от этого прибавится. Смерть рабочему люду — жить в стороне друг от друга. Задавят в одиночку нас богатеи.

— Так-то оно так,— соглашаются мужики.— Только ты нас не трогай. Люди мы новые. Как бы чего не вышло.

— Уходи, не смущай,— говорит рязанский мужик Кирилл Пустобрюхов.

Ни с чем ушёл Лёша. Плохо кончился этот разговор для Заборова. Кто-то из мужиков донёс о молодом забойщике мастеру, мастер — начальству, начальство — в полицию. Арестовали Заборова. Отправили Лёшу в тюрьму, а жизнь на шахте шла своим чередом.

Трудна жизнь рабочих. Особенно трудно шахтёрам. То в шахте обвал, то увольнения, то понижение ставок. Так и тут, на «Святой Марии». Обрушился угольный пласт. Погибло шесть человек. Среди них и рязанский мужик Кирилл Пустобрюхов.

Вскоре начались увольнения. Сразу трое рязанцев лишились места. Затем — понижение ставок. И снова больше других пострадали рязанские мужики, как в делах шахтёрских менее опытные. Призадумались мужики. Стали они всё чаще прислушиваться к словам бывалых шахтёров. Вспомнили и Лёшу Заборова: «Зазря мы тогда, выходит, по глупости...»

Наступила весна.

В первых числах апреля шахта забастовала. Потребовали шахтёры восстановить прежнюю плату за труд и принять на работу уволенных.

Две недели стояла шахта зatihшей. Дружно, все как один, бастовали рабочие. Хозяин не выдержал, сдался.

— Ишь ты,— ухмылялись рязанские мужики.— Вышло. Значит, сила в наших руках.

И снова вспомнили Лёшу Заборова, как он тогда говорил: «Все вместе, все разом. Смерть рабочему люду — жить в стороне друг от друга». Правду, выходит, говорил парень.

Отсидел Лёша срок заключения. Снова вернулся в шахту. Пришёл накануне Первого мая. Рабочие и в этом году устроили митинг. Явился Лёша на митинг — ба! — и рязанские мужики здесь. Стоят, вместе со всеми поют:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

ПУШКА

Утром Первого мая жандармскому полковнику Голове-Качанову вручили письмо. Распечатал — в конверте листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

Побледнел Голова-Качанов, схватил листок, понёсся в жандармское управление. Собрал подчинённых. Выяснилось: такие же письма получили и ротмистр Галкин, и поручик Кутейкин, и жандармские приставы Тупиков и Носорогов, и другие жандармы. А вскоре к Голове-Качанову в управление начались телефонные звонки от разных именитых граждан: от фабриканта Рублёва, купца Собакина, отставного генерала Атакина и от других. И им, оказывается, пришли такие же письма.

Схватился Голова-Качанов за голову. А тут ещё ко всему жандармский пристав Носорогов возьми и скажи:

— Ваше высококородие, никак, мастеровые бунт задумали?

— По местам! — закричал Голова-Качанов. — Пулемёты на улицу! Пушку!

Бросились жандармы исполнять приказ. Расставили на уличных перекрёстках пулемёты. А около жандармского управления поставили пушку. Носятся по городу полицейские, шпики. Однако в городе спокойно — никаких беспорядков. Только около пушки, что поставлена возле жандармского управления, крутятся мальчишки. Интересно ребятам. Многие пушку впервые видят. Все норовят подойти поближе. Самые смелые даже колёса, ствол трогают.

— Но, но! — покрикивает на ребят солдат.

Отойдут мальчишки, а потом опять за своё.

— Стрельни, — просят солдата.

К середине дня полковник Голова-Качанов успокоился. Повеселел. Но тут вбегают в управление пристав Носорогов и показывает полковнику бумагу.

— Ва-а...ва-а, — заикается, — ва-а-ше высококородие, извольте взглянуть. Только что содрал с пушки.

Глянул полковник — листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

Опять побелел Голова-Качанов. Опять схватился за голову. А Носорогов снова своё.

— Ваше высококородие, не иначе, как быть восстанию.

И снова забегали по городу жандармы и шпики. Приготовились пулемётчики. А Голова-Качанов приказал из пушки через каждый час стрелять холостым зарядом. Для острастки, чтобы все знали, что власть начеку.

То и дело к полковнику являются жандармские приставы и офицеры, докладывают, везде ли спокойно.

Пришёл пристав Тупиков:

— Ваше высококородие, всё в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Прибыл поручик Кутейкин:

— Ваше высококородие, всё в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Прибыл и Носорогов:

— Ваше высочородие, никаких нарушений не обнаружено. Всё в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Повернулся Носорогов, а сзади у него во всю жандармскую спину листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

— Идиот! — взревел Голова-Качанов. — Под арест! На гауптвахту!

И снова по городу забегали жандармы и шпики. Снова за-
легли полицейские за пулемёты. Снова ударила пушка.

А тем временем рабочие собрались в загородной роще и спокойно отпраздновали Первое мая.

ФЕРАЙНИГТ ОЙХ!

В немецкий порт Гамбург прибыл русский пароход «Пётр Великий». Прибыл в день Первого мая. Привезли русские моряки срочные грузы. Пора приступить к работе. А на пристани никого нет. Бастуют немецкие грузчики. Требуют, чтобы владельцы порта на час сократили рабочий день.

Грузы на «Петре Великом» срочные. Отдал тогда капитан приказ приступить к работе самой команде.

Заволновались матросы:

— Как же это, братцы, а?

— Подведём немцев.

Посоветовались матросы и отказались выполнить приказ капитана. Прошёл день, второй, третий. Собралось за это время в гамбургском порту до десятка других кораблей: английские, французские, датские. Узнали и на этих кораблях матросы, в чём дело. Решили и они поддержать немцев.

Стоят суда у причалов. Замер гамбургский порт. Лишь вахтенные ходят по палубам.

Прошла неделя. И вот как-то уже в темноте к вахтенному матросу Ивану Гагину подошёл носатый немец и сунул записку.

Немецкий язык Гагин не знал. Крутит бумагу в руках, размышляет, как ему быть. И вахту оставить нельзя, и некого крикнуть — все спят. А бумага, наверное, важная...

Прошёлся Гагин по палубе, приблизился к капитанской каюте. Темно.

«Ладно, — решает. — Капитан спит, не заметит, сбегаю вниз к товарищам».

Спустился в матросский кубрик, стал будить соседа по койке Фому Спирина.

— Ну что тебе? — нехотя отозвался Спирин.

— Бумага.

— Какая ещё бумага?

— Немец сунул.

Взял Спирин бумагу, поднёс к глазам. Пожал плечами.

Стали будить других. Многие и сами начали просыпаться. Только читать по-немецки никто не умеет.

— Буди Сомова. Он знает.

Разбудили. Посмотрел Сомов бумагу, улыбнулся.

— Да ты давай вслух,— зашумели матросы.

— «Либе геноссен»,— прочитал Сомов.

Все стихли.

— Дорогие товарищи,— перевёл он на русский язык.

— Ясно. Давай дальше.

— «Данк фюр ойре золидаритэт» — благодарим за солидарность, то есть за помощь,— объяснил Сомов.

— Понятно.

— Ишь ты!

— Правильно!

— Давай дальше.

— «Вир хабен гезигг. Пролетариер аллер лендер, ферайнигт ойх!» — прочитал Сомов.— Мы победили. Пролетарии всех стран...

— ...соединяйтесь! — выпалил Спирин.

— Верно,— произнёс Сомов.

Мало кто из матросов в эту ночь спал.

— Взяла, значит,— радовались они.— Добились. Помогли, выходит, и мы немцам.

На следующий день с утра немецкие грузчики приступили к работе. Таскают с «Петра Великого» ящики, бочки. Посматривают на русских, улыбаются.

Принялись и русские помогать немцам. Взялся и Гагин. Подхватил с каким-то немцем тяжёлый ящик, присмотрелся, а немец — тот самый, что записку вчера ему сунул. Кивнул ему по-приятельски Гагин. И немец кивнул.

— Пролетариер аллер лендер, ферайнигт ойх! — прошептал немец.

— Ферайнигт ойх! — повторил Гагин.

БУДУТ — НЕ БУДУТ

В середине апреля на завод Полисадова приехала группа бельгийских рабочих. Привезли из Бельгии станки для завода. Вот и прибыли бельгийцы их устанавливать.

Приближалось Первое мая. Русские рабочие договорились в этот день на работу не выходить. Стали думать: а как же бельгийцы?

Одни говорят:

— Будут бельгийцы работать.

— Нет, не будут,— возражают другие.

О том же заспорили и заводские ребята. Колька Зудов за то, что бельгийцы будут работать, Лёнька Косичкин, наоборот, — не будут.

— Не наших они кровей, не поддержат бельгийцы русских, — заявляет Колька.

— А вот и поддержат, — упирается Лёнька.

Спорили, спорили, наконец решили: десять щелчков тому, кто проиграет.

В ночь под Первое мая Лёнька спал плохо. А что, если Колька прав и бельгийцы приступят к работе? Пальцы у Кольки крепкие — влупит, так будь здоров.

И Кольке не спалось. А ну как прав Лёнька! И хотя Колька щелчков не очень боялся, да неловко будет перед ребятами. Колька любил всегда быть правым.

На следующий день ранним утром помчались ребята к заводу. Были здесь и Колька, и Лёнька, и Лёнькина сестра — рыжая Катька, и ещё человек десять.

В семь часов около заводских ворот появились бельгийцы. Вначале группкой в пять человек, потом ещё пять, за ними и остальные.

Пересчитали ребята: все тут — двадцать один человек.

— Ну, говорил я? — торжествующе закричал Колька.

— Говорил.

— Подставляй лоб.

Спустились ребята в овражек, укрылись от ветра, засучил Колька рукав.

— Раз, — отсчитывает Колька, — два, три, четыре...

Бьёт крепко. Морщится Лёнька, язык прикусил от боли.

— Пять, шесть, семь...

Крепится Лёнька, а слёзы сами из глаз выступают.

— Восемь, девять, десять.

Только ударил Колька десятый раз, как смотрит — мчится сверху Лёнькина сестра, рыжая Катька, кричит:

— Ушли бельгийцы, ушли с завода!

— Как — ушли?!

— А вот так и ушли!

Поднялись ребята из овражка, смотрят — и правда уходят бельгийцы. Впереди пять человек. За ними ещё пять. Следом и остальные. Пересчитали ребята: все тут — двадцать один человек.

Лёнька с кулаками на Кольку:

— Говорил я, говорил! Подставляй лоб.

— С какой же это стати? — стал возражать Колька. — Может, они снова вернуться.

Тут за Лёньку вступились ребята:

— Не вернуться они. Не вернуться. Увидели, что наших нет, вот и ушли.

— Подставляй лоб! — опять потребовал Лёнька.

Смирился Колька, подставил...

Возвращались мальчишки домой с распухшими лбами. В посёлке встретили отцов.

— Кто же это тебя? — спросил Колькин отец у сына.

— Ну и ну, — подивился Лёнькин отец.

— Это из-за бельгийцев, — вылезла рыжая Катька.

— Как — из-за бельгийцев?

Рассказала девчонка, в чём дело.

Рассмеялись рабочие.

— Говорите, не наших кровей. Вот и неверно. Кровь-то у нас пролетарская. Дело-то общее.

НОВАЯ РУБАХА

Пообещал отец к маю Николке новую рубашу купить.

Соберутся, бывало, вечером мать, отец и Николкина сестра, Клава, заведут разговор о рубаше.

— Лучше белую, с пояском, навывпуск, — скажет Клава.

— Не настираешься. Надо тёмную, синюю, — заявит мать.

— Зачем же синюю? — возражает отец. — Мы ему купим красную, яркую, в маковый цвет.

Замирает сердце у Николки, глаза разгораются.

— Так какую тебе рубашу? — спрашивает отец.

— Мне бы с карманом, красную.

Расхвастался Николка про рубашу друзьям и приятелям. Стали и ребята спорить, какую рубашу купить.

— Пусть лучше матроску, — заявляет Зойка Носкова.

— С вышитым воротом, — советует Пашка Солдатов.

— Ш пуговкой, ш пуговкой на груди, — шепелявит Кузя Водичкин.

Бегаёт Николка среди заводских бараков, про рубашу рассказывает.

Повстречал рабочего Степана Широкова:

— А мне рубашу новую купят!

— Да ну?!

— Ей-ей!

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне отец к маю рубашу обещал!

— Ты смотри! Добрый, выходит, отец.

— Добрый, — смеётся Николка.

Встретил старика токаря Кашкина:

— Мне на май папка рубашу купит!

— Скажи на милость!

— Новую. С карманом. С пуговкой на груди. В маковый цвет, — хвастает мальчик.

Через несколько дней во всём посёлке не было человека, который бы не знал про рубаху.

Уехал Николкин отец по делам в город Иваново.

— Ну, Николка,— прощаясь, сказал отец,— слушайся мать. Будет тебе рубаха.

Уехал отец и не вернулся. Случилась беда. Задержали в Иваново Николкиного отца жандармы, арестовали.

Опустело, изменилось в доме у Николки.

— Мам, мам,— пристаёт Николка.— А чего же папка не едет?

Прижмёт к себе мать Николку, молчит.

Расплачется Николка.

— Тихо, тихо,— успокаивает братишку Клава.— Папка скоро вернётся. Папка нас не забудет.

Незадолго до Первого мая рабочие устроили сходку. Заговорили о празднике, о рабочей выручке и солидарности. Были здесь и старик Кашкин, и слесарь Тихон Громов, и Степан Широков, и другие рабочие. Вспомнили товарищи о Николкином отце, вспомнили и о том, что пообещал отец к маю рубаху сыну.

— Купим ему рубаху,— решили рабочие.

Наступило Первое мая. Проснулся Николка и не поверил своим глазам: рядом на стуле — рубаха. Новая. С карманом. С пуговкой на груди. Красная.

— Папка, папка приехал! — закричал Николка.

Подошла мать. Не знает, что и сказать.

— Нет, не приехал папка,— ответила.— Не скоро приедет. Смотрит Николка на мать, соображает: откуда тогда рубаха?

— Знаю, знаю! — закричал.— Папка прислал!

Мать глянула на сына. Думает, рассказать или нет про рубаху? Мал Николка. Глуп. Где ему понять про рабочую солидарность. Решила смолчать.

Надел Николка новую рубаху, помчался на улицу, кого ни увидит — хвастает.

Повстречал рабочего парня Степана Широкова:

— А мне папка рубаху прислал!

— Да ну?! — удивился парень.

— Прислал, прислал. Не забыл! — закричал Николка и помчался дальше.

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне папка рубаху прислал!

— Ты смотри,— улыбается Громов.— Добрый, выходит, отец, вспомнил.

— Добрый, добрый! — смеётся Николка.— Добрый!

Догнал старика токаря Кашкина:

— А мне папка рубаху прислал!

— Скажи-ка на милость,— говорит Кашкин.— И правда. Ну и рубаха!

— Новая, новая, — не умолкает Николка. — И про карман не забыл, и про пуговку, и про маковый цвет.

Прижал к себе Кашкин Николку, гладит по голове, а у самого на глазах слёзы.

Поднял Николка голову.

— А ты чего плачешь?

— Это я так, — засмущался старик. — Беги. Играй. Май нынче... рабочий праздник.

КАЛАЧ С МАКОМ

Принёс отец Нюте калач с маком.

— На, — говорит, — получай. Это тебе Кот в сапогах прислал.

Смеётся Нюта. Знает, что никаких Котов в сапогах нет. Нюту не проведёшь. Понимает она, откуда калач с маком. Бастовали на Май рабочие. Победили. Пришлось хозяину повысить рабочим ставки. Сегодня была получка — вот откуда калач для Нюты. Калач большой, пышный. Никогда ещё в жизни Нюта таких калачей не пробовала. Поднесла Нюта калач ко рту да задумалась...

— Ну что же ты, — говорит мать. — Пробуй!

Однако есть Нюта калач не стала. Положила на стол, отломил кусок, протянула отцу. Улыбнулся отец:

— Спасибо.

Отломила девочка второй кусок, протянула матери.

Засмущалась мать:

— Да ты не дели. Ты кушай.

Поднесла снова Нюта калач ко рту, да спохватилась. Положила на стол и стала опять делить.

— А это кому?

— Это Варьке Рыжовой, — начинает перечислять Нюта своих дружков, — это Павке Зозуле, это Сёмке Сорокину, это Лизе Бубенчиковой, а это вот мне.

Схватила Нюта калач, побежала из дома.

Только ушла — стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Лиза Бубенчикова.

— Заходи.

— Мне бы к Нюте.

— Нет Нюты.

— Вот тут для Нюты гостинец... с отцовской получки, — проговорила Лиза Бубенчикова и протянула жёлтый ландринчик.

Только ушла Лиза, стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Сёмка Сорокин.

— Заходи.

— Мне бы к Нюте.

— Так нет Нюты.

— Вот для Нюты... — протянул он кусок пряника.

Только ушёл Сорокин, снова стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Павка Зозуля.

Заходит Павка, протягивает карамельку.

Вслед за Павкой прибежала Варька Рыжова, принесла кусок макового калача, точь-в-точь такого, как купил и Нютин отец.

Обошла Нюта дружков, торопится домой. Зажала в руке остаток макового калача. «Вот прибегу и сразу же съем», — рассуждает Нюта. Бежит и вдруг видит — стоит Капка Телегин. Стоит и горько плачет.

— Ты что? — спрашивает Нюта.

— Коленку зашиб. Больно.

Посмотрела Нюта на Капку. Знает: Капка растёт без отца. Некому ему с майской получки купить гостинец. Взглянула на свой калач, протянула Капке.

— На, — говорит, — вытри слёзы.

Схватил Капка калач, повеселел, побежал к дому.

И Нюта пошла. Только уже не бегом, не как раньше, а медленно. Куда торопиться, раз от калача ничего не осталось...

ПЕРВАЯ РОТА

За участие в рабочей маёвке большевик слесарь Иван Петров был отдан в солдаты. Шла мировая война. Привезли Петрова на фронт, определили в пехотный полк, в первую роту.

— За что тебя, парень? — стали интересоваться солдаты.

— За Первое мая.

Вся рота была из дальних деревень. Про Первое мая никто не слышал.

Принялся Петров объяснять солдатам. Рассказал и откуда праздник пошёл, и почему он рабочий, и почему его празднуют.

— Так, выходит, это праздник и наш, крестьянский, — решили солдаты.

Многое узнали солдаты от слесаря Ивана Петрова.

Изменилась первая рота. Соберутся солдаты в окопах, о жизни, о войне, о мире говорят. Стали понимать солдаты, что к чему, за чьи интересы воюют, на кого гнут спины рабочие и крестьяне.

Прошёл без малого год. Опять наступило Первое мая.

Собрались солдаты и тайно отметили пролетарский праздник. Но кто-то узнал и донёс начальству. Первую роту сняли с передовой, расформировали. Разослали солдат по разным другим фронтам, по новым полкам и ротам.

Прибыл Иван Петров на новое место.

— За что тебя? — стали и здесь интересоваться солдаты.

— За Первое мая.

Сгрудились солдаты вокруг Ивана Петрова, слушают большевистского агитатора.

Прибыли в новые части и другие солдаты из первой роты.

— За что вас? — стали спрашивать новичков.

— За Первое мая.

Принялись солдаты рассказывать про Первое мая. Да так ловко: не хуже самого Ивана Петрова.

Приехал на фронт один агитатор — Иван Петров. Через год стало сто агитаторов — вся первая рота.

УПРЯМАЯ ЛЬДИНА

Весна в этот год задержалась. Река набухла. Но лёд не тронулся. Река взломала лёд в ночь под самое Первое мая.

С утра на набережной собрался народ.

Одна за одной шли по реке огромные льдины, скрежетали, кружились, становились ребром и, поднимаясь тысячами брызг, снова ложились на воду.

Стоят люди — любуются.

Здесь же, у самой реки, нёс своё дежурство и урядник Охапкин. Видит урядник, что собралось много народу, думает: «Ой, как бы беды не вышло. Первое мая. Как бы мастеровые чего не устроили».

Только подумал, как вдруг из-за поворота реки выплывает огромная льдина. Смотрит Охапкин и не верит своим глазам: на льдине красное знамя! Повалил народ к самому берегу.

— Ура! — раздалось за спиной у Охапкина. — Да здравствует Первое мая!

Урядник растерялся. Схватил свисток. То в сторону толпы свистнет, то в сторону льдины.

Смеётся народ. Стоит. Не расходится.

— Осади! Осади! Не толпись! — надрывает глотку Охапкин.

А льдина подплывает всё ближе и ближе. словно нарочно, направляется к самому берегу. Трепещется по ветру красное знамя.

Заметался урядник из стороны в сторону, что придумать, не знает. Остановился, набрал в грудь побольше воздуха и снова давай свистеть.

Свистит, а льдина уже и вовсе приблизилась к берегу, задержалась рядом с Охапкиным, стоит, упрямая, дразнится.

Разгорячился урядник, думает: «А что, если прыгнуть на льдину, содрать знамя, и делу конец?»

— Прыгай! — кто-то выкрикнул из толпы.

Охапкин и прыгнул. Прыгнул, а льдина словно только этого и дожидалась. Раз — и от берега.

— Караул! — завопил урядник. — Спасите!

Мечется Охапкин на льдине, забыл про свисток и про знамя, фуражка сползла на затылок, машет руками, молит о помощи. Только кому же охота ради урядника лезть в студёную воду?

— Поклон Каспийскому морю! — кричат ему с берега.

— Счастливого плавания!

— С майским приветом!

Ударилась льдина о льдину, не удержался урядник, бухнулся в воду.

— Спаси-и-те! — ещё раз крикнул Охапкин и камнем пошёл ко дну.

Отделилась от толпы группа молодых парней. Бросились в воду. Вытащили перепуганного Охапкина на берег.

Стоит урядник, побелел, посинел, трясётся, под общий смех крестится.

А льдина тем временем отплыла к середине реки, развернулась и пошла себе вниз по течению. Затрепетало, заиграло в весеннем воздухе красное знамя.

— Да здравствует Первое мая! — раздаётся над берегом.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА

Май встречали вместе, сразу тремя заводами.

Двинулись рабочие с Нагорной, с Литейной, с Маршевой и других улиц плотными колоннами в центр города.

С утра к своему заводу отправился и Гошкин отец.

— И я с тобой, — пристал было Гошка.

— Мал ещё, — усмехнулся отец. — Сиди дома.

— Я тоже хочу, — упирается Гошка. — Я вот чего смастерил, — и показывает красный флажок.

— Дельный флажок, — похвалил отец, однако сына с собой не взял.

Остался Гошка. Покрутился он в комнате, сунул незаметно флажок за пазуху, направился к двери.

— Ты куда? — насторожилась мать.

— К Ваньке Серёгину.

Выбежал Гошка во двор, сделал вид, что направляется к Ване Серёгину, а сам — вокруг дома и ветром помчался на Нагорную.

Прибежал на Нагорную — народу! Идёт по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя. Переждал Гошка, пока прошли рабочие, пристроился сзади. Только полез за пазуху за флажком, как вдруг:

— Домой! Марш! К мамке! — закричал какой-то рабочий.

— Так я с вами. Я Май встречаю.

— А ну-ка живо. Немедля!

Пришлось убираться.

Постоял Гошка, подумал, помчался на Литейную. Прибежал на Литейную — народу! Идёт по улице колонна рабочих. Над головами — красное знамя. Пристроился Гошка к рабочим. Только полез за флажком, как вдруг:

— Ну, а ты зачем здесь?!

— Да я...

Уши нарву. Домой!

Отстал Гошка. Постоял, подумал, помчался на Маршевую.

Прибежал — народу! Идёт по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Подошёл Гошка к рабочим, схитрил:

— Я к папке, к папке. Меня мамка послала. Мне нужно. Он впереди.

Раздвинулись рабочие, уступили дорогу Гошке. Добрался он до самого первого ряда. Перевёл дух, глянул а рядом и вправду-тец. Идёт, красное знамя держит в руках.

Хотел Гошка незаметно юркнуть назад, да поздно.

— А ну-ка ступай сюда, — поманил отец.

Подошёл Гошка.

— Тебе что ж, ни мать, ни отец не указ?

— Так я же как все. Я тоже хочу. Я же вот чего смастерил, вытаскивает Гошка из-за пазухи красный флажок.

Улыбнулся отец, доволен сыном. Засмеялись другие рабочие.

— Ты смотри знамя!

Настоящее!

Красное!

Глянул отец на своё большое красное знамя, посмотрел на Гошкин флажок, опять улыбнулся, потрепал сына по голове:

— Ну, а теперь ступай к мамке.

— Да я...

Гошка не договорил. Из переулка наперерез демонстрантам выскочили солдаты с винтовками.

— Стой! — закричал офицер рабочим. Стой!

Замедлили демонстранты шаг, остановились.

— Разойдись!

Сдвинули рабочие теснее ряды, окружили Гошкиного отца и знамя.

— В ружьё! — скомандовал офицер.

Солдаты вскинули ружья.

— Сынок... зашептал отец Гошке. Сынок, беги!

Гошка не двигался.

— Кому говорят, беги! — закричал отец. Он с силой оттолкнул мальчика.

Отлетел Гошка к самому тротуару. Стоит. Маленький. Глазёнками хлопает. То на солдат, то на рабочих смотрит. Видит:

поднял офицер руку. Прижали солдаты к плечам винтовки. Секунда — и стрельнут.

И вдруг:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе,—

запел Гошкин отец. Взмахнул он красным знаменем, и в тот же миг, в один шаг, словно один человек, рабочие двинулись навстречу солдатам.

— Пли! — прохрипел офицер.

— Папка! Папка! — закричал Гошка и бросился к демонстрантам. Подбежал, уткнулся в отцовские брюки.— Папка! Па-а-пка!

Наклонился отец, подхватил Гошку и посадил к себе на плечи.

Глянул мальчик: уступают солдаты дорогу рабочим, опустили ружья, сошли с мостовой.

— Пли! Пли! — хрипел офицер.

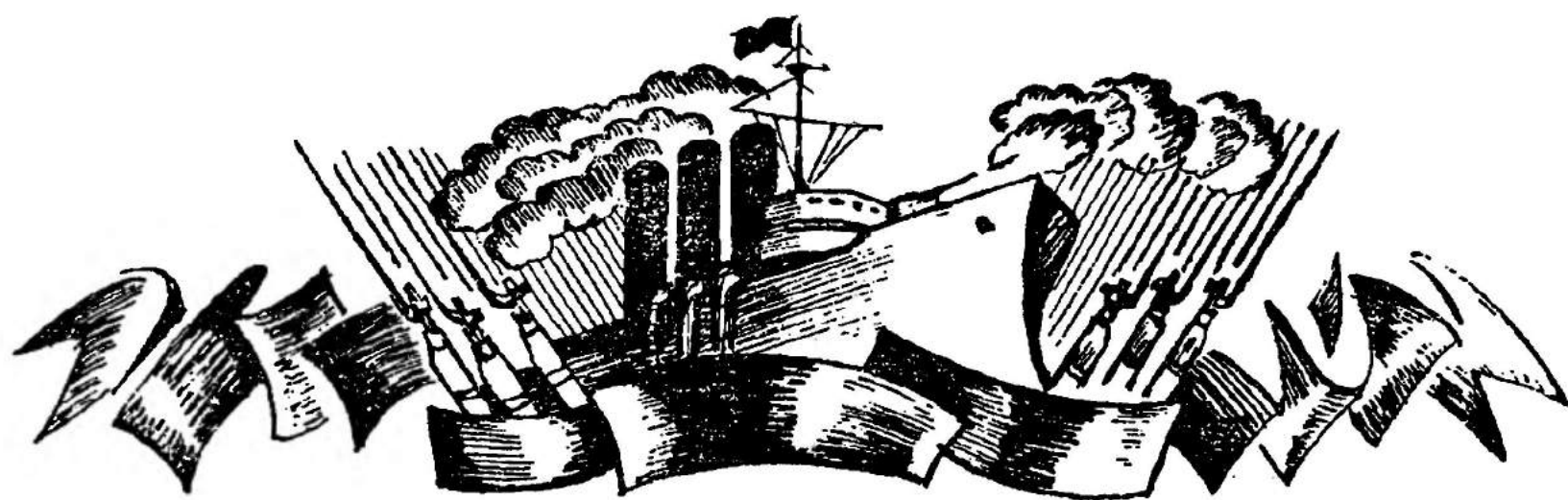
Да только никто офицера не слушал.

Улыбнулся Гошка, приветливо замахал красным флажком солдатам.

Прошли рабочие по Маршевой улице, повстречали тех, кто шёл по Нагорной, кто шёл по Литейной, кто шёл по другим улицам и площадям города. Стало людей много-премного. Заколыхалось не одно и не два знамени. Десятки красных знамён полощутся в майском небе. Гремит, не умолкает над городом песня.

Свергнем могучей рукою
Гнёт вековой навсегда
И водрузим над землёю
Красное знамя труда!

СЫН ВЕЛИКАНА

1917 год. Февраль. В России происходит революция. Трудовой народ свергнул ненавистную власть царя. Но власть в стране не досталась рабочим и крестьянам. Её захватили капиталисты и помещики.

Они по-прежнему угнетали трудовой народ.

Большевики призывали рабочих, крестьян и солдат продолжать борьбу.

О событиях, которые происходили в нашей стране весной, летом и осенью 1917 года, о необычной судьбе петроградского мальчика Лёши Митина — одного из маленьких свидетелей и участников Великой Октябрьской социалистической революции вы и узнаете из повести «Сын великана».

Глава первая

«СМИТ И ВЕССОН»

НА ЗНАМЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ

«Смит и Вессон» — это пистолет. Достался он Лёшке случайно. Работал в то время мальчик у аптекаря Золотушкина — разносил порошки и лекарства.

Февраль семнадцатого года вообще был месяц тревожный.

То бастовал Путиловский завод, то сразу и «Динамо», и завод Михельсона, и Бари. По городу разъезжали конные жандармы, появились казаки. Особенно беспокойно было на рабочих окраинах. Здесь люди собирались большими группами. Они прорывались в центр города, запружали Невский, Литейный, Садовую.

Раздавались призывы:

— Долой войну!

— Мира!

— Хлеба!

Потом к ним прибавился ещё один:

— Долой царя!

Дело становилось серьёзным. 23 февраля Лёшка видел, как жандармы разогнали демонстрацию женщин-работниц. А через день рабочие сами перешли в наступление, и на глазах у Лёшки несколько молодых парней стащили с седла жандармского пристава и сбросили его в Фонтанку.

26 февраля в Петрограде появилось много солдат. Лёшка встречал их и у Летнего сада, и у Казанского собора и в других местах. А когда угодил на Знаменскую площадь, там шла настоящая пальба, и мальчик впервые увидел убитых.

Молодой парень в рабочей поддёвке, без шапки, с пистолетом в руке, заметив Лёшку, крикнул:

— Марш домой! К мамке! — и двинул торцом ладони по Лёшкиной шее с такой силой, словно собирался перерубить её.

Мальчик отбежал к подворотне какого-то дома, вскарабкался на полураскрытую створку ворот и стал оттуда смотреть. Лёшка видел, как со стороны Невского на толпу наседали казаки и конные жандармы. Они взмахивали оголёнными шашками и стреляли в воздух.

— Разойдись! — вопил жандармский офицер.

Люди отступали, но неохотно. По чьей-то команде из толпы полетели камни.

— Разойдись! — снова закричал офицер и дважды выстрелил в небо.

Толпа загудела:

— Ироды! Душегубцы!

— Сыночки! Да в кого вы? — кричала какая-то женщина.

— Пли! — прохрипел офицер.

Грянули выстрелы. Люди шарахнулись. Заметались. Бросились в разные стороны. Человек двадцать устремилось к Лёшкиной подворотне. Снова ударил залп и плачущим эхом отозвался на Невском.

Лёшка хотел бежать вместе со всеми, но вдруг увидел прогонявшего его парня — в рабочей поддёвке, худощавое лицо, заострённый нос, большие глаза, широкая дуга чёрных, сросшихся у переносицы бровей, короткие, непокорно торчащие во все стороны волосы. Зайдя за фонарный столб, парень целился

из пистолета. Вот он нажал спусковой крючок, и в ту же секунду жандармский офицер взмахнул руками, наклонился, уронил голову на грудь и стал медленно сползать с лошади.

— Бах-вьить, бах-вьить! — снова всхлипнули казачьи выстрелы.

Лёшка метнулся во двор. Двор оказался маленьким, с высокой каменной стеной в глубине. Мальчик был уже у самой стены, как вдруг услышал чьи-то шаги за спиной. Шмыгнув за уступ дома, Лёшка остановился. Перед глазами его мелькнула фигура знакомого парня. Ловко подпрыгнув, парень повис на каменной кладке забора. Когда он подтянулся и стал заносить ногу, из кармана его брюк что-то выпало. Лёшка бросился к стене.

Под ногами лежал новенький, отливающий воронёной сталью пистолет «Смит и Вессон».

НЕ УЖИЛСЯ

Ни отца, ни матери Лёшка не помнил. Солдат Герасим Митин погиб на японской войне ещё до рождения сына. Ткачиха Варвара Голикова померла от чахотки, едва Лёшке исполнился год.

Вырос мальчик в Петрограде, на Охте, у бабки Родионовны. Старуха была въедливой и на редкость сварливой.

— У других дети как дети, а наш непутёвый, — чуть что заводила Родионовна и всё причитала: — О господи, и за какие грехи выпало мне наказание!

А какие у Лёшки провинности? С мальчишками бегают, в кости играет. Так кто же не бегают, кто не играет? Только у Лёшки лучше, чем у других, получалось. И бегал быстрее, и целый мешок наигранных костей под Лёшкиной койкой.

А то, что он по весне, в ледоход, любил кататься на льдинах, так и другие катались. Только Лёшка и здесь в первых. Был смел. Не трусил. До середины Невы добежал по льдинам.

А то, что как-то побил конопатого Филимона — сына владельца керосиновой лавки Горелкина, так ведь и другие тоже лупили. Жадный был — вот и лупили. Правда, Лёшка избил сильнее, так ведь на то и кулак у него был увесистей и удар метче. Да что Филимона Горелкина — Лёшка как-то извозил гимназиста Перчаткина! И тоже за дело. Нечего было гимназисту заглядываться на соседскую девчонку Катьку Ручкину. Лёшка и Катьку избил. Только не так сильно: пожалел.

Ну кто скажет, что Лёшка не прав? А вот бабка сказала! Да хорошо, если бы только сказала. А то сразу за скалку.

Или вот ещё такой случай. Выменял как-то Лёшка бабкину пуховую шаль на голубя. Голубь был не простой — породистый турман. Летает, а сам, словно циркач, переворачивается через голову. Вся улица сбегалась смотреть на забавную птицу. Нет бы

бабке тоже взглянуть. А она, не разобравшись, снова за скалку.

В общем, Лёшка твёрдо считал, что не жил он у бабки, а мучился. «Промучился» до самого 1916 года. А с весны ушёл и больше не возвращался. Устроился мальчиком у аптекаря Золотушкина, там и прижился.

Приходила бабка, плакала.

— Хороший, ненаглядный, единственный, — выводила старуха и звала Лёшку домой.

Только Лёшка оказался упрям — ни в какую.

А к осени бабка скончалась. Отпели Родионовну. Похоронили. И Лёшка остался совсем один, как неокрепший дубок на нескончаемом поле.

КАПЛИ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ

За пистолетом парень не вернулся. Зря Лёшка топтался в чужой подворотне. Зря перелезал через стену и бродил по соседней улице. Наконец, сунув пистолет за пазуху, мальчик помчался домой.

Бежит Лёшка, приятно холодит железная тяжесть «Смит и Вессона» Лёшкин живот, и думает Лёшка: «Прибегу, забьюсь в чуланчик, рассмотрю находку». Не тут-то было.

— Алексей, живо к генералу Зубову! — приказал Золотушкин и передал мальчику свёрток с лекарствами.

Дарья, генеральская прислуга, открыв дверь мальчику, пристально посмотрела на отвислую Лёшкину пазуху.

— Что это у тебя?

— Капли для графини Потоцкой, — соврал, не моргнув глазом, Лёшка.

— Капли? — подивилась прислуга.

Ух, уж эта Дарья! До всего-то ей дело. Как придёт Лёшка, она его уж и о том и об этом расспросит и непременно накормит. Добрая Дарья. Вот и сегодня.

— Ох, ох, — вздыхает, — замучил тебя аптекарь. Сиротинушка ты моя, — тянет Лёшку на кухню.

— Да я не хочу, — упирается Лёшка.

— Ешь, ешь, — заставляет и опять причитает: — Сиротинушка ты моя. Некому-то о тебе позаботиться.

Ест Лёшка, а самому не терпится — скорей бы в чуланчик.

— Тётка Дарья, так мне же к графине Потоцкой быстрее надо.

— Ну ступай! — отпускает наконец Дарья и суёт на дорогу мальчику пряник.

Вернулся Лёшка — сразу в чуланчик. Только сунул руку за пистолетом, а его опять вызывает аптекарь и — надо же! — действительно даёт ему капли и посылает к графине Потоцкой.

До позднего вечера носился в этот день Лёшка по клиентам. Дважды побывал у князя Гагарина, бегал к артистке Ростово-Задунской, к приват-доценту Огурцову и ещё в несколько мест.

Волнения в городе тем временем стихли. На улицах снова появились нарядные люди, работали магазины, кинематографы. Бегают Лёшка по городу, а у самого одна мысль: как бы рассмотреть «Смит и Вессон»? Пытался он несколько раз вытащить пистолет в пути, да всё неудачно. Забежал было в подъезд большого дома на Миллионной. Только сунул руку за пазуху, вошёл господин в енотовой шубе, косо посмотрел на Лёшку, кашлянул, но ничего не сказал. Потом появилась нарядная дама с болонкой на руках. Собачонка злобно тявкнула и стала рваться из рук. Лёшка плюнул и вышел на улицу.

Не повезло ему и в подъезде на Литейном: всунулась волосатая физиономия с бляхой под бородой — дворник.

— Ты что тут?.. Вот я те...

Пришлось убираться.

Наконец, уже в темноте, Лёшка вытащил пистолет прямо на улице. До этого смотрел — никого нет. А тут — и откуда она только взялась! — появилась девица в коротенькой шубке. Увидев в руках у мальчика пистолет, девушка с криком бросилась в одну сторону, а Лёшка испугался не меньше и стремглав помчался в другую.

— Бог с ним, — решил наконец мальчик, — вернусь домой — рассмотрю.

Однако дома он неожиданно застал гостя. У Золотушкина был околоточный надзиратель Животов. И Лёшке пришлось прислуживать.

Животов пил рябиновую настойку и рассказывал о городских беспорядках.

— Так вы того, — говорил околоточный, обращаясь к Золотушкину, — чуть что — к нам в участок. У вас дело такое: ап-те-ка, — протянул он. — Тут может всякое стать. Ну, ваше здоровье, — и выпил рюмку.

— Слушаюсь, — отвечал Золотушкин. — А как же-с. Непременно-с.

— Народ — он стихия, — продолжал Животов. — Он без власти, что конь без узды, что овцы не в стаде. Нынче на Знаменской площади жандармского полковника убили. Из пистолета, между прочим. Мастеровой какой-то. Ведётся розыск. Я вам скажу, за такие дела ого-го... — заключил Животов.

Лёшка замер, прикрыл рукой пазуху.

«Ведётся розыск», — не вылезало из головы у мальчика. Он пощупал пистолет и представил себе ту страшную минуту, когда околоточный Животов своими здоровенными ручищами схватит его, притянет к себе и скажет: «А где ты взял пистолет?»

А зачем тебе пистолет? А не ты ли убил полковника?» Мальчик похолодел. «Брошу в прорубь, в Неву», — решил Лёшка.

— Государь император, изволю вам доложить, — продолжал между тем околоточный, — прислал депешу: «Прекратить беспорядки». Во как. Мы живо. У нас разговор простой. Становись. В ружьё. Пли! — И Животов засмеялся. Потом приблизился к Золотушкину. — Назавтра, будьте покойны, никаких беспорядков. Никаких! — повторил он и снова потянулся за стопкой.

Тем временем Лёшка несколько успокоился, подумал: «Зачем же в Неву?» Выбрав удобный момент, мальчик осторожно прошёл на кухню, плотно прикрыл за собой дверь, потом приподнял дверцу подпола и полез вниз. Высмотрев укромное место в дальнем углу, он засунул опасную находку под какие-то ящики.

Когда Лёшка вернулся в комнату, надзиратель прощался с аптекарем.

— Будьте покойны, — ещё раз повторил Животов. — Назавтра никаких беспорядков.

Проводив околоточного, Золотушкин перекрестился, прошёл в аптечный зал и позвал Лёшку.

ЦАРСКИЙ ПОРТРЕТ

В аптечном зале на пустынной широкой стене под стеклом в золочёной раме висел царский портрет. Российский самодержец был изображён во весь рост, в полковничьем мундире, с андреевской лентой через плечо. Император стоял, держась за спинку резного кресла, чуть откинувшись назад, словно боясь выпасть из рамы.

За многие месяцы работы у Золотушкина Лёшка возненавидел царский портрет. В обязанность мальчика входило стирать пыль со стекла и надраивать раму. До боли в руках намашется Лёшка тряпкой, а Золотушкину всё мало. Подойдёт, станет рядом и тычет палкой.

— Тут, — говорит, — не блестит. И тут плохо.

Палка у Золотушкина тонкая, как шпага, ткнёт — что кольнёт шилом. Вот и сейчас водит Лёшка по царским сапогам, трёт по императорской физиономии...

— Не там, не там! — кричит Золотушкин и тычет палкой в золочёную раму.

Лёшка плюёт на тряпку и берётся за раму.

С улицы постучали. Золотушкин вздрогнул, насторожился. Стук повторился настоящий, грозный. Побледнев, аптекарь подошёл к двери.

— Кто там?

— Откройте!

Золотушкин раздумывал.

— Откройте же!

Голос был женский. Аптекарь повернул ключ. Спину, чуть согнувшись, медленно переступая порог, в комнату входил неизвестный. А следом за ним ещё двое: парень и девушка. Лёшка глянул и замер... Безжизненно свесив голову, на руках у вошедших лежал парень со Знаменской площади.

Молодого рабочего положили на диван.

— Простите,— обратилась девушка к Золотушкину.— Ранение. Тяжёлое. Нужна срочная помощь.

Аптекарь стоял, не шевелился.

— Дайте же йоду! Бинтов! — закричала девушка.

Золотушкин очнулся. Засуетился. Подбежал к шкафчику. Вернулся, подсел на диван и стал поспешно перевязывать раненого. Бинт ложился неровно, сползал, парень морщился и издавал протяжные стоны. Потом аптекарь принес какие-то капли. Парню разжали зубы, и Золотушкин долго целился, прежде чем попал ему ложечкой в рот.

Через несколько минут парень пришёл в себя, приоткрыл глаза и увидел царский портрет. Молодой рабочий уставился в раму, потом его взгляд перешёл на Золотушкина, задержался на лице, скользнул по рукам, прилип к палке.

Парень стал подниматься. Аптекарь пугливо попятился, бухнулся в кресло.

— Андрей! — вскрикнула девушка. Она бросилась к парню, но тот оттолкнул её в сторону, рванулся к аптекарю, выхватил палку. Потом, резко повернувшись к портрету царя, зацепил загнутым концом палки за верхний обрез рамы и что было сил рванул её на себя. Портрет рухнул. Рама раскололась. Мелким звоном звякнуло и разлетелось стекло.

В ту же минуту парень качнулся и сам свалился рядом с портретом. Когда раненого снова укладывали на диван, он бился и что-то кричал, потом стих и опять безжизненно уронил голову.

Лёшка, шмыгнувший было за аптечную конторку, теперь высунулся и смотрел ошалелыми глазами по сторонам. Он видел, как один из парней вышел на улицу. Но вскоре вернулся: пригнал извозчика.

Раненого снова подняли на руки, понесли в экипаж.

Только теперь Лёшка пришёл в себя и вспомнил про «Смит и Вессон». Он бросился вслед неожиданным посетителям. Лёшка кричал. Он даже бежал за извозчиком.

Не догнал. Не услышали.

Мальчик вернулся в аптеку. В зале стало удивительно тихо. Лишь: «Воды...» — из кресла простонал Золотушкин. Да гневным взором с пола на Лёшку глянул царь Николай Второй.

КАК ЖЕ ЭТО ПОНЯТЬ?

Обещал Животов, что в городе больше не быть беспорядкам. Однако на следующий день, разнося лекарства, Лёшка вышел на набережную Невы и снова увидел массу народа. Люди шли с правого берега реки, с Выборгской стороны, и со стороны Охты. Прорвав солдатский заслон, они двигались по Литейному мосту. Многие шли прямо по льду, через самую Неву.

В городе заговорили, что восстал Волынский полк, что на

сторону рабочих переходят и другие воинские команды. Даже казаки якобы отказываются стрелять в народ.

Слухи оказались верными. Вначале у Летнего сада, а потом и на самом Невском Лёшка видел, как рабочие обнимали солдат, а солдаты рабочих. Как вместе кричали они «Ура!» и «Долой самодержавие!».

У Арсенала Лёшка попал в самый водоворот событий. Восставшие захватили оружейный склад и тащили кто по одной, кто по две, а кто и по несколько винтовок сразу. Двое парней волокли тяжёлый ящик с патронами. Вышла девушка со связкой ручных гранат.

Лёшка тоже сунулся в Арсенал, как и все, полез за винтовкой, но какой-то плечистый рабочий, увидев мальчика, строго сказал:

— Положь!

— Так я для тятки, — нашёлся Лёшка.

— Положь!

Пришлось отступить. Зато в другом месте мальчику повезло. Он наткнулся на ящик с гранатами. Поспешно сунув одну из них под пальто, Лёшка выскочил на улицу. Бежал, озираясь: всё боялся — отнимут.

Вернувшись домой, Лёшка тут же спустился в подпол и спрятал гранату рядом со «Смит и Вессоном».

— Ты где пропадал? — набросился Золотушкин.

— Так я же лекарство...

В этот день Лёшка ещё раз бегал на улицы. У Литовского замка он встретил ещё бóльшую толпу, чем у Арсенала. Восставшие громили тюрьму. Какой-то бородач, выйдя на волю и щурясь от яркого света, увидев Лёшку, подбежал, обнял, стал целовать и кричал:

— Сыночек, милый, свобода! Свобода!

А через час на Невском Лёшка слышал стрельбу и снова, как на Знаменской площади, видел убитых. Стреляли жандармы из окон какого-то дома. То же произошло на Гороховой — с крыши полоснул пулемёт и скосил человек десять. Помутневшим взглядом смотрел на Лёшку, умирая, какой-то старик, хрипел и рвал на себе рубаху.

Вскоре на улицах появились грузовики, набитые вооружёнными людьми с красными бантами в петлицах и такими же повязками на рукавах. Лёшка увязался за одним из грузовиков и бежал целый квартал следом. Тогда из кузова свесились чьи-то жилистые руки и подхватили мальчика.

Здоровенный детина в бушлате и морской бескозырке, расплывшись в аршинной улыбке, сказал:

— Место герою.

Кто-то приколот к Лёшкиному пальто кумачовый бант. Кто-то похлопал мальчика по плечу.

Вооружённые люди распевали революционные песни.

И Лёшка пел вместе со всеми и без усталости махал руками прохожим. Потом в городе стали хватать жандармов и арестовывать царских генералов. На Литейном проспекте мальчик видел, как какой-то молоденький солдатик подсаживал в кузов дородного генерала и приговаривал:

— Садитесь, садитесь, ваше благородие, да только так, чтобы и другим место осталось.

«Вот бы сюда Животова», — подумал Лёшка. Однако, к удивлению мальчика, Животова никто не тронул. Когда Лёшка вернулся домой, на улице было спокойно, словно в городе ничего не происходило. Околоточный снова сидел у аптекаря. Как и в прошлый раз, Животов пил рябиновую настойку и, обращаясь к Золотушкину, говорил:

— Я вам скажу: монархия — она что стена. Нет такой силы. Будьте покойны. К Петрограду идут войска. Завтра никаких беспорядков.

Увидев вошедшего Лёшку с красным бантом на груди, околоточный поднялся.

— Стервец, — проревел Животов. Он придвинулся к мальчику, сорвал кумачовый бант и принялся неистово топтать его сапогами. Потом схватил Лёшку за ухо. — Ах, стервец! — выкрикивал околоточный и драл Лёшкино ухо с такой силой, словно старался оторвать его вовсе. Наконец Животов успокоился, взял фуражку и, не прощаясь с аптекарем, направился к выходу. Проходя через аптечный зал, надзиратель глянул на стену и вдруг не нашёл на привычном месте портрета царя.

Минуту Животов стоял молча, сдвинув брови, смотрел на стену. Потом повернулся к аптекарю.

— Как же это понять? — проговорил околоточный.

Золотушкин растерялся. Бессмысленно заморгал глазами.

— Как же это понять?! — повторил Животов. Его фигура нависла над побледневшим аптекарем.

— Не виноват-с, не виноват-с, — залепетал Золотушкин.

Он принялся путано рассказывать о ночных посетителях. Потом куда-то исчез, но тут же вернулся, принёс свёрнутый в трубку царский портрет.

Какими-то ржавыми гвоздями, без рамы, прямо к стене Золотушкин и Животов прибили портрет царя на прежнее место.

Околоточный перевёл дух, провёл носовым платком по вспотевшему лбу, самодовольно глянул на стену и вдруг закричал:

— Смирно!

Золотушкин и Лёшка замерли.

— Государю императору — долгие лета, слава! — прохрипел Животов.

— Слава! — пискнул аптекарь.

— А ты что молчишь! — набросился Животов на Лёшку.

— Слава, — выдавил из себя мальчик.

Животов в этот вечер заходил ещё несколько раз. Заходил, грелся и уходил снова. «Чего это он? — размышлял Лёшка. — Скоро полночь, а он всё крутится. И что это за дела у него с аптекарем? И почему Золотушкин не спит и при каждом шорохе крестится?»

Выждав, когда околоточный снова выйдет на улицу, Лёшка незаметно накинул пальто и выбежал следом.

Улица, морозная, опустевшая, встретила мальчика порывом ветра. Колючими иглами мороз пробил лёгонькое пальтишко, защищал неприкрытые руки и уши.

Животов направился к чердачной лестнице. Остановившись внизу, Лёшка стал слушать. Вот надзиратель поднялся на второй этаж. Вот на третий. Шаги стихли. Лёшка понял — околоточный вошёл на чердак.

Выждав минуту, Лёшка тоже стал подниматься. Шёл осторожно, прислушивался. Около чердачной двери остановился. Дверь была приоткрыта.

Присев на корточки, Лёшка просунул голову, осмотрелся. Было темно, и Животова он увидел не сразу. Околоточный стоял спиной к двери в дальнем углу, рядом с чердачным окном. Несколько раз он пригибался и что-то передвигал, но что — Лёшка не видел. Тогда мальчик переступил порог и юркнул за деревянную стойку. Но и теперь он был далеко от Животова и ничего рассмотреть не смог.

Через несколько минут околоточный повернулся и направился к выходу. Он прошёл совсем рядом, чуть не задев Лёшку. Когда захлопнулась дверь, мальчик вышел из-за своего укрытия. Осторожно, на цыпочках, он стал подходить к окну. Ещё издали Лёшка заметил какой-то странный предмет, что-то вроде перевёрнутой самоварной трубы. Подошёл ближе... На старых ящиках, уставив дуло в чердачное окно, стоял пулемёт.

Невский, Гороховая, хрипящий старик — всё это пронеслось в голове мальчика. Потом он представил улицу и идущих по ней людей: хозяина «Смит и Вессона», весёлого матроса с грузовика, бородача, что обнимал его у Литовского замка, — и Лёшку охватил ужас.

Мальчик глянул в окно. Над самой Лёшкиной головой висело хмурое февральское небо. Ветерок резкими порывами, словно кто выдувал его из кузнечных мехов, то пробегал по крыше, перекатывая снежинки, то затихал, и снежинки плавно опускались на новое место. Внизу, на улице, кое-где светились неяркие фонари. Было безлюдно и по-сиротски тихо. Лёшка дотронулся до пулемёта. Морозная сталь обожгла руки. Попытался его приподнять — пулемёт был тяжёл и чуть не придавил колесом Лёшкину ногу. Мальчик ещё минуту стоял над пулемётом. Потом вдруг

решительно стянул его с ящиков, взял за металлическую дугу и покати́л к выходу.

Когда Лёшка толкнул чердачную дверь, та не подда́лась. Дверь оказа́лась запертой.

В ЗАПАДНЕ

Лёшка стоял у двери. Он явственно слышал шаги. Они громы́хали по лестничной клетке. Они отзывались в ушах, удари́ли в голову. Вот сейчас звя́кнут ключи, откроется дверь и войдёт Животов.

Мальчик попятился. Схватил пулемёт. Потащи́л его к старому месту. Бросил у ящиков. Ки́нулся в сторону. Затаи́лся за балкой чердачного перекрытия.

Прошла минута, а может быть, десять. Кругом стояла мёртвая тишина. Лёшка поня́л, что ошибся, что никакого Живото́ва нет, что шаги — это просто послы́шалось от неожиданности и от испуга, и всё же страх проходил медленно, а сердце не переста́вало тревожно биться. Наконец Лёшка сдвину́лся с места и тихонько подо́брался к окну. Ондохнул све́жего морозного воздуха и только тогда успокои́лся.

Решение при́шло неожиданно, именно тогда, когда мальчик смотре́л в окно. Распахну́в его створки, Лёшка выле́з на крышу. Затем потащи́л пулемёт. Пулемёт оказа́лся чертовски тяжёлым. Он упира́лся, словно живо́й, цепля́лся металличе́ским щитом за оконную раму и никак не хоте́л выле́зть наружу. А потом, когда наконец пулемёт оказа́лся на крыше, он вдруг по наклонной поверхности стремительно потяну́л мальчика за собой, и Лёшка едва не сва́лился на улицу.

Отдышавшись, мальчик перетащи́л пулемёт на противополо́жный скат крыши — реши́л сброси́ть его во двор в снежные кучи. Царапну́в по водосточному жёлобу, пулемёт тяжёлым грузом рухну́л вниз. Удари́лся тише, чем предпола́гал Лёшка.

Затем мальчик напра́вился к водосточной трубе. Попробова́в ногой, надё́жно ли, Лёшка реши́л спуска́ться. Сполза́л осторо́жно, придержи́вался за костыли, вбитые в стены. Когда до земли оста́лось метра́ два, в трубе что-то загрохотало. Это сорва́лись ледышки. Лёшка вздро́гнул, опу́стил руки и шлё́пнулся в снег.

В это время Живото́в снова поднимался по чердачной лестнице. Если бы Лёшка оста́лся на крыше, он бы уви́дел такую картину. Открыв чердачную дверь, Живото́в напра́вился к пулемёту. Однако, сде́лав несколько шагов, око́лоточный остано́вился. Привста́л на цыпочки, вытяну́л шею. Потом, словно кто подброси́л его пружи́ной, рину́лся к ящикам. Не ве́ря своим гла́зам, пошари́л руками. Выпрями́лся, замер. Крута́нул головой влево, вправо. И вдруг, подхвати́в полы шинели, броси́лся назад

к выходу. На лестнице гроыхнуло человеческое тело, с шумом ударила дверь, скрипнула — и опять всё замерло.

Животов не вернулся в аптеку. Трусливо озираясь по сторонам, он выскочил на улицу и побежал по ней с такой прытью, словно за ним гналось само привидение. Он задыхался от быстрого бега, скользил, падал, опять поднимался и снова бежал, бежал и бежал...

Покрутившись немного у пулемёта, Лёшка вошёл в аптеку. Золотушкин не заметил исчезновения мальчика. Он просидел до полуночи в своей комнате: видимо, ожидал Животова. Потом вышел, проверил двери, перекрестился и отправился спать.

Когда Золотушкин забылся в тревожном сне, Лёшка снова вышел на улицу. Он вытащил пулемёт из сугроба, вкатил его в кухню. Затем поднял крышку подпола и осторожно спустил его вниз. Откатив пулемёт в дальний угол, поближе к гранате и пистолету, Лёшка заставил его пустыми ящиками и сверху прикрыл рогожей.

Спал в эту ночь мальчик на редкость крепко, как солдат, уставший в походе.

ПОПАЛСЯ

Пулемёт, пистолет, граната — целое богатство у Лёшки в аптечном подполе.

На следующий день Золотушкин аптеку не открывал. Сказавшись больным, закрылся на ключ в своей комнате. А Лёшка снова бегал по городу, слышал опять стрельбу, видел, как продолжали арестовывать генералов и важных царских чиновников. «А что, если арестовать Животова?» — подумал Лёшка.

Вернувшись домой, Лёшка спустился в подпол, достал «Смит и Вессон» и гранату. Покрутил в руках пистолет, повертел барабан с патронами, несколько раз взвёл и осторожно спустил курок, потом засунул пистолет поглубже в карман.

Прежде всего мальчик помчался к полицейскому участку. Но тот оказался закрытым. «Ладно, приду попозже», — решил Лёшка. Но и позже участок не открывали. Тогда мальчик принялся разыскивать околоточного на улицах. Исходил соседние переулки, дошёл до самой Невы, опять караулил рядом с участком — Животов не появлялся.

Лёшка промёрз, собирался возвращаться домой и вдруг вспомнил про дом генерала Зубова. «Арестую генерала. Генерал — это ещё важнее». Мальчик помчался к генеральскому дому.

— Ты что? — спросила Дарья. — Снова лекарства?

— Нет. Мне к генералу.

— К генералу?! Зачем же тебе генерал?

— Нужен, — ответил Лёшка и почувствовал, что краснеет.

— Так генерала ведь нет, — ответила Дарья. — Генерал на войне. А зачем тебе генерал?

Ух, уж эта Дарья! До всего-то ей дело!

Лёшка ничего не ответил, хотел уйти.

— Постой, — сказала прислуга. — Пошли, покормлю. — И снова взялась за своё: — Ох, ох, сиротинушка ты моя, похудал, обтрепался. Ты не ходи, сиди дома. Стрельба, не ровён час подстрелят на улице. Ох, ох, и чего на белом свете творится!

Простившись с Дарьей, Лёшка снова принялся искать Животова. Снова топтался и мёрз на разных улицах. Снова ходил к Неве и к участку. Околоточный исчез, словно под лёд провалился.

Раздосадованный неудачей, Лёшка понуро брёл по какому-то переулку... Переулок был тихий с рядами невысоких двухэтажных домов, с каменными заборами и подворотнями. Кругом ни души. И вдруг — Лёшка даже не поверил своим глазам — в переулок свернул генерал! Мальчик взглянул — длинная пушистая борода, широкие золотые лампасы, рукава с узорчатыми нашивками. «Важный, должно быть, генерал», сообразил Лёшка. Сердце забилося, рука потянулась к «Смит и Вессону». Пропустив перед собой генерала, он выхватил пистолет.

— Руки вверх! — скомандовал Лёшка.

Тот вздрогнул, обернулся. Увидев направленный на него пистолет, он поспешно вытянул руки. Потом рассмотрел мальчика опустил руки и закричал:

— Ты что же, поганец, — пугать честной народ?! Вот я тебе!

— Руки вверх! — снова закричал Лёшка. — Вперёд!

Поняв, что мальчик не шутит, старик подчинился, тревожно оглядываясь на пистолет и гранату. «А, попался! — злорадствовал Лёшка. — Иди, иди».

Не прошли они и двадцати шагов, как со всех сторон стали сбегаться мальчишки.

— Генерала ведут! — закричали они. Генерала ведут!

— Ух ты, Лёшка аптекарский!..

— Глянь, глянь, с пистолетом!..

— Это же Пахомыч! — выкрикнул кто-то. — Из гостиницы «Европейская». Куда ты его, Лёшка?

Мальчик не ответил, подумал: какой ещё Пахомыч, какая гостиница?

На улице стали появляться взрослые люди. Собиралась толпа. «Генерал» осмелел: остановился, повернулся к Лёшке, схватил за ухо.

— Ты что же, стервец, шутки шутить!

Лёшка от боли взвизгнул, дёрнулся и нажал на пистолетный крючок. «Смит и Вессон» выстрелил.

Люди отпрянули, мальчишки бросились наутёк. А Пахомыч

бухнулся на четвереньки и, загребая бородой снег, пополз к подворотне.

— Руки вверх! Руки вверх! — иступлённо выкрикивал Лёшка и шёл за ним следом.

Выстрел всколыхнул переулочную тишину. Стали сбегаться новые люди, вернулись мальчишки. Лёшка поднял глаза и увидел бежавших к нему вооружённых людей.

— Что за шум? — закричал один из них, пожилой рабочий в потёртой куртке.

Толпа загудела.

— Человека убили, — проговорил кто-то.

— Да он же живой, — произнёс Лёшка и ткнул Пахомыча ногой.

Старика подняли. Он зло посмотрел на Лёшку и, став за спины вооружённых людей, закричал:

— Разбой-ник!

— Тише! — крикнул человек в потёртой куртке.

Из Лёшкиных слов он долго не мог понять, в чём дело. А когда понял, рассмеялся. Засмеялись и остальные. Наконец человек перестал смеяться и, грозно посмотрев на Лёшку, сказал:

— Ну-ка, давай эту игрушку. Не про твою честь сработана.

— Разбойник! — снова завопил Пахомыч.

— Тише, тише, папаша, — проговорил рабочий. — Тут дело такое — революция. Народный взрыв. Подпутал, выходит, хлопёц. Да ты почти и в самом деле что генерал — эна как разукрашен. — И он показал на швейцарскую ливрею и золотые лампасы на стариковских брюках.

Потом человек опять повернулся к Лёшке. Но того на прежнем месте уже не было. Словно ветром мальчишку сдуло.

Когда Лёшка кружным путём возвращался домой, он наконец повстречал Животова. Под стражей двух молодых парней околоточный понуро шагал по улице.

«Эх, не успел», — вконец расстроился Лёшка.

НЕОЖИДАННОЕ

Прошло три дня. Революция победила. Газеты сообщили о создании Временного правительства. Царь Николай Второй отрёкся от престола. Лёшка сам читал манифест. «Божьей милостью мы, Николай Второй, император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть... Да поможет господь бог России», — писал бывший царь.

В этот день Лёшка снова был в городе и теперь мчался домой, неся долгожданную весть.

Не добежав квартала до Аптечной улицы, мальчик неожиданно столкнулся с Дарьей. Генеральская прислуга остановилась, всплеснула руками.

— Ох, батюшки, как же ты теперь?! — Она обхватила Лёшку, прижала к себе.

Мальчик опешил.

— Сиротинушка! Да как же ты теперь? Чай, и тебя арестуют, — принялась причитать Дарья.

Лёшка опешил и вовсе.

— Арестуют, арестуют, — зачастила прислуга. — Мастеровой-то в потёртой куртке не зря про тебя расспрашивал: и давно ли живёшь, и сколько лет от роду, и про родителей. Послала меня барыня за лекарствами, — принялась рассказывать Дарья, — а в аптеке народу... И чего было, и чего было!.. А она как бабахнет!

— Кто бабахнет?

— Бомба, бомба, в подполье, у аптекаря. Да там целый склад, — тараторила Дарья, — пулемёты, гранаты, пушки... Аптекаря-то арестовали.

Лёшка похолодел.

— Сиротинушка ты моя, — опять запричитала генеральская прислуга, — уезжай, уезжай. Ты сказывал, дед-то у тебя на деревне есть. Арестуют они и тебя. Мастеровой-то всё: «Тут мальчик, — говорит, — такой шустрый». Всё про тебя допытывал. Беги. Уезжай. Я тебе и денег на дорогу дам. — Она схватила мальчика за руку и потащила прочь от Аптечной улицы.

...В этот же вечер Дарья отвела Лёшку на Николаевский вокзал, купила билет, сунула варёных яиц на дорогу.

— Станцию не проси! — кричала на прощанье. — Деду привет!

Раздался свисток. Колыхнулся вагон. Звякнули буфера. Поплыла платформа. Застучали колёса.

Лёшка глянул в окно. Прощай, Питер!

Глава вторая

ГОЛОДАЙ-СЕЛО

ДЕД САШКА

Длинной горбатой улицей растянулось село Голодай. Легло оно между лесом и рекой Голодайкой, повиснув ветхими, скособочившимися избами над самой кручей. И только в центре села, на самом высоком месте, как напоказ, ладный дом с каменным низом. Резное крыльцо. Дубовая дверь. Вывеска: «Лавка. Пафнутий Собакин».

В Голодай-селе Лёшка уже бывал: приезжал вместе с бабкой Родионовной в гости к деду Митину.

Минуло три года. И вот Лёшка снова идёт по голодаевской улице. Прошёл мимо лавки Собакина, свернул в проулок, спустился к овражку. Тут у самой околицы старенький дом, подгнившие брёвна, дырявая крыша, единственное оконце подслеповатым глазом смотрит на мир. Это и есть изба старика Митина, или, попросту, деда Сашки. Лёшка ударил в дверь.

— Кто там?

Дверь отворилась.

— Лексей! — закричал старик. — Ить ты. Откуда ты взялся?! — Смотрит дед Сашка, не верит своим глазам. — Вот так гость! Ну и дела. Лёшка, внучек, пожаловал! Заходи, заходи, — засуетился старик.

Лёшка переступил порог, глянул по сторонам. Всё тот же стол, та же лавка, те же брёвна в углу, и дед Сашка тот же самый, такой же маленький, с бородавкой на правой ноздре.

— Ты что же, насовсем или как? — обратился старик.

— Насовсем.

— Тебя что же аптекарь прогнал или что другое?

— Я сам не схотел, — ответил уклончиво Лёшка.

— Эна она чего... — протянул старик. — Выходит, аптекарь строгий... — Дед Сашка снова засуетился, притащил целую миску солёных огурцов, отрезал краюху хлеба, придвинул к Лёшке: — Ешь, наедайся.

Вечером пришли соседи: дед Качкин, Дыбов-солдат, по ранению вернувшийся с фронта, Прасковья Лапина и ещё человека два или три. Все с удивлением смотрели на Лёшку, поражались, как он один доехал из Питера. Потом стали расспрашивать про Петроград, про свержение царя.

И мальчик рассказал обо всём, что видел: про то, как в городе пять дней шла стрельба, как разъезжали грузовики с солдатами, как арестовывали жандармов, про Арсенал и про многое другое.

Ну, а что в Питере про землю говорят? — спросил Качкин.

— Когда её мужикам нарезать станут? — добавил Дыбов.

И как там с войной, скоро ли с немцем замирятся? — полезла Прасковья Лапина.

Лёшка задумался. О земле он ничего не знал. Про войну тоже. И мальчик снова принялся рассказывать про грузовики, Арсенал и как арестовывали важных царских чиновников.

Но теперь собравшиеся уже потеряли интерес к Лёшкиным рассказам и вскоре начали расходиться.

Чего это они? — спросил мальчик у деда.

— Земля, Лексей, — ответил старик, — для мужика вещь первейшая. На кой им твои грузовики и твой Арсенал. Ты им землю возьми и выложи. Э-эх, и чего царя только скидывали, раз землю не дают, — вздохнул дед Сашка.

Обжился Лёшка на новом месте. Познакомился с Сонькой Лапиной, с Митькой Дыбовым, с Петькой Качкиным и другими ребятами.

Все с завистью смотрели на Лёшку: приехал из Питера, видел, как царя скидывали, бывал в домах у князей и графов и видным делом был занят — служил у аптекаря, разносил порошки и лекарства. Стали ребята крутиться около Лёшки и по пятам за ним бегать.

И вот как-то Лёшка затеял играть в царя. Однако царём никто не хотел быть. Заспорили. Тогда Сонька предложила позвать Аминодава Собакина, сына кулака и лавочника Собакина. Предложение понравилось. Ребята побежали к кулацкому дому.

— Аминодав, хочешь царём быть?

— Хочу.— Потом подумал: — А бить не будете?

— Зачем же бить — ты же царём. Главным!

Аминодав согласился.

Стали думать о царском дворце. Сонька сказала, что лучшего места, чем банька у Качкиных, и не сыщешь. Она далеко, на огородах, возле самого леса. Народ там не ходит. Мешать не будут.

Так и поступили. Соорудили из досок и веток молодому Собакину трон, сплели из соломы корону, и стал Аминодав царём.

Поначалу игра кулачонку нравилась. Он важно сидел на троне, подавал разные команды, и ребята немедленно всё исполняли: кланялись «царю» в ноги, носили его на руках, Петька Качкин отплясывал казачка, Сонька Лапина пела «страдания», а потом все разом — «Боже, царя храни».

Наконец ребятам это наскучило.

— А теперь,— проговорил Лёшка,— будем играть в свержение.

— В свержение, в свержение! — закричали ребята.

— Не хочу в свержение,— заупрямился Аминодав.

Тогда мальчишки бросились на Собакина, стащили его с трона, растоптали корону и даже скрутили руки.

— Пиши манифест,— приказал Лёшка.

— Манифест, манифест!..— вопили ребята.

Сонька сбегала, принесла карандаш и бумагу.

— Пиши,— потребовал Лёшка.

Аминодав вытер набежавшие слёзы, взял карандаш.

— «Божьей милостью,— диктовал Лёшка,— мы, Николай Второй, император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... (Ребята с восхищением смотрели на Лёшку.) ...признали мы за благо отречься от престола...»

В этом месте Собакин опять заупрямился.

— Пиши! — Лёшка смазал «царя» по затылку и продолжил: — «...и сложить с себя верховную власть».

Аминодав нехотя написал.

Стали спорить о том, как же подписывать.

— Пусть пишет «Собакин», — зашумели ребята.

Лёшка заколебался. Решили так: «Николай Второй», а ниже — «Собакин».

— Хорошо, — сказал Лёшка, просмотрев бумагу. — А теперь давай играть в заключение.

— В заключение, в заключение! — закричали ребята.

Решили содержать свергнутого «царя» тут же в баньке. Собакин опять заупрямился. Снова заплакал. Но слёзы и на сей раз не подействовали. Баню закрыли. Для надёжности поставили караульщиком Петьку Качкина. Дали ему вместо ружья палку, а сами помчались на кручу к реке Голодайке покататься на санках по последнему снегу.

Крутится Петька около баньки. Скучно.

— Пусти, — раздаётся из-за дверей. — Пусти.

Ходит Петька, делает вид, что ничего не слышит.

— Пусти, — хнычет Аминодав. — Я тебе леденцов принесу.

И снова Петька не подаёт виду. Виду не подаёт, а у самого начинает сосать под ложечкой. Представит леденцы — слюна в рот сама собой набирается. И всё же решает: «Нет, не открою».

Понял Аминодав, что Петьку ни слезами, ни леденцами не возьмёшь. Решил по-другому.

— Петька, — позвал жалостливо. — Петька!

Мальчик подошёл к двери.

— Ну что?

— Открой, мне по нужде.

Петька задумался: не ожидал такого. А Аминодав скулит и скулит:

— Пусти, ой, не могу. Пусти, ой, не могу!

«Ладно, на минутку пущу», — решил Петька. А Собакин только того и ждал. Был он и годами старше и ростом выше. Схватил Петьку и втолкнул вместо себя в баньку.

Вернулись ребята — нет караульщика. Подошли к двери. Услышали плач. Вошли в баню. Сидит Петька, слёзы рукавом вытирает.

— Ты как здесь? — набросился Лёшка.

— Обманул, — захныкал Петька и рассказал про Собакина. Лёшка замахнулся.

— Эх ты, царя упустил! Революцию предал. Теперь и война не кончится. И земли мужикам не дадут.

Хотел Лёшка излупить Петьку. Но ребята заступились. Мал Петька, глуп. В Питере не жил, порошков и лекарств не разносил, как царя скидывали, не видел — где же ему понять про такое!

На все четыре стороны от Голодай-села расходились господские земли.

Принадлежали они помещице Олимпиаде Мелакиевне Ширяевой.

Дом Олимпиады Мелакиевны стоял на пригорке в двух верстах от села. Дом был старинный, приземистый. Четырьмя стенами и шестью колоннами врос он в землю, словно всосался.

Слева от дома река Голодайка, справа дубовая роща, прямо поля и поля. Любила барыня выйти на крыльцо, посмотреть на округу. Стоит барыня, смотрит, не сходит с лица улыбка. Куда ни глянь: земля, луга, лес — всё барское.

Перед самой войной Олимпиада Мелакиевна построила мельницу. Мельница была паровой. Стояла она у самого леса, в версте от барской усадьбы. И из ближних и из дальних мест съезжались сюда подводы. Целый день топчутся у мельницы мужики, ругаются бабы. Льётся золотым дождём ржаное, пшеничное, ячменное зерно. Крутит свою бесконечную карусель огромный каменный жёрнов.

Тут же при мельнице стоял индюшатник. Барыня Олимпиада Мелакиевна разводила индюшек. Индийские петухи и куры, неохотно уступая дорогу лошадям и людям, важно расхаживали по мельничному подворью, клевали в избытке рассыпанное зерно, жирели и дожидались престольных праздников. Под рождество, пасху и троицын день к индюшатнику подъезжали подводы. Важных птиц усаживали в клетки и отправляли в город на базар для выгодной распродажи.

За индюшками ходила хромоногая Харитина. А вечерами её сменял дед Сашка. Был он ночным сторожем и при индюшатнике и при мельнице. Для защиты от возможных разбойников дед имел колотушку. В руках с колотушкой и коротал старик длинные зимние ночи.

Через несколько дней после приезда Лёшки дед Митин отправился к барыне просить о великой милости для внука. Дед уже и место облюбовал. Лёшка и на мельнице бы работал, и Харитине хороший помощник по всякой надобности.

— Его к делу бы главное, барыня, — говорил старик. — Малец он неглупый. Между прочим, у аптекаря служил, в порошках имеет понятие.

— Ладно, приводи, — сказала Ширяева.

Пришёл Лёшка, глянул на барыню — кожа да кости. Никогда Лёшка таких тощих не видывал.

— Так, значит, из Питера? — спросила Ширяева.

— Из самого что ни на есть настоящего, — ответил за мальчика дед.

— И в лекарствах толк понимаешь?

— У аптекаря обучался, — снова полез старик.

— Ну ладно, — сказала Олимпиада Мелакиевна и положила Лёшке жалованье — полпуда зерном и деньгами три рубля в месяц.

Дед стал низко кланяться и благодарить барыню. Потом вспомнил, как кулак Собакин целует барскую ручку, изловчился и чмокнул Олимпиаду Мелакиевну в самые пальчики.

— Пошёл вон! — закричала Ширяева.

Дед съёжился, схватил Лёшку, попятился к выходу.

— Злющая, — проговорил он, когда они вышли на улицу.

— А чего она такая тощая? — спросил Лёшка.

— В ней змий поганый сидит, — объяснил обозлённый старик.

МЕЛЬНИЦА

Мельник Сил Силыч Полубояров был мужик крепкий, ростом без малого в три аршина, с руками, словно клещи, длинными и цепкими.

За помол мельник брал натурой, десятую долю. Отсыпал зерно мерой — большим ведром пуда на два. Делал ловко: загребёт с верхом, рукой незаметно придержит, глядишь — фунтов пять урвёт лишних.

«И откуда столько жадности в человеке!» — ворчали мужики. Однако мирились: других мельниц поблизости не было.

Плата за помол шла в барские закрома. У Ширяевой мельник был человеком своим, доверенным.

Лёшку Полубояров встретил насторожённо. Прошёлся глазами по мальчику, потрогал за плечи, посмотрел на руки, произнёс:

— Ростом не вышел. Да ладно, посмотрим, какой из тебя работник.

И Харитина покосилась на Лёшку.

— Питерский, — усмехнулась. Потом подумала и добавила: — Ладно, нам и питерский подойдёт.

На новой работе Лёшке сразу нашлось много разных дел. У Харитины — воду таскать для индюшек, птичий помёт выскребать наружу, утром отгонять птиц на мельничное подворье, а к вечеру загонять назад в индюшатник. А ещё следить, чтобы индюки между собой не дрались, — чуть что, разгонять хворостинкой.

У мельника — машинным маслом смазывать разные шестерни, следить, чтобы, упаси бог, зубчатая передача где-нибудь не заела, а главное — смотреть за мешками: возвращать пустые мешки хозяевам.

Прошло несколько дней. И Полубояров и Харитина привыкли к помощнику. Стали они наставлять его уму-разуму.

— Ты, дурья голова, — говорила Харитина, — не забывай дырки в мешках прокалывать. Зазевался мужик, а ты и проткни. Пусть зерно сыплется, с-ы-ы-плется, — растягивала Харитина. — Индюшки его враз подберут.

— Ты, парень, того, — наставлял Полубояров. — Мешки возвращай с умом. Считай так: раз, два, ч е т ы р е. Понял? Она, мешку цена, хоть и грош, а всё же в хозяйстве вещь не лишняя. Да бери не всякий, бери с выбором, чтобы получше. Понял?

И чем больше крутился Лёшка в помощниках, тем больше ему находилось всяких занятий. Чуть задержится мальчик у Харитины, Полубояров уже кричит:

— Лёшка! Лёшка!

Едва пристроится к мельничным делам, с пригорка вопит Харитина:

— Лёшка! Лёшка!

Так и крутится мальчик целый день между Полубояровым и Харитиной, между мельницей и индюшатником, хоть разорвись на две части!

ПО ВОПРОСУ ЗЕМЛИ

Через несколько дней барыня вызвала Лёшку, стала расспрашивать о Петрограде.

Мальчик и Олимпиаде Мелакиевне принялся рассказывать про то, как разъезжали грузовики, про Арсенал и как арестовывали жандармов.

— Ох, ох, — вздыхала Ширяева. — И чего только люди хотят? Царя ни за что ни про что... Ну, а как мужики, про что мужики на селе говорят?

Лёшка замялся:

— Про всякое.

— Ну, а про что такое всякое? Про землю небось говорят?

— Говорят.

— Злодеи, — ругнулась Ширяева. — Разбойники.

Барыню на селе не любили. И за землю брала втридорога — сдавала в аренду за копну из трёх снятых. И к барскому лугу не подпускала. А с лесом! Да пропади ты пропадом, этот лес: дерево не руби, валежник не выноси, грибы, ягоды не собирай.

— Моё! — чуть что кричала Ширяева. — Что хочу, то и делаю!

О разделе помещичьей земли в Голодай-селе заговорили сразу же после Февральской революции. Шумели много. Дыбов предлагал идти и немедля землю брать силой. Прасковья Лапина, так та за то, чтобы и вовсе прогнать Ширяеву. Дед Качкин заговорил о возможном выкупе. Однако многие колебались. А тут из уезда прибыл представитель. Собрали мужиков к собакинскому дому, и приехавший выступил с речью. Говорил долго:

и о русском мужике — вековом кормильце, и о славном народе-богатыре, и о власти народной.

Развесили мужики уши, стоя слушают. Хорошие, сладкие речи. Кончил представитель выступать, а о земле ни слова.

— А как же по вопросу земли? — сунулся дед Качкин.

— С землёй? — Представитель задумался. И снова принялся говорить, опять долго и очень красиво. Произносил слова диковинные и непонятные. Запутал мужиков вконец, и те поняли только одно: землю самим не трогать — ждать Учредительного собрания.

Что такое Учредительное собрание, когда соберётся и зачем его ждать, приехавший не объяснил.

Расходились мужики возбуждённые.

— Чего ждать? — выкрикивал Дыбов. — Брать землю — и крышка!

— Гнать Ширяеву взащей!

— Громить мельницу!

Пошуметь мужики пошумели, однако на этот раз разошлись по домам.

ЛЕЧЕНИЕ

Помещицу Олимпиаду Мелакиевну одолевали разные недуги: то голова, то печень болит, то неожиданно в барском боку заколет. А самое страшное: мучилась Ширяева по ночам — страдала бессонницей.

И барыня вспомнила Лёшку. Вызвала.

— Так ты, говоришь, у аптекаря служил?

— Служил.

— Толк в порошках понимаешь?

— Понимаю.

— Поедешь в город, — сказала Ширяева, — за лекарствами.

Дед Сашка забежал, засуетился. «Во как. Повезло, — радовался. — Приметила, значит, внука». Запряг старик лошадей. Настелил побольше соломы. Тронулись. В дороге дед Сашка заговорил о болезнях.

— Оно, конечно, — рассуждал старик, — хворь — вещь поганая. Человек ли, зверь ли, птица — каждый от неё, проклятой, мучается. Только мнение моё такое — барыня наша прикидывается.

— Как — прикидывается? — не понял Лёшка.

— Очень тебе даже просто, — ответил старик. — Ничего у неё не болит. Это так, для фасону. Ширяевы — они все такие. И барыня прошлая тоже всё головой мучилась. А дожила до девяноста годов. Живучие, гады...

Наслушавшись дедовых речей, Лёшка устроил такое: вер-

нувшись домой, смешал порошки — те, что от головы, с толчёным перцем, те, что для сна, с сушёной горчицей. Понёс барыне.

— Так какие от головы? — спросила Ширяева.

— Вот эти.

— А от бессонницы?

— Эти.

— Хорошо. Вот от головы мы и попробуем.

Налила Олимпиада Мелакиевна в стакан воды, развернула порошок, поднесла ко рту, высыпала на язык. И вдруг барыню словно громом ударило: перекосилась, закашлялась и выплюнула всё.

Перевела Ширяева дух.

— Ты что за гадость привёз? — набросилась, негодуя, на Лёшку.

— Так, так полагается. Так в Питере... Графиня Потоцкая их принимает. Это самые что ни на есть лучшие порошки, — уверяет Лёшка. Уверяет, а сам искоса поглядывает на помещицу: боится — не схватила бы лежащую на столе скалку.

Однако всё обошлось. Барыня успокоилась.

— Графиня, говоришь?

— Так точно, барыня, — заторопился Лёшка. — И графиня Потоцкая, и князь Гагарин, и генерал Зубов — все принимают.

— А как же их принимать? — уже совсем миролюбиво спросила Ширяева. — Уж больно они злые. Чистый перец.

— А оно водичкой, водичкой запить, — стал объяснять Лёшка. — И сразу. И зажмурив глаза. И на язык поглубже. Оно и незаметно.

Барыня послушалась, приняла порошок. Каждый день стала Олимпиада Мелакиевна принимать изготовленные Лёшкой лекарства. Обжигает горчица рот, дерёт горло перец. Кривится барыня, но принимает. И что самое странное — помогли порошки! И те, что от головы, и те, что для сна. На пользу пошли лекарства.

А как-то в гостях у Ширяевой был сосед помещик Греховодов. Разболелась у Греховодова голова. Олимпиада Мелакиевна ему и говорит:

— Одну минуточку. У меня чудесное есть лекарство.

Насыпал Греховодов порошок на язык и сразу же выплюнул. Набежали у бедного слёзы.

— Что же это вы, Олимпиада Мелакиевна? — обиделся гость. — Это же перец.

А Ширяева смеётся.

— Чудесные, — говорит, — порошки. Их в Питере все принимают: и графиня Потоцкая, и князь Гагарин, и генерал Зубов.

Подивился Греховодов, пожал плечами, однако новый порошок принимать отказался.

А ещё через несколько дней приехал в Голодай-село уездный лекарь. Олимпиада Мелакиевна и ему про чудесные порошки рассказала.

Лекарь заинтересовался порошками. Просил показать. Попробовал на кончик языка и те и другие.

— Нет,— сказал он Ширяевой,— тут что-то не то. В одном толчёный перец, в другом сухая горчица. Тут какое-то недоразумение.

— Какое ещё недоразумение! — возмутилась помещица. — Я пью. Мне помогает. И даже очень. Вы просто, батенька мой, отстали. В Питере их все принимают.

Выслушал лекарь барыню, усмехнулся.

— В отношении помогает,— сказал,— это у вас, милейшая Олимпиада Мелакиевна, самовнушение. Само-о-внуше-е-ние. А что касается Питера, то это какая-то шутка. Вы осторожнее, горло себе сожжёте,— сказал на прощанье.

— Подлец! — кричала потом на Лёшку Ширяева. — Отраву подсунул. Убийство задумал...

— Так ведь и графиня Потоцкая и князь Гагарин...

— Графиня Потоцкая... князь Гагарин... Ах, разбойник! — схватила Олимпиада Мелакиевна скалку и давай гоняться за Лёшкой. Догонит — ударит. Догонит — ударит.

Вернулся домой мальчик весь в синяках и увесистых шишках. Отлежался. С утра потащился на мельницу.

— Пошёл вон! — закричал Полубояров. — Барыня твоего имени слышать не хотят.

И Харитина сказал кратко, но ясно:

— Гнать велено.

— Эх, не повезло. Ой, как не повезло! — сокрушался дед Сашка. — И чего это она обозлилась?

НИКАКОГО УЧАСТИЯ

Весь март мужики только и думали, что о земле, ждали Учредительного собрания. Однако собрание отложили то ли на лето, то ли на осень. А тут всю разыгралась весна, прошла мутными ручьями по оврагам и балкам, зазвенела грачиным криком, залысела серозёмом на буграх и кручах. Подпирала пора сева. И снова зашумело село Голодай.

— Довольно, хватит, натерпелись. Мало ли нашей кровушки попито! — кричал Дыбов.

Другие поддержали:

— Сжечь Ширяеву!

— Отнять землю!

— Разделить скот!

И мужиков прорвало, взыграла накипевшая злоба, кольнула

крестьянские души, погнала, как листья в бурю, наперегонки, со свистом и завыванием в сторону господского дома.

Забегал дед Сашка, не знал, как и поступить. И от мужиков отставать не хочется, и как-то неловко вроде бы: сам в караульщиках у Ширяевой. Решил выждать, сел возле дома.

— Ты что, — крикнула, пробегая, Прасковья Лапина, — барыню пожалел?!

— У меня что-то ногу свело, — на всякий случай соврал Митин.

Ждал дед час, ждал два. Наконец не выдержал, решил: «Пойду-ка посмотрю, что-то там делается».

А тут с хуторов от невестки вернулся дед Качкин. Узнав, в чём дело, тоже заторопился. И старик совсем осмелел. Вместе с Качкиным побежали. И чем дальше они бегут, тем больше у деда Сашки появляется прыти. Дед Качкин, большой, грузный, едва за ним поспевает.

— Стой, стой! — кричит Качкин.

— Давай, давай, уже близко, — подбадривает соседа дед Сашка.

Бегут старики, а навстречу им — будто армейские обозы при отступлении: кто пеше, кто конно, каждый как может, — тащат голодаевские мужики господское добро. Тарахтя по булыжной дороге, шли возы, груженные хлебом. Высекая из камня искру, лязгали барские плуги и бороны. Упираясь, ржали господские кони; выпучив от испуга глаза, мычали коровы.

— Мать честная! — восклицал дед Сашка. — Ить те добра сколько! — и прибавлял шаг.

— Стой, стой! — опять кричит Качкин.

Где уж! Старика не удержишь. Прибежал дед Сашка, да поздно.

На господском дворе ещё крутились мужики и бабы, но по всему было видно, что с господским добром покончили. Сунулся дед Сашка в амбары — пусто. Заглянул в конюшни — коней словно и не было. Побежал в погреба — хоть шаром покати.

— Опоздал, опоздал, — сокрушался старик, — и чего я, дурак, дожидался! Оно, конечно, надо бы сразу, со всеми. Эхма, никакого, выходит, участия.

ЛЕШИЙ

Разгромив ширяевское хозяйство, мужики бросились искать барыню. Нет барыни. Исчезла Олимпиада Мелакиевна. Поругались мужики, махнули рукой.

А барыня спряталась в индюшатнике.

В этот вечер, как и обычно, дед Сашка направился к мель-

нице. «Оно, пожалуй, можно уже и не охранять, — рассуждал старик. Однако многолетняя привычка взяла своё. — Пойду посмотрю. Как же оно теперь, интересно, будет с мельницей?»

Подошёл дед к мельничному подворью. Тишина. Стоит мельница. Стоит индюшатник. Журчит, пенится от весеннего раздолья в стороне река Голодайка. Застыл, словно войска на параде, за индюшатником лес.

Прошёл старик по подворью раз, два, подошёл к индюшатнику, смотрит: скоба не задёрнута. Подивился. Задёрнул скобу. Только задёрнул — слышит за дверью шорох и человеческий голос. Даже показалось старику, что имя своё услышал.

Дед попятился. Решил, что ослышался. Вытянул шею. И вдруг в дверь индюшатника послышался стук. Старик замер. Стук повторился: снова в дверь, потом в маленькое оконце.

Дед Сашка затрясся от неожиданности и набежавшего страха. Метнулся туда-сюда, потом, подхватив полы армяка, что было сил бросился назад в деревню.

— Нечистая сила! — закричал он с порога, влетая в избу к мельнику Полубоярову. — Леший, леший! — и закрестился.

— Что ты, какой леший, где леший? — набросился Полубояров.

— Ей-ей, леший. Не сойти с места. Стою я у мельницы, — рассказывал трясущийся дед Сашка, — а он из лесу — и в индюшатник. А потом как закричит, как замычит. Леший, вот крест, леший.

Полубояров переглянулся с женой. На всякий случай, та, так же как и дед Сашка, перекрестилась. Потом Полубояров поднялся, потянулся за шубой.

— Пошли, — сказал старику.

Однако дед Сашка оробел, упёрся. Тогда Полубояров достал из чулана берданку.

— Пошли, — повторил. — Не бойся.

Вышли. Подходили к мельнице осторожно, крадучись. Дед Сашка всё норовил стать за широкую спину Полубоярова и не переставал шептать какую-то молитву.

Рядом с индюшатником затаились. Кругом тихо, и в индюшатнике никакого движения.

— Ну, где твой леший? — усмехнулся мельник.

— Был, ей-ей был.

И вдруг в дверь кто-то застучал. Послышалось что-то вроде не то плача, не то стога. Дед Сашка подхватил края зипуна — и в сторону. И Полубояров, видать, оробел — тоже отступил. Стук повторился, дребезжащий, снова в дверь и, как тогда, в первый раз, опять в маленькое оконце.

— Пуляй! — завопил дед Сашка. — Пуляй!

Полубояров стрельнул.

— О-ох! — раздался женский всхлип, и всё замерло.

Ширяевой повезло. Выбила дробь стекло, но в барыню не попала. Однако ещё больше повезло деду Сашке. Быть бы ему Полубояровым нещадно битым. Да только в это время мимо мельницы проходили Дыбов, Качкин и другие голодаевские мужики. Услышали они выстрел, бросились к индюшатнику

Увидав Олимпиаду Мелакиевну, мужики хотели тут же утопить её в Гододайке. Однако, когда поостыли, решили поступить иначе.

На следующий день надрали бабы с индийских петухов и кур перьев и пуху, мужики измазали Ширяеву дёгтем, обсыпали перьями, усадили в телегу, вывели коней за околицу, ударили, гикнули. Взвились барские рысаки — земля из-под копыт клином. Понеслись пугать встречных и поперечных невиданным чудом.

— Леший! Леший! — кричали вслед голодаевские мальчишки.

— Пава, как есть пава, — усмехались бабы.

ПРЯНИКИ

Два дня, словно ветер по полю, гуляла по Голодай-селу мужицкая злоба. С испугу бросил приход и уехал куда-то батюшка. Исчез и мельник Полубояров. Затаился, как мышь, притих — не услышишь — кулак и лавочник Пафнутий Собакин.

На третий день мужики заговорили о лавке. Вначале тихо по домам и углам, потом во весь голос прямо на улице. Лавку решили делить. Только Собакин оказался не глупым, вывез куда-то товары. Сунулись мужики в кулацкую лавку, а там пусто.

Вместе со всеми ходил и дед Сашка. Вернулся домой раздосадованный. Забрался на печь, лежит, сокрушается:

— Увёз, распроклятый, лавку. И куды он её, стервец, запрятал?!

И Лёшка вертелся тут же, и тоже ломал голову: «Куда он её запрятал?»

Покрутившись часок в избе, мальчик вышел на улицу, понёсся к приятелям. Он вызвал Соньку Лапину, Митьку Дыбова, Петьку Качкина и о чём-то с ними шептался. Потом все вместе направились к кулацкому дому.

— Ну, а вам чего? — набросилась на ребят собакинская жена.

— Нам Аминодава, — проговорил Лёшка.

Когда Аминодав вышел, отозвав кулачонка в сторону, Лёшка зашептал:

— А у Качкиных корова отелилась, так жеребёнок родился. Хочешь посмотреть?

— Да ну?! — подивился Аминодав.
— Вот крест, — побожился Митька. — С пятью ногами.
— С пятью?!
— С пятью, — подтвердила Сонька.
— И с козьими рогами, — продолжал сочинять Лёшка.
— А не брешете?
— Вот крест, — уверял Лёшка. — Побежали, а то он ещё подохнет.

Аминодав побежал за ребятами. Однако те, поравнявшись с качкинской избой, свернули не к хлеву, как ожидал мальчик, а к баньке.

Кулачонок остановился.

— Пошли, — подтолкнул Лёшка. — Он в баньке. Его туда для тепла.

— Это чтобы скотину не пугал, — подтвердил Митька.

Аминодав двинулся дальше, хотя уже и без прежней прыти. А когда подошли к баньке, то Лёшка, и Сонька, и Митька, и Петька все разом уже с силой втолкнули в неё Собакина.

Повалив мальчика на пол и прижав его грудь коленом, Лёшка зашептал:

— Говори, куда отец увёз лавку?

Аминодав заплакал, завертелся ужом, стал вырываться.

— Говори, — повторил Лёшка и ещё сильнее нажал коленкой.

Сонька схватила кулачонка за руки, Митька уселся на голову, Петька на ноги.

— Говори, говори, говори! — кричали ребята.

— Не знаю, — упирался Собакин.

Тогда Лёшка привлёк к себе мальчика:

— Говори, а то нос откушу. — Он наклонился к лицу Аминодава, заскрежетал зубами, раскрыл рот.

— А-ай!

— Говори!

Аминодав не выдержал, сдался.

Оставив Митьку и Петьку сторожить Собакина, Лёшка и Сонька помчались к деду Сашке.

— Дед, дед, — закричал Лёшка, — лавка нашлась!

— Ну, брехать, — не поверил старик.

— Нашлась, нашлась, — зачастила Сонька. — Она на хуторах, в подполе у тётки Мавры, у кулацкой сестры.

Дед сорвался с печки, помчался разыскивать Дыбова и других мужиков.

Аминодав не соврал. Товары нашлись. В этот же день состоялся делёж лавки. Добро раздавали Дыбов и Прасковья Лапина: мужикам — хомуты и подковы, бабам — ситец и мыло, девкам — помаду и ленты.

А Лёшка, Сонька, Митька и Петька получили по крашеному

прянику: у Соньки в виде коня, у Митьки в виде козы, у Петьки тоже в виде козы, а у Лёшки — ребята никак понять не могли: уж больно он походил на ту тварь, рассказами о которой заманил мальчик собакинського сына в баньку.

Пряники были старые, чёрствые, но вкусные.

КАРАТЕЛИ

Не только в Голодай-селе, но и по всей России в ту весеннюю пору 1917 года прошли крестьянские бунты и волнения. Крестьяне делили барскую землю. Рубили господский лес. Во многих местах запылали усадьбы. Временное правительство встало на защиту помещиков. По деревням и сёлам были разосланы карательные отряды.

Прибыли каратели и в Голодай-село. Устроили казаки в доме Собакина штаб и стали чинить расправу. Дыбова увезли в тюрьму. Прасковью Лапину избили до полусмерти. Старику Качкину выдрали бороду. Схватили и деда Сашку.

Принесли домой старика без памяти прямо с улицы, в одних подштанниках. Глянул Лёшка: рубцы на спине, на лице и на шее ссадины. Дед весь съёжился, стал маленький-маленький, ростом не больше Лёшки. Положили старика на живот: на спину нельзя, спина воспалилась, кровавая; повыли бабы и девки, потом разошлись, и Лёшка остался один. Смотрит на деда — слёзы глаза туманят. Стряхнёт слёзы рукой, а они опять набегают.

Ночью старик очнулся, глянул на Лёшку — не узнаёт внука. Бормочет что-то дед Сашка, а что — Лёшка понять не может.

— Дед, дед! Что, а дед? — пристаёт мальчик.

Наконец разобрал: «Пить». Схватил Лёшка кружку, напоил деда. Пил старик жадно, кряхтел и стонал. Наконец отвалился от кружки и снова забылся.

Через час дед Сашка пришёл в себя.

— Алексей!

Лёшка бросился к деду.

— Алексей, — повторил старик. — Беги. Убьют они тебя. Беги, Алексей. Собакины не простят. Поезжай в Москву. — Дед говорил с трудом, делая остановки после каждого слова. — Разыщи Третью Тверскую-Ямскую и дом Зыкова. Он наш мужик, голодаевский, примет. Скажи: дед Митин просил.

Лёшка упрямо замотал головой.

— Беги, — простонал старик. Потом снова закрыл глаза и упёрся лицом в лежанку.

К утру дед Сашка скончался.

НАТАША

У дяди ИПАТА

Прибыл Лёшка в Москву, разыскал Третью Тверскую-Ямскую и дом Зыкова.

Извозничьим делом дядя Ипат занимался лет десять. Работал вначале по найму у московских господ, а потом и сам обзавёлся хозяйством. Постепенно хозяйство стало расти. Вскоре Зыков приобрёл вторую лошадь и второй экипаж, наконец, третий. К этому времени подросли сыновья Степан и Илья. Втроём и разъезжали по московским улицам.

Потом грянула мировая война. Молодые Зыковы ушли на германский фронт, и дядя Ипат остался один. Трудновато пришлось поначалу. Однако мужик он был смыслёный, оборотистый. Подумал и приспособил к лошадям невестку, бойкую и румяную Дуняшу. Вместе с Дуняшей теперь и ездили. А третий конь — как бы в резерве, на всякий случай. Конь был старый. Такого и держать невыгодно, да дядя Ипат привык к Буланчику. С него с первого и пошла зыковская удача. Продавать коня дядя Ипат счёл за дурную примету. А тут подвернулся Лёшка.

Зыков долго смотрел на мальчика, не мог понять, кто он и зачем прибыл. Потом, когда понял, подобрел, стал расспрашивать про Голодай-село, про барыню Олимпиаду Мелакиевну и Собакина, про мельника Полубоярова и деда Сашку.

— Помер, значит, дед Сашка? — узнав о разгроме ширяевского хозяйства, проговорил Зыков. — Эх, царство ему небесное! Ну что же, — глянул на Лёшку, — оставайся. Только вот к делу тебя приставить надобно. Дармовой хлеб нынче-то дорог.

Жизнь в доме Зыковых начиналась рано. Чуть свет тётка Марья принималась возиться с горшками и плошками, ставила самовар, а потом будила мужа и Лёшку. Дядя Ипат в зевоте широко раскрывал рот и кричал в соседнюю комнату:

— Дунька! Дунька! Нечего бока отлёживать.

Дуняша сладко потягивалась и нехотя поднималась.

Наскоро умывшись, ели мятую картошку, пили чай без сахара и направлялись запрягать лошадей. Лёшка помогал дяде Ипату затягивать подпруги, обматывал Зыкова вокруг пояса кушаком, а затем открывал ворота. Дядя Ипат и Дуняша уезжали. Два раза в неделю Зыков напивался. Он бил тётку Марью, гонялся за Дуняшей и однажды до того излупил Лёшку, что тот неделю ходил с синяками.

Вначале мальчик сидел дома: подметал двор, чистил конюшню, сгребал в кучу навоз. Потом дядя Ипат стал брать его

с собой в город, приучать к извозничьему делу. Лёшка долго путал Ильинку с Ордынкой, Плющиху с Палихой, Покровские ворота с Петровскими и никак не мог уяснить, где находится Камер-Коллежский вал. Дядя Ипат злился и начинал пояснять:

— Камер-Коллежский вал, он и тут, рядом с твоим домом, и тама, на другой стороне Москвы. Если Бутырский — этот от Брестской площади, а раз Золоторожский — так вали за реку Язу. А есть ещё Симоновский и Семёновский, Крутицкий, Покровский, Госпитальный... — Зыков без удержу сыпал названиями и вконец запутывал Лёшку.

Но время шло, и мальчик стал привыкать к мудрёному расположению московских улиц. Наконец наступил день, когда дядя Ипат сказал:

— Ну, будя. Время не ждёт. Запрягай Буланчика — и с богом.

В середине апреля Лёшка совершил свой первый самостоятельный выезд. Вскоре у мальчика появились излюбленные места: у Курского вокзала — к приходу крымских поездов, у городской думы — к концу заседаний, у Сухарева рынка — в разгар базара. А когда к Лёшке никто не садился, он медленно ехал по Тверской или Кузнецкому и выкрикивал:

— Эх, прокачу! Эх, прокачу!

Кричал Лёшка громко, призывно. Глядишь, кто-нибудь не устоит да и сядет.

Все мальчишки с Ямской теперь смотрели на Лёшку с завистью. Взрослые извозчики ухмылялись. Даже Дуняша как-то сказала:

— Ну и здорово это у тебя получается!

Новое ремесло Лёшке понравилось.

ГОЛОВА КРУГОМ

Третий месяц Москва без устали митинговала. Спорили всюду: на площадях, в переулках, дома, на службе. Больше всего спорили о войне.

— Война до победного конца! — кричали те, кто был богаче.

— Хватит, навоевались! — отбивался фабричный люд и по-видавшие виды солдаты.

Часто на трибунах появлялись большевики. Говорили горячо, убеждённо. Кончали одним:

— Мир без аннексий¹ и контрибуций².

¹ А н н е к с и я — захват силой территорий чужих государств.

² К о н т р и б у ц и я — выплата денежных сумм побежденным государством государству-победителю.

Горожане ходили, слушали, хлопали и тем и другим, а больше всего тем, кто выступал красиво.

О большевиках говорили разное, нередко дурное. Вот и дядя Ипат:

— Мира захотели. Предатели! А родина как? Ты, Алексей, того, — наставлял он Лёшку, — слушать слушай, а дело веدي исправно. Жизнь, она и есть жизнь. Покричат и умолкнут. Эх, времечко, — вздыхал Зыков. — Никудышные ноне пошли времена.

А мальчику всё интересно. И о чём говорят на Тверской у памятника генералу Скобелеву, и о чём на Страстной у памятника Пушкину, и о чём это шумит народ на Лубянке возле Китайгородской стены. Гоняет Лёшка по городу, а потом нет-нет да и пристанет к какому-нибудь митингу. Стоит слушает.

Шумит, митингует Москва. Произносятся длиннющие речи. Не слезают с трибун ораторы. Одни хвалят, другие ругают Временное правительство. Одним за войну, другие — да пропавди она пропадом!

Слушает Лёшка, от слов и речей — голова кругом.

МЯЧИК

Как-то Лёшка привёз седока в Брюсовский переулок. Приехавший расплатился и исчез в воротах высокого дома. А Лёшка поудобнее устроился на козлах, достал краюху хлеба и стал жевать. И вдруг из-под ворот выкатился мячик. Он угодил под пролётку и остановился у ног Буланчика. И в ту же минуту, весело смеясь и держась за руки, выскочили на улицу мальчик и девочка. Девочка была маленькая, худенькая, в розовом платье, с огромным бантом-бабочкой на голове.

Мальчик постарше, ростом с Лёшку, только в плечах уже, а телом потолще. На голове у мальчика была бескозырка с лентами и надписью «Верный». Увидев мяч под ногами лошади, дети остановились. Мальчик сделал шаг к Буланчику, но конь повернул в его сторону голову, и тот отступил назад. Тогда Лёшка слез с козел и достал мячик.

— Мерси, — проговорила девочка.

— Что? — не понял Лёшка.

— Спасибо.

Лёшка улыбнулся. Снова полез на козлы и стал доседать краюху. Однако дети не уходили. Девочка пристально смотрела то на Лёшку, то на Буланчика, то снова на Лёшку, наконец спросила:

— Это ваша пролётка?

— Эге.

— Прокатите.

— А деньги у тебя есть?

Денег у девочки не было.

— Задарма нельзя, — объяснил Лёшка.

Дети о чём-то пошептались и убежали. Через несколько минут они вернулись, и мальчик в бескозырке протянул Лёшке рубль.

Лёшка повёз детей по Тверской, потом через Камергерский проезд, выехал на Большую Дмитровку, спустился к Охотному ряду и поехал по Моховой. Девочка не спускала восторженных глаз с Буланчика и всю дорогу приставала с расспросами:

— Это рысак?

— А как его звать?

— А где он живёт?

— А что он ест?

— А где его взяли?

Лёшка объяснял не без удовольствия.

Потом полез мальчик.

— Какой же это рысак? — проговорил он с усмешкой. — У рысака и шея длинная и ноги тонкие.

Лёшка смутился. У Буланчика действительно и шея была не длинной и ноги совсем не тонкими. Спорить он не решился. Но и продолжать разговор с девочкой уже расхотелось. Оставшуюся часть пути ехали молча.

Когда пролётка снова остановилась в Брюсовском переулке, девочка сказала:

— Мерси.

Она ловко прыгнула на тротуар, взяла мальчика за руку, и дети умчались.

Лёшка уехал. Уже вечером на дне пролётки он обнаружил забытый девочкой мячик.

«ЗАЁМ СВОБОДЫ»

Дядя Ипат порой покупал газету «Русское слово». Читал он не торопясь, вслух произнося заголовки и разбирая содержание статей и заметок. В этот вечер Зыков оять принёс своё любимое «Русское слово».

— Про заём слышал? — обратился он к Лёшке.

— Это тот, что в прошлом году?

— Нет, новый, — ответил дядя Ипат. Он сел за стол и развернул газету.

— «Граждане, подписывайтесь на заём свободы», — прочитал Лёшка крупный заголовок, набранный во всю первую полосу. Чуть ниже было напечатано воззвание Временного правительства.

— «К вам, граждане великой свободной России, — стал чи-

тать Зыков, — к тем из вас, кому дорого будущее нашей родины, обращаем мы наш горячий призыв... Не жертвы требует от вас родина, а исполнения долга...»

Но Лёшка не стал следить за дядей Ипатом. Он уставился в левый столбик газеты. Там крупными буквами были набраны разные имена. Имена были в чёрных рамках. Они-то и привлекли внимание мальчика. «Тело убитого в бою 5 февраля с. г., — читал Лёшка, — прапорщика Александра Семёновича Суровёжина прибыло 5 апреля на Брянский вокзал...»

— Ты куда смотришь? — прервал мальчика дядя Ипат. — Сюда смотри! — На сей раз он ткнул в обращение Государственной думы. Потом прочитал статью под заголовком «Всё для войны, всё для свободы» и принялся изучать условия нового займа.

А Лёшка опять стал смотреть в столбик налево, туда, где были напечатаны фамилии погибших.

— Эна она чего, — неожиданно проговорил дядя Ипат, — сроком на пятьдесят четыре года, пойдёшь дожить ты до этого времени. Ты ещё доживёшь, — сказал он Лёшке. — Заём, стало быть, для тебя в самый раз, — и засмеялся.

О новом займе кричали все. Даже в субботу, когда Лёшка с дядей Ипатом ходил в церковь, батюшка и тот говорил про то же.

— Откликнемся на сей призыв, — выводил батюшка. — И в оные времена, в тяжкие години нашествия иноплемеников, верующие оказывали великую любовь земле Русской. Вспомним священный клич Козьмы Минина, зложим жён своих и детей для спасения родины.

Батюшка ещё что-то сказал про гнев русского воинства и кончил нараспев, растягивая слова:

— Подпи-шемся на за-ём и в отде-льно-сти-и и в скла-дчи-ну-у. Да благослови-ит госпо-о-дь святы-ые начина-ания. Ами-инь.

Вспомнив слова дяди Ипата, Лёшка решил подписаться. Думает: буду каждый день с выручки недодавать по пять копеек, соберу рубль и подпишусь. Однако на следующий день в районе Таганки мальчик угодил на какой-то рабочий митинг и подивился — рабочие отказывались признавать заём.

— Так, значит, заём свободы, а деньги прямо на войну? — говорил какой-то мастеровой. — Не на свободу, а на войну. За наши копейки и нас же в солдаты. Так, что ли?

Теперь Лёшка заколебался. А ещё через день мальчик был у Страстной площади и слышал совсем другое:

— Нет, не напрасно так назван новый заём. Сказать сегодня «всё для войны» — это значит сказать «всё для свободы»! Граждане, спасём отечество! Подпишемся на новый заём!

«Подпишусь», — решил Лёшка. И стал собирать деньги.

Лёшка не собирался больше на Брюсовский. А тут мячик. Пришлось ехать.

Остановившись у знакомой подворотни, Лёшка стал соображать, как же ему разыскать девочку, но тут вышел на улицу мальчик в бескозырке, посмотрел на Лёшку, проговорил:

— Проваливай. Нечего тут стоять.

Лёшка сделал вид, что не слышит, но мальчик повторил снова:

— Проваливай! Кому говорят!

— А тебе что? Место тобой не куплено, — огрызнулся Лёшка.

— Проваливай!

И Лёшка не выдержал. Он вмиг слетел с козел, сжал кулаки. И мальчик сжал кулаки. Ребята стояли друг против друга, и Лёшка уже примерял, с правой руки или с левой ударить, как вдруг появился дворник. Дворник замахнулся на Лёшку метлой, назвал его ванькой¹ и грозился пообломать бока и ему и лошади.

Лёшка плюнул. Решил: чёрт с ним, с этим мячиком! Снова залез на козлы. Тронул Буланчика. И вдруг Лёшка увидел девочку. Она шла навстречу и махала рукой. Лёшка остановился, отдал ей мячик.

— Спасибо, — проговорила девочка и неожиданно полезла в пролётку. — Прокати!

Девочку звали Наташей. Лёшка узнал, что она учится в гимназии во втором классе, что папа у неё чулочный фабрикант, что он член городской думы и что у Наташи нет матери: уехала с капитаном.

— Как — уехала?! — удивился Лёшка.

— Взяла и уехала.

— А как же отец? Чего отпустил?!

— А она не сказала. Потихоньку взяла и уехала.

За воспитанием девочки следила гувернантка мадам Фишер.

— Она наполовину немка, наполовину полька, — объяснила Наташа.

— А кто тебе тот, в бескозырке? — спросил Лёшка.

— Никто. Это Вова. Мы вместе живём на даче. Вова очень хороший, — проговорила Наташа.

Лёшка нахмурился.

— У него папа полковник, — продолжала девочка. — Он на войне. Он герой. У него Георгиевский крест. А кто у тебя папа? — спросила Наташа.

— Генерал, — неожиданно выпалил Лёшка.

— Генерал?!

— Да, — проговорил Лёшка. — Генерал Зыков.

¹ В а н ь к а — обидная кличка извозчиков.

Про Первое мая Лёшка слышал впервые. Он стал приставать к дяде Ипату.

— Праздники бывают разные, — принялся объяснять дядя Ипат. — К примеру, рождество или пасха — так эти церковные. А есть гражданские: Новый год. А был ещё день рождения царя и царицы...

— Ну, а Первое мая? — напомнил Лёшка.

— Этот мастеровые придумали.

— А чего они празднуют?

Зыков задумался.

— Ну, как чего? Чего люди празднуют? Вот и они празднуют.

И Лёшка решил посмотреть на праздник своими глазами. Поехал на Красную площадь. Прибыл к десяти часам утра, а там пусто. День был холодный. В ночь шла снежная крупа, а сейчас моросил мелкий дождь. У торговых рядов, ёжась, стояло несколько человек. Среди них маленькая дряхлая старуха с дырявым зонтом. Видимо, тоже пришла посмотреть на рабочий праздник.

Лёшка остановил Буланчика. Вскоре на площади стали собираться люди: по одному, по двое, потом целыми группами.

Мальчик надеялся увидеть рабочих. Однако первыми на площадь вступили юнкера Александровского училища. Они шли стройными рядами с генералами и офицерами впереди, с оркестром и несли знамёна, на которых было написано: «Народ и армия едины!» и «Война до победного конца!».

Потом появились торгово-промышленные служащие, потом шли учителя и ещё какие-то группы. Лёшка читал лозунги: «Да здравствует Временное правительство!», «Покупайте заём свободы!», «Наша кровь вопиет о победе!».

По площади проходили всё новые и новые люди. Появились красные хоругви с жёлтыми кистями, новые плакаты, новые лозунги. А рабочих всё не было и не было. Лёшка напрасно вытягивал шею.

— А где рабочие? — спросил мальчик у старухи.

— Милай, да где же ты ищешь рабочих, — проговорила старуха. — Ты бы ехал на Таганку или к Андроневу монастырю. Там, говорят, рабочие.

Лёшка решил поехать.

— И я с тобой, — увязалась старуха.

Рабочих встретили за Солянкой у моста через реку Яузу. Вперемешку с солдатами они спускались к реке по Таганской улице. А ещё больше народу шло со стороны Землянки по Николю-Ямской. На мосту проходил митинг.

— Чего они? — спросил Лёшка у бабки.

— У них здесь в Февральскую революцию мастерового за-

стрелили — Астахова, — ответила старуха. — Жандармы убили.

Все стояли с непокрытыми головами, и Лёшка снял шапку. Как и на Красной площади, здесь было много знамён и разных лозунгов. Только лозунги были другие: «Долой войну!», «За 8-часовой рабочий день!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Наконец митинг окончился. Лёшка спрыгнул на землю и подбежал к какому-то парню:

— А чего вы не на Красной площади?

— Ничего, придёт время, будем и на Красной, — ответил рабочий и хитро подмигнул мальчику.

— А чего же вы празднуете?

— Празднуем? — Парень задумался. — Силушку, браток, проверяем, нашу, рабочую, ту, что и царя скинула и ещё кой до кого доберётся. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка и помчался назад к пролётке.

Дождь успокоился, перестал моросить. Выглянуло солнце. Вначале робко, крадучись по крышам соседних домов, потом спустилось на улицы. И вдруг жгучими весенними лучами залило всё: и Москву-реку, и Яузу, и идущих людей, и пролётку.

Демонстранты запели: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на борьбу, люд голодный...»

«Выходит, и тут, как в Голодай-селе», — мелькнуло в голове мальчика.

ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ

Май не принёс москвичам большой радости. С трёх до двух фунтов в месяц сократили выдачу сахара, с фунта до трёхсот граммов в день хлеба, в два раза снизили потребление электричества. Снова, как при царе, забастовали заводы. Рабочие требовали повысить заработную плату. Так было на фабрике Ханжонкова, на слесарно-механическом заводе «Д. Людвиг и В. Кушников» и в других местах.

К концу месяца положение и вовсе обострилось. Появились призывы: «Долой министров-капиталистов!», «Никакого доверия Временному правительству!».

Лёшка и в первые дни привозил мало денег. А теперь так и вовсе. Мальчик часто возвращался домой с пустыми карманами.

— Ты что, — обозлился как-то дядя Ипат, — нынче снова ничего не привёз?! — Потом посмотрел пристально на Лёшку, притянул к себе: — Крадёшь деньги, стервец! Крадёшь. Я тебе покраду!

Зыков всё чаще и чаще стал напиваться. Бил и Лёшку, и Дуняшу, и тётку Марью. Ругался, что дорог овёс, грозился продать Буланчика и выгнать Лёшку.

Единственная радость у мальчика — встречи с Наташей. Уедут они к Тверскому бульвару или к Чистым прудам, переберётся девочка на козлы, возьмёт в руки вожжи: «Но, пошёл!» Смелая Наташа, ловкая. Бежит Буланчик, приседает пролётка от тряски по булыжной мостовой. Хорошо Лёшке!

— Эй, берегись! Эй, сторонись! — кричит прохожим Наташа. Смеётся Лёшка.

Любил Лёшка рассказывать Наташе всяческие истории. Мастак был. Уж такое придумает! Особенно про генерала Зыкова. Получалось из Лёшкиных рассказов, что более храброго гене-

рала, чем Зыков, в русской армии нет. Кто один разбил австро-германскую армию? Зыков. Кто спас русскую армию от окружения в прошлом году? Зыков. С генералом Зыковым даже бывший царь за ручку здоровался!

Затаит Наташа дыхание, слушает.

— Ещё, ещё,— просит рассказчика.

Как-то в воскресный день Лёшка с Наташей уехали на Воробьёвы горы, вылезли из пролётки, помчались к Москвереке. Вода была холодной, и никто не купался. А вот Лёшка разделся — и бух в воду.

— Не надо! Не надо! — закричала Наташа.

А у Лёшки от этого только задору прибавилось. Отплывает от берега всё дальше и дальше, фыркает, плещается, через голову переворачивается.

— Алёша! Алёша! — кричит Наташа.

Потом, взявшись за руки, они вместе носились по кручам. Светило солнце. Кричали птицы. Где-то над берегом пела гармоника...

Но вот как-то Лёшка с Наташей ехали по Петровке. Здесь они и столкнулись с дядей Ипатом.

— Лёшка! — закричал Зыков. — Лёшка!

Мальчик поспешно свернул к Неглинной.

— Что с тобой? — удивилась Наташа. — И почему тот, с бородой, кричал?

— Да кто его знает,— ответил Лёшка. — Овса, наверное, хотел спросить. С овсом теперь трудно.

В этот вечер Лёшка допоздна не возвращался домой. Потом, не торопясь, распрягал Буланчика, долго возился в конюшне и, прежде чем переступить через порог, всё у дверей топтался.

— Иди-ка сюда,— поманил дядя Ипат. Однако разговор начал спокойно, без крику. — Ты что же,— проговорил,— шуры-муры разводишь? Я-то тебя по-хорошему, по-родственному. А они вон куды, мои денежки идут.

Несколько раз Зыков порывался встать, но снова садился. Наконец выговорившись, дядя Ипат поднялся, взял Лёшку за грудь и потрянул, словно куль. И вдруг из Лёшкиных карманов посыпались медяки, те, что он собирал на заём свободы.

— Ах, стервец! — заревел Зыков. Он наотмашь ударил мальчика по лицу.

На крик выбежали тётка Марья и Дуняша.

— Брось, брось, Ипат Игнатич,— стала просить тётка Марья и хватала Зыкова за руки.

— Батя, батя, да за что? — голосила Дуняша.

А дядя Ипат продолжал наступать и выкрикивал:

— Шуры-муры? Ах, стервец! Такова-то твоя благодарность! — И снова всыпал Лёшке, бил с левой, и с правой, и в лицо, и в шею.

На следующий день дядя Ипат неожиданно услал Лёшку и Буланчика с каким-то бородатым мужиком на неделю в город Сергиев-Посад. И Лёшка уехал, так и не успев предупредить Наташу.

«ГЕНЕРАЛ» ЗЫКОВ

Три дня прождав Лёшку, Наташа пошла на Тверскую-Ямскую разыскивать дом генерала Зыкова.

Дома на Ямской были маленькие, больше деревянные, и Наташа долго раздумывала, какой же из них может принадлежать генералу. Наконец выбрав самый большой и красивый, она обратилась к какой-то женщине.

— Зыков? — переспросила та. — Генерал? Может быть, полковник? Полковник Тёлкин?

— Нет, генерал, — сказала Наташа. — У него сын — Лёшка. У Лёшки своя лошадь — Буланчик.

— Нет, не знаю, — ответила женщина.

Наташа ходила из конца в конец по Третьей Тверской-Ямской. Заглянула на Первую, Вторую и даже Пятую. О генерале Зыкове и мальчике, который имел свою лошадь, никто ничего не знал. Наконец на глаза Наташе попался какой-то дворник.

— Енерал Зыков, — усмехнулся тот. — Есть такой енерал. И Лёшка есть. Вон там. — И дворник показал на одноэтажный деревянный домик.

Дядю Ипата Наташа встретила во дворе, с метлой в руках.

— Здравствуйте, — сказала Наташа. — Здесь живёт генерал Зыков?

— Зыков? Ну, я Зыков, — проговорил дядя Ипат.

Он удивлённо посмотрел на девочку, силясь понять, не ослышался ли в слове «генерал». И Наташа с удивлением смотрела на дядю Ипата, на метлу, на его кудлатую бороду, на сатиновую одноцветную рубаху, на пыльные, с огромными заплатами сапоги.

— Ну, я Зыков, — повторил дядя Ипат и вдруг признал в Наташе ту самую девочку, которую встретил вместе с Лёшкой тогда на Петровке.

И Наташа тоже узнала дядю Ипата.

— Генерал?! — заревел Зыков. — К Лёшке пришла. К нему, к шаромыжнику. Кататься! — Он замахнулся метлой.

Наташа невольно подалась в сторону.

— Простите. Я думала... Лёша мне говорил... — Девочка повернулась, бросилась к выходу.

— Стой! Стой! — закричал дядя Ипат.

Наташа остановилась. Зыков подошёл, спросил совсем мягко, почти просительно:

— А твой папаша, случайно, овсом не торгует?

— Нет,— словно извиняясь, проговорила Наташа.— У него чулочная фабрика.

— Жаль,— произнёс дядя Ипат.

Наташа ушла.

— Ишь, щенок, напридумал,— усмехался дядя Ипат, входя в комнату.— «Генерал»! — Он подошёл к зеркалу, посмотрел.— «Генерал»! Ишь ты, стервец.

А через несколько дней, когда Лёшка вернулся из Сергиева-Посада, Зыков напился и снова драл мальчика.

— Щенок! — кричал.— Шуточки шутишь. Над благодетелем насмехаешься! — и ударил с такой силой, словно хотел перерубить Лёшку.

«ЭХ, НАТАША, НАТАША!»

Зазеленела Москва. Забушевала листвой на бульварах и скверах. Заголосила грачами и галками на тополях и развесистых клёнах. Оделся город в пёстрые платья и цветные рубахи. Заулыбался от тепла и яркого солнца. Только Лёшке вся эта радость не в радость. Помрачнел. Замкнулся. Ушёл в себя.

— Да будя, будя,— успокаивает мальчика тётка Марья.

— Лёш, Лё-ёш, ну, улыбнись, а Лёш,— тормозит мальчишку Дуняша.

А тот молчит, только больше мрачнеет. Несколько раз Лёшка ездил на Брюсовский. Напрасно. Девочка не выходила.

«Эх, Наташа, Наташа! — вздыхал Лёшка.— Подумаешь, чулочная фабрика. Может быть, когда Лёшка вырастет, у него и не то будет!»

Лёшке и ясно, что дружбе конец, и всё же не верится. Вспоминает Москву-реку, Воробьёвы горы. Эх, Наташа, Наташа!

Прошло две недели. Как-то Лёшка ехал по Охотному ряду. Буланчик шёл шагом, и мальчик размышлял, не заехать ли ему снова на Брюсовский, как вдруг услышал знакомый голос:

— Это рысак?

— А как его звать?

— А где он живёт?

Поднял глаза — Наташа! Девочка сидела на козлах рядом с каким-то бородачом в стоящей у тротуара пролётке, держала в руках вожжи и с восторгом смотрела на стройную лошадь. Сзади на пассажирском сиденье всё в той же бескозырке с надписью «Верный» развалился полковничий Вова.

— Наташа! — окликнул Лёшка.

Вова первым повернул голову.

— Ванька! Ванька! — закричал он и стал тыкать в сторону Лёшки пальцем.

Лёшка покраснел, растерялся, как-то съёжился весь и отвёл глаза в сторону. Он не видел теперь Наташу. Он услышал лишь её тихий смешок и снова:

— Ванька! Ванька!

— Но! — закричал Лёшка и с силой ударил Буланчика.

В этот же вечер на Брюсовском Лёшка подкараулил мальчика в бескозырке. Лёшка давно не дрался с таким наслаждением. Он дубасил противного Вовку за всё, бил по спине, по лицу и по шее, бил и за «ваньку», и за «рысака», и за бескозырку с надписью «Верный», и за Наташу, и за папу полковника.

Потом, когда Вова всё же вырвался из Лёшкиных рук и побежал, мальчик сплюнул через плечо и, не поворачивая головы назад, решительно пошёл прочь с Брюсовского.

И снова дни пошли своим чередом. Только почему-то совсем невезучие. К Лёшке в пролётку никто не садился, и мальчик опять возвращался с пустыми карманами.

— Ты что же, снова с деньгами шельмуешь?! — кричал дядя Ипат. Он поднимался, большой, угловатый, приносил ременные вожжи.

Лёшка не сопротивлялся. Покорно ложился на лавку.

— Брось, брось, — заступалась тётка Марья.

— Батя, батя, — молила Дуняша.

Но от этого дядя Ипат свирепел ещё больше. Бил во всю силу, долго и зло.

ПОЛНЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

В самый разгар лета прибыл в родительский дом Степан Зыков. Вошёл, брякнул орденами. Глянул Лёшка: в ряд один к одному четыре Георгиевских креста на груди героя.

— Кавалер, полный георгиевский кавалер! — закричал дядя Ипат и стал обнимать сына.

— Батюшки, — всплеснула руками тётка Марья и принялась плакать.

А через час вернулась Дуняша, стала в дверях, обомлела. Смотрит и не верит своим глазам, словно и не Степан вернулся.

— Дура! — крикнул дядя Ипат. — Чай, муж прибыл. В ножки ему, в ножки герою!

Дуняша заголосила, бросилась на пол.

Пили и ели в этот день, не жалея брюха. Невесть откуда тётка Марья достала копчёного сига, напекла пирогов, а в щи наложила целую гору мяса. Смотрел Лёшка на стол — дух перехватывало.

— За героя! — кричал дядя Ипат. — За полного георгиевского кавалера! — и пил вино полными стаканами, как воду.

Поинтересовавшись, как сын доехал, дядя Ипат стал допытываться, за что кресты.

— Первый, он ещё с 1914 года, — объяснял Степан, — за штыковую атаку под городом Перемышлем. А этот, — Степан показал пальцем на второй крест, — за спасение знамени полка. Третий крест был за прорыв австро-венгерского фронта и пленение германского генерала. Четвёртый — за сбитый аэроплан.

— Да ну? — подивился дядя Ипат. — Значит, упал?

— Упал.

— Ну, а германец?

— Убился, — ответил Степан.

— Ура! — закричал Зыков. — Туды ему и дорога!

Лёшка слушал, а у самого душа замирала. И представлялась ему одна картина необычнее другой. Не Степан ходил в штыковую атаку под городом Перемышлем, и вовсе не Степан спасал полковое знамя, брал в плен генерала и сбивал германский аэроплан, а он, Лёшка. И полным георгиевским кавалером тоже был Лёшка. А потом мальчик приехал в Москву. Все с завистью смотрели на героя. И Наташа смотрела. Плакала, просила прощения, но он проходил мимо.

— Ну, а как оно, начальство? — расспрашивал дядя Ипат. — Как генерал? Стало быть, доволен?

— Да всякое бывает.

— Ну, а германца как, скоро побьём?

— Да может, и скоро. Только вот большевики сильно смущают. За «долой войну» большевики.

— Они и здесь кричат, — произнёс дядя Ипат. — Эх, времечко. Оно-то при царе надёжнее было.

— Да всё едино, — ответил Степан. — Замаялся народ. И солдату война — во. — Он провёл рукой, словно ножом по шее. Потом наклонился к дяде Ипату, проговорил тише: — Войну-то пора кончать, батя. Поди, правы большевики.

Дядя Ипат удивлённо глянул на сына, ничего не ответил.

— Ну, а как у вас там, на фронте, с овсом? — спросил неожиданно.

— Да будя вам, — вмешалась тётка Марья. — От леший, — набросилась на мужа, — и чего привязался!

— Цыц, дура! — крикнул дядя Ипат. — Надолго ты, сынок? — обратился к Степану.

— На три дня.

— Ну, выпьем.

И они выпили за скорейшее дарование победы российской армии. На следующий день Степан решил вспомнить старое, запряг коня и с утра выехал в город. Следом за Степаном поехал и Лёшка. Люди останавливались, смотрели на георгиевского кавалера. На Тверской у Страстного монастыря вокруг Степановой пролётки собрался народ. Набежали кадеты, студенты, какие-то дамочки. Они кричали «Ура!» и «Слава герою!».

Неожиданно в пролётку полез какой-то субъект в пенсне. Выкинув вперёд руку, стал говорить о спасении родины, о защите революции и ещё о чём-то, но Лёшка не смог расслышать — его оттеснили в сторону.

И снова все кричали: «Ура!», «Браво!», «Слава герою!». И Лёшка кричал со всеми.

Потом появился какой-то инвалид, тоже полез в пролётку и, потрясая в воздухе культяпками, посылал проклятия германскому извергу.

Толпа гудела, двигалась, кричала и возбуждалась всё больше.

— Ра-се-я! Матушка! — ревел инвалид. — Не отдадим Ра-се-ю!

— Ну, хватит, — проговорил Степан и вытолкнул инвалида из пролётки.

Три дня Лёшка не сводил восхищённых глаз со Степана. Потом солдат снова уехал на фронт.

А ещё через день исчез Лёшка. Обыскались Зыковы, а его нет и нет, словно и на земле не жил.

Глава четвёртая

«АГИТАТОР»

НА ФРОНТЕ

Войска полковника Громолысова занимали участок фронта от села Дудницы до реки Рыськи. В Дудницах был штаб. А сразу же за селом начинались проволочные заграждения. Затеяливо петляя по лугу, они переходили на правый, чуть возвышенный берег реки и терялись в дубовой роще.

Полк занял оборонительный рубеж ещё осенью прошлого года и с той поры стоял без всякого движения. Солдаты привыкли и к Рыське, и к Дудницам, и к тому затишью, которое держалось вот уже около года. Тут они перезимовали, тут встретили весть о свержении царя, перемесили весеннюю грязь и дождались лета.

Ещё с весны солдаты заговорили о мире, о земле, о скором возвращении домой к жёнам и детям. Однако война не кончалась. Не решался вопрос и с землёй. К лету дисциплина в полку Громолысова заметно пала. Солдаты уже без прежнего почтения относились к офицерам и к самому полковнику. В окопах роптали на жизнь, на Временное правительство и всё чаще поговаривали о том, что пора-де Громолысову показать дулю, бросить ружья, а самим — по домам. Обстановка в полку накалялась.

Разное бывало в полку, а вот такое случилось впервые: в один из июньских дней адъютант командира полка прапор-

щик Лещ доложил полковнику Громолысову о необычайном происшествии, случившемся на их участке фронта, — в окопах появился мальчик, назвался Лёшкой.

— Мальчик? — переспросил Громолысов.

— Так точно, — ответил Лещ.

— Немедля отправить с фронта, — распорядился полковник.

— Слушаюсь.

Лёшку отправили.

Однако прошёл день, и прапорщик снова докладывал командиру полка о появлении мальчика.

— Ещё один?! — удивился полковник.

— Нет. Тот самый.

— Вот как! Вы что же, его не отправляли?

— Отправил.

— Так что же?

— Так он обманул сопровождающих солдат и начальника станции и снова вернулся.

Тогда Громолысов распорядился привести Лёшку. Он долго смотрел на щуплую поджарую фигурку мальчика, на большие горящие возбуждением и упрямством глаза, наконец произнёс:

— Патриот, значит. Защитник отечества!

Прапорщик Лещ хихикнул.

— Я хочу сбить германский аэроплан, — проговорил Лёшка.

— Аэроплан?!

— Он всё про какого-то Степана Зыкова говорит, — произнёс Лещ.

— А кто такой Степан Зыков?

— Полный георгиевский кавалер, — выпалил Лёшка.

— Ах, вот оно что! — Полковник задумался. — Значит, ты за войну. До полной победы!

— Я хочу германский аэроплан, — повторил мальчик.

Лещ снова хихикнул. Однако Громолысов строго посмотрел на своего адъютанта, потом перевёл взгляд на Лёшку и, к превеликому удивлению Леща, отдал приказ оставить мальчишку на фронте.

— Пусть покрутится среди солдат, — проговорил полковник. — Для нас и такой агитатор — клад.

— Агитатор! — хихикнул прапорщик Лещ.

В ОБОЗНОЙ КОМАНДЕ

Ружья Лёшке не дали. Приписали в обозную команду к походной кухне.

— Да ты, — говорил Пятихатка, полковой повар, — не горюй. Старайся, так, может, и ружьё дадут и в разведку посылать станут.

И Лёшка вовсю старался. Он колол и пилил дрова, размешивал длинным черпаком кашу, до блеска надраивал котлы. А вечерами они с дядей Акимом укладывались под колёса походной кухни, и мальчик приставал с расспросами. Начал с аэропланов.

— Летают, — отвечал Пятихатка. — Только я всего раз их и видел. Аккурат летом прошлого года. А зачем тебе аэроплан?

Лёшка не ответил и тут же полез с новым вопросом:

— А за что кресты дают, дядя Аким?

— За разное, — неохотно ответил солдат.

— А за что — за разное? — не отставал Лёшка.

— За пленение германского офицера, — стал перечислять Пятихатка, — за спасение полкового знамени, за вынос с поля боя раненого командира. За разное дают. Только ведь его и заслужить не просто. Жди ты, пока тебе германский офицер дастся. А знамя, так ведь оно и всего одно на весь полк... Ты что же, по своей воле на фронт? — спросил неожиданно кашевар.

— Я крест хочу, — проговорил Лёшка.

— Эна оно чего. Ну, ну, жди ты этого самого креста. Может, тебе, как особо важной персоне, и дадут. Только вот я третий год на войне, да всё ни при крестах, ни при медалях.

— Так вы же, дядя Аким, при кухне.

Пятихатка обиделся.

— Дура, — сказал он и задрал край рубахи.

Лёшка увидел красный рубец, перехвативший солдатский бок. Мальчик поморщился и отвернулся.

— Нет, — проговорил солдат, — смотри. Знай, что на войне всюду пекло. — И опять повторил: — Дура.

Каждый день мальчик запрягал мерина, и они с дядей Акимом ехали к передовой, почти к самым окопам, кормить солдат. Собирались солдаты, начинались шутки.

— Генерал, генерал присхал! Аккурат для войны у тебя самое подходящее орудие, — смеялись солдаты над Лёшкиной кухней.

— Хватит, — обрывал балагуров Пятихатка. — Чего привязались? Получил кашу — и будь здоров. Давай следующий.

Прошло несколько дней, и солдаты привыкли к Лёшке. Смотрят на мальчика — родную деревню, дом вспоминают. Теперь уже мало кто смеялся над Лёшкой, а наоборот, каждый норовил сказать доброе. И лишь один длиннющий солдат, по фамилии Ломов, поглядывал на мальчика косо, чуть что — гнал с передовой и всё говорил о том, что Лёшку надо немедленно отправить с фронта.

— Чего он? — спросил кашевара Лёшка.

— А что? Правду говорит Ломов. Ты бы и впрямь подумал о доме, — отвечал Пятихатка.

Однако возвращаться Лёшка не собирался. Вечером мальчик ложился на спину и смотрел в высокое звёздное небо. И представлялся ему тот день, когда он совершит свой первый подвиг и заработает Георгиевский крест. Утром Лёшка вставал и с ещё большим усердием начинал крутиться около кухни.

— Старайся, старайся, — говорил Пятихатка. — Может, и впрямь дадут винтовку, может, и взаправду заработаешь крест.

НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Мысль о кресте не давала Лёшке покоя. «Легче всего, — рассуждал мальчик, — за спасение русского офицера».

И вот Лёшка стал выбирать себе офицера. Делал умно. Высмотрел поручика Иголкина, командира второй роты. Он и на передовой чаще бывает и весом мал — в случае чего тащить легче. Стал Лёшка, словно тень, всюду ходить за Иголкиным.

— Ты что это? — как-то спросил поручик у мальчика.

— Я вас с поля боя хочу вынести.

— Как — вынести? — не понял Иголкин.

— Ну, вас ранят. Я вас и вынесу.

Поручик с удивлением посмотрел на Лёшку. Усмехнулся. А вечером рассказал другим офицерам, и те тоже смеялись. Больше всех хохотал штабс-капитан Дулин.

Рассказы про Лёшкину выдумку дошли и до полковника Громысы. «Молодец», — похвалил командир полка, вызвал Лёшу и сказал:

— Ну, каково?! Что я вам говорил?

И надо же! Поручик Иголкин действительно угодил под пулю. Лёшка вначале даже не понял. Смотрит — Иголкин упал. Мальчик бросился к офицеру. Подхватил, поволок. Выбежали солдаты, подняли поручика, а он мёртв.

Гибель Иголкина напугала Лёшку. Несколько дней он не решался подходить к передовой. А потом успокоился — и опять за своё: выбрал нового офицера. На сей раз штабс-капитана Дулина. Теперь Дулин уже не смеялся. А, увидев Лёшку, гнал от себя.

— Струхнул, — язвили над штабс-капитаном приятели. Тогда Дулин пошёл к командиру полка.

— Ну что вы, — успокаивал Громысов. — История с Иголкиным — это случайность. При чём тут мальчик? Это даже похвально, это пример для других солдат.

Дулин ушёл ни с чем. А через день штабс-капитана убило.

Теперь уже все офицеры стали бояться Лёшки. «Он заколдованный», — говорили. И едва мальчик за кем-нибудь привяжется — тут же его отгоняли.

Тогда Лёшка решил ходить за самим командиром полка. Выехал однажды Громысов на передовую, смотрит — а рядом

с ним мальчик. Вспомнил полковник про Иголкина, про Дулина, и стало ему как-то не по себе.

— Пошёл вон! — закричал Громолысов.

Лёшка отступил, однако недалеко, так, чтобы в случае чего успеть подбежать к полковнику. Но командир полка снова увидел мальчика. Плюнул тогда Громолысов и уехал с передовой в штаб от беды подальше.

— Ты это брось, — отчитывал на следующий день мальчика прапорщик Лещ. — Ты у меня смотри.

Так со спасением жизни русского офицера у Лёшки ничего и не получилось.

МЕДАЛЬ

Как-то солдат Зуев дал Лёшке поносить боевую медаль. Надел мальчик, побежал по окопам. Бежит, а сам норовит так, чтобы грудь вперёд — смотрите, мол. И все смотрят.

— Ай да георгиевский кавалер, — смеются солдаты. — Ай да герой!

Забежал Лёшка и в Дудницы. Здесь около штаба полка он и столкнулся с прапорщиком Лещом.

Посмотрел Лещ на мальчика строго, спросил:

— Откуда медаль?

Лёшка замер, а Лещ вдруг подобрел, пощупал медаль.

— Хороша, — проговорил. — Хочешь такую?

— Хочу, — произнёс Лёшка.

— Ладно, будет тебе медаль. Только вот что, приходи ко мне и докладывай, о чём говорят солдаты. Да фамилии запоминай. Понял?

И не даёт с той поры прапорщик мальчишке проходу. Увидит и сразу:

— Ну как, узнал?

Лёшка уж так и сяк: мол, ничего такого солдаты не говорят, больше молчат или спят в окопах. Только Лещ, что репей, пристал — не отцепится.

— Ты у меня смотри, — пригрозил прапорщик.

Тогда мальчик обо всём рассказал Пятихатке.

— Ну, это дело нехитрое, — успокоил Лёшку солдат. И научил, как говорить с адъютантом.

— А у Еропкина из первой роты брюхо болит, — докладывал на следующий день Лещу Лёшка.

— Ну, ну. А ещё что?

— А ещё Кривокрытов из деревни письмо читал.

— Так, так, — заинтересовался прапорщик. — Так что же в том письме?

— Так в нём разное пишут, — ответил Лёшка.

— Ну, а что разное?

— У деда Зозули погреб по весне провалился, к бабке Лушке сноха приехала, а у тётки Фёклы козёл сдох.

— Тьфу! — сплюнул Лещ. — Козёл! Ты что, забыл, о чём докладывать? Говори про тех, кто против войны, кто правительство поносит, командиров ругает. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка. А сам опять к Пятихатке.

Через день Лёшку снова позвали к Лещу. Прапорщик сидел в штабной избе на крестьянской лавке, курил папиросу.

— Докладывай.

— Про фельдфебеля Тучкина недоброе говорят, — произнёс Лёшка.

— Так. Что же говорят?

— «Неумён», про него говорят солдаты.

Прапорщик рассмеялся.

— Это правильно. Тучкин действительно глуп. Солдат не проведёшь. Это верно. Ну, а ещё чего говорят?

Мальчик молчал.

— Ну, ну, не бойся.

— Ещё про вас, и тоже недоброе... — произнёс Лёшка.

— Ну, а что про меня? — насторожился Лещ.

— То же самое.

— Что — то же самое?

Говорить вслух Лёшка не отваживался.

— Выходит, «дурак» про меня говорят солдаты? — процедил прапорщик.

— Вот, вот это самое... — подтвердил Лёшка.

Лещ исподлобья посмотрел на мальчика, стараясь понять: по наивности тот завёл такой разговор или умышленно.

— Ну, а кто говорит? — наконец спросил прапорщик.

— Все говорят.

— Кто все? — стал злиться Лещ. — Петров, Иванов, кто все?

— Поручик Иголкин, к примеру, о том не раз говорил.

— Иголкин? — закричал прапорщик. — Его и в живых давно нет.

— И потом ещё штабс-капитан Дулин...

— Ах, негодяй! — Лещ привстал, придвинулся к Лёшке.

— И ещё полковник Громолысов про то же самое говорит, — заключил мальчик.

— Вон! — заревел Лещ. — Вон! — и тяжело бухнулся на скамейку.

На следующий день про Лёшкин разговор с Лещом узнали солдаты.

— Ай да георгиевский кавалер! — смеялись в окопах. — Ай да герой!

— Молодец! — похвалил Пятихатка. — Это по-нашенски, по-солдатски.

ПЯТЬ ПЯТИХАТОК

Чуть что — Лёшка к солдатам: «Расскажите да расскажите про войну, про подвиги». Только война всем до того надоела, что никому и вспоминать ни о чём не хотелось. И вот как-то Ломов сказал Лёшке:

— Иди к своему Пятихатке. Он тебе про войну лучше других расскажет.

Три дня Лёшка приставал к кашевару. Наконец тот сдался.

— Ну ладно, — проговорил, — садись слушай.

Пятихатка помолчал, перебирая в памяти что-то, и наконец начал:

— Было нас, Пятихаток, пять — все братья: Лука, Илья, Григорий, Фёдор и я, Аким, младший. Начали войну все разом, в одной роте. Нам ещё три винтовки на пятерых дали.

— Как — три? — усомнился Лёшка.

— Три, — повторил солдат. — Винтовок не хватало. Одну на двоих давали. Так что у нас вроде как половина даже лишняя ещё получалась.

«Пять Пятихаток, — подивился Лёшка. — И фамилия какая чудная. И пять братьев. И три ружья».

— Пять, — проговорил солдат. — Только пять было, а теперь вот один остался. Поубивало братьев.

— Как так?! — вырвалось у мальчика. — Сразу всех и поубивало?

— Зачем сразу. Не сразу. Первого убило Луку, в 1914 году под городом Галичем. Вот ещё память от Луки осталась. — Кашевар показал на свою винтовку.

Солдат замолчал. И Лёшка сидел молча, замер, не шевелился.

— А Илья, — стал продолжать Пятихатка, — так тот погиб на следующий год. И тоже под тем же городом Галичем. Только тогда наступали австрияки, а мы отходили от Галича. При переправе через Днестр его как раз и убило.

— Ну, а Григория? — спросил Лёшка.

— И Григория тоже убило под Галичем.

— Тогда же?

— Нет. В шестнадцатом году. Про генерала Брусилова слышал? — спросил Пятихатка.

— Нет, — покачал головой Лёшка.

— Так вот, в шестнадцатом году генерал Брусилов прорвал австро-германский фронт, и наша армия снова пошла на Галич. Вот тут-то Григория и убило. А через три месяца, как генерал Брусилов стал отступать, убило и четвёртого брата — Фёдора. Жаль Фёдора, последний был из братьев, — проговорил солдат и опять замолчал.

— Дядя Аким, — чуть переждав, обратился Лёшка. — Ну, а как Галич?

— Галич, он и есть Галич,— ответил солдат.— Он как был у австрийков, так и остался.

Смотрит Лёшка на солдата, думает: «Что же это за война? Четыре брата погибло, а выходит, за что? За пустое место».

— Э-эх, война,— вздохнул Пятихатка.— И за что воюем? И кто её выдумал? Правильно, поди, говорят большевики...

— Ну как, узнал про войну? — спросил на следующий день мальчика Ломов.

— Узнал,— ответил Лёшка и молча побежал к своей кухне. И что удивительно — о крестах и медалях с той поры не заикался да и с расспросами о войне к солдатам больше не пристаивал. И ещё одно — стал Лёшка усерднее крутиться возле кухни и ещё больше помогать Пятихатке.

«СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА»

Ещё как-то весной Ломов принёс в окопы номер газеты «Солдатская правда». Передавалась она из рук в руки, и зачитали её до дыр. В газете была напечатана статья Ленина.

«Большинство солдат — из крестьян,— писал Ленин.— Всякий крестьянин знает, как угнетали и угнетают народ помещики. А в чём сила помещиков? В земле».

— Правильно,— говорили солдаты.— От неё, от земли, вся сила.

«Надо, чтобы все земли помещиков отошли к народу»,— говорилось дальше в статье.

— И это правильно,— соглашались солдаты.

Статья Ленина произвела на всех огромное впечатление. Несколько дней в окопах только и говорили, что о «Солдатской правде».

После этого Ломов ещё несколько раз приносил газету. Была она маленькой, но занозистой. Помещала солдатские письма, письма крестьян из деревни, а главное — рубила правду: и про войну и про Временное правительство писала откровенно. И это солдатам нравилось.

В окопах привыкли к «Солдатской правде» и ждали её с нетерпением.

И вот Ломов снова принёс газету. Солдаты стали читать — и охнули. Редакция сообщала, что газета будет закрыта — нет типографии и денежных средств. «Нам не поможет никто,— писалось в заметке.— Лишь собрав по грошам, мы создадим типографию и прочно поставим газету».

Сообщение взволновало солдат.

— А как же,— заговорили в окопах.— Как не помочь. Ведь не чужая газета. Своя, солдатская. «Их благородия», чай, не помогут.

Стали сдавать кто что мог. Ломов снял Георгиевский крест, и это послужило примером. Зуев отдал медаль. Пенкин — тоже медаль. Начали сдавать и другие. Кое-кто собрал медяки. Ефрейтор Бабушкин вынул из уха серебряную серьгу. Рядовой Кривокорытов отдал нателный крест.

И вот когда Ломов стал пересматривать собранные в фонд газеты пожертвования, то среди солдатских орденов и медалей он вдруг обнаружил офицерский крест.

Крест озадачил солдата. «Кто бы это?» — размышлял Ломов. Ордена он отправил, а сам стал присматриваться и к офицерам и к офицерским крестам. Заметил: прапорщик Лещ стал ходить без своей награды. «Неужели, — недоумевал Ломов. — Как же это понять?»

Исчезновение креста озадачило и самого прапорщика. Где и при каких обстоятельствах пропал крест, Лещ не помнил. Потерять его, кажется, не мог. Украли?! И здесь Лещ вспомнил про Лёшку. Мальчик отнекивался и уверял, что он ни о каком кресте ничего не знает.

— Да я его и в глаза никогда не видел, — говорил Лёшка.

— «Не видел»! — кричал прапорщик. — А вот тут что у меня висело? — и тыкал себя пальцем в грудь.

— Нет, не видел, — повторил мальчик. — Кажись, там ничего не было.

— «Кажись»! — злился Лещ. — А не ты ли на него всё время глаза пялил?!

Но мальчик по-прежнему упирался и твердил лишь одно: «Не видел. Не брал».

— Ну, может быть, пошутил или взял поиграть, — уже примирительно говорил прапорщик.

— Не брал, — упорствовал Лёшка.

— Скотина! — ругнулся Лещ.

Слух об исчезновении офицерского ордена прошёл по полку. Тогда и Ломов подумал о Лёшке. На сей раз мальчик отпираться не стал и сказал правду.

— Так я же его для газеты, — объяснял Лёшка. — Зачем Лещу крест? Обойдётся и так. А тут ведь для дела.

Ломов расхохотался.

Вскоре про крест узнали и другие солдаты.

— Молодец, — смеялись они. — Значит, и «их благородие» нашей газетке помог. Правильно! — от души хвалили солдаты Лёшку.

БРАТАНИЕ

Как началось братание, Лёшка не видел. С самого утра он вместе с Пятихаткой возился у походной кухни, а когда повёзщи и кашу к окопам, то с бугорочка всё и заметил. Солдаты не

сидели, как обычно, в траншеях, а повывлезали наружу. Они расхаживали по передовой у самых проволочных заграждений, словно никакой войны вовсе и не было. Лёшка хлестнул мерина, и когда подъехал ближе, то заметил, что в одном месте через проволочные ряды перекинута доска, а многие из русских солдат и вовсе находятся на стороне немецких позиций. Немецкие солдаты тоже повывлезали из окопов и смешались в общей толпе с русскими.

— Что это они? — обратился Лёшка к Пятихатке.

— Никак, братание, — ответил кашевар. Он так же, как и

Лёшка, вытягивал шею и с удивлением смотрел на происходящее.

Когда Лёшка перебежал по доскам через проволочные заграждения, он оказался в самой гуще русских, германских и австрийских солдат.

— О майн гот¹, — закричал какой-то рыжий немчик, — киндер, киндер!² — и стал показывать на Лёшку пальцем.

Понеслись голоса:

— Кляйнер зольдат!³

— Русишер зольдат!⁴

Мальчика сразу обступили.

— Это Лёшка, наш поварёнок, — проговорил Кривокорытов.

Но немцы и австрийцы плохо понимали русскую речь и, вылупив глаза, с любопытством смотрели на удивительного солдата.

Братание, видимо, началось давно. Солдаты собирались в группки, кое-кто даже ходил в обнимку, и все что-то оживлённо объясняли друг другу.

— Вы своего Вильгельма, как мы Николашку, — говорил Зуев, — к чёртовой бабушке!

Понял ли кто из немцев или просто понравились последние слова, но несколько человек стали выкрикивать:

— К шортов бабушка! К шортов бабушка!

В других местах солдаты мирно дымили сигарками, с наслаждением потягивая предложенный немцами табачок. В стороне с каким-то усачом беседовал Ломов.

Потом рыжий немчик, который тыкал в Лёшку пальцем, достал губную гармошку и стал что-то играть. Звуки были жалостливые, грустные. Лёшка никогда такой штуки не видывал и с интересом смотрел на солдата. Это заметили немцы. И когда рыжий кончил играть, что-то ему зашептали. Рыжий протянул гармонику Лёшке.

— Бери, играй, — сказал Зуев.

Немцы одобрительно загудели.

Лёшка взял гармонику, покрутил в руках, поднёс ко рту, дунул. Та пискнула. Солдаты засмеялись. Мальчик дунул опять: раз, второй — получилось складнее. Гармошка Лёшке понравилась, и возвращал он её неохотно. И это тоже заметили немцы. Они о чём-то пошептались, потом рыжий снова протянул её мальчику — на, мол, бери.

— Никак, дарят? — проговорил кто-то.

Немцы поняли и утвердительно замахали головами. И Лёшка снова не знал, что делать. Подошёл Ломов, сказал:

¹ О боже.

² Ребёнок.

³ Маленький солдат.

⁴ Русский солдат.

— Бери. Ну, а чем ты отблагодаришь?

Лёшка покраснел, растерялся.

— Тащи кашу,— проговорил солдат.

Каша немцам пришлась по вкусу. Ели они с аппетитом, дочиста облизывали ложки и всё приговаривали:

— Гут, о гут! Зер гут!¹

— Они вовсе не страшные,— говорил вечером Лёшка про немцев Пятихатке.

— А чего им быть страшными,— отвечал кашевар.— Люди как есть люди. Немцы ведь тоже мира хотят. Заждались, сынок, мира.

Во время братания офицеры солдат не тронули. Однако вечером команды были построены и ротные командиры объявили, что за повторный переход линии фронта виновных отдадут под суд, а рота, которая начнёт первой, будет расформирована. Угроза подействовала. На следующий день братания уже не было. Не выходили из своих окопов и немцы. Видимо, и на той стороне не обошлось без строгостей.

И лишь Лёшка ещё несколько раз вечерами пролезал под проволочными заграждениями и пробирался в расположение немцев. Он разыскал рыжего немчика, и тот за три дня обучил его всем правилам игры на губной гармонике. Однако через несколько дней, когда мальчик полез снова, из немецких окопов ударила пуля. Лёшка замер, переждал, двинулся дальше, но снова раздался выстрел. Мальчик вернулся назад и больше не лазил.

А вскоре произошли события, которые вдруг круто повернули всю фронтовую жизнь.

НАСТУПЛЕНИЕ

Русская армия, что стояла севернее громолысовского полка, перешла в наступление. Газеты кричали о победе, о славе русского оружия, о доблестных защитниках свободы. Полкам, которые первыми прорвали германский фронт, вручались специальные знамёна, присваивались почётные наименования. Фронтные успехи всколыхнули и Лёшкин полк. Кем-то был пущен слух, что мир теперь совсем близок, что окончательная победа рядом и нужно лишь самое последнее, самое незначительное усилие. Многие солдаты поверили. В полку начались бурные споры. Но солдатам доспорить не дали. Пришёл приказ войскам Громолысова также начать наступление и идти на города Калуш и Галич.

«Снова Галич»,— подумал Лёшка.

¹ Хорошо, хорошо! Очень хорошо!

Атаку начали два броневика. В темноте перед рассветом они придвинулись к проволочным заграждениям и открыли ураганный пулемётный огонь. Потом в атаку поднялись первые группы солдат. С криками «Ура!», с винтовками наперевес они устремились к заграждениям, стали набрасывать на проволоку шинели, набитые соломой матрацы, подрубать топорами столбы. Пробив брешь, солдаты обрушились на вражеские позиции.

Оставив походную кухню, Лёшка воспользовался темнотой и втёрся в ряды наступающих. Однако тут же попался на глаза Ломову.

— Назад! — закричал Ломов. — Назад!

Мальчик не уходил. Тогда солдат сгрёб Лёшку и, словно котёнка, сбросил в окоп. Мальчик больно ударился о крепёжное бревно и растянулся пластом в траншее. Потом он поднялся, высунул голову и стал смотреть.

Бой уже шёл в немецких окопах. Пулемёты заглохли. Лёшка лишь слышал ружейную стрельбу и страшные крики. Потом немцы начали отступать. Они отходили лугом за холм. Следом бежали русские.

Когда бой переместился за поворот Рыськи, мальчик поднялся и полез в немецкие траншеи. Глянул Лёшка и замер.

Немцы, австрийцы, русские перемешались как тогда, при братании. Валялись лицами вниз и вверх животами. Лежали скорчившись, словно сведённые в судороге. Затихли, разбросив руки, как будто спали. Валялись один на одном, как снопы, слетевшие с воза.

Лёшка вскрикнул, полез из окопа и вдруг увидел знакомого немчика. Тот лежал на самом краю окопа. Каска слетела с головы солдата, и ветерок перебирал его золотистые волосы.

Прибежав к Пятихатке, Лёшка долго не мог отдышаться.

— Ты где пропадал? — набросился солдат на мальчишку.

— Там, — показал Лёшка рукой в сторону немецких окопов. — Он там, — говорил, заикаясь, мальчик.

— Кто там? — не понял солдат.

— Он, — повторил Лёшка. — Тот, который гармонику мне подарил, рыжий.

Пятихатка положил Лёшке на плечо руку, притянул к себе.

— Сынок, поел бы. Хочешь кашу? Я тебе кашу дам, вкусную, — пытался успокоить он Лёшку и своей шершавой рукой провёл по влажным глазам мальчика.

А Лёшка стоял и чувствовал: словно озноб пробежал по его телу и ноги вдруг стали какие-то дубовые и, когда он садился, не хотели сгибаться.

А из-за поворота Рыськи по-прежнему неслись голоса, и гулкой россыпью отдавались выстрелы. Там продолжался бой. Русская армия наступала на Галич.

Пять дней полк Громолысова с боями продвигался на запад. Места начались всхолмлённые, с крутыми подъёмами и резкими спусками, с бесчисленными ручьями и речками, с дорогами извилистыми и на редкость пыльными. Шли с холма на холм, словно взбирались на гребни гигантских волн, и Лёшке казалось, что стрельбе и походу конца не будет.

В первых же боях полк потерял треть своего состава. Не стало Зуева, не стало Кривокорытова, при переправе через реку Золотую Липу убило ефрейтора Бабушкина, у села Толстобабы ранило Пенкина.

На пятый день, поднявшись с походной кухней на очередной холм, Лёшка наконец увидел широкую долину, блестящий изгиб реки и на правом высоком её берегу город.

— Галич! — произнёс Пятихатка.

Немцы встретили русских ураганным огнём. Наступление приостановилось. Дождавшись ночи, солдаты спустились в низину и окопались. А на рассвете Пятихатка запряг мерина и поехал кормить солдат. Лёшка тоже хотел было ехать. Однако кашевар мальчика не взял, наказал никуда не бегать, лежать за бугром и ждать его возвращения.

Пятихатка уехал, а вскоре Лёшка услышал одиночный пушечный выстрел. Мальчик влетел на бугор и увидел внизу холма, верстах в двух от Днестра, перевёрнутую вверх колёсами походную кухню, а чуть в стороне отброшенного взрывной волной мерина.

Ноги не успевали нести Лёшкино тело. Несколько раз он падал, подымался и бежал снова. Пятихатка валялся около разбитой кухни, уткнувшись головой в жидкое месиво разлившейся каши. «А-а-а-а», — тихо и протяжно стонал солдат.

— Дядя Аким! — закричал Лёшка. — Дядя Аким!

Пятихатка посмотрел на мальчика мутными, неподвижными глазами.

— Сынок, ты? А, сынок, — проговорил и застонал снова. — Пить, пить, — расслышал мальчик.

Когда Лёшка напоил Пятихатку, тот чуть отошёл.

— Сынок, что же это? А? Никак, смерть. До братьев, значит, — и вдруг замолчал.

— Дядя Аким! Дядя Аким!..

Пятихатка лежал, запрокинув голову.

Снова бабахнул снаряд. Один, второй, третий. Слева от Лёшки, а потом справа взлетела земля. Едким дымом заволокло поле.

— Дядя Аким, — тормозил Лёшка солдата. — Дядя Аким!

Пятихатка не отвечал. В небо смотрели знакомые солдатские глаза, смотрели, но уже ничего не видели.

Вечером в расположение громолысовского полка прибыл сам военный министр, а вместе с ним командующий фронтом и ещё какие-то генералы.

Лёшке военный министр чем-то напоминал прапорщика Леща — такой же худощавый, с рачьими глазами и с таким же ёжиком на голове. Министр проходил по только что занятым немецким окопам, произносил краткие речи, выкрикивал: «Благодарю, братцы!» и «Слава героям!», целовал в губы двух-трёх солдат, стоявших поблизости, и проходил дальше.

Потом возле штаба полка была сооружена трибуна, солдаты были собраны на митинг и военный министр произнёс речь.

— Офицеры и солдаты! — выкрикивал он. — Знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг. Пусть сердце ваше не ведаёт сомнений. Нет колебаний! Нет отступлений! Только вперёд. Ура!

Солдаты ответили нестройно. Многие так и вовсе молчали.

— Ура! — повторил министр.

— Ура! — отозвались солдаты ещё неохотнее.

Спускаясь с трибуны, министр заметил Лёшку. Он не без любопытства взглянул на мальчика. А тот стоял, вытянув руки по швам, и пугливо смотрел на приехавшего.

Громолысов вдруг расплылся в улыбке, наклонился к министру и что-то зашептал на ухо.

— Вот как, — произнёс тот. Он подозвал Лёшку. — Ты что же, готов умереть за свободу России?

Лёшка оробел ещё больше и не знал, что ответить.

— Готов, готов, — сказал за него Громолысов.

Тогда министр схватил мальчика за руку и снова полез на трибуну.

— Офицеры и солдаты! — опять закричал он. — Пусть же жизнь этого юного героя послужит для вас примером. Сегодня все, даже дети, говорят: «Вперёд! Только вперёд!» Ура юному герою! Да здравствует наша победа!

— Кричи «ура», — проговорил Громолысов. — Ура Временному правительству и нашей победе!

Мальчик стоял в нерешительности.

— Кричи, — подтолкнул его Громолысов.

Лёшка молчал.

— Ну!

В солдатских рядах послышался хохоток.

Тогда командир полка оттолкнул мальчика и сам обратился к солдатам.

— Братья! — закричал Громолысов.

И вдруг... Вначале тихо из задних рядом, а потом всё яснее и громче и сразу из многих мест понеслись голоса:

- Хватит!
- Навоевались!
- Долой войну!
- Мира!
- Братья!.. — кричал Громолысов.

Солдаты задвигались. Зашумели ещё больше. Передние ряды придвинулись к самой трибуне. Нажали. Трибуна скрипнула. Покачнулась.

— Долой Временное правительство! — кричали солдаты. — Мира! Мира! Мира!

Министр побледнел, поспешно бросился к лестнице.

— Что же вы, полковник! Как же это понять?! — отчитывал потом министр Громолысова. — И что это за глупая выдумка с мальчиком?!

Командир полка стоял, краснел и только непонимающе разводил руками.

На следующий день полк Громолысова был срочно расформирован — солдаты отказались вернуться в окопы. А ещё через день под конвоем неизвестных ему солдат с передовой был отправлен и Лёшка.

— Мерзавец! — на прощанье проговорил Громолысов.

— Агитатор, — хихикнул Лещ.

Глава пятая

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОД

ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЕ ЛУКИ И СТАНЦИЮ ДНО

Поезд тащился медленно. Долго стоял на станциях и полустанках. Паровоз надрывно пыхтел на подъёмах. Колёса нудно стучали на стыках. Ехали и спали в два этажа на нарах, слева и справа от центра вагона. Вагон был товарный. Ехало сорок человек. Лёшка был сорок первый.

Добирались до Петрограда неделю. Поезд шёл через Великие Луки и станцию Дно. Лёшка пристроился на верхней полке и всю дорогу смотрел или в открытую дверь, или в маленькое оконце вагона.

За окном бежали поля и леса; то вынырнет из-под самых колёс река, то змейкой метнётся просёлок, то, словно игрушечные, пронесутся крестьянские избы. И снова поля и снова леса — необозримая земля русская.

И такой же нескончаемой чередой, как эти поля и леса, как эти избы и эти дороги, разные думы одна за одной неслись в голове у мальчика. Почему-то вспомнились Охта и бабка Родионовна; потом аптека и Золотушкин, стрельба в рабочих на

Знаменской площади, парень без шапки, царский портрет, взрыв на Аптечной; потом Голодай-село, каратели и смерть деда Сашки; наконец, Наташа, фронт, Ломов и Пятихатка.

Много. Ой, как много прошло за это время перед Лёшкой людей и событий! Тревожный, насторожённый, чего-то ожидающий год. И что впереди?

Беспокойно на душе у мальчишки. В кармане у Лёшки письмо. Везёт его мальчик токарю Путиловского завода Андрею Кузьмичу Зотову. Письмо было коротким. Писалось оно впопыхах на клочке серой бумаги перед самой отправкой мальчика с фронта. Лёшка наизусть помнит его содержание:

Дорогой Андрей!

Направляю к тебе мальчика — Лёшу Митина. Парень он стоящий. Позаботься о нём.

Л о м о в

«Кто же это такой Андрей Кузьмич Зотов?» — раздумывает Лёшка. И как-то он встретит? И что-то скажет, прочитав привезённое Лёшкой письмо?

В Петроград поезд прибыл к вечеру. Вошёл в тупики Николаевского вокзала. Выдавил клубы белого пара. Остановился.

Вот и он — забытый, затерявшийся где-то далеко в Лёшкиной памяти Питер!

Идёт мальчик по городу: знакомая Знаменская площадь, широкий, шумный, как улей, Невский, перекрёсток Литейного, перекрёсток Садовой. Идёт мальчик, дышит не надышится свежим петроградским воздухом.

За Нарвскую заставу к Путиловскому заводу Лёшка добрался уже в темноте. Разыскал Новоовсянниковскую улицу и указанный Ломовым номер дома. Поднялся на второй этаж. Прошёл по длинному тёмному коридору. Ещё раз глянул на адрес. Остановился перед дверью, обитой мешковиной. Переступил с ноги на ногу. Постучал.

— Войдите.

Мальчик нерешительно перешагнул порог крохотной, как чулан, комнаты.

Хозяин, сидевший спиной к двери, повернул голову. На Лёшку глянули большие глаза. Худощавое лицо, заострённый нос, широкая дуга сросшихся у переносицы бровей. Короткие, непокорно торчащие во все стороны волосы... Он! Тот самый, стрелявший в жандарма на Знаменской площади, хозяин «Смит и Вессона»!

Прочитав привезённое Лёшкой письмо, Зотов спрятал его в карман и стал расспрашивать про фронт, про Ломова, про солдат: и о чём говорят, и что думают, и как отнеслись к наступлению.

Лёшка рассказал про братание, о приезде военного министра, о митинге.

— Говоришь, расформировали, — расхохотался Зотов. — Не хотят, выходит, войны солдаты.

Потом стал расспрашивать у Лёшки о нём самом. И мальчик не знал, с чего начинать. Начал с дяди Ипата и приезда на побывку Степана Зыкова.

— Значит, бежал на войну, — опять засмеялся Зотов. А когда Лёшка рассказал о днях, проведённых на фронте, сказал: — Выходит, не сладко в солдатах.

Лёшка разговорился и сам не заметил того, как рассказал дяде Андрею про всю свою жизнь.

Зотов только слушал и поражался.

— Да ну?! — воскликнул, узнав про историю с гранатой и пулемётом.

— Значит, не подошёл по классовым соображениям, — заключил он, выслушав рассказ про Наташу.

— Запороли до смерти. Ну, подожди! — грозно сказал, узнав про смерть деда Сашки.

Но больше всего Зотов поразился тогда, когда Лёшка рассказал ему про пистолет и встречу на Знаменской площади.

— Помню, помню. Так ты, значит, и есть тот самый... Вот не узнал. Совсем не узнал. Вырос ты, что ли? Я тебя ещё по уху, кажется, съездил.

— По шее, — поправил Лёшка. — А здорово вы тогда жандарма и царский портрет...

— Да, не вышло у нас тогда, — задумчиво произнёс Зотов. — Не получилось. Да ничего. За народом не пропадёт. Не пропадёт? — обратился он к Лёшке.

— Не пропадёт, — проговорил мальчик, хотя, что имел в виду дядя Андрей, не очень-то понял.

«ТУТ, БРАТ, РАБОЧИЙ КЛАСС!»

И вот Лёшка стал жить у дяди Андрея на Новоовсянниковской. Отвёл ему Зотов угол в каморке, купил кружку и ложку, пообещал устроить учеником к слесарю на Путиловский завод.

Вспомнил Лёшка про тех парней, которые приносили раненого Зотова тогда в аптеку.

— Наши, путиловские,— сказал дядя Андрей.

Вспомнил и девушку.

— Зоя, учительница. Сейчас она в Орловской губернии. Скоро вернётся.

Прошло несколько дней, и дядя Андрей сдержал своё слово. Мальчик был принят учеником в механическую мастерскую.

Лёшкин учитель старик Авлов, взглянув на новичка сквозь узкие очки, сидевшие бабочкой на самом кончике носа, спросил:

— Как звать?

— Лёшка.

— Фамилия?

— Митин.

— Так, хорошо,— произнёс Авлов и показал Лёшке слесарный станок, тиски и разные инструменты.— Вот тут пока стой рядом, наблюдай за работой. На завод приходи вовремя. Да смотри у меня, не озоруй и не балуй.

В обеденный перерыв к Лёшке подошёл мальчик.

— Пашка Мельник,— протянул он лоснящуюся от машинного масла руку.

— Лёшка Митин.

— К нам?

— В механическую.

— К Авлову?

— К Авлову.

— Это хорошо,— проговорил Пашка.— Этот научит.

Пашка повёл Лёшку по заводу, показал ему заводоуправление, объяснил, где какой цех, зачем через заводской двор проложены железнодорожные пути, и многое другое.

Потом Пашка рассказал о заводских новостях: и о том, что на Путиловском есть заводской комитет из большевиков и рабочих, которого даже сам директор генерал Дроздов боится, что существует рабочий контроль — это чтобы следить за начальством — и что скоро на заводе и вообще в Питере будет такое, что и во сне не приснится.

— Это тебе не деревня! — заключил Пашка.— Тут, брат, рабочий класс!

ОПЯТЬ НА АПТЕЧНОЙ, СНОВА У ДАРЬИ

В первый же воскресный день Лёшка решил сходить на Аптечную улицу, узнать про Золотушкина, навестить Дарью.

Аптека была открыта. Заглянул мальчик в окно — за той же конторкой стоит Золотушкин. В тех же очках, в пиджаке том же и та же палка с загнутой ручкой рядом с конторкой. Только ещё больше поседел и согнулся аптекарь.

Хотел было Лёшка зайти к Золотушкину, но потом передумал.

мал. «Не стоит. Значит, жив аптекарь, выходит, выпустили», — и успокоился.

Направился к Дарье.

— Сиротинушка, — увидев Лёшку, всплеснула руками генеральская прислуга. — Жив. Вернулся. — Она стала обнимать мальчика. — Значит, вернулся. Ты что же, опять у аптекаря?

— Нет, — проговорил Лёшка. — Я на Путиловском.

— На Путиловском?! Кем же ты?

— Слесарем, — приврал Лёшка.

— Ох, ох, — завздыхала Дарья. — Такой-то малый — и слесарем.

— Так я же не малый. Я на войне был, — ответил Лёшка.

— На войне?!

Дарья принялась допытывать Лёшку обо всём. Слушала, вздыхала, охала. Потом схватила мальчика за руку и, как в былые времена, потащила к себе на кухню.

— Да я не хочу. Я же сыт, — упирался Лёшка.

— Пошли, пошли, — не отставала Дарья. — Нынче у нас пирог с мясом. Нынче к нам генерал вернулся.

— Генерал?

— Ну да. Батюшка наш, Дмитрий Петрович. Радость-то в доме. Радость у нас какая!

— Какая же это радость? — произнёс Лёшка. — Генералы, они буржуи. Война из-за них не кончается. Да я вашего генерала ещё в феврале арестовать хотел. Скоро вашему генералу того, — провёл мальчик рукой по шее. — Скоро в Питере будет такое, — повторил Лёшка Пашкины слова, — что вам, тётка Дарья, и во сне не приснится.

Слушала Дарья и только хваталась за голову. «Ох, ох», — вздыхала прислуга и пялила на гостя удивлённые, расширенные от испуга глаза.

Лёшка ушёл, а Дарья долго ещё крестилась.

СОКРАЩЕНИЕ

До тридцати тысяч человек работало на Путиловском заводе.

В одной только шрапнельной мастерской — более четырёх тысяч.

А были ещё мастерские: механическая, прокатная, пресовая, пушечная... Сорок девять разных мастерских и цехов насчитывал огромный завод. «Железным городом» называли его в Петрограде.

Путиловские рабочие — дружный народ. Ещё с весны они организовали свой заводской комитет и повели борьбу с заводским начальством.

Временное правительство боялось путиловцев. Не хотело оно, чтобы в одном месте работало столько людей.

И вот заводууправление решило почти наполовину сократить число путиловских рабочих. Под сокращение попал и Лёшка.

Вот те раз: только устроился, а тут сокращение!

— Ничего, — успокаивал мальчика дядя Андрей. — Это мы ещё посмотрим.

А чего смотреть, когда Лёшке об этом мастер прямо сказал?

Весть о сокращении расползлась по баракам, по домам вокруг Нарвской заставы, по соседним сёлам, в которых жило много путиловцев.

— Как так? — возмущались рабочие. — Не имеют права!

— Эх, господа хорошие, видать, занозой у вас сидит завод наш.

— Пусть увольняют приписанных.

С приписанными была целая история. Приписанными называли тех, кто хотя и числился в составе путиловских рабочих, но не работал.

Было таких несколько тысяч: всякие купеческие сынки и сынки богатых чиновников — все те, кто скрывался от фронта. Путиловских рабочих не призывали в армию.

— Вот пусть сынков и отчисляют, — шумели рабочие.

Собрался заводской комитет.

— Сидоров? — спрашивал Васильев, председатель заводского комитета.

— Работает в механическом, — отвечали члены комитета.

— Оставить.

— Прохоров?

— В шрапнельной.

— Оставить.

— Золоторучкин?

Стали проверять, где работает Золоторучкин. Оказывается, нигде.

— На увольнение.

Проверив списки, члены заводского комитета явились к заводскому начальству.

— Согласны на сокращение, — проговорил Васильев. — Есть кого сокращать.

— Вот и хорошо, — ответил генерал Дроздов, директор завода. — С углём плохо. Нет нужды держать столько людей.

Положил Васильев перед директором списки. Поглядел Дроздов, а там всё — либо Золоторучкин, либо Богатеев, либо Толстосумов — сплошные купеческие и чиновничьи сынки. Поморщил Дроздов нос, понял, что рабочих не проведёшь. И отдал приказ отменить сокращение.

Обо всём этом Лёшка не знал. Пришёл дядя Андрей с ночной смены, смотрит — Лёшка спит и никуда не собирается.

— Ты что же, — спрашивает Зотов. — А завод?

— Так мастер сказал больше не приходить.

Дядя Андрей рассмеялся.

— Иди, иди, — проговорил. — За тебя уже всё решили. Рабочий класс за тебя своё слово сказал.

СЫН ВЕЛИКАНА

К осени из Орловской губернии вернулась Зоя. Девушка часто стала бывать на Новоовсянниковской. Зоя признала Лёшку сразу. Мальчику она понравилась. Да и, видать, Зое Лёшка понравился.

Только вот одно нехорошо в Зое. С первых же дней она принялась говорить о том, что Лёшке надо учиться. Пусть не гоняет вечерами по улицам, а садится за грамматику и арифметику. Лёшка уж так и этак: мол, зачем мне арифметика и грамматика?!

— Сиди учи, — заставляла Зоя.

— Так я до наук неспособный, — пытался отвертеться мальчишка.

— Раз неспособный, — сказала Зоя, — значит, больше придётся сидеть за книгами.

Настырной оказалась Зоя: заставила всё же учиться.

И дядя Андрей стал в последнее время о многом беседовать с Лёшкой. Только не как Зоя, не о грамматике и арифметике, а по-мужски, о серьёзном. Рассказал о войне, о Временном правительстве, о партии большевиков.

Слушает Лёшка, а сам и без дяди Андрея многое уже понимает. Кто друг и кто враг, различит сразу. За большевиков Лёшка теперь горой.

Кто за «долой войну»? Большевики.

Кто за «землю крестьянам»? Большевики.

Кто за то, чтобы буржуям по шее? Тоже они, эти самые большевики.

А как-то Зотов заговорил о том времени, когда не будет ни капиталистов, ни помещиков и власть в стране будет принадлежать трудовому народу.

— Построим новые города, — говорил Зотов, — заводы, шахты, нетронутые земли распашем. Таковую, брат, жизнь на земле наладим... В школу тебя отдадим, потом в институт, и станешь ты, — дядя Андрей задумался, — станешь ты, Алексей, ну, скажем, директором Путиловского завода.

— Директором, — усмехнулся Лёшка: скажет же дядя Андрей.

— А что, станешь, — проговорил Зотов. — Или нет, лучше поедешь ты в своё Голодай-село и организуешь там, брат, такую

жизнь, чтобы от этого самого слова «Голодай» и в помине ничего не осталось. Понял?

Много разного наговорил в этот день Зотов. И Лёшке наобещал многое: захочешь — становись машинистом, не нравятся паровозы — будь морским капитаном, не устраивает море — иди в шахтёры, учись на доктора или учителя.

— А почему так? — спрашивает Зотов. — Да потому, что трудовой народ станет хозяином всего на свете. Народ — великан, ему, брат, любые дела под силу. Понял, что такое народ?

— Великан, — проговорил Лёшка.

— Верно, — засмеялся дядя Андрей. — Великан. Ну, а ты кто?

— Я? — Лёшка задумался.

— Сын, — подсказывает Зотов.

— Сын Герасима Митина, — выпалил Лёшка.

— Верно, — ответил дядя Андрей. — И сын Герасима Митина и... Ну, чей ещё сын?

— Сын великана, — неуверенно произнёс мальчик.

— Правильно, — проговорил Зотов. — Сын великана. Ну, а теперь, — закончил он разговор с мальчиком, — ступай садись за грамматику.

«Вот те и раз, — оторопел Лёшка, — сын великана — и вдруг за грамматику!»

УЧЕНИЯ

Все эти месяцы завод жил какой-то особенной жизнью. Дядя Андрей почти не бывал дома. На завод приезжали представители партии большевиков. Васильев и другие заводские большевики сами уезжали несколько раз на какие-то совещания.

Генерал Дроздов и заводоуправление стали терять последнюю власть над рабочими. У многих рабочих появились винтовки...

К осени 1917 года на Путиловском заводе было организовано двенадцать красногвардейских отрядов. Назывались они «сотнями». А в действительности в каждой сотне по сто пятьдесят, а то и по двести рабочих. Сотни делились на десятки, а в каждой десятке тоже не десять, а человек двадцать.

Ежедневно после окончания смены рабочие отправлялись на учения. Винтовок не хватало. Строились так: у кого винтовка — в первые ряды. Остальные вооружались палками и становились в конец.

Учения происходили на площадях, примыкающих к заводу, на взморье, в Екатерингофском саду, а иногда и прямо на территории завода около директорского пруда. Учились стрельбе, метанию гранат и штыковому бою.

Дядя Андрей тоже ходил учиться. Он был командиром десятка.

Однажды за Зотовым увязался и Лёшка. Взял палку и пристроился к сотне.

— Ты куда? — обозлился дядя Андрей и отогнал мальчика.

Лёшка обиделся. Потом отошёл и вместе с заводскими мальчишками стал бегать и смотреть, как обучаются взрослые.

— Ать, два, ать, два, — командует командир.

Идут рабочие стройными рядами. Головы держат высоко, грудь вперёд, отбивают шаг, словно заправские солдаты.

Интересно ребятам: один гильзу после стрельбы разыщет, другой притащит осколок гранаты, третий якобы невзначай винтовку потрогает. Интересно. И всё-таки ребятам этого мало. Тогда Лёшка предложил Пашке Мельнику организовать собственный отряд и тоже начать учения. Желающих набралось много. Построились, направились к морю.

Но тут начались сложности. Командовать хотелось и Лёшке и Пашке.

— Ты не умеешь, — говорил Лёшка.

— Это почему же не умею? Умею. И голос у меня громче. Голос действительно у Пашки был громкий.

— Ты в солдатах не был, — заявил Лёшка.

— Подумаешь, солдат, — огрызнулся Пашка. — При кухне тёрся, так уже и солдат.

Тогда, чтобы никому не было обидно, решили командовать вместе. Однако и тут заспорили.

— Мне командовать первому, — говорит Лёшка.

— Нет, мне, — заявляет Пашка.

— Я придумал. Мне первому, — упирается Лёшка.

— А у меня голос сильнее, — опять о своём Пашка.

Наконец решили так: разбить ребят на две группы и каждому учения вести в отдельности.

Разбились. Только у Пашки получалось куда лучше, чем у Лёшки. Крикнет — голос ещё долго гудит над морем. И бегал Пашка быстрее, и по-пластунски ползал ловчее, и на палках сражался лучше. И ребята потихоньку стали из Лёшкиной группы перебегать к Пашке.

И вот тогда Лёшка решил удивить и Пашку и всех ребят — раздобыть настоящее ружьё. А так как дядя Андрей далеко винтовку не прятал — лежала она под койкой, — то Лёшка решил, что это совсем нетрудно. Выбрал день, когда Зотов работал во вторую смену, и взял винтовку.

Увидев у Лёшки винтовку, ребята стали к нему возвращаться. А за ними потянулись и другие.

Кричит Пашка, подаёт разные команды, до хрипоты надирает глотку, однако ребят этим теперь не удержишь. Все норовят к Лёшке.

Тогда и Пашка решил раздобыть винтовку. Многие рабочие приносили оружие прямо с собой на завод. Рабочие работают, а винтовки стоят у станков рядом. Так было и в механической мастерской. «Возьму на денёк, — решил мальчик. — Лучше всего у старика Авлова. Он и подслеповат и курить часто отходит — не сразу заметит».

Только старик оказался куда хитрее. Следил за ружьём зорко.

— Ах, жульман! — закричал Авлов. — Куда тебе винтовка?! Пришлось Пашке во всём сознаться.

Рабочие вышли к взморью и не верят своим глазам. Словно на параде стоят ребята. Перед строем крутится Лёшка. В руках винтовка.

— На пле-чо! — командует Лёшка.

Ребята вскидывают палки-ружья.

— К но-ге!

И снова ребята выполняют.

— Ложись! По буржуям огонь!

Тра-та-тах, тра-та-тах! — несётся над морем.

Подивились рабочие. Про ребячью затею узнали и в заводском комитете. Там подумали, что это, конечно, плохо, если ребята таскают винтовки, да ведь не озорства ради. Кровь заиграла своя, пролетарская. За винтовку Лёшку отругать отругали, однако за выдумку похвалили. Пора и для ребят создавать свою организацию, поняли на заводе.

ХИТРОСТЬ

Как-то Лёшка вернулся домой, приоткрыл дверь — в комнате офицер: на плечах золотые погоны, сбоку кривая сабля, на носу пенсне с тонкой цепочкой, закинутой за ухо.

Мальчик отпрянул от двери, хотел бежать, но вдруг в офицере признал дядю Андрея. Зотов стоял у окна и подавал удивительные команды:

— Как стоишь!

— Молчать!

— Кру-гом!

Лёшка опешил и вовсе. А дело было вот в чём.

Кто-то из рабочих выведал, что недалеко от Путиловского завода у какой-то эсеровской организации хранится двести винтовок. Лежат они на складе без всякого дела. Получили их эсеры из Петропавловской крепости.

И вот Андрею Зотову пришла озорная мысль — забрать винтовки для путиловских красногвардейцев. Но эсеры просто так винтовки не отдадут. И Зотов пошёл на хитрость. Рассказал товарищам. Выдумка всем понравилась. Раздобыли рабочие

офицерский мундир, пенсне, саблю. Бывшие фронтовики надели солдатское обмундирование. Получился настоящий отряд Временного правительства во главе с командиром.

После этого дядя Андрей позвонил по телефону эсерам и представился комендантом Петропавловской крепости. «Комендант» сообщил, что явится проверять состояние винтовок.

Получив в заводском комитете грузовик, рабочие двинулись.

Эсеры встретили «коменданта» почтительно. Суетились, пытались услужить. Только один тощий эсерик всё посматривал на дядю Андрея как-то косо и недоверчиво.

Зотов заметил.

— Как стоишь! — крикнул он на эсерику.

Тот вытянулся. «Ну, настоящий офицер», — подумали остальные и стали суетиться ещё больше.

«Комендант» расхаживал по складу, громыхал саблей, важно снимал и снова надевал пенсне. Осмотрел потолок, стены, взглянул на висящий у дверей градусник, покачал головой.

Проверив винтовки, Зотов заявил, что содержатся они безобразно, не по уставу, и что он обязан забрать их с собой в крепость.

Эсеры заволновались:

— Не имеете права, — полез было тощий эсерик.

— Молчать! — прикрикнул Зотов.

Эсеры притихли. Все выжидающе смотрели на грозного «коменданта».

— Впрочем, винтовки остаются вашими, — успокоил их дядя Андрей. — По первому требованию будут возвращены. Но оставить здесь не могу. Не просите. Не могу. Не по уставу.

Эсеры успокоились. А тощий эсерик осмелел, подошёл к «коменданту» и попросил расписку.

— Ладно, — сказал дядя Андрей, — несите бумагу.

Пока Зотов писал расписку, а потом долго и старательно складывал её вчетверо, рабочие погрузили винтовки и сами залезли в машину. Убедившись, что всё в порядке, дядя Андрей передал расписку эсерам, сел в кабину, и грузовик тронулся.

Развернули эсеры расписку, прочли: «Благодарим за винтовки. С приветом. Путиловцы».

— Стой! — закричал тощий эсерик и бросился за автомобилем.

— Стойте! — закричали другие.

Но автомобиль только прибавил скорость. Высунулся из кабины Зотов и приветливо помахал эсерам.

В этот вечер дядя Андрей вернулся домой на редкость радостный и возбуждённый. Он опять заговорил с Лёшкой о том времени, когда не будет помещиков и капиталистов.

— Теперь уже скоро, — говорил Зотов. — Тут, брат, такие дела... Ленин приехал в Питер.

Дружба с солдатами Павловского полка началась у путиловцев давно, ещё с Февральской революции. За эти месяцы дружба только окрепла.

И вот путиловские рабочие решили подарить павловцам боевое знамя. Пригласили художника. Тот разрисовал полотнище, а работницы золотом его вышили. На знамени был изображён воин в броне и рабочий с молотом, пожимающие друг другу руки. Вокруг рисунка написано: «Героям гвардейцам-павловцам от рабочих Путиловского завода» и лозунги: «Да здравствует социализм!» и «Да здравствует Интернационал!».

Увидев два непонятных слова, Лёшка вечером пристал к дяде Андрею: что такое социализм и что такое интернационал.

— О Карле Марксе слышал? — спросил Зотов.

Лёшка отрицательно покачал головой. Тогда дядя Андрей достал какую-то книгу.

— «Коммунистический манифест», — прочитал мальчик на переплёте.

— А от чего он отрекается? — спросил Лёшка.

— Кто отрекается? — не понял дядя Андрей.

— Ну, этот Карл Маркс. Манифест же про отречение пишут. «Мы, Николай Второй...» — стал вспоминать Лёшка слова царского манифеста. Дядя Андрей засмеялся.

— Манифест, — сказал, — это значит что-то провозглашать. Царь провозглашал отречение от престола, а Маркс — новое общество, в котором не будет капиталистов, а всё будет принадлежать народу — рабочим и крестьянам. Это и есть социализм. Понял?

— Понял, — проговорил Лёшка. — Так он, как большевики, против буржуев.

— Правильно, — обрадовался дядя Андрей. — Ну, из тебя получится настоящий марксист.

— А про интернационал? — спросил Лёшка.

— Интернационал — это про то, чтобы рабочие и крестьяне всех стран боролись вместе.

— Это, как на фронте, братание.

— Правильно, — снова сказал дядя Андрей. — Национальности разные, а задачи общие: вместе против буржуев. А знаешь, что Маркс сказал про рабочих?

Лёшка опять замотал головой.

— Рабочие — это могильщики капитализма. Так кто могильщики капитализма? — переспросил Зотов.

— Рабочие.

— Верно. Ну, ты и вправду настоящий марксист.

На следующий день Лёшка поманил Пашку Мельника и спросил:

— Что такое социализм?

Пашка смотрел на Лёшку глуповатыми глазами и не знал, что ответить.

— Э-эх,— произнёс мальчик.— Не знаешь. А кто такой Маркс?

И снова Пашка моргал глазами.

— Ну, а кто такие могильщики капиталистов? — не отставал Лёшка.

— Это те, что могилы роют,— выпалил Пашка.

— Правильно,— сказал Лёшка.— Ну, а кто для буржуев рыть будет?

— Как — кто? Кого наймут, тот и будет.

— Ничего-то ты не знаешь,— опять проговорил Лёшка.— Рабочие будут рыть. Наши, путиловские.

Пашка недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Вот крест,— произнёс тот.— У дяди Андрея книга такая есть. Давай для генерала Дроздова могилу выроем,— предложил Лёшка.

Пашка прищурил глаза.

— Это чтобы с завода выгнал? — Перед директором Пашка трусил.

— Так теперь же рабочий контроль,— успокаивал Лёшка.— А потом всё равно рыть будут. Давай первыми.

Пашка наконец согласился. Достали лопаты. Стали спорить о месте. Выбрали за шрапнельным цехом, рядом с заводской свалкой.

Но тут про могилу узнал дядя Андрей.

— Ну, марксист,— усмехнулся он, глядя на Лёшку.— А говорил — понял. Да разве в вашу могилу капитализм упрячешь?!

— Так мы и ещё...

— Подожди. Не надо,— уже серьёзно сказал Зотов.— Вот поживёшь — узнаешь, что значит быть могильщиком капитализма.

НАЧАЛОСЬ

В середине октября в Петрограде на тайной квартире состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков. Выступал Ленин. Владимир Ильич говорил, что за те месяцы, которые прошли после Февральской революции, народ окончательно убедился, что его обманули. Рабочие, крестьяне, солдаты не верят больше Временному правительству. Они готовы силой оружия прогнать капиталистов и помещиков и взять власть в свои руки. Ленин внёс предложение немедленно начать вооружённое восстание. Центральный Комитет принял предложение Ленина. Центром подготовки восстания стал Смольный, в помещении которого большевики организовали свой штаб.

И вот наступило утро 24 октября.

Лёшка пришёл на завод — и не узнал ни людей, ни завода. Завод клочкотал, словно горная река.

— Становись! Равняйся! — выстраивают командиры красногвардейские сотни: прибыл приказ вооружённым отрядам явиться к Смольному.

Красногвардейцы ушли. Ушёл и дядя Андрей со своим десятком.

— Пашка, — проговорил Лёшка. — Давай и мы к Смольному.

— Давай.

Бегут мальчишки по улицам, а рядом рабочие, солдаты, матросы. Кто с оружием, кто без оружия — все идут к Смольному. Тревожно, насторожённо разносится песня:

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.

А вслед за этими словами грозно, призывно, во всю силу:

Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Бегут Лёшка и Пашка, замирают у мальчишек сердца, сжимаются в кулаки руки.

Примчались к Смольному — народу!

У входа поставлены пулемёты. Около здания — автомобили, мотоциклы, осёдланные лошади.

Здесь же, во дворе, раздают оружие. Горят костры. Толпятся, ожидая приказов, люди.

Ребята пытались пробраться в Смольный, но их не пустили.

— Да нам до своих, до путиловских, — полез было Пашка.

— Проваливай, — набросился на него дежурный солдат. — Нет здесь никаких путиловских. Были, да ушли.

— Куда ушли?

Солдат не знал.

Ребята попытались выяснить у других. Говорили, что ещё с утра путиловцы вместе с солдатами и красногвардейцами других районов ушли к Неве захватывать мосты.

Ребята помчались к Неве. Пока крутились у Смольного, свечерело.

Добрались к мостам в темноте. Глянули, а те уже в руках восставших. Всюду стоят революционные патрули.

Наконец у Дворцового моста ребята встретили одного из путиловских рабочих.

— Наши! — закричал Пашка.

Однако выяснилось, что рабочий оставлен здесь для охраны, а остальные ушли не то к Николаевскому, не то к Балтийскому вокзалу.

Ребята бросились к Николаевскому — он ближе. Угодили под самую стрельбу.

— Вы что здесь? — набросился на приятелей какой-то матрос.

— Нам дядю Андрея.

— Какого ещё дядю Андрея?

— Путиловца.

— Нет, тут не было путиловцев. Путиловцы на Балтийском. Помчались к Балтийскому.

На перекрёстках больших улиц дежурят красногвардейцы. Темнота. Уличные фонари не светят. В районе Лермонтовского проспекта ребят окликнули:

— Стой! Кто идёт?

— Мы, — проговорил Пашка.

— Стой! Кто — мы? — Лязгнул затвор винтовки.

Ребята остановились.

— Бежим, — прошептал Пашка.

— Стой! — появилась высокая фигура с ружьём.

Человек оказался рабочим с фабрики «Скороход». Он сказал, что Балтийский вокзал уже занят революционными частями. Были здесь и путиловцы. А теперь ушли, но куда — он не знает.

Так и не разыскав путиловцев и дядю Андрея, ребята вернулись домой.

А революция шла полным ходом. К утру почти весь Петроград оказался в руках восставших. Были взяты почтамт, телеграф, телефонная станция, городская электростанция и другие важные здания города.

СЕКРЕТНОЕ, ВАЖНОЕ...

В эту ночь Зотов домой не вернулся. Не вернулся и утром. Лёшка встал, умылся и помчался на завод. Но и здесь Зотова не оказалось. Встретил Пашку.

— Здорóво.

— Здорóво.

— Давай к Смольному.

— Давай.

Примчались к Смольному, разузнали новости. Революция побеждает. В руках у офицеров и юнкеров остался лишь Зимний дворец, в котором засело Временное правительство. На осаду дворца ушли солдаты и матросы, ушли и путиловцы. Бросились к Зимнему. Рядом с Дворцовой площадью под аркой Генерального штаба наконец разыскали Зотова. Слева матросы, справа

солдаты Павловского полка, посередине путиловские красногвардейцы и дядя Андрей со своим десятком. Тут же Лёшкин учитель Авлов. Тут же и Зоя с санитарной сумкой через плечо.

— Подмога! Подмога! Ишь ты, ударный батальон, — увидев ребят, засмеялись рабочие.

— Вы откуда? — поразился дядя Андрей.

— Оттуда. — Лёшка показал рукой в сторону Смольного.

— Мы вчера вас весь вечер искали, — полез было Пашка, — к мостам бегали, на Николаевском были...

— На Николаевском?! — На лбу Зотова появилась суровая складка.

— Мы тоже хотим, — заявил Лёшка. — Нам бы винтовки...

Подошла Зоя. Стала бранить ребят. «Сейчас начнёт про грамматику и арифметику», — подумал Лёшка. Правда, про грамматику и арифметику на сей раз Зоя не вспомнила, однако заявила, чтобы ребята немедленно отправлялись домой. Старик Авлов грозно взглянул на приятелей и тоже сказал:

— Домой!

Но тут неожиданно дядя Андрей взял ребят под защиту.

— Зачем же домой?! — сказал. — Им и здесь дело найдётся. Найдётся? — обратился он к Лёшке и Пашке.

Хороший дядя Андрей: понимает, что в этот день мальчишки не могут сидеть без дела, что и им вместе со всеми революцию делать хочется.

— Вот что, — сказал Зотов, — назначаю вас при себе посыльными. — Он вытащил из кармана кусок бумаги, что-то написал, свернул бумагу в пакетик, передал Лёшке. — Боевое задание. Секретное, — проговорил. — Важное. Бегите на завод, разыщите слесаря Терехова, знаете Терехова?

— Знаем.

— Отдайте бумагу и ждите его указаний. Ясно?

— Ясно.

Ребята помчались.

— Давай посмотрим, — предложил Пашка.

— Нельзя. Она же секретная.

— Так это для кого секретная. А нам можно.

— Нельзя, — решительно повторил Лёшка.

— Важное, должно быть, что-то, — не переставал думать о записке Пашка.

— А как же, — отвечал Лёшка. — Дядя Андрей по пустякам не пошлёт.

В цехе Терехова не оказалось. Бегают ребята, разыскивают Терехова, а завод словно воинская часть. Формируются новые отряды, создаются группы по доставке оружия и снарядов, снуют гружёные грузовики.

Наконец Терехов нашёлся. Развернул записку, а в ней сказано: «Николай, задержи ребят, не пускай в город».

— Что там? — не утерпел Пашка.

— Важное донесение. Срочное. Молодцы, — проговорил Терехов.

Пашка толкнул Лёшку в бок, подмигнул.

— Вот что, — произнёс Терехов, — есть у меня одно дело... Ребята насторожились.

— Кому бы его поручить...

— Нам, — выпалил Пашка.

— Хорошо. Дрова колоть умеете?

— Умеем, — проговорил Лёшка.

Пашка смолчал, почуял недоброе.

— Вот и хорошо, — сказал Терехов. — Нам для походных кухонь помощники нужны. Работа ответственная, революционная...

— Революционная... — протянул Пашка.

Но Лёшка дёрнул приятеля за руку: «Соглашайся. С кухнями мы снова к своим поедём».

Однако ни с первой кухней, ни со второй, ни с третьей к Зимнему ребят не пустили.

— Ну что, поехали?! — набросился Пашка на Лёшку, но Лёшка уже и сам понял свой промах.

До темноты друзья пилили, кололи и таскали дрова. А когда стемнело совсем, со стороны Невы вдруг грянул одиночный пушечный выстрел. Приятели насторожились, переглянулись. И вдруг, словно их подхватил ветер, бросились к заводским воротам.

— Стойте! Стойте! — закричал Терехов.

Да где уж! Мальчишек словно и не было.

ШТУРМ ЗИМНЕГО

Выстрел, который слышали Лёшка и Пашка, был знаменитый выстрел «Авроры». Это условный сигнал. Он означал, что получен приказ начать штурм Зимнего. Сотни рабочих, солдат и матросов бросились к затемнённой громаде дворца.

Когда приятели примчались на Дворцовую площадь, бой был в самом разгаре. Шла винтовочная стрельба, в нескольких местах нудно строчили пулемёты. Офицеры и юнкера, охранявшие Зимний дворец, пытались сдержать восставших.

На старом месте путиловцев не оказалось. Лёшка, подхваченный вихрем, забыв о Пашке, втёрся в ряды атакующих.

— Ты куда? — крикнул какой-то солдат. — Смерти захотел?

Лёшка ничего не ответил. Кто-то дёрнул мальчика за плечо, но он даже не повернул головы.

Вместе со всеми Лёшка бежал к высоким чугунным воротам, преграждавшим вход во дворец. Ворота были закрыты. Когда

первые группы достигли дворца, наступление приостановилось. Люди навалились на металлические створки ворот, те не поддавались. Произошло замешательство. И вдруг Лёшка увидел дядю Андрея. Как тогда, на Знаменской площади, без фуражки, с перекосившимся от возбуждения лицом, с винтовкой в руке, Зотов стал карабкаться по металлическим прутьям ворот. Вот он достиг самого верха. Вот стал перелезать на ту сторону. Вот за дядей Андреем бросились и другие. И вдруг... Лёшка увидел, как Зотов качнулся, обмяк, разжал руки и повалился вниз.

— Дядя Андрей! Дядя Андрей! — закричал мальчик.

Люди с новой силой навалились на створки ворот. Не выдержав напора толпы, ворота дрогнули. Многопудовые створки их стали медленно расходиться.

Когда Лёшка поравнялся с воротами, он снова увидел дядю Андрея. Над Зотовым склонились путиловцы. Мальчику бросились в глаза очки старика Авлова, санитарная сумка Зои. Дядя Андрей лежал на земле, безжизненно отбросив в сторону правую руку. Рядом валялась винтовка.

— Дядя Андрей! — опять закричал Лёшка. Он бросился к Зотову.

Но чья-то сильная рука отстранила мальчика. Рабочие подняли дядю Андрея.

«Убит», — ворвалось в сознание мальчика. Он увидел полные слёз глаза Зои, угрюмые лица путиловцев...

На лбу Лёшки неожиданно появилась складка, брови сошлись, глаза сузились. Вот он увидел валявшуюся на земле винтовку дяди Андрея. Мальчик нагнулся, схватил винтовку и бросился со всех ног в раскрытые двери дворца.

Вьить! — свистнула у самого Лёшкиного уха пуля.

Та-та-та! — прошла над головой пулемётная очередь.

Мальчик вскинул винтовку и устремился в самую гущу боя.

КЕМ ТЫ БУДЕШЬ?

Два часа продолжался бой у Зимнего дворца. Наконец революционные отряды подступили к комнате, в которой находились министры Временного правительства.

За столом сидело несколько перепуганных человек. Это и было последнее правительство России из капиталистов и помещиков. Именем революции оно было свергнуто. Великая Октябрьская социалистическая революция победила. Трудовой народ взял власть в свои руки.

Разгорячённый недавним боем, Лёшка вышел на улицу. Рядом с дворцом ещё толпились группы матросов, солдат и рабочих. Люди с удивлением смотрели на мальчика с винтовкой на плече. Лёшка шёл и думал о дяде Андрее. «Народ — великан.

Народу любые дела под силу, — вспоминал он слова Зотова. — Такую, брат, жизнь на земле наладим...»

— Лёшка, — вдруг услышал мальчик знакомый голос. Обернулся — Пашка. — Ты где пропадал? — набросился Пашка. — Зоя искала. Авлов искал. Из-за тебя тут такое было.

Лёшка ничего не ответил. Шли молча. Пересекли Дворцовую площадь. Прошли под аркой Генерального штаба. Вышли на Невский.

«Хочешь — стань машинистом, — вспоминал Лёшка слова дяди Андрея, — не нравятся паровозы — будь морским капитаном, не устраивает море — иди в шахтёры, учись на доктора или учителя...»

— Паш, — обратился Лёшка к приятелю, — а кем ты будешь, когда вырастешь?

— Командиром, — выпалил Пашка. — А ты?

Лёшка ответил не сразу.

— Я? — переспросил. — Я — как дядя Андрей.

— Токарем?

— Большевиком.

Пашка присвистнул.

— Да кто же тебя возьмёт?!

— Возьмут, — убеждённо проговорил Лёшка. — Вот увидишь, возьмут. Я, как дядя Андрей, за дело рабочих и крестьян.

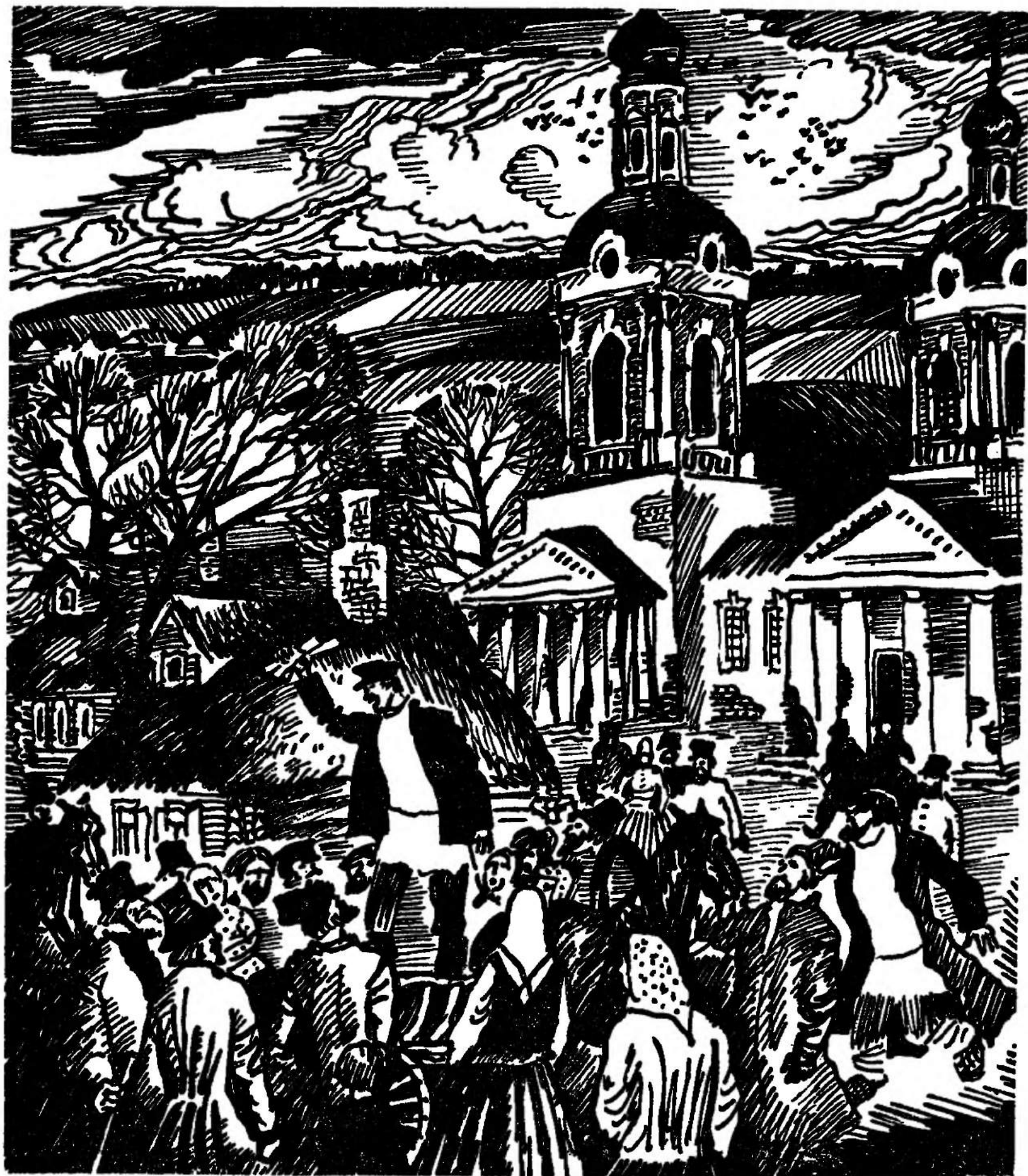
ОКТЯБРЬ
ШАГАЕТ
ПО
СТРАНЕ

1917 год. Октябрь. Только что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Власть капиталистов и помещиков была свергнута. Земля, фабрики, заводы — все богатства страны стали достоянием трудового народа.

О первых шагах победившей революции, о том, как рабочие и крестьяне приступили к строительству новой жизни, о ваших сверстниках — мальчишках и девчонках той великой поры и расскажет вам эта книга.

Глава первая

НОВЫЙ ХОЗЯИН

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечёт и в лицо.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором —

комнаты князя Пирогова-Пищаева. Ещё этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Арда-тов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принёс Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — сказал, — отныне ты — гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник?

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше, — смеётся отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям. Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать?! Думает и вдруг видит — мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевёл дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я?! Я — гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин? — произнёс он с насмешкой. — Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя, — присвистнул Кирюха. — Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и в переносицу — раз!

Началась драка.

— Я гражданин... — пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я гражданин... — вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чём дело. А потом

рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», — прочли они заголовок.

Далее шло о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются. Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов. «Устанавливается одно, общее для всего населения России название — Гражданин Российской республики», — сообщалось в декрете.

Внизу была подпись:

«Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, оба вы правы, — заявил парень. — И ты гражданин Российской республики, — показал он на Данилку, — и ты, — показал на Кирюху, — и я. Все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил. Правильно Ленин сделал!

Зато, что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника Горохова и статского советника Ардатова, то, видимо, ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо. Ну и скатертью дорога. Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец, — рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

ЧЬЯ ЖЕ ЭТО ЗЕМЛЯ?

Земли у Саврасовых было мало-мало. Одну ногу поставишь, а второй и ступить некуда. Зато едоков у Саврасовых — десять: Микишка Саврасов, мать и отец, трое братьев, трое сестёр и старый-престарый дед Степан Тимофеевич.

Да не только так у одних у Саврасовых. Деревня Копытовка бедной была пребедной.

Зато рядом... Выйди на холм. Посмотри налево, направо. Повернись на все на четыре стороны. Лежит она — вековая кормилица. Смотрит вздыбленной зябью. Дышит привольным паром.

Чья же это земля?

Это помещика Перегудова. Один человек всей землёй владеет. Собрались мальчишки Микишка Саврасов, Петька Неелов,

Симка Непитов. Вышли на луг за околицу. В игры решили свои играть.

Из мальчишек Микишка самый в селе лобастый. В играх он — первый. В выдумках — первый. Вот и сегодня — небывалое что-то придумал Микишка. Посмотрел на ребят:

— Давайте так: Перегудова больше нет. Петьке земля досталась.

И дальше — приятелю в лоб вопрос: что бы он, Петька, с землёю сделал?

Вылупил Петька глаза на друга. «Что бы он сделал?»

— Пахал! — важно ответил Петька.

Рассмеялся Микишка:

— Разве один прорву такую вспашешь! Жизни твоей не хватит.

Повернулся Микишка к Симке. И к этому с тем же вопросом. Был Симка не умнее Петьки.

— Я бы её продал. — Потом добавил: — Свистульку себе купил. А деду — медовых пряников.

— «Свистульку»! — передразнил Микишка. — Это ж земля!

Смутился Симка. Виновато глаза потупил. Притихли ребята. Ждут, что же Микишка скажет? Что бы сам он с землёю сделал?

Посмотрел на друзей Микишка:

— Что? Я бы её мужикам раздал.

Раскрыли Симка и Петька рты.

— Бесплатно?

— Бесплатно.

— Всем без обид?

— Без обид.

— Вот это да! — не сдержался Петька Неелов.

— Верно, верно! — кричал Симка Непитов.

Умно порешил Микишка. Уселись друзья на лугу, делят господскую землю. Называют крестьян по дворам — не забыть бы кого случайно.

Всем досталась по разделу земля. Нет в Копытовке ни бедных теперь, ни богатых. Все равны. Хорошо!

Кончили мальчишки игру.

— Э-эх, — вздохнул Симка.

— Э-эх, — вздохнул Петька.

— Если б такое на самом деле.

И вдруг...

— Революция! Революция! Революция! Скинули в Питере власть богатеев...

— Рабоче-крестьянская, новая власть!

— Декрет о земле!

Всколыхнулась деревня Копытовка. Гудит что улей в час медоноса. Словно в похмелье мужицкие души. От светлой радости бабы режут навзрыд:

— Земелька, земляца...

— Земелька, земляца...

— Неужто декрет?..

Приехал в село агитатор.

— Товарищи! Граждане! — поднял в руке бумагу. — Вот он, земельный декрет. Принят на съезде солдат и рабочих. По докладу Ульянова-Ленина. В два часа ночи, двадцать шестого сего октября. Землю — крестьянам, — громыхает оратор. — Конец Перегудовым. Да здравствует наша Советская власть!

— Ура! — кричат мужики, веря не веря в свершённое чудо.

Выйди на холм. Посмотри налево, направо. Повернись на все на четыре стороны. Лежит вековая кормилица. Смотрит вздыбленной зябью. Дышит привольным паром.

Чья же это земля?

Это — Саврасовых, это — Нееловых, это — Непитовых. А это — Оглоблиных, Кожиных, Вяловых. А там, за бугром, — Горевых, Стоновых, Сажиных, Зоревых... По всей необъятной России стала в народных руках земля.

КАК ВАСЯТКА ОТЦА УВИДЕЛ

Заждался отца Васятка. Далеко у Васятки отец — на войне, на германском фронте.

— Мам, а мам, — пристаёт мальчик к матери. — А что он там делает?

— Воюет, Васятка, — ответит мать.

Что же ответить сыну? Мал, глуп ведь ещё Васятка.

Разве поймёт, что это капиталисты и помещики погнали отца на войну. Хотят захватить они новые земли. Вот и воюет для них отец.

Ждёт не дождётся отца Васятка.

И тот всё время о сыне думает. О доме своём, о жене, о далёкой родной Ракитовке.

Четвёртый год, как идёт война. Большая война. Мировой называется. Сражаются русские, немцы, французы. Другие народы бьются. Льётся потоком солдатская кровь.

Капиталисты и помещики русские гонят русских солдат на немцев. Богатеи немецкие гонят немецких солдат на русских. Идут друг на друга англичане, австрийцы, венгры, французы.

Солнце палит, грязь, непогода.

— В атаку! В атаку! В атаку!

Нет надежды на мир солдату.

Окопы, окопы, окопы. Горы убитых. Всё больше и больше на свете сирот.

Герасим Ракитов, отец Васятки, четырежды ранен, дважды

контужен, шрам от штыка на лице. Нелёгкая участь солдата. Вздыхают в окопах солдаты:

— Увидим ли дом родной?!

«Доживу ли, увижу ль Васятку?» — думает с болью отец.

И вдруг как вспых среди ночи:

— В Питере власть у рабочих!

— Штурмом захвачен Зимний дворец!

— Мир. Мир. Мир. Всем народам и землям мир!

Это принят Советской властью знаменитый Декрет о мире.

Катит, катит, бежит эшелон. Паровоз то гуднёт, то утихнет, то сажей задышит, то паром отплюнется. Колёса на рельсах стук-перестук. Вагоны — гуськом, вперевалку.

Едет, едет солдат Ракитов с фронта домой, едет в деревню свою, в Ракитовку.

Вот и родимый край. Вышел солдат из вагона.

Идёт он от станции к дому. Дорога то вверх, то вниз, то балкой, то кручей, то ровным полем.

Поклонился солдат земле:

— Здравствуй, родимое поле!

Вот лес вековой на пути. Застыли сосны и ели. В богатырский обхват дубы.

— Здравствуй, батюшка лес!

Вот речка бежит Песчанка. Гладит берег прозрачной водой.

— Здравствуй, поилица-речка!

А вот и деревня сама Ракитовка.

— Здравствуй, Ракитовка! — скинул шапку свою солдат.

Пас Васятка козу у крайних домов за околицей. Видит — идёт человек. «Кто бы такой?» — подумал.

— Васятка! Васятка! — кричит солдат.

Всмотрелся мальчонка зорчее.

— Тятка, тятенька!.. — заголосил.

Помчался Васятка к отцу навстречу.

— Признал, признал... — Слёз не сдержал Ракитов.

Идёт он по отчему краю. По родимой своей Ракитовке. На руках Васятку несёт.

И солнце светит ему. И небо ему улыбается. Всё для него: и мир, и земля, и Советская власть.

— Здравствуй, здравствуй, родимый край!

— Здравствуй, солдат Ракитов!

ШКУРИН И ХАПУРИН

Жили-были Шкурин и Хапурин. У каждого по заводу. У Шкурина — гвоздильный. У Хапурина — мыловаренный. Друзьями они считались. Оба богатые. Оба жадные. Оба на чужое добро завидующие.

Вот и казалось всё время Шкурину, что доход у Хапурина с мыла куда больше, чем у него, у Шкурина, с гвоздей. А Хапурина казалось, что доход больше у Шкурина.

— Эх, кабы мне да шкуринские гвозди...— вздыхал Хапурин.

— Эх, если бы мне да хапуринское мыло...— мечтал Шкурин.

Встретятся они, заведут разговор.

— К тебе, Сил Силыч,— начнёт Шкурин,— денежки с мыла золотым дождём сыплются.

— Не говори, не говори,— ответит Хапурин.— Это у тебя, Тит Титыч, от гвоздей мощна раздувается.

Разъедает их зависть друг к другу — хоть бери и меняйся заводами. Начнут они говорить про обмен. На словах — да, на деле — пугаются!

А вдруг прогадаешь!

Пока они думали и решали, наступил 1917 год.

Стали земля, фабрики и заводы переходить в руки трудового народа.

Забегали Шкурин и Хапурин:

— Ох, ох!

— Ах, ах!

Чувствуют, что скоро очередь и до них дойдёт. Только вот не знают, какой завод будут раньше национализировать. Хапурина кажется, что его — мыловаренный. Шкурина, что его — гвоздильный.

Сидят они, мучаются, гадают. И снова мысль об обмене приходит в голову и одному и другому. И снова боязно, страшно.

— Ой, обманет меня Хапурин!

— Перехитрит, разорит меня Шкурин.

Прошло какое-то время, и вот приносят Шкурину пакет из губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Распечатал Шкурин пакет, вынул бумагу — в глазах потемнело. Так и есть: чёрным по белому значится — национализировать гвоздильный завод.

— Матушка, царица небесная, пресвятая богородица! — взмолился Шкурин.— За что? За какие грехи?! За что же меня? Почему не Хапурина?!

Бьёт он перед образами земные поклоны, а сам думает: «А что, если немедля бежать к Хапурину и, пока тот ничего не знает, уговорить на обмен».

Однако и Хапурин в этот день получил точь-в-точь такую бумагу. И он стал отбивать земные поклоны царице небесной. Отбивает, а сам думает: «А что, если скорее к Шкурину...»

Помчались они друг к другу. Повстречались на полпути. Второпях чуть не сбили одного другого. Остановились, тяжело дышат.

— А я к тебе, милейший Сил Силыч,— наконец произнёс Шкурин.

— А я к тебе, дорогой Тит Титыч,— проговорил Хапурин.

— Давай меняться заводами.

— Давай.

Поменялись они заводами. Довольны.

«Здорово я его,— рассуждает Шкурин.— Хе-хе».

Идут они важно по городу. Каждый умным себя считает. Вошли в заводские конторы. А там уже новый, законный хозяин — рабочий класс.

— Привет вам, Шкурин. Привет вам, Хапурин! Приехали — слазьте. Кончилась ваша власть!

ПЕРЕЦ-ИЗЮМОВ

Вот так фамилия — Перец-Изюмов! Перец-Изюмов — чиновник царский. Не простой он чиновник, не мелкий, а очень важный.

Стол у него в кабинете дубовый. Мягкие кресла. Чернильный большой прибор. Выбрит чиновник, напмажен, напудрен. Утро. Начинает Перец-Изюмов служебный приём. Приходят к нему посетители.

Приехал помещик.

— Прошу вас, садитесь.

Сладкие речи ведёт с ним Изюмов: как, мол, живёте, как, мол, доехали, как, мол, детишки. Возможно, вам помощь моя нужна?

Излагает помещик просьбу.

— Конечно, конечно,— кивает Изюмов.— Будьте уверены. Считайте, исполнено. Тотчас отдам приказ.

Но вот в кабинете — простой рабочий. И тут-то Изюмов совсем не Изюмов. И даже не Перец-Изюмов, а просто без всякого — Перец. Насупился грозно: зачем, мол, явились, вас же не звали. В чём ваша просьба? Подайте бумагу. Принял бумагу. Даже не глянул. Сунул куда-то в стол.

Фабрикант на приём явился. Бухнулся в кресло, раскинулся важно.

— Рад вас увидеть,— щебечет Изюмов.— Просите любое. Честью для себя сочту.— Вскочил по-солдатски. Склонился почтительно. Даже пылинку с плеча фабриканта снял.

Уехал заводчик. И снова Изюмов совсем не Изюмов. Перец ведёт приём.

Сообщает помощник:

— Пришли крестьяне.

— Занят, занят! — кричит Изюмов.— Тьфу! Быдло любое прёт...

Вот какие чиновники царские. Велика, необъятна страна Россия. В Туле, в Ростове, в Иркутске, в Тамбове, в городе крупном, в городе мелком — всюду были такие чиновники. На них и держалась царская власть.

Скинули эту власть.

ШКОЛА

До Великой Октябрьской революции городская школа называлась гимназией. Ходят в гимназию дети.

У Кирилла отец — помещик. У Павла — важный царский чиновник. Генерал у Наталии, фабрикант у Розалии. У тупицы Модеста отец — жандарм.

А вот и Сорокин Петя. Нелёгкая жизнь у мальчика. Прачкой работает Петина мать.

В гимназию Петя не ходит. Учение дорого стоит. Нет таких денег у Петиней мамы. За работу она получает гроши.

С утра и до вечера мать стоит у корыта. Стирает, стирает, стирает. Руки до крови трёт. Стирает она для Наталии, стирает она для Розалии. Для Кирилла и Павла, для Модеста и всех городских богатеев спину до боли гнёт.

Сын помогает матери. Воду приносит. Колет дрова.

Вечером мальчик спешит к клиентам, доставляет бельё заказчикам. Бежит к фабриканту, бежит к генералу, к жандарму, к помещику, в другие дома несётся.

Презирают Петю богатые дети.

— Хи-хи, — завидя Петю, хихикнет Наталия.

— Хи-хи, — поддержит её Розалия.

— Хо-хо, — рожи строят Кирилл и Павел.

— Прачка, смотрите, прачка идёт! — тупица Модест заляется.

Не сдержался однажды Петя. Больно побил Модеста. Правильно Петя сделал. Не испугался того, что у Модеста отец — жандарм.

Очень хочется Пете пойти учиться. Да где же ему учиться? Прачка у Пети мать.

Так бы и остался Петя, как много других, безграмотным. Но тут...

Идёт, наступает время.

Стучится в двери Семнадцатый год.

И вот нет уже в городе больше Наталии, нет уже больше Розалии. Кирилла и Павла нет. И где тупица Модест, никому не известно.

Всё изменилось. Закружили гимназию. Вместо гимназии нынче школа. Вышел специальный о том декрет.

Новые дети идут на урок.

У Васи Потапова папа — рабочий. У Толи — советский слу-

жащий. Дворник у Оли, грузчик у Поли. У Гриши отец — кочегар.

А вот и Сорокин Петя. Вместе со всеми он в школу сегодня идёт.

В новую школу, в бесплатную школу, в советскую школу дети идут гурьбой.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, авроровец. Учитель он, правда, временный, до той поры, пока настоящий придёт. Старый сбежал, вот и понадобилась срочно замена.

Явился учитель в класс. Притихли ребята, ждут, когда тот начнёт им про буквы и цифры рассказывать.

А матрос — раз им про «Аврору». На следующий день — про штурм и про взятие Зимнего. Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про товарища Ленина.

Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.

Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те поняли и чего недопоняли. Спросил про «Аврору» и про взятие Зимнего.

— А что такое партия большевиков?

— Это та, что самая лучшая, — торопятся ответить ребята. — Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.

— Верно, — кивает матрос головой. — Ну, а что такое Советская власть?

— Это когда правят страной не царь, не буржуи, а трудовой народ.

Доволен матрос. Смотри какие умные стали ребята. Начал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б». Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.

Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка. Зоя.

— Ну, что вы здесь изучали?

— Про «а» и про «б».

— Про один и один, про два и два.

— Ну, а ещё?

Жмутся ребята.

— Немного вы изучили, — говорит Зоя. — Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать такое ребятам. Поднялся Еремей Торпыгин:

- Зато мы про Ленина знаем.
- Верно, верно! — закричали ребята.
- И про Советскую власть.
- И про партию большевиков.
- И про штурм и про взятие Зимнего.

Улыбнулась Зоя:

- Кто же вам рассказал?
- Он, он, балтиец, авроровец!

Задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела.

Глава вторая

ШАГАЕТ, ШАГАЕТ, ШАГАЕТ

КРАСНЫЙ ОРЁЛ

Шагает. Шагает. Шагает. Не остановишь Советскую власть.

В горном высоком ауле жил у Расула дед. Здесь только орлы летают. Здесь ветры свирепые бродят. Тут горы забрались под самое солнце. Если на цыпочки встать — солнце можно рукой достать.

Далеко отсюда сакля Расула. Внизу, в плодородной долине. Примчались в долину красные конники, принесли весть о Советской власти. Слушал, слушал рассказы Расул: про землю, про мир, про товарища Ленина. Очень ясно молодой командир про новую жизнь рассказывал.

Целый день ходил по пятам за джигитом Расул, об одном и том же по несколько раз расспрашивал.

- Значит, больше царя не будет?
- Нет, — отвечал джигит.
- И богатых князей прогонят?
- Сами они сбегут.

Подружился Расул с джигитом. Кинжал самодельный ему показал, про деда ему рассказал.

Утром простились гонцы с крестьянами, помчались джигиты дальше.

О многом узнал Расул. А как же там дед? Он высоко в горах. Кто же ему обо всём расскажет?

Рассказал бы Расул. Только маленький очень ещё Расул. Не добратся мальчику в горы.

И вдруг вспомнил Расул: дед у него следопыт, дед у него охотник. Он с птицами с детства дружит, орлиную речь понима-

ет. Орёл — вот кто расскажет про всё старику, вот кто в горы в момент слетает.

Вышел Расул из аула к реке. Видит, сидит на скале у реки непокорный небесный житель.

Бросился мальчик к скале.

— Эй! — закричал богатырской птице.

Глянул орёл на Расула.

Объясняет Расул орлу про землю, про мир, про товарища Ленина. Просит: лети побыстрее в горы — к деду, Абдулкеримом, мол, деда звать, Расскажи ему важную новость.

Переступил орёл с лапы на лапу, кивнул головой, расправил могучие крылья.

— Не напугай! — кричит Расул. — Передай ему слово в слово.

Взмыл орёл в поднебесье.

Прошло три дня, и вот спустился в долину старый Абдулкерим.

Глянул Расул на деда: в бурке тот новой, в черкеске новой, улыбается внуку дед.

Ясно Расулу: выполнил просьбу его орёл. Бросился мальчик к деду:

— Это я ведь орла послал!

— Ты?

— Я, я, — не умолкает Расул. — Рассказал он про землю?

— Рассказал.

— А про мир?

— И про мир.

— А про товарища Ленина?

— И про товарища Ленина.

— Это всё я, — торжествует Расул. — Правда, орёл хороший?

— Правда, — ответил дед. — Хороший. И конь у него хороший.

Доволен Расул ответом. Однако подумал: «При чём же здесь конь? Эх, подпутал что-то старый Абдулкерим».

— Настоящий орёл, — повторил старик, даже грудь свою старую выпятил, подмигнул по-мальчишечьи внуку: — Красный орёл.

Вовсе сбился с толку теперь Расул.

— Красный орёл? Разве бывают красные?

— Бывают, — ответил дед.

Сокрушался потом Расул, как же он тогда у реки сам того не заметил. Может, солнце не так светило.

Стояла весна в Дагестане. Разносили джигиты великую весть.

ЕСЛИ ПО РЕЧКЕ ПЛЫТЬ

Мальчик Янка, мальчик Петрусь — два неразлучных друга. Ростом схожи, носами схожи. Даже лицами чем-то похожи. Разница только в том: у Янки штаны с помочами, Петрусь подпоясан верёвочкой.

Живут они где-то в белорусском глухом Полесье, среди непролазных болот и топей.

Крутились Петрусь и Янка у болотистой малой речки. Любят ребята спокойную речку. Если по речке плыть, можно добраться до Припяти. Припять впадает в Днепр. А Днепр — в далёкое Чёрное море.

В глухой деревеньке великая новость: пришла к ним в Полесье Советская власть.

Вот рассказать бы про эту власть тем, кто живёт на Припяти, тем, кто живёт на Днепре, тем, кто живёт на Чёрном далёком море.

Решили друзья отправиться в дальний путь. Соорудили поспешно плот, собрали еду на дорогу, оттолкнулись шестами от берега.

Плывут они речкой своей болотной. Петляет, как зайца след, среди камышей и осоки речка. Тянется низкий и топкий берег. Плывут на брёвнах Петрусь и Янка, великую весть везут.

Повстречалась в пути деревня. Большая-большая. Не их деревеньке лесной чета. Сбегают к речке избы ровнёхоньким рядом. Глянешь издали — словно не избы, а гуси идут к воде.

У речки толпятся гурьбой мальчишки. Видят мальчишек Петрусь и Янка, к берегу правят плот. Причалили. Ступили на землю.

Окружили пришельцев ребята: мол, откуда и что за народ?

Стоят, торжествуют Петрусь и Янка. Сверхсерьёзный у каждого вид.

— У нас, — важно сказал Петрусь, — Советская стала власть.

— Уже неделю, — добавил Янка.

И тут же оба про власть рассказывать. Про то, какая хорошая эта власть.

Рассмеялись мальчишки:

— Эка расхвастались! Подумаешь — только неделю. У нас две недели Советская власть!

Смутились, конечно, Петрусь и Янка. Да что же делать, поплыли дальше. Речка всё шире, шире и шире. Вот уже Припять, смотри, видна. Плывут мальчишки по спокойной ленивой Припяти, видят — стоит деревня. Десяток, не больше, изб. Заторопились приятели к берегу. Вот где новость они расскажут.

И здесь встречают друзей мальчишки. Вышли на берег Петрусь и Янка.

— А у нас Советская власть, — важно сказал Петрусь.

— Уже неделю, — добавил Янка.

Рассмеялись мальчишки:

— Подумаешь! У нас уже месяц Советская власть.

Переглянулись Петрусь и Янка. Упрямы Петрусь и Янка: снова поплыли дальше. Кончились земли родной Белоруссии, Украины земля пошла.

Потирают ребята руки. Вот мальчишки куда заплыли. Пусть завидуют на Украине тому, что свершилось у них в Белоруссии. Вот где ребята про всё расскажут.

Смотрят Петрусь и Янка — лодка плывёт навстречу. Два мальчика вёслами дружно гребут.

Поравнялись лодка и плот.

— Кто вы такие? — из лодки кричат ребята.

— Янка.

— Петрусь.

— А вы кто такие?

— Марко.

— Пилипко.

— Куда вы; откуда?

— Из Белоруссии на Украину. А вы?

— С Украины к вам в Белоруссию.

Довольны встречей Петрусь и Янка. Только раскрыли рты, про Советскую власть рассказать хотели, как вдруг:

— А у нас Советская власть! — закричали Пилипко и Марко. И сразу про власть докладывать.

Обомлели Петрусь и Янка. Смотрит Петрусь на Янку. На Петруся глазеет Янка. А Пилипко и Марко снова про Украину, про новую власть и жизнь.

— Мы с Украины не просто так, — не утихают Пилипко и Марко. — В Белоруссию весть мы везём великую.

Вот это да! Вот так дела! Вот ведь встреча в пути какая!

ВОЛШЕБНЫЕ СИЛЫ

Маленький Тайво родился в лесах Карелии.

Сосны здесь подпирают небо. Если глянуть на их верхушки, привязывай шапку к ушам верёвкой, шапка слетит с головы. Вот какие высокие сосны.

Озёр здесь тысячи. Даже десятки тысяч. Если глянуть в любое из этих озёр, можно землю насквозь увидеть. Потому что озёра здесь очень глубокие, и чиста, как слеза, в этих озёрах вода.

Лес и озёра — богатство Карелии.

Маленький Тайво — сын лесоруба. В том месте, где Тайво живёт, все лесорубы. Владеет здесь лесом богатый барон. Барон хоть и немец, а лесом владеет русским.

Трудно живётся в лесах лесорубам. Этот проклятый барон обдирает рабочих, как заяц липку.

Не раз поднимались против барона люди. Но это только плохим кончалось. Приходили на помощь барону жандармы. Увозили с собой непокорных. Увезли однажды они и отца у Тайво.

Осиротел у мальчика дом. Мать угрюмая стала, угрюмая. Сестрёнка Хильда и так плакса, теперь же с нею сладу и вовсе нет.

Утешает Тайво сестрёнку. Старается маме в делах помочь. Только не очень большая от мальчика польза. Маленький Тайво.

Даже ведро с водой для него непосильная ноша. Да и Хильда при виде брата, как ни бьётся с девчонкой Тайво, ещё больше ревет и хнычет.

Другое дело, если бы снова вернулся домой отец. Целыми днями Тайво об этом думает.

Кто же поможет мальчику? Есть ли такие силы?

Просит Тайво у солнца:

— Солнце, солнце, сделай так, чтобы папка домой вернулся.

Бегаёт Тайво к лесному озеру.

Просит мальчик у озера:

— Озеро, озеро, сделай так, чтобы папка домой вернулся.

Обращается мальчик к ветру, к высоким карельским соснам:

— Помогите, волшебные силы!

И вдруг вернулся домой отец.

Смотрит Тайво — дверь в их избу широко раскрыта. Толпятся у дома соседи. Стоит на пороге отец. Рассказывает что-то людям. Долетают до Тайво слова: «Революция», «Советская власть», «Мир всем народам», «Товарищ Ленин»...

— Папка! — бросился Тайво к отцу. — Папка!

Обнял сына отец. Прижал к себе крепко-крепко.

Долго в этот вечер не мог заснуть Тайво. Лежал, всё о силах волшебных думал. Вот что озадачило мальчика. Вместе с отцом вернулся и их сосед, вечно угрюмый Антти. Его тоже арестовали жандармы. Почему же вернулся Антти?

Об Антти мальчик совсем не просил. Конечно, рад Тайво, что Антти тоже домой вернулся. Просто Тайво забыл попросить об Антти.

«Волшебные силы добрые-добрые. Сами догадались они, наверно», — засыпая, подумал Тайво.

СКРИПКА

Гургён не умеет играть на скрипке, зато он имеет скрипку. Сурён умеет играть на скрипке, но он не имеет скрипки.

Живут они в городе Ереване, рядом с армянским крутым нагорьем. У Гургена отец — армянский богач. У Сурена папа — каменотёс. Строит папа Сурена для богатых дома из камня, а сам в глинобитной ютится лачуге. Тот дом, в котором живёт Гурген, тоже построил отец Сурена.

Проходят прохожие, смотрят на дом.

— Вот ведь прекрасный дом! Это богач Вартанян (то есть отец Гургена) прекрасный построил дом.

А дом ведь строил отец Сурена.

Мать у Сурена портниха. Золотые руки у мамы Сурена. Шьёт для богатых она наряды, а сама в каких-то тряпицах ходит. Мама Сурена и для мамы Гургена нарядные платья шьёт.

Идёт по улице мама Гургена. Смотрит народ на её наряды: — Вот какие прекрасные платья жена Вартаняна шьёт! А шьёт-то наряды мама Сурена.

Пригласил Гурген Сурена однажды к себе домой, разрешил поиграть на скрипке.

Проходят люди, слышат — играет скрипка.

— У этого богача Вартаняна очень талантливый мальчик, — рассуждают прохожие.

Играет Сурен — вся слава идёт Гургену.

Вот ведь какое странное дело! Достаётся слава совсем не тем.

Но и сюда, в Закавказье, пришла Советская власть. Прогнали люди своих богачей. В том числе и отца Гургена.

Новая жизнь в Закавказье. Новая жизнь у всех. Не строит папа Сурена больше дома для богатых. Растут в Ереване новые здания: то больница, то школа, то детский сад.

Проходят люди, смотрят на здания:

— Это построил Сурена отец. Вот кто прекрасный мастер!

У мамы Сурена много теперь заказчиц. Работает мама в большой мастерской. Ходят женщины в новых красивых платьях.

— Это сшила Сурена мать! Это ей за наряды спасибо.

Принят Сурен в музыкальную школу. Проходят прохожие, слышат — играет скрипка. Остановятся люди, слушают скрипку:

— Это Сурен играет!

Новое нынче в жизни: кто своими руками трудится — слава за тем идёт.

МАЛЬЧИК АКУТО

Где-то на Севере, на Крайнем далёком Севере, у ледовитого грозного моря, мальчик Акуто жил.

Пас он оленей. Огромное стадо. Тысяча с лишним голов. Только не мальчика это стадо, не отца его и не деда. Это шамана старого стадо. Акуто и трое других бедняков чужих выпасают оленей. Боятся Акуто шамана. Боятся другие шамана. Он главный у них богатей.

Слышал Акуто, что где-то за тундрой, за горами, покрытыми лесом, в том краю, что зовётся Россией, скинули люди своих шаманов. Не шаманы, не богатеи, а люди простые стоят у власти.

«Вот бы такое и в тундре», — думает мальчик. Не пас бы Акуто стада шамана. Да и стадо тогда не шамана бы было. Разделили б оленей среди таких, как дед и отец Акуто, — бедных простых людей.

Мечтает о том Акуто. А между тем Советская власть уже подходила к тундре.

Оставил мальчик на день оленей. Побывал он в родительском чуме. Повидал и родных и соседей. Разговоры везде об одном: у шамана отнимут стадо, скоро будут делить оленей.

И правда: прибыл к стаду старый шаман. А вместе с ним и два его младших брата. Зло посмотрел на Акуто шаман, приказал поднимать оленей. Замер от счастья Акуто. Значит, стадо погонят к чумам, значит, будут делить оленей. И вдруг не к чумам — от чумов погнажи стадо. Понял Акуто: богатеи решили угнать оленей. Значит, не будут делить оленей. Значит, пропало огромное стадо.

Весь день уходили погонщики всё дальше и дальше в тундру. Ночью хозяин дал людям отдых. Длинные на Севере зимние ночи. Заснули на нартах в тёплых мешках богатеи. Не может заснуть Акуто. Плакать готов Акуто. Но вот улыбка прошла по лицу мальчишки. Озорством заблестели глаза. Что-то придумал, видать, Акуто.

...Утро. Проснулся шаман. Проснулись два брата.

«Что такое? — не может понять шаман. — Где же стадо? Где же олени? И где же Акуто?!»

Смотрит волчьим взглядом шаман вокруг. Старым глазам не верит.

Ясно шаману: угнал мальчишка оленьё стадо. К чумам назад повёл.

Вскочили два брата, вскочил шаман. Бросились с криком они в погоню.

Мчится Акуто.

Мчат богатеи.

Вот всё ближе, и ближе, и ближе, почти настигает мальчишку шаман. Не уйти от расправы Акуто. С кем ты тягаться решил, Акуто?

— Олешки, олешки! — кричит Акуто. — Олешки, олешки, быстрее!..

Мчится Акуто.

Мчат богатеи.

Нет, не уйти от шамана Акуто. Не увидеть родимого чума. Не спасти для людей оленей.

Вот уже рядом совсем шаман.

И вдруг... Что это там закружилось над тундрой? Что подняло над тундрой снег? Смотрит вперёд Акуто. «Не сон ли мне снится?» — решает Акуто. С той стороны, оттуда, где остались родные чумы, мчатся навстречу люди. Верхом на оленях, в оленьих упряжках. Это идёт спасение.

Видит Акуто отца и деда, видит других людей. Заметил людей и шаман. Прекратил он свою погоню. Развернул побыстрее упряжку. Бросился ветром прочь.

Солнце поднялось над тундрой. Искрится под солнцем снег. Возвращаются к чумам люди. Стадо бежит по тундре.

— Олешки, олешки! — кричит Акуто. — А ну поживей!..

Едет верхом на олене Акуто. Счастья тебе, Акуто — маленький славный герой!

ХОЗЯИН БОЛЬШОГО АРЫКА

Пришла Советская власть в Бухару. Далеко Бухара, за тысячи вёрст от центральной России, в Средней Азии, под знойным, палящим солнцем.

Редко идут тут дожди, не хватает земле воды. Вода здесь дороже жизни. Чтобы землю поить водой, роют в степях каналы. Называют их здесь арыками. У богатых баев в руках вода. У богатых баев в руках арыки.

И вдруг... Получите воду, простые люди! Побежала вода на поля крестьян, напоила иссохшие земли.

Богатый бай Султан Алимкулов, хозяин большого арыка, лишился теперь арыка. Проклинает бай Алимкулов Советскую власть. Его вода — на крестьянские земли! Как же воду отнять у крестьян? Выпить, что ли, её из арыка? Выпил бы жадный бай, да невозможно такое сделать. Другое придумал бай...

Мальчишка Сабир Рахматов как-то вечером забрался к баю в абрикосовый сад. С кулак висят абрикосы. Такие большие только в этих краях рождаются. И вдруг слышит Сабир шаги. Прижался к земле. Видит, идёт хозяин. Шепчется с кем-то Султан Алимкулов. Различает Сабир слова. Речь об арыке, речь о плотине, о том, чтобы воду не дать крестьянам.

Ах ты проклятый бай! Ясно Сабиру, в чём дело. Испортить плотину решил богач. Про абрикосы Сабир забыл, быстрее помчался к дому.

Отец у Сабира, Рахмат, — бедный дехканин, так в тех местах называют крестьян. И отец у отца, то есть Сабира дед, старый Куддус, — тоже дехканин. И старший брат у Сабира, Гуфур, тоже делом крестьянским занят. Вырастет мальчик Сабир, и он бухарские земли возделывать будет. Понимает Сабир беду: уйдёт из арыка вода — погибнут поля крестьян.

Всполошил мальчишка деда, отца и брата. Те разбудили своих соседей. Собрались крестьяне, побежали к плотине. Просидели там целую ночь. Однако бай Алимкулов не появился.

— Придумал мальчишка, — решили дехкане.

— Я слышал, я слышал! — твердит Сабир.

Только не очень Сабиру верят.

Поверил лишь дед Куддус. Новый спустился вечер. Снова дед с внуком пошли к плотине. Просидели вдвоём до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили. Алимкулова нет и нет.

Покачал головой Куддус. Да, ошибся Сабир, наверно.

— Я слышал, я слышал, — твердит Сабир. Смотрит на деда. Ясно — не верит дед.

Рассказал про бая Сабир мальчишкам. Разгорелись глаза у ребят. Каждый героем себя считает. Каждому верится в то, что бая они поймают. Едва дождались ребята вечера.

Улеглись у плотины мальчишки. Замерли. Ждут.

Ждали ребята, ждали. Животы и бока отлежали. Не появился проклятый бай.

Три ночи ходили к плотине мальчишки. Три дня возвращались они ни с чем.

Обозлились ребята:

— Это Сабир придумал!

Чуть не побили друзья Сабира. Не верит ему никто.

Поверила лишь Халида. Правда, девчонка — плохая помощь. Однако что же Сабиру делать, если только одна Халида во всём посёлке Сабиру верит.

Снова спустился вечер. Отправились вместе они к плотине. Просидели вдвоём до утра. Зорче филина вдаль глядели. Шорох любой ловили. Алимкулова нет и нет. Теперь и Сабира взяло сомнение. И, если сказать по правде, не будь при Сабире тогда девчонки, неизвестно, чем бы история эта кончилась.

А так — поймали они злодея. Вернее, его спугнули. Едва появился бай, такого наделали шуму — прежде всего Халида, — что дехкане, хотя и спали они за версту, немедля вскочили на ноги.

Схватили крестьяне бая. Прогнали крестьяне бая.

Струится вода в арыке. Поит крестьянские земли. Ходит мальчик Рахматов Сабир по селу. Хозяин бухарской земли, хозяин арыка ходит.

АРТЕЛЬ

Самая дальняя даль России — берег Охотского моря. Тихий или Великий бушует за ним океан. На берегу рыбацкий стоит посёлок. Налево сто вёрст скачи, направо сто вёрст скачи — не встретишь селенья.

В посёлке тридцать рыбацких семей. Тридцать бревенчатых домиков. У причала четыре стоят баркаса. Ходят люди в бурное море. Рыбу сетями ловят. Не скупится Охотское море. Возвращаются с лова баркасы домой, чуть не тонут от рыбьего груза.

Солят люди рыбу на берегу. В бочки её укладывают.

Говорят: в посёлке живёт артель. Однако бочки, баркасы и весь улов — это богатство хозяина. Платит он рыбакам копейки, наживает себе рубли. Хозяина сразу два: купец и промышленник Фёдор Проворов и батюшка местный отец Мефодий. Они все доходы делят.

Вот так артель! Одни ловят, другие доходы делят.

Фёдор Проворов и вправду не промах. Он хоть и выдаст рабочим за труд копейки, но тут же снова себе вернёт. Открыл магазин в посёлке. Тащат люди туда копейки.

Да и священник отец Мефодий тоже не лыком шит. Бога на помощь себе зовёт. Берёт за крестины, за память усопших, на ремонт, мол, для храма, для новой иконы...

Вот так и живут в посёлке. Проворов торгует. Мефодий кадилом машет. Рыбаки в бурное ходят море. Доходы — богатым. Гроши — рабочим. Это и есть артель.

Размечтались мальчишки Димка и Фимка. А если бы так: доходы тому, кто ходит за рыбой в Охотское море.

Засмеяли ребят приятели. Где это видано, где это слыхано? Да разве может такое быть?

Понимает Димка:

— Конечно, не может.

— Не может, конечно, — соглашается Фимка.

А всё же почему бы о том не мечтать.

Любят мечтать мальчишки. Представляют Димка и Фимка себя на борту баркаса. Тянут мальчишки тяжёлые сети. Рыбы в сетях полно. А рядом другие идут баркасы. Светятся радостью лица у рыбаков.

Чьи же баркасы гуляют в море? Не купца, не попа, не других богатеев. Артельные это идут баркасы.

Да разве может такое быть?

Понимает Димка:

— Конечно, не может.

— Не может, конечно, — соглашается Фимка.

А всё же почему бы о том не мечтать.

Мечтают мальчишки о сказочном времени. Не знают пока того, что вот-вот их мечты обернутся былью.

И вот изменились порядки и здесь — на самом дальнем конце России. Лишились Фёдор Проворов и батюшка местный отец Мефодий бочек, баркасов, своих доходов.

Настоящая стала в посёлке теперь артель. Кто ловит рыбу в Охотском море, тот и доходы делит.

ЧИЧИКО И РУССКАЯ ДЕВОЧКА НИНА

Сдружились они — Чичико и русская девочка Нина.

Бегут они берегом моря.

— Чичико! Чичико! Чичико! — догоняет приятеля Нина. Голос долго звенит над морем.

Поднимутся дети в горы.

— Нино! Нино! Нино! — Чичико окликает Нину.

Спустятся в тёмное дети ущелье.

«Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!..» — отдаётся эхом сто раз ущелье.

Уже год, как мальчик и девочка дружат. Если увидишь, идёт Чичико, — обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть и то Чичико увидишь. Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.

А раньше? Даже смешно сказать. Раньше было совсем другое. Боялась Нина тогда Чичико. И Чичико сторонился Нины. Жили дети в одном посёлке, а вроде бы в странах различных жили.

Да только ли дети?

Маленький горный поток делил посёлок на две половины. В одной половине живут грузины, в другой поселились русские. Над русскими старший дворянчик русский. На той половине командует всеми какой-то грузинский князь. А самый главный над всем посёлком — мордастый, носастый, пузастый урядник царский.

На Кавказе много различных народов: осетины, абхазцы, аджарцы, грузины, армяне, азербайджанцы, ингуши, кабардинцы, русские. Это ещё не все. Не хотят богачи, чтобы жили люди простые в дружбе. Если в ссоре живут народы, легче командовать ими. Проще их угнетать. Легче с бедных три шкуры драть.

Пусть в ссоре живут народы. Пусть ненавидят один другого.

Пугают богатые бедных. Наводят на бедных страх.

Так и тут, в этом маленьком горном посёлке. Пугают грузин русскими, пугают русских грузинами. А сами? Сами мирно себе живут. Ходит дворянчик русский в гости к князю грузинскому. Ходит грузинский князь в гости к дворянчику русскому. А мордастый, носастый, пузастый урядник царский — почётная личность и там и тут.

Всё это было. Всё это кончилось. В Москве, в Петрограде, в Ереване, в Тбилиси — всюду стала Советская власть. Изменился и горный теперь посёлок. Бежал куда-то дворянчик русский, сброшен навеки грузинский князь. А мордастый, носастый, пузастый урядник царский, где он? В помине такого нет.

Дружат нынче в посёлке люди. Не разделяет их больше горный поток. Нет ни этой, ни той половины. Ни этой, ни той стороны. Не боится Нина теперь Чичико. Чичико не пугается Нины. Неразлучны теперь Чичико и русская девочка Нина. Если увидишь идёт Чичико, — обязательно рядом Нина. Если заметишь Нину, можешь глаза закрыть и то Чичико увидишь.

— Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. Нино!.. Чичико!.. — звенят голоса в посёлке.

Дружат они — Чичико и русская девочка Нина.

ПЕРВАЯ КНИЖКА

Кто из вас бывал на Камчатке? Не на той, что имеется в каждом классе на дальней последней парте. На настоящей земле Камчатской.

А кто побывал на Чукотке? Это дальше ещё Камчатки. Самая дальняя точка на нашей карте. Тут кончается наша земля. Дальше идёт Америка.

Так кто же бывал на Чукотке? А вот маленький чукча Рытхэу не только бывал, но и родился на этой Чукотке.

Чукчи смелый и добрый народ. Поезжайте, проверьте сами. Чукчи сейчас инженеры, чукчи сейчас врачи. А раньше? Даже

поверить трудно. Никто из всего народа не умел ни читать, ни писать. За людей не считали чукчей. Маленький мальчик Рыхэу в жизни не видел книжки. Так бы и состарился, ни разу не видя книжки. Но пришла на Чукотку Советская власть.

И вот однажды по каким-то делам заехал сюда молодой и весёлый парень. Книжку с собой привёз. Смотрит Рыхэу на книжку, смотрят другие на книжку — что такое, не могут никак понять. Открывают страницу первую, открывают страницу последнюю. Любопытно, имеются даже картинки — вот так чудо у них в руках.

Объясняет хозяин книжки: это, мол, книжка, а это, мол, буквы, а это, мол, строчки. Из букв создаются слова, из слов составляются фразы. Читая книги, многое можно узнать, многому книги учат. Но прежде нужно запомнить буквы.

Называется это грамотой. Зная грамоту, можно не только читать, можно, взяв карандаш или ручку в руку, самому любые слова писать.

Поразился такому Рыхэу. Глаз не спускал с приехавшего. Объяснил тот мальчику, как пишется «а», как пишется «б». Потом рассказал про «р» и про «ы».

Дал карандаш и бумагу:

— А ну-ка пиши!

Пишет Рыхэу «Р», потом «ы».

Рассказал гость про «т», про «х», про «э» и про «у».

Пишет мальчик и эти буквы.

— Ну-ка теперь читай!

Читает Рыхэу, диву даётся Рыхэу, получается слово «Рыхэу».

Смеётся чукотский мальчик: так этим же словом Рыхэу звать!

Уезжая, парень сказал, что скоро на Чукотке откроют школы. Не очень Рыхэу тогда поверил. Но всё-таки ждал. И дождался.

В первый же день поразил всех Рыхэу. Написал на доске он и «а» и «б».

Смутился учитель: мальчик Рыхэу, чукча Рыхэу — откуда он знает про «а» и «б»?!

— А я и про «Р» и про «ы» умею, — хвастает мальчик. Снова схватил мелок. Написал без запинки «Ры», затем улыбнулся и полностью вывел «Рыхэу».

Совсем обомлел учитель. Пришлось рассказать Рыхэу, откуда он буквы знает. Прилежно учился в школе Рыхэу. Любил и читать и писать.

«Вот вырастет мальчик, — думал учитель, — возможно, книжку и сам напишет». И написал. Сейчас Рыхэу известный в стране писатель. Я его книги и сам читал.

РАБОЧАЯ УЛИЦА

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

«Ваше Величество» — так называли царя. Величество — значит, главный. Главнее не может быть.

Не стало теперь Величества. Свергли царя. Свергли Его Величество.

И вдруг...

К отцу Пети Петрова Ивану Петрову явились его приятели, такие же, как и отец, рабочие-металлисты. Вошли они шумной группой.

— А мы за тобой, Ваше Величество, — обратились, смеясь, к отцу.

— Иду, — отозвался отец. Ушёл он вместе с рабочими.

Петя стоял, как сражённый громом. «Вот кто, значит, теперь Величество. Хитрый отец — молчал!»

Побежал он на улицу. Встретил Катю Орлову. Шепчет Петя Кате на ухо: мол, знаешь, какое дело — отец у меня Величество.

Обидно Кате, что отец у Пети — Величество, а у Кати — простой рабочий.

Возвращается Катя домой. И вдруг...

Встречает Катя слесаря Громова. Остановился Громов и говорит:

— Поклон от меня отцу. Как там Его Величество?

Замерла Катя: ослышалась, видимо, Катя. Не может такого быть! А Громов опять своё:

— Смотри не забудь. Привет от меня Величеству.

Свернула Катя с дороги, помчалась к лучшей подружке — Наде Сизовой. Шепчет Катя на ухо Наде: знаешь, какое дело — отец у меня Величество!

Умчалась от Нади Катя.

Обидно Наде, что отец у Кати — Величество, а у Нади — простой рабочий.

И вдруг...

Кто-то стучится в дверь. Бросилась Надя к двери. У порога стоит почтальон, протягивает Наде письмо.

— На́, — говорит, — передай-ка Его Величеству.

— Кому?! — поразились Надя.

— Отцу! — говорит почтальон.

Схватила Надя письмо. Не сидится Наде Сизовой дома. Вышла она на улицу. Побежала к Васе Козлову. Подлетела к знакомому дому. Что такое?!

Стоят у дома мальчишки, стоят у дома девчонки. Объясняет с крылечка Вася Козлов:

— Отец у меня Величество.

Смутилась Надя. Сколько же разных кругом Величеств? У Пети, у Кати, у этого Васи...

В это время на заводе окончилась смена. Возвращались отцы домой. Идут они по своей, по рабочей улице.

Шире, шире раздвинься, улица! Видишь, народ трудовой идёт. Дорогу ему, дорогу! Дорогу Его Величеству!

ДЕБЕТ — КРЕДИТ

Завод фабриканта Петрова-Водичкина перешёл в руки Советской власти. Для управления заводом был избран заводской комитет во главе с токарем большевиком Никитиным. Попал в комитет и молодой рабочий Илья Трошин. Выпало ему наблюдать за работой бухгалтерской части.

— Помилуйте...— взмолился Трошин.— Я не то что цифрам, но и грамоте как следует не обучен.

— Ничего, ничего,— заявил Никитин.— Ты самый молодой. Присмотришься — научишься.

— Правильно,— поддержали другие.— Молодой. Сдюжит.

Явился Трошин в бухгалтерию, представился. В комнате человек десять. В углу за большим дубовым столом — главный бухгалтер. Вокруг за другими столами — дамочки и девицы. Сидят, на счётах щёлкают, на листы бумаги разные цифры выписывают. Стал Трошин знакомиться с бухгалтерскими книгами и названиями: дебет, кредит, сальдо... Слова мудрёные. От слов и цифр — голова кругом.

Прошла неделя. Что к чему, так и не может понять Трошин. Пытался он расспросить у главного бухгалтера.

— Э, молодой человек,— ответил главный бухгалтер,— для этого университет кончать надо. Это вам не рашпилем по железу драть.

— Хи-хи,— хихикнули дамочки и девицы.

Явился Трошин к Никитину, просит:

— Увольте. У меня от цифр голова болит. Тут университет кончать надо.

— Эх, ты,— произнёс Никитин.— «Университет... Голова болит...» И не стыдно тебе, рабочему человеку, так говорить? Возьми учебную книгу по бухгалтерскому делу и изучай. Вот и будет тебе наш, пролетарский, революционный, жизнью указанный университет.

Достал Трошин учебную книгу. Стал изучать: дебет — приход, кредит — расход, сальдо — остаток. Если от дебета, то есть прихода, отнять кредит, то есть расход, то, что останется, и будет сальдо. Заинтересовался Трошин. Пыхтел, мучился — изучил мудрёную книгу.

Потом взялся за счёты. Один ряд — это копейки, второй — десятки копеек, третий — рубли, потом десятки рублей, сотни и тысячи. Смотрит — всё тут понятное. Сиди прикидывай косточку к косточке, записывай результат.

Доволен Трошин. Сам не заметил, как увлёкся бухгалтерским делом.

Прошло около месяца. Инженеры и другие заводские служащие объявили бойкот Советской власти. Отказался работать и главный бухгалтер. А вместе с ним и все его дамочки и девицы.

— Вот узнают, как работать без нас, — злорадствовал главный бухгалтер.

— Они ещё нас на руках понесут к нашим цифрам и бухгалтерским книгам, — хихикали дамочки и девицы.

Сидят они дома. Неделю, вторую, третью. Ждут. Только что-то за ними никто не идёт.

Решил тогда главный бухгалтер сам сходить на завод. Не поймёт он, как же без них, без людей опытных, завод управляется. Приоткрыл дверь в бухгалтерию. За большим дубовым столом — Илья Трошин. За другими — заводские девчата. Сидят, на счётах щёлкают, на листы бумаги разные цифры выписывают.

Вошёл бухгалтер в комнату, направился к дубовому столу, взял в руки бухгалтерскую книгу, глянул — всё верно: и дебет, и кредит, и сальдо.

Поразился бухгалтер:

— Для этого же университет кончать надо!

— А мы его и окончили, — улыбается Трошин. — Наш, пролетарский, революционный, жизнью указанный университет. Как там по бухгалтерским книгам: одни — в расход, другие — в приход, — показал на себя и сидящих рядом девчат. — Дебет — кредит. Всё по науке!

ОТВЕТ КРИКУНОВУ

— Мне что, я Зимний брал, — хвастал Илья Крикунов. — Я кровь проливал. Со мной осторожнее.

Стали рабочие хозяевами на заводах. Установили строгий порядок — революционную дисциплину. Работать без брака. На заводы являться вовремя. Станки и инструмент беречь.

Так всюду. Так и в Петрограде на Балтийском заводе.

И лишь Илья Крикунов не как все. Ленится, на работу опаздывает.

— Я Зимний брал. Мне все можно.

Станут товарищи стыдить Крикунова.

— Ну, ну, расходились! — огрызался он. — Я революцию делал. Так уж и разок опоздать нельзя.

— Так ведь не разок, — говорят товарищи.

— Ну два, ну три, ну чего привязались?..

Балтийский завод выполнял срочный заказ. Работали с утра до утра. Часто по двое, по трое суток не выходили из цеха. Больше всех доставалось кузнечной бригаде, в которой работал Илья Крикунов. С них всё начиналось. Другие рабочие — слесари, токари, сборщики — ждут, пока кузнецы откуют заготовки.

В бригаде семь человек. Каждый на строгом учёте.

И вот в самый разгар работы исчез Крикунов куда-то. Не приходил в цех три дня, наконец объявился.

— Опять за своё?! — рассердились товарищи.

— А что? Ко мне брат из Рязани приехал. Так уже и дома побывать нельзя! Я ему про Зимний рассказывал, про революцию.

— Ой, Илья, Илья!

Прошёл месяц. Опять на заводе срочный заказ. И опять в самый напряжённый момент нет на месте Ильи Крикунова. Неделю не являлся, на вторую пожаловал.

— Здравствуйте. Ну, как тут у нас дела?

Вот же нахал! Ещё про дела расспрашивает.

— Лодырь! Лентяй! — возмутились рабочие. — Ни рабочего духа в тебе, ни человеческой совести.

— А что? Я к отцу и к матери на Псковщину ездил. Что я — не сын, чтобы родителей не порадовать.

Пришёл у рабочих конец терпению.

— Хватит!

Вынесли они решение уволить Илью с завода.

— Как так? По какому случаю? Братцы! — кричит Крикунов. — Я же Зимний брал. Я же кровь проливал. Не имеете права...

— Хоть ты и брал Зимний, хоть и кровь проливал, — отвечают рабочие, — а всё же разные у нас с тобою теперь пути. Нет тебе места среди рабочих.

— Не по-революционному это, не по-рабочему! — ещё громче шумит крикун.

— Эн, нет, — не уступают товарищи. — По-революционному, по-рабочему, в самый раз.

ШЕСТЬ СЕСТЁР

У Капки Травкина шесть сестёр: Нютка, Марфутка, Юлька, Акулька, Глаша и Клаша.

Капка один, а их шестеро. Мал мала меньше.

Отец у Капки шахтёр. И мать на шахте работает. Целый день не бывает их дома. Дома Капка и шесть сестёр. Капка по возрасту самый старший. Вот и случилось, что мальчик Капка при сёстрах в няньках.

«Э-эх, — сокрушается мальчик, — не повезло. Вот если б я да

на место Юльки или на место Акульки. Не мне за ними бегать, а им бы за мной следить». Просчитался, родившись первым, конечно, Капка.

Дел у мальчишки по горло. То Марфутка и Нютка подрались — беги разнимай. То Юлька ушибла ногу, то заноза попала Акульке в руку. То Глаша и Клаша в люльках своих ревут. Качает сестричек Капка, утешает сестричек Капка. Кашу им варит, с ложек их кормит. А старших, Марфутку и Нютку, порой разозлится и даже побьёт.

Капке в школу пора идти. Некогда Капке в школу. Другие ребята по улицам бегают, в игры играют, а Капка всё дома и дома. У мальчика шесть сестёр.

Дразнят Капку порой ребята.

— Нянька, нянька! — ему кричат.

Терпит и это Капка, некогда сдачи дать.

Понимает Капкина мать, что трудно, конечно, сыну. Нет-нет — купит ему ландринчик. А что ему этот ландринчик, он и без ландринчика проживёт, лишь бы сестёр целыми днями не нянчить.

Но раз в году всё же Капке выходит отдых. Из деревни приезжает к Травкиным бабка. Замещает она мальчишку. Появляется бабка всегда зимой. Сугробы лежат на дворе. Мороз разукрасил окна. Бело. Хорошо. Привольно. Нагоняется Капка по улицам. Накатается с гор на санках. Всласть надерётся с мальчишками. За целый год все обиды свои припомнит.

Погостит бабка неделю, вторую — уезжает к себе в село. Кончается Капкин отдых. Снова Нютка, Марфутка, Юлька, Акулька, Глаша и Клаша брата на части рвут. И вот опять приехала как-то бабка. Смотрит: а где же Юлька, где же Акулька?

Нет ни одной, ни другой.

— А где же Нютка, где же Марфутка?

Тоже не видит бабка.

И даже Глаши и Клаши, словно и вовсе таких не бывало, дома у Травкиных нет.

Застала бабка в квартире лишь Капку. Капка сидит за столом. Книжки, тетрадки лежат перед Капкой. Руки в чернилах. Клякса за ухом. Буквы выводит в тетрадке Капка.

Диву даётся бабка.

— Где же сёстры? — спросила бабка.

Поднялся Капка, хитро глаза прищурил.

— Где же внучки? — тревожится бабка.

Улыбается бабке Капка. Вывел мальчик старуху на улицу. К центру посёлка её ведёт. Дом двухэтажный стоит направо. Дом двухэтажный стоит налево. Глянула бабка в правую сторону. Ахнула старая: мерещится, что ли? Нютка с Марфуткой, словно с картинки, из окон на бабушку смотрят.

Глянула бабка на левую сторону. Ахнула старая: мерещится,

что ли? Акулька и Юлька, Глаша и Клаша бабке из окон руками машут.

Слёзы застыли в глазах у бабки.

— Господи праведный! — крестится бабка. Решает старуха: привиделся сон.

Эх ты, глупая старая бабка!

...Ходит Капка с друзьями в школу. Сёстры — в ясли и в детский сад.

КУХАРКА

Обидно Смирновой Люде — мать у неё кухарка.

Вот у Вани другое дело: был отец кочегаром — стал начальником станции. У Лёвы мама была швея, а нынче фабрикой целой ведаёт. И даже у лучшей подружки Зины отец не как раньше — простой рабочий, а на заводе большой начальник. А Людина мать как была, так и осталась она кухаркой. Разница только в том, что работала прежде в семье купца Изотова, а сейчас в заводской столовой.

Смотрит Люда в окно на улицу. Вот Семён за водой идёт. Весело вёдрами машет. Видный отец у Семёна теперь. На Балтийском море эсминцем командует. А был рядовым матросом. Вот прыгают девочки в классы: Иришка, Маришка и Клава. Почтальоном у Клавы работала мать, а нынче заведует почтой. Смотрит Люда — шагает Коля. Вот уж кому позавидовать можно! Папа у Коли работает где-то в Москве. Встречается часто с Лениным.

В огорчении страшном Люда. Вот какие у всех родители. У Люды же мать — кухарка.

— Да что ты! — Мать утешает девочку. — Я работу свою люблю. Людям пользу она приносит.

— Так-то так, — соглашается Люда, — а всё же...

Побывала Люда однажды в столовой. Поразилась, взглянув на маму: белый передник, белый колпак. Слева и справа стоят помощники. Вошла осторожно на кухню девочка. Плита тут огромная. Баки, кастрюли в ряд. Ножи на кухне почти метровые. Черпаки не уступят вёдрам. Словно крышки от бочек — вот какие большие сковороды. Захватило у Люды дух.

Рядом с кухней — столовая. Заглянула Люда в окно для раздачи пищи. Люди сидят, обедают.

Знают рабочие Людину маму.

Вот подошёл к окну, пригнулся, крикнул какой-то парень:

— Анна Ивановна, большое спасибо за щи! Царские нынче щи.

Подошёл пожилой рабочий:

— Ну и котлеты! Мастерца у нас Ивановна.

На окнах в столовой висят занавески. Белым и чистым покрыты столы. Любо зайти в столовую.

— Красота,— говорят рабочие.— Это Ивановна всё, Ивановна. Это она для людей старается.

Любят рабочие Людину маму, уважают. Избрали они её делегатом на Всероссийский съезд Советов в Москву, в высший орган Советской власти.

Растерялась от неожиданной чести женщина, от людского доверия к ней. Тут же при всех расплакалась.

— Что ты, что ты, Анна Ивановна!

— Доброй дороги тебе, Ивановна!

Вытерла женщина слёзы.

— Да как же я там управлюсь? Там же решать дела всего государства.

Улыбаются ей рабочие:

— Не смущайся, справишься, Анна Ивановна. Смелей поезжай, Ивановна.

Гордится Смирнова Люда. Мать у неё кухарка, а едет державой править.

ДОЛГИЕ-ЛЕТА

Деревня Усатовка за Уралом, в лесах да в глуши. Два месяца до неё катилась, прежде чем докатилась, весть о Великой Октябрьской революции. Привёз её из города Екатеринбурга уральский рабочий Андрей Задорнов. Его специально послали. С первым заданием, как агитатора.

И вот повёл Задорнов среди мужиков такой рассказ-агитацию и про партию большевиков, и про Советскую власть, и про товарища Ленина, что те только стояли рты поразинув.

— Выходит, земля теперь наша?

— А как же, на то и декрет.

— А заводы — рабочим?

— Рабочим и всему государству.

— И с немцами замирятся?

— Мир всем народам — так говорит Советская власть!

— А он, Ленин, какой? Молодой или старый?

— Не молодой и не старый, в самой цветущей поре. Роста он среднего. Волос на голове мало, почти что нет. Бороду носит, да не то что у вас,— не лопатой, а клинышком. Голова большая — считай, что две головы.

— Ух ты!

Понравилась мужикам агитация. Всё ясно, понятно — народная нынче власть. Спасибо товарищу Ленину.

Посоветовались они и решили в честь партии большевиков и товарища Ленина отслужить церковный молебен. Обратились к батюшке.

— Вы что, подурели?! — набросился батюшка. — В честь большевиков — и молебен! Слушать вас не хочу. Прочь, прочь из собора!..

— Эй, стой, не кричи! Народная нынче власть. Давай исполняй крестьянскую волю.

Священник и так и сяк: мол, в хворости он, мол, голос осип. Не принимают увёрток крестьяне. Читай им молебен, и точка. Сдался священник.

— Всевышний, всемогущий, всевидящий... — начинает тихим голосом батюшка.

— Громче, громче! — кричат крестьяне. Стоят они, крестятся, бьют земные поклоны.

— Партии большевиков долгие лета!

— Товарищу Ленину долгие лета!

— До-о-олгие ле-е-ета!

Узнал Задорнов про молебен, схватился за голову.

— Да где это видно, — кричал на крестьян, — чтобы в церкви да и вдруг про Ленина! Что я теперь в Екатеринбурге скажу?

Разводят крестьяне руками. Батюшка кричал, этот кричит.

— Да ты не кричи. Мы же по всей, по правильной форме.

Едет назад в Екатеринбург Задорнов: «Эх, эх, не сумел, не туда загнул... Никудышный из меня агитатор».

И батюшка места себе не находит: «Без ножа, чёртков сын, зарезал. Эка как взбаламутил крестьян. Видать, самого сильного к нам прислали».

КЛЯТАЯ ЛУГОВИНА

Приехал как-то в деревню Глуховку к отцу и матери токарь Путиловского завода Прохор Знатков.

Понабежали в избу родичи и соседи:

— Ну, как там в Питере? Как поживают рабочие?

— Хорошо в Питере, — отвечает Знатков. — Дружно живут рабочие. Повыгоняли буржуев с заводов. Сами теперь хозяева. Ну, а как у вас здесь.

— И нам хорошо, — отвечают крестьяне. — Помещиков взащей. Землю нарезали. Скот нынче у каждого. Барскую луговину делить будем.

— Луговину?!

— Ну да, ту, что у речки у Березайки, что от Клятого омута по ту и другую сторону.

— Так зачем же ее делить?

— Как — зачем?! Чтобы каждому своя часть приходилась.

— Ну это вы зря, — произнёс Знатков. — Сделали бы луговину общей. Сообща бы её косили. Да и скотине так будет привольнее.

Усмехнулись крестьяне:

— «Общей»... На кой она общая! Нет, каждой травинке хозяин нужен.

Пытался приехавший говорить про завод — вот, мол, у них, у рабочих, заводы же общие.

— Ну, паря... Ты нам заводом не тычь.

Вскоре Прохор Знатков уехал. А мужики собрались и проголосовали так, как задумали: «Делить луговину — и точка».

Разделили. Но тут началось в Глуховке вдруг такое, чего и в прежние времена не случалось.

Пригонят мужики на рассвете скотину на луг. Ну, а дальше? Дальше сиди и смотри, чтобы твоя корова не зашла на чужой участок. А корова — как есть скотина. Где ей знать про крестьянское голосование. Так и норовит на надел к соседу.

Появились на лугу изгороди и межевые столбы. Пастухов развелось невидимо. Целый день крики:

— Куда пошла!..

— У, ненасытная!..

— Ванька, Вань-ка! Да уйми ты свою безрогую...

И чем дальше, тем хуже. К середине лета глуховские крестьяне все до единого перессорились между собой. В гости друг к другу не ходят. На улице не здороваются. Волками да лисами один на другого смотрят. И кто его знает, чем бы все это окончилось, да только в разгар жнивья снова приехал в родную Глуховку из Питера Прохор Знатков. Идёт он со станции полем. Рожь стоит спелая, высокая, налитым колосом к земле пригибается, осыпается рожь.

«А где же косцы? — поразился Прохор. — Может, в деревне беда какая?»

Ускорил он шаг. Вышел к реке, к луговине. Смотрит, луговина — что улей. Вооружились крестьяне кольями, вот-вот и война начнётся.

— Стойте! Сдурели вы, что ли? Стойте!

Остановились мужики, повернулись к Знаткову и вперебой:

— Да его Манька да на мой участок...

— Да его Рыжуха да мою траву...

— Да ихняя тёлка да под нашу изгородь...

— Эх, вы... — вздохнул Прохор. — «Манька. Рыжуха. Тёлка»... Да не совестно вам? Советская власть вам землю дала, скотом наделила. А вы? Тьфу! Тошно смотреть. Для этого, что ли, люди за лучшую долю бились? Для этого, спрашиваю?

Остыли мужики, разошлись по домам. И пошли по селу разговоры:

— Прав Прохор Знатков...

— Хватит волками и лисами друг на друга...

— Не для этого люди за лучшую долю бились...

— Обобщить луговину!...

В тот же день сняли мужики изгороди и межевые столбы — любо взглянуть на берег реки Березайки.

— Назад в Питер провожали Прохора всем селом. Шли огромной толпой четыре версты до самой станции.

— Молодец! — говорили крестьяне. — Сразу видать, что питерский. Одним словом — рабочий класс.

КНИЖНАЯ КОМНАТА

Хвалилась Дарья:

— Книг у нашего барина прорва. Комната целая. Библиотечный зал называется. Книги в шкафах стоят. Их там немалые тысячи. Переплётники разные. Зелёные, красные, есть голубые, есть в васильковый цвет.

— Читающий барин, выходит, у нас человек, — рассуждали крестьяне. — Любитель большой до книг.

А барин в имении вовсе и не жил. Книг не читал. Весь год проводил в Петербурге. Книги стояли без всякого дела. Филька Кукулин как-то с отцом натирал полы в помещицком доме и тоже в той комнате был. И тоже про книги потом рассказывал.

— Прорва, — соглашался он с Дарьей. — Аж до боли в глазах рябит.

И следом пошёл про книги. Даже названий запомнил несколько.

— «Дон-Кихот», — перечислял он на пальцах. — А. С. Пушкин: «Полтава», «Русские сказки»; Свифт — «Приключения Гулливера»; Диккенс — «Оливер Твист».

Потом рассказал про картинки. Мол, в книгах картинки, и тоже прорва. Смотрят на Фильку ребята с завистью.

— А про что же в тех книгах?

— Про разные разности, — ответил уклончиво Филька. Как и другие, Филька тех книг не читал.

Ходили ребята к барскому дому, глазели в окна на книги.

— Вон «Гулливер», а чуть ниже — «Полтава», — тыкал Филька пальцем в оконную раму. Показал, где стоит «Дон-Кихот», где «Русские сказки», где Диккенс — «Оливер Твист».

Прижались к окнам носами ребята.

— Эх, поддержать бы хоть раз в руках!

И вот — революция. Стало господское сразу народным. Достались крестьянам и барские книги. На душу по десять штук.

«Приключения Гулливера» теперь у старухи Мавриной. А. С. Пушкин, «Полтава», у Воеводиных. «Русские сказки» у Лапиных. У деда Ключева «Дон-Кихот».

И Фильке выпало десять книг. Смотрит Филька — вот неудача. Все десять не на русском, на другом, непонятном они языке. И хотя бы одна с картинками!

И только Варьке, а Варьке всего-то четыре года, достался Диккенс — «Оливер Твист».

Ходили ребята к старухе Мавриной. Не даёт «Гулливера». Ходили они к Воеводину. Не даёт Воеводин «Полтаву». Лапины прячут «Русские сказки». «Дон-Кихота» сунул дед Ключев под ключ в сундук.

И даже Варька вцепилась руками в книгу. И сама ведь читать не умеет, и другим не даёт.

Стояли книги на полках у барина, теперь в сундуках у крестьян лежат.

Возможно бы, сгнили в сундучных глубинах книги. Но тут вышел о книгах специальный декрет. Говорилось в нём: сохранить все бывшие барские библиотеки, сделать книги доступными всем.

Посоветовались в селе крестьяне. Решили книги вернуть в имение. Пусть снова в шкафах стоят.

Идут из имения взрослые, дети. Книжки с собой несут: один «Дон-Кихота», другой «Гулливера», третий «Полтаву». У четвёртого Диккенс — «Оливер Твист».

Стояли книги без всякого дела. Нынче книги у всех в руках.

ТИХИЙ ТИХОН, ГРОМКИЙ ГРОМОВ

Домá их стояли как раз по соседству. Смотрят избы одна на другую через убогий, прогнивший забор. Две жердины — вот весь забор.

Тихий Тихон живёт направо. Громкий Громов живёт налево.

Утро. Проснётся Тихон, оденется тихо, тихо выйдет к себе во двор, неслышно с делами крестьянскими возится.

Зато рядом, за теми двумя жердинами, стоит и ругань, и треск, и гром. Это проснулся Громов.

Жнут крестьяне траву. В ровненький ряд, по струнке ложится трава у Тихона. Каждой былинке тут собственный счёт. Машет Громов косой, как саблей. С корнем летит трава — словно ветер идёт по лугу.

Так и во всём. В общем, разные люди они по характеру. В поступках и мыслях разные.

Вышел Декрет о земле. Отобрали крестьяне у барина землю, решали, как поступить с помещиком.

— Надо барину денег собрать на дорогу. За землю ему уплатить. Пусть едет, куда желает, — предлагает крестьянам Тихон.

— В речку его, в Незнайку, в мешок и на дно, в самый надёжный омут! — жаждет расправы с помещиком Громов.

Решали крестьяне, как поступить им с господским лесом.

— Надо охрану поставить. Чтобы палки из леса никто не вынес, — предлагает крестьянам Тихон.

— Рубить его, братцы, рубить. До самого корня! — Громов в ответ кричит.

Что делать с господским домом, тоже решалось тогда в селе.

— Дом бы барину надо оставить, — предлагает крестьянам Тихон. — И так наказали. Пусть хоть в доме своём живёт.

— Спалить его надо, спалить! А место то распахать. Чтобы и память о нём не осталась, — гудит, как колокол, громкий Громов.

Привыкли крестьяне к подобным спорам. Слушают Тихона, слушают Громова. Но поступают, подумав, по-мудрому: как большинство на селе решит.

Лес, конечно, крестьяне не порубали, но и охрану кругом не поставили. От кого охранять? Своё же теперь добро. Дом помещика не сожгли, но и барину его не оставили. Открыли в том доме народный клуб. Барина не утопили, но и денег на дорогу ему не дали. И так всю жизнь обирал крестьян.

Вскоре крестьяне избирали в селе Совет.

Одни говорили:

— Тихона, Тихона, тихого Тихона надо в Совет.

Другие кричали:

— Громова, Громова, громкого Громова! Вот кто лучше других управится.

Пошумели, поспорили как водится в день тот крестьяне. А потом порешили так: не надо им тихого Тихона, не надо им громкого Громова. Избрали крестьяне других в Совет.

ПРИЯТНОСТЬ

Тульский рабочий Артемий Теплов прислал в родную деревню письмо. Было оно коротким: «Ждите гостей. Будет для вас приятность».

Чешут крестьяне в затылках, разводят руками, ломают головы.

— Непонятное что-то. Неясное. Кто же это приедет? Зачем? А главное, в чём же будет приятность?

Прошло дней десять. И вот прибыла из Тулы рабочая делегация. Да не просто так. Не с пустыми руками. Привезли рабочие серпы и косы, вилы, железные оси для тележных колёс, петли, гвозди и прочую железную мелочь. Мужики так и ахнули:

— Вот это приятность!

А с серпами, косами да и другими железными изделиями была в ту пору в деревне беда бедой. Кое-как перебивались крестьяне.

Разгорелись глаза у крестьян.

— Продавать будете?

— Нет, — говорят рабочие.

— Менять?

— Тоже нет.

Не поймут мужики, в чём дело.

— Привезли вам в подарок, — объясняют прибывшие. — От нас, от рабочего класса.

Удивились крестьяне:

— Бесплатно?!

— Ну да. От чистого сердца! Принимайте рабочий гостинец. Как в сказке, свалилось на мужицкие головы такое богатство.

Засуетились крестьяне, забежали. Потащили делегатов в избы, к столу. Перекусили рабочие.

— Благодарим. Будьте здоровы. А нам пора назад, на завод.

— Да поживите хотя бы неделю! Речка, кругом леса. В лесу и грибы и ягоды.

— Спасибо, спасибо, — отвечают рабочие. — Конечно, оно завидно. Да уж не в этот раз.

Поклонились гости, уехали.

— Ну и дела... — никак не могут прийти в себя мужики. — Чтобы задарма. По доброй охоте. Чудеса, да и только.

Вскоре приехал в село и сам Артемий Теплов.

— Ну как косы, как вилы? Была ли приятность?

— Была, была! — кричат мужики. — И косы хороши, и серпы, и вилы. А если говорить про приятность, то в том, что рабочий класс для нас вроде как брат родной, — в этом главная есть приятность.

Глава четвёртая

КАК РЕБЯТА ДЕЛИЛИ НЕБО

НОВЫЕ ИГРЫ

Играли раньше ребята в царя и в царицу, в казаков да в разбойников. Надоели им старые игры. Что бы придумать новое?

И вдруг:

— Давайте играть в штурм и во взятие Зимнего, — предложил Толя Буравкин.

Подивились ребята, а потом закричали:

— Верно! Согласны! Давай!..

Собрались они у фабричной ограды в овражке, решают: что бы им было вместо Зимнего, кому наступать, кому оборону в Зимнем дворце держать — то есть кому из них становиться правительством Временным.

Не хотят ребята быть Временным. Все желают Зимний атаккой брать.

Вот-вот сорвётся у них игра. Спорят, шумят мальчишки. Но снова нашёлся Толя.

— Тихо! — крикнул он на ребят. Показал рукой на заводские ворота.

Смотрят мальчишки: ограда, ворота. За воротами будка. В ней сторож сидит, Архип Спиридоныч Задвижкин.

Ловко придумал Толя: будка — Зимний дворец, сторож Задвижкин — правительство Временное.

— Будем штурмом ворота брать, — объясняет приятелям мальчик. — И при Зимнем ворота были.

Довольны ребята. Набрали палок — это ружья у них для атаки. Кое-кто крест-накрест ремни через шею и грудь пове-

сил — это как будто пулемётные ленты. Двое повернули козырьком к затылку свои фуражки — это у них бескозырки. Буравкин принёс самодельный пугач. Это будет вместо «Авроры». «Аврора» выстрелом к штурму сигнал подаст.

Готовы к атаке мальчишки. Притаились они в овраге.

Сидит в сторожке своей Задвижкин. Тихо. Спокойно кругом. Смена давно в цехах. Солнце весеннее светит. Вздремнул от безделья и благодати в сторожке охранник-дед. Не знает он, что отныне он вовсе не дед, а правительством сделанся Временным.

Не чует беды, дремлет спокойно старый.

И вдруг сквозь приятный, блаженный сон слышит Задвижкин как будто бы выстрел. Встрепенулся старик. Кулаками протёр глаза. «Эка какое, — решил, — приснится».

Только подумал, и вдруг:

— Ура! Ура!

— Полундра!

— На ворота сигай! На ворота!

— Власть — Советам!

— Землю — крестьянам!

— Мир — всем народам!

— Эй, кто тут, сдавайся, временный!

Глянул старик в оконце, видит — летят мальчишки. Палки, как ружья, наперевес. Рты до ушей от крика.

Подбежали ребята к воротам. Поднавалились. Кто смелее, по прутьям наверх полез.

Выбежал старый, упёрся в ворота.

— Стойте! Стойте! Лешие, стойте!..

Да где уж тут. Скрипнули вдруг ворота. Створки распались. Ввалились мальчишки во двор.

— Ура! Ура!..

Окружили в момент старика. За руки, за ноги держат.

— Сдавайся, сдавайся! — и, словно штыками, в грудь старику палками-ружьями тычут.

Трудно сказать, чем бы для деда игра закончилась. Но тут Толя Буравкин подал команду. Отпустили ребята Задвижкина. Рассказал ему Толя, в чём дело.

Конечно, поначалу старик ворчал, ругался. Отцам рассказать грозился.

Обиделся очень Задвижкин:

— Какой же я временный?! Я тут при воротах без малого тридцать лет.

— Так это ж игра, — объясняют мальчишки.

— Игра... — ещё долго ворчал старик. Потом успокоился. Мотнул головой. Усмехнулся. Видать, и ему чем-то игра понравилась.

Вернулись ребята к себе в овражек. Довольны и штурмом и взятием Зимнего.

- А теперь будем играть в декрет,— предлагает Буравкин.
- Верно! — кричат ребята.
- В тот, что про мир!
- В тот, что про землю!
- В новую школу!
- В Советскую власть!

Играли ребята раньше в царя и в царицу, в казаков да в разбойников. Новое нынче время, новые нынче игры.

АВТОМОБИЛЬ

Наслушался Колька новых слов: «национализация», «экспроприация», «собственность Российской республики»...

Собрал дружков и приятелей, стал им растолковывать про новую жизнь.

Экспроприация,— объяснял,— это когда у капиталистов и помещиков отнимают все их богатства. Национализация — когда эти богатства передают в руки трудового народа. Богатые — они живоглоты,— уточнял Колька.— У них силой брать нужно.

Не хочется ребятам отставать от общего дела. Стали они думать, что бы такое им экспроприировать и национализировать.

Один предложил отобрать футбольный мяч у генеральского сына, Ардзлеона Кукуева. Второй — конфеты и сахар из лавки купца Бондалетова. Третий за то, чтобы отнять говорящего попугая у графини Чичериной.

— «Попугая»...— передразнил Колька.— Зачем попугай трудовому народу? Фабриканта Заикина знаете?

— Знаем.

— Автомобиль «роллс-ройс» видели?

— Видели.

— Будем экспроприировать автомобиль.

Ребята так и замерли от неожиданности.

— Научимся управлять,— продолжал Колька.— Всех бесплатно станем катать по городу.

Прав Колька. Лучшего и не придумаешь!

На следующий день устроили ребята возле заикинского дома засаду. Дождались, когда подъехал «роллс-ройс» и ушёл хозяин. Колька залез в кабину, отпустил рычаг, тормоза. Поднавалились ребята, покатали автомобиль.

— Быстрее, быстрее! — кричит из кабинки Колька.

Катят ребята «роллс-ройс», и чем дальше, тем быстрее. Набирает машина скорость. Сидит Колька важный, довольный. Вцепился руками в руль.

Улица пошла под уклон. Закрутились колёса быстро-быстро. Ребята едва успевают сзади.

— Держи его, держи! — вопит Колька.

Да где уж! Разогналась машина, отстали ребята. Хочет Колька схватить за рычаг тормоза, однако с перепугу растерялся — где рычаг, сообразить не может. Перешёл автомобиль с правой стороны улицы на левую, выскочил на тротуар и в дерево — бух! Вылетел из кабинки Колька. Лицом о булыжники — шмяк!

Поднялся на улице крик. Поняли ребята, что дело может плохим закончиться, — и в разные стороны. Вскочил Колька и тоже стремглав от машины.

Вернулся Колька домой. Лицо распухшее. Синяк под глазом. Рубаха порвана.

— Боже! — всплеснула руками мать. — Никак, опять с Гришкой Марафетовым дрался?

— Опять озоруешь, — обозлился отец.

Молчит Колька.

— Ну, я тебе помолчу!

Потянулся отец за ремнём. Сложил его вдвое. Понял Колька — не будет пощады. Решил признаваться.

— Автомобиль, — произнёс.

— Что — автомобиль?

— Заикина.

— Что — Заикина?

Рассказал Колька про экспроприацию.

Опустил Колькин отец ремень, усмехнулся.

— И всюду-то ему свой нос сунуть надо, — проворчала мать. — Всыпь, сыпь ему как следует, Митрофан Афанасьевич!

— Вот и всыплю. Ох как всыплю! — отозвался отец.

Однако по тому, каким тоном говорила мать и как ей отвечал отец, Колька понял, что драть его сегодня не будут. Ну и верно. За что же драть? Ведь Колька не для себя, для всего трудового народа старался.

КАК РЕБЯТА ДЕЛИЛИ НЕБО

Пришла Советская власть в деревню Старые Дворики. Насмотрелись ребята, как взрослые, делили господскую землю, живность и другое добро, размечтались:

— Эх, и нам бы придумать какой делёж!

А так как делить было больше нечего, всё уже делено и переделено, то Колька Рябов вдруг предложил:

— Давай делить небо.

— Вот те раз, как же его делить?! — усмехнулись ребята.

— А вот так и делить. По-хорошему. Поровну!

— Это понятно. Ну разделим. А дальше? Что же с ним дальше делать?

— Как — что?! Всё, что желаешь: избу ставь, паши, коней выводи в ночное.

Подивились ребята: забавно...

Было их четверо: Колька Рябов, Ерёмка Дударов, Гришатка Кобылин, Марфутка Дыгай.

— Ладно, делить так делить.

Провели они по небу одну черту вдоль, другую поперёк. Кинули жребий, кому какой край достанется.

Соберутся ребята за селом на лугу. Плюхнутся в травы. Животы — кверху. Глаза — в небо. Хорошо, когда ты хозяин. Делай всё, что взбредёт тебе в голову.

Распахал свой участок Ерёмка Дударов под жито. Колосится, наливается янтарным колосом рожь.

Вывел Гришатка Кобылин коней в ночное. Разжёл костёр у самого края неба. Разукрасила, заполонила васильком и ромашкой свою долю Марфутка Дыгай.

И Колька Рябов тут же со всеми. Глаза воспалились. Брови вразлёт. Рот приоткрылся. И чудится Кольке дробь барабана. Слышится горна призывный звук. И знамя, красное знамя полещется по небу. Видит Колька себя верхом на лихом коне. С острой пикой наперевес. А оттуда, где небо смыкается с полем, из-за тучи, прикрывшей закат, вдруг выползают несметные чудища.

— Бей их, бей их! Кроши! — по-геройски несётся Колька. — Ура! — размахнулся рукой.

Ерёмка Дударов тронул друга за плечи:

— Чего это ты?

Смутился Колька, ничего не ответил. А в ушах по-прежнему конский цок. И рука не разжала пику.

То-то забав у ребят. То-то веселья. Выйдут на улицу вечером. Головы — кверху. Звёзды считают. Сколько каждому звёзд перепало. Считают, считают — собьются со счёта. Рассмеются, заспорят.

— Сначала! Сначала!

Снова работа.

А тут, по весне, по первой грозе, босиком да по лужам примчались ребята к речке на мост:

— Ух, полыхает!

— Ух, громыхает!

Молния. Гром. Тучи кругом. Речка взыграла, словно хмель в берегах. По-разбойному ветер присвистнул. Горохом об стену по брёвнам дождь.

— Видать, к урожаю!

— Из нашего неба!

— А не хотели делить!

Дружно жили ребята. И вдруг... Дело было в начале лета. Опять на лугу собрались ребята. Снова лежат. Каждый занят своим участком. Солнце катит по небу. Шепчутся травы. Перепёлка издала крик.

И вот тут-то Гришатка Кобылин заметил несправедливость:

достался ему кусок неба с несолнечной, с северной стороны.

Насунился Гришатка, привстал:

— Обдурили!

Повскакали ребята. В чём дело?!

— Солнце себе, а мне дулю,— тычет Гришатка рукой на небо.

Смотрят ребята: верно.

— Так ведь по жребию,— произнёс Ерёмка Дударов.

— По справедливости,— бросила Марфутка Дыгай.

— Хочу участок с солнцем, с солнцем! — не утихает Гришатка.— Арбузы хочу сажать.

Раскричались ребята. Не заметили, как перессорились. Надулись, разошлись по домам.

А дома задумались.

— Нехорошо это у нас получилось,— рассуждает Ерёмка Дударов.

— Зазря перессорились,— всплеснула руками Марфутка Дыгай.

И Колька подумал: «А ведь прав Гришатка — каждому солнца хочется».

Собрал тогда Колька Рябов снова ребят:

— Вот что, давай обобщим небо.

Уставились ребята на Кольку, а потом закричали:

— Правильно, правильно! Сделать общим, общим его!..

— Солнце — оно одно,— заявил Колька.— Пусть всем светит.

ПОПАЛСЯ

Город Одесса. Молдаванка. Пересыпь. К морю торжественный спуск.

В Одессе на Молдаванке — это в Одессе такой район — жил мальчик по имени Вася. А в Москве жил у Васи старый его приятель, Саша. И вот как-то Вася получает письмо от Саши. Пишет Саша, что был у них в доме недавно пожар. Устроил поджог бывший домовладелец Мефодий Кузьмич Сметанкин. Пожар затушили. Однако Сметанкин куда-то скрылся. Видно, будет бежать за границу. А Одесса — город портовый. «Так что,— пишет приятелю Саша,— ходи ежедневно в порт. Возможно, его увидишь. Увидишь — хватай немедленно!» Дальше шли приметы домовладельца: «Роста высокого. Лицо как у филина. Бородавка на верхней губе».

Понял всю важность задания Вася. С утра отправляется в порт.

День протолкался. Два протолкался. Неделя прошла, наступает вторая. Нет, не видно нигде Сметанкина. Попадают раз-

ные люди, разные лица. Но такого, чтобы лицо как у филина, нет, не попадается Васе пока такой. С бородавкой встречались дважды, но оба совсем невысокие, и бородавки совсем не на верхней, под нижней сидят губой.

И вдруг... Возвращался он как-то с пристани. Шёл по Дерибасовской, главной улице. Поднял глаза — навстречу шагает ему человек: роста высокого, лицо как у филина, бородавка на верхней губе. Вася икнул от такой неожиданности. А потом:

— Держите! Держите! Держите!..

Хватать Сметанкина он побоялся. Но глотку свою не жалел.

Проходил по Дерибасовской в это время военный патруль — моряки Черноморского флота. Задержали они Сметанкина. Он, конечно, юлил. Даже руками махал. На Васю ногою топнул.

Но Вася держался геройски. Достал из кармана письмо. Указал морякам на приметы. Проверили те — совпадают приметы. Забрали с собой прохожего. Вздохнул облегчённо Вася. Вприпрыжку бежит домой. Распирает от гордости Васю. Скорей бы друзьям похвастать. Прибегает мальчик домой, смотрит — письмо от Саши. А в нём: «Можешь в порт не ходить. Поймали Сметанкина. В Москве, на Брянском вокзале». И дальше — подробный рассказ о том, как же его поймали.

Захлопал глазами Вася. Вася глазам не верит. «Может, ошибся Саша? А если Сметанкин опять бежал? И Саша о том не знает?»

Решил Василий проверить свою догадку. Начал искать моряков. Три дня толкался на главной улице. Безуспешно. За эти дни снова пришло письмо. Правда, на этот раз не от Саши, не из Москвы — из города Николаева. Письмо это было написано Васиним дядей, братом Васиной мамы, дядей Василием. В честь этого дяди и Вася был назван Василием.

Стали письмо от дяди читать. А в нём: «Простите, дорогие родственники. Был я недавно проездом в Одессе, думал вас навестить...» А дальше... Э-эх! Васе показалось, что под ним расступилась земля. Дальше в письме сообщалось о том, как дядя Вася шёл по Дерибасовской улице. И вдруг какой-то дрянной мальчишка... Правда, дядя писал, что вскоре его отпустили. Но времени было уже в обрез. «Так что простите, мои дорогие, — кончалось письмо. — Из-за этого, значит, прохвоста так и не вышла встреча. Вот и опять племяша не видал. Буду скоро снова в Одессе, может, тогда и свидимся».

И правда, вскоре дядя Василий приехал. Глянул дядя на Васю. Глянул Вася на дядю. Похолодело внутри у Васи.

— Кх-м! — кашлянул дядя. Смерил Васю с головы до ног. Повернул боком одним, вторым.

Зажмурился Вася. Приготовился к худшему. И вдруг — расхохотался дядя Василий. Да так, что вздрогнули сразу и мать и отец.

— Ну, дорогие, вижу, по всем статьям парень у вас геройский. Геройский? — переспросил он у Васи.

«Геройский!» — хотел закричать мальчишка.

А вместо этого вырвалось:

— Ик!

ПРОЦЕНТЫ

Старый Янкель был балагула, то есть извозчик сельский. Жил он в местечке где-то под Винницей. Возил пассажиров на станцию, привозил пассажиров со станции, развозил по соседним сёлам. Завидовал Ося старому Янкелю. Тоже мечтал балагулой стать. Хоть лошадь у Янкеля старая-старая — кляча, слова другого не подберёшь. Хвост обтрепался, не грива — пучок волос. Однако смотрит Ося на эту клячу. Эта кляча для Оси не кляча — богатырский красавец конь. Ездит Янкель на старой телеге. Скрип от нее за версту идёт. Смотрит Ося на эту телегу. Эта телега для Оси совсем не телега — первоклассный резной экипаж.

Смастерил себе Ося кнут, щёлкать неделю учился. Ходил по пятам за Янкелем. Понравился Янкелю мальчик. Стал иногда балагула Осю на станцию брать. Пока зазывает Янкель к себе пассажиров, Ося коня покормит; если надо, вещи поможет кому поднести; если в канаве телега застрянет, Ося и здесь помощник — соскочит, плечом подтолкнёт. Едут на станцию оба в телеге. Назад, когда пассажиров много, Ося рядом бежит с телегой. Бранился вначале отец, что Ося целые дни пропадает у Янкеля. Потом подумал: что же, мальчишка, никак, при деле. Может, в жизни ему повезёт. Может, и он балагулой станет.

Чем дальше, тем больше; чем дальше, тем больше. Вот мальчик клячей и сам уже правит. Бывает и так, что Ося один, без старого Янкеля, к поездкам пассажиров везёт. Доверяет Янкель мальчику Осе. И кляча привыкла к Осе. И даже телега привыкла к Осе — веселее при нём скрипит. В том же местечке жил господин Ковальский. Господин Ковальский — самый богатый во всём местечке. У Ковальского большой магазин. Четыре окна, продавца четыре, в магазине четыре огромных прилавка. Товаров различных — горы. Ковальский не только владел магазином, но и деньги давал займы, однако с таким расчётом, чтобы ему возвращали с процентами. Взял рубль — верни рубль и десять копеек. Взял два — верни два и двадцать копеек. Взял десять — верни непременно одиннадцать. Это и есть проценты. Ходили слухи, что от этих процентов у Ковальского денег собрался большой сундук. И это, представьте, верно. После того как произошла в стране революция, господин Ковальский решил бежать из местечка. Опасался — отнимут его сундук. Решил не ждать Ковальский такого. Договорился со старым Янкелем — отвезёт тот

его на станцию. Однако старик заболел. Пришлось собираться Осе.

Дело было поздним вечером. К ночному поезду ехал богач. Подкатил на телеге Ося. Вышел из дома господин Ковальский, вышла из дома мадам Ковальская.

«Пусть уезжают, пусть уезжают,— с радостью думал Ося.— Лишь бы не брали с собой сундук».

Видит Ося — не берут Ковальские сундук. Кладут какой-то старый мешок в телегу. Положили мешок, сами уселись. Ося щёлкнул кнутом, тронулась старая кляча. До станции девять вёрст. Шагает кляча.

Сидит в телеге господин Ковальский, сидит в телеге мадам Ковальская. Ося сидит в телеге. Между ними лежит мешок. И вдруг начинает чувствовать Ося — обжигает спину ему мешок... А не в мешке ли лежат богатства? Конечно, в мешке! Как же раньше он не подумал? Как же так — упустить из местечка такое богатство! Созревает у Оси план.

Сидит господин Ковальский, сидит мадам Ковальская. Об Осином плане они не знают. Осталось меньше версты до станции. И вдруг застряла телега в какой-то канаве. Это Ося клячу нарочно с дороги чуть-чуть свернул.

Застряла телега. Что же тут делать? Ругнулся господин Ковальский, ругнулась мадам Ковальская. Слезли они с телеги. Надо её толкать. Подтолкнули. Поднатужилась старая кляча, вышло колесо из канавы. Ося только того и ждал.

— Но, но! — закричал свирепо на клячу, стукнул её кнутом.

Умчался на лошади Ося. Оставил Ковальских среди дороги...

— Вернул проценты Ося,— смеялись потом в местечке.

На эти проценты построили люди школу.

Не стал балагулой Ося. В школу пошёл учиться.

ВЕЛИКАЯ ВРУНЬЯ

Девочка Гапка — великая врунья. Как-то странно язык у неё устроен. Не может не врать девчонка. Били за это её мальчишки. Даже отец порол. Впрок не идёт наука. Такое порой придумает!

То прибежала она в село и вдруг понесла диковину: корова, мол, прилетела на крыльях, опустилась она на лугу, как аист, по лугу ходит. Помчались на луг мальчишки. А там никакой коровы. Старый бодливый козёл лишь траву лениво щиплет. Подошли ребята поближе,— может, козлом обернулась корова. Может, надо козла спугнуть. Глядь, и расправит крылья. Кончилось тем, что погнался за ними бодливый козёл, пырнул рогами не самого быстрого. Потом Гапка придумала вовсе страшное: твердила, что на старом забытом кладбище вдруг объявилась колдунья. Сама, мол, её видела. Каждую ночь выходит колдунья

живой из гроба, садится верхом на крест, и этот, представьте, крест становится вдруг конём и к звёздам её уносит.

Ходили мальчишки на кладбище, лежали среди могил, от страха всю ночь дрожали. И снова напрасно. Подвела их девчонка. Кончилось тем, что самый маленький мальчик, Сашко, от страха навеки остался зайкой.

Наконец, распустила девочка слух, что батюшка их, преподобный отец Василий, на заднем месте имеет кошачий хвост.

— Оттого он и в рясе столь длинной ходит — для пущего веса, — врала девчонка.

И мальчишки опять поверили. Целый месяц ходили вслед за попом, всё норовили то место рукой потрогать. Кончилось тем, что самых смелых поп отдубасил палкой.

И вот снова такое наврала Гапка, что только станешь и рот разинешь. Говорила она, что была, мол, в степи, у кургана, а в том кургане вырыта огромная яма, и в эту большую яму какие-то люди прятали ружья, прятали сабли и даже пушку туда вкатили.

— Вот это да! — обомлели ребята.

Хотели мальчишки бежать к кургану. А потом спохватились. Кургана ребята боялись. У кургана водились змеи. А главное, мальчишек теперь просто за так не купишь. Знают ребята Гапку. Гапка — великая врунья.

Обиделась Гапка, сама побежала к кургану. Вскоре вернулась. Посмотрели ребята и ахнули. У Гапки в руках наган. Настоящий — с барабаном, с патронами. Покрутила девчонка в руках наган, и, чтобы у мальчишек больше сомнения не было, Гапка взяла и стрельнула.

Врассыпную пустились ребята. Кто, как ветер, ворвался в хату. Кто в прыжке о плетень разорвал рубаху. Кто в канаву со страха бухнулся.

Знают ребята Гапку. Уж если у Гапки в руках наган, с этой Гапкой плохие шутки.

Повыбегали на шум родители, узнали, в чём дело. Пошли всем селом к кургану. Действительно, разрыли с оружием склад.

Встречались в те годы такие склады. Кто был недоволен Советской властью — попы, кулаки, подкулачники, — стали прятать в разных местах оружие. Ещё пригодится, считали они. Вот и подсмотрела Гапка случайно в кургане подобный склад.

Больно били Гапку в тот день мальчишки. Обидно им было: ведь если бы Гапке они поверили, все бы в героях сейчас ходили.

Сбилась Гапка в своих догадках. Неправду скажешь — мальчишки бьют. Правду скажешь — мальчишки бьют. Станный народ мальчишки.

«Это, наверно, за пушку», — подумав, решила Гапка. Про пушку она соврала. Пушки в кургане не было.

Проснулся Фомка, поёрзал на нарах, по малым делам помчался на улицу. Ночь. Темно. Туман по улице стелется. Завернул Фомка за угол заводского барака, вдруг слышит — шаги.

Замер мальчик, прислушался. Шаги всё громче и громче. Где-то рядом совсем. Насторожился Фомка. Видит — из темноты, из тумана появились три человека. Двое ящик какой-то тащат, третий несёт лопату.

Всмотрелся Фомка — так это же бывший владелец завода Елизар Елизарович Мойкин. Мойкин с двумя сыновьями.

«Ящик. Лопата, Куда же это они?» — заинтересовался Фомка. Тихонько двинулся следом.

Мойкины шли к заводской водокачке. Поравнялись. Поставили ящик на землю. Принялись рыть яму. Роют, торопятся. Озираются по сторонам, прислушиваются.

«Клад зарывают», — сообразил Фомка.

Переждал он, пока Мойкины не завершили свою работу, обошёл вокруг водокачки, заметил место, вернулся домой.

Лежит Фомка на нарах, ворочается, заснуть не может. Утром чуть свет побежал к дружку своему, Капке Затворову.

— Капка, Капка, — тормошит Фомка приятеля. — Вставай, Капка!

Продрал Капка глаза:

— Ну что тебе?

— Клад, клад!

— Какой ещё клад?!

— Настоящий!

Рассказал Фомка Капке про ночную встречу. Вскочил тот, собрался. Схватили ребята лопаты, бегут к водокачке.

— Там денег небось... — говорит Фомка.

— Деньги — что! Деньги — бумага. Там золото и бриллианты, — поправляет приятеля Капка.

Прикидывают ребята, что же им делать с такими богатствами.

— Пряников купим, — говорит Фомка.

— Пряники что! — отвечает Капка. — Бисквит настоящий купим, безе или крем-брюле.

Смотрит Фомка на Капку. Ну и Капка! Всегда-то он придумает. Хоть, что такое и бисквит, и безе, и крем-брюле, Фомка не знает, однако виду не подаёт — видать, что-то очень и очень вкусное.

Размечтались ребята. Матерям пуховые шали решили купить, сёстрам ситцу на платья и ленты, отцам сапоги или штиблеты. Потом стали перечислять знакомых своих и соседей. Малининым фунтов десять крупы — едоков у Малининых много. Деду Харламову — валенки. Инвалиду Зарубину — новый ко-

стыль: он давно о новом мечтает. Слесарю дяде Вавилину — шестиклинную кепку.

— Он не возьмёт,— заявил Капка.

— Возьмёт-возьмёт... Кепка у него старая-старая.

Прибежали ребята к водокачке. Сразу за дело.

— Быстрее, быстрее! — командует Капка.

Толкуются ребята, мешают друг другу. Но вот наконец лопаты упёрлись в ящик.

Тик-так, тик-так... — слышат мальчишки.

— Часы это, часы-ходики, — произнёс Фомка.

— «Ходики»! — усмехнулся Капка. — Это либо будильник, либо часы «Павел Буре» с боем.

Увлечлись ребята. Не заметили, как сзади подошёл кто-то. Оглянулись, а это слесарь, дядя Вавилин.

— Ну, что у вас тут?

Смутились ребята.

— Клад, — наконец произнёс Фомка. — Там золото. Там часы тикают. «Павел Буре» с боем.

— Часы?

Вавилин поспешно нагнулся над ямой, прислушался.

— А ну, отходи! — прикрикнул на мальчиков.

Попятились те.

Протянул Вавилин к ящику руку, повозился. Утихли часы. Поднялся он, вытер проступивший на лбу пот, усмехнулся:

— Клад... А ведь и вправду что клад. Динамитом тот клад называется.

Оторопели ребята.

— Там же часы.

— Часы, да не те. Это механизм специальный для взрыва. Ну, а теперь докладывайте всё по порядку.

Доложили ребята.

— Да... — произнёс Вавилин. — Вот вам и «Павел Буре».

— Эх, пропали шали и ленты... — вздохнул Фомка.

— Шали и ленты что! — отозвался Капка. — Водокачка ценнее.

Рассмеялся Вавилин:

— Молодец, Капка!

В тот же день Мойкин и оба сына его были взяты под стражу.

Судили их.

Судили строго, по революционным законам.

Фомка и Капка тоже ходили на суд. И опять обо всём рассказывали.

В протоколах суда числились они как свидетели. Однако и сам судья и все сидящие в зале понимали, что тут что-то не так, что слово это не то. Какие они свидетели — они главные в этом деле.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ СЛОВА

(Вместо послесловия)

Царский важный генерал говорил, что власть Советов на неделю, ну на две. Промелькнули две недели. Власть Советская не пала, устояла эта власть.

— Подождите, подождите,— не сдаётся генерал.— Десять дней, поверьте слову, и вернётся всё былое. Царь приедет на коне.

Промелькнуло десять дней. Ни коня и ни царя. Власть Советская не пала, укрепились эта власть.

— Чуть ошибся, но ручаюсь, слово война даю,— не сдаётся генерал.— Вот пройдёт ещё неделя...

Ходит важный генерал по соседям, по знакомым. И летят по переулкам и летят по закоулкам генеральские слова:

— Десять дней, клянусь вам честью, и от нынешних порядков не останется следа.

Но неделя за неделей, месяц к месяцу спешит. Власть Советская не пала, торжествует эта власть. Вдруг притихнул генерал.

— Где пророк?! — схватились люди.

Нет пророка. Убежал он за границу.

Что же делает в Париже важный царский генерал? Он по улицам парижским ходит голову задрал. И несутся вдоль бульваров, вдоль проспектов и каналов генеральские слова:

— Дайте срок, поверьте слову! Подождите месяц, два...

Месяц к месяцу спешит. Год равняется по году. Власть Советская не пала. Устояла. Победила всех врагов.

Но упрям и неотступен важный царский генерал:

— Вот ещё годок, поверьте! Ну, от силы полтора...

Что же нам сказать на эти генеральские слова?

Можно только улыбнуться, можно только усмехнуться. Десять лет прошло, пятнадцать, двадцать, сорок, шестьдесят. Власть Советская не пала. Как гранит она крепка.

Нынче нет уж генерала. Что же к этому добавить? И нужны ли тут слова? Тот пророк лежит в могиле. Власть Советская жива. Жить ей годы и века!

БРАТИШКА

***В**еликая Октябрьская социалистическая революция победила. Однако капиталисты и помещики не смирились с потерей власти, земли и заводов. С помощью иностранных капиталистов они организовали огромные армии, их называли белые армии, и начали гражданскую войну против молодой Советской России.*

Белые армии наступали с востока, с юга, с севера, с запада. Наша социалистическая родина оказалась в кольце врагов.

Гражданская война продолжалась более трёх лет и окончилась полной победой над белыми генералами.

О том, как громили советские люди врага в годы гражданской войны, вы прочитаете в повести «Братишка».

Глава первая

НИЧЕЙНАЯ

ВЕСНА. 1919 ГОД

— Ты что это — а, братишка?

Девочка подняла глаза на матроса, вытерла слёзы.

— А я не братишка. Я Нюта.

— Ах, Нюта,— улыбнулся матрос.— Нюта-Анюта. Где ты,

Нюта? Я тут. — Доволен шуткой своей матрос. — Значит, братишка, сидим и плачем?

Матрос здоровенный. Достанет до неба. Грудь — хорошо бы двоим в обхват.

Девочка маленькая. Ростом с травинку. Косичка как гвоздь торчит.

— Чья ты такая?

Девочка всхлипнула.

— Я-то? Ничейная.

— Как так — ничейная? — поразился матрос. — А ну-ка, не плачь, рассказывай.

Расстреляли у Нюты родителей.

И мать и отца.

Осиротили её офицеры белые, из войск Колчака.

Нюта жила в Приуралье. В городке на реке Миасс.

Здесь над речкой, над самой кручей в общей могиле лежат партизаны. Гордей Надеждин — командир партизанский, машинист паровозный — Нютин отец. Пелагея Надеждина — Нютина мать.

Белые и Нюту в тот день искали.

— Где партизанский щенок?!

Да люди добрые девочку спрятали. Три дня отсидела в соседских она погребах. А после, туманной ночью вывезли Нюту за линию фронта.

Машинисты, друзья отца, доставили девочку в Питер. Здесь в Петрограде тётка жила у Нюты. Жила, да уехала. Куда — неизвестно.

И вот Петроград — и Нюта совсем одна.

— Вон оно что, — произнёс матрос, сдвинул на лоб бескозырку. («Гав-ри-ил», — по складам про себя прочитала Нюта.) — Ничейная? Кто сказал, что ничейная! — повысил голос матрос. — Не может такого быть. А ну, подымайся.

Петроград: Невский, Литейный, Садовая. Зимний дворец в сотни окон своих глядит. Знамя на Смольном, как боец, на часах стоит. Мойка, Фонтанка, Невка, река Нева. Выборгская, Нарвская, Петроградская сторона.

Весна, 1919 год. Шагает матрос-балтиец, Нюту с собой ведёт.

СМИРНО, БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ!

Тяжёлое, лютное время. Колчак наступает с востока. Деникин с юга. В Балтийском море английский флот.

Душат, душат враги Россию. Им бы к ногтю Советскую власть. Им бы снова: заводы — богатым, землю — богатым, воздух — богатым. Бедным снова аркан на шею. Им бы Нюту в их ненасытную пасть.

Финский залив. Крепость морская — Кронштадт. Вот и трап на борту «Гавриила».

— А ну-ка смелей, братишка.

Робко ступает Нюта. Море слева, море справа, море со всех сторон. Сбегаются к трапу матросы.

— Глядите, Виров.

— Виров дитя ведёт.

— Смирно, Балтийский флот!

Улыбается Виров:

— Вольно, братишки.

Поднялись с Нютой они на палубу. Железо слева, железо справа, железо со всех сторон.

Обступили Нюту матросы.

— Нюта, — представил девочку Виров. С друзьями Нюту знакомит: — Старший матрос Наливайко, минёр Иванов, торпедист Печенёга, котельный матрос Наджми, смазчик второго разряда товарищ Ли, комендоры¹ Хохлов и Зига.

Поклонились матросы Нюте. Растерялась, смутилась Нюта, как суслик в норку, за Вирова шмыг.

— Вот те и раз! — развёл руками старший матрос Наливайко.

— Был батыр, и нет батыра, — заявил котельный матрос Наджми.

— Хи-хи, — хихикнул смазчик товарищ Ли.

— Боягуз², — произнёс торпедист Печенег.

— А вот и нет, — вдруг сказала Нюта и смело вышла в матросский круг.

Улыбнулись матросы.

— Вот это другое дело. Зачислить в Балтийский флот!

БОЦМАН ВАНЮТА

— Что тут, приют? — расшумелся боцман Семён Ванюта. — Да по какому уставу, какому приказу, чтобы на боевом корабле дитё! К тому же, кхе-кхе... особа женского полу.

Пытается Виров всё объяснить Ванюте. Мол, случай редкий. Родные расстреляны. Тут чуткость большая нужна.

— Но, но! — прикрикнул Ванюта. — Все вы теперь агитаторы. Расстреляны? Подумаешь, чем удивил. Да нынче расстрелянных, нынче повешенных, нынче этих бездомных сирот!.. Эх, жизнь ни в копейку пошла человечья! Как снег по зиме — не в цене.

Ванюта хоть ростом не очень выдался. Да телом крепок,

¹ К о м е н д о р ы — морские артиллеристы.

² Б о я г у з — трусливый.

надёжно сбит. Ремень, как обруч, обхватил животину. Челюсть железной подковой торчит. Желваки на лице и слева и справа, словно поднял два голыша у моря и сунул себе за щёки.

Ванюта пятнадцатый год на флоте.

В Цусимском¹ бою тонул. У Готланда² в бою тонул. Дважды ранен. Дважды контужен. Две медали лежат у него в сундучке.

— Это, если каждого да пожалеть, — не утихает Семён Ванюта, — каждого да на корабль, флот от груза такого потопнет.

— Семён Захарыч, да пусть же останется. Она же в воробьиное пёрышко вес.

— Молчать!

— Эх, киркой не пробьёшь сердце!

— Ну-ну, разговорчики!..

— Тише, тише, товарищ боцман. Хоть и флот, а Советская нынче власть.

— Ну его, — ругнулись матросы. — Ступай к комиссару.

— К комиссару?

— А что же, в самый оно аккурат.

ДЕВОЧКА СПИТ

Комиссаром на «Гаврииле» свой человек, из флотских — бывший матрос Лепёшкин. Николай Петрович Лепёшкин — он и есть комиссар.

О чём и как с ним беседовал Виров, о том неизвестно. Не скоро вернулся назад матрос. Только шёл — лицо как огнём светилось.

— Порядок? — кричат матросы.

— Порядок.

— Полный?

— Полнейший. А как же — на то комиссар!

Ночь. Матросский кубрик. Четыре постели. Справа и слева, по две, одна над другой. Слева на верхней лежит Аня. На нижней Виров. Рядом храпит Печенег. Сверху направо, так же как Аня, свернулся в калачик товарищ Ли.

Лежит в сторонке Аня платице, лёгкое платице из бумази. Полусапожки в углу стоят.

Устала, забылась, уснула Аня. На новом месте Аня видит свой первый сон.

Утро. Берег Миасса. Аня, мать и отец. Тоже весна. Только не этого, прошлого года. Вишни кругом в цвету. Луговина покрыта кашкой.

Солнце катит по небу.

¹ Цусимский бой произошёл в русско-японскую войну в 1904 году.

² Бой у Готланда — один из морских боёв первой мировой войны.

«Много вёсен тебе, Анюта!» — солнце кричит Анюте.
Речка бежит певунья. Плещет в песок голубой волной:
«Много вёсен тебе, Анюта!»
Ветер ласкает травы.
«Много вёсен тебе, Анюта!» — шепчет гуляка ветер.
Улыбнулась во сне Анюта. Тише. Вы слышите: тише! Нюте
снится счастливый сон.

ПРИМЕРКА

Разве подобает матросу ходить в бумазее. Юбкой тереть борта.

Матросу нужна бескозырка. Матросу нужны рубаха, брюки суконные, брюки рабочие, нужен ему ремень — и простой, и тот, что с широкой, форменной бляхой. Матросу нужна фуфайка. К осени нужен бушлат. Нужен к зиме башлык.

Ну и, конечно, нужна тельняшка. Чтобы сердце прикрыть моряцкое.

Всё это вынь и положь.

Старались, шили матросы наряд для Нюты. Нашлись портняжного дела и здесь мастера.

Комендоры Хохлов и Зига занялись бескозыркой. Минёр Иванов раскроил рубаху. С брюками возится смазчик Ли. Перешивает тельняшку Виров. Раздувает утюг Печенег.

Вот с башмаками только загвоздка. Есть и крой, и подмётки, и каблучный набор. Колодок для Нюты нет.

Да это, пожалуй, не к спеху. Есть же у Нюты девичьи полусапожки. Ну что же, походит она пока в таких.

Бойко идёт работа. На эсминце ответственный день.

А вот и примерка.

Надевает Нюта рубаху. Рубаха что надо, сшита по форме. Ворот матросский вдоль плеч лежит. А брюки, взгляните на брюки: в коленках дудочкой, книзу клёшем — флотской моды последний крик.

Бескозырку надела Нюта. Точно по мерке, в самую тютельку.

Ленты, как косы, забросила девочка. Моряцкий, заправский вид.

Подошёл Наливайко, сдвинул у Нюты слегка бескозырку — чуть на лоб и чуть набекрень.

Кто-то подставил зеркало.

Глянула Нюта. Зажмурилась Нюта. Перехватило у Нюты дыхание. Спасибо, Хохлов и Зига. Спасибо, товарищ Ли.

— Ты тельняшку, как жизнь, береги, — наставляет девочку Виров. — Без тельняшки матроса нету.

Любуются Нютой балтийцы.

— Первого ранга, никак, капитан.

— Выше, выше, — смеются матросы. — Сам адмирал!

Улыбается, счастлива Нюта. Взглянули бы мать и отец!

КОСИЧКА

Любила Нюта свою косичку. Косичка хоть в палец, почти что в гвоздь. А всё же косичка.

Заплетала Нюта её, расплетала. Ленты свои берегла.

На корабле матросы почти что все острижены. Есть и такие, которые бриты.

Только у Нюты одной косичка.

Мешает Нюте теперь косичка. Из-за неё бескозырка не так сидит.

Подошла девочка к Вирову:

— Дядя Василий, а ну-ка, отрежь.

— Красоту-то такую! — ахнул матрос.

— Режь, — повторила Нюта.

— Нет, — отвечает матрос. — Давай, как решит команда.

Собрались балтийцы, решают важнейший вопрос.

— Правильно, — сказал Наливайко. — Какой же с косичкой моряцкий вид?

— Конечно, с косичкой не по уставу, — согласились Хохлов и Зига. — И всё же девочке, как арестанту...

— Верно, — сказал Иванов. — Девочке в радость всегда косичка.

За косичку стоят и Наджми, и смазчик второго разряда товарищ Ли.

Порешили матросы: косу Нюте не стричь.

Возвращается Виров. Подходит к девчонке. А где же косичка?

Клок волос на том месте у Нюты торчит. Остригла Нюта себе косичку. Из-за неё бескозырка не так сидит.

МОРСКИЕ НАУКИ

— Ну, пора за морские науки, — как-то Виров сказал Анюте.

Ходили они по палубе, смотрели боевые посты и орудия. Лазили в самый низ — туда, где котлы и турбины.

— Эсминец есть боевой корабль, — стал объяснять матрос. — Хочешь — пульнёт торпедой. Желает — поставит мины. Эсминец самый быстрый корабль на флоте. Он в морскую разведку ходит. Надо — догонит врага. Ну, а если, скажем, надо уйти — дудки его догонишь. Эсминец при других кораблях вроде бы как кавалерия при пехоте, — растолковывал Виров.

Всё интересно Нюте.

Расскажи ей про пушки, расскажи ей про мины. Почему это крюк по-флотски зовётся так? А колокол — рýндой? А лестница — трапом? Почему по-морскому тужурка — бушлат?

Про всё объясняет Виров.

Вечером балтиец стал проверять, что же усвоила за день Нюта.

— Что такое эсминец?

— Эсминец есть боевой корабль, — улыбаясь, чеканит Нюта.

— Верно. Ну, а что же такое гак?

— Крюк, — отвечает Нюта.

— А как называется палуба?

— Дек.

— А вот в жизнь не ответишь, что же такое рым?

— Знаю, знаю, — смеётся Нюта. — Это то, обо что я споткнулась. Разные кольца, что вкручены в палубу.

Поражается Виров: смышлёныш какой попался!

— Ну, братишка, как есть молодец!

Прошёл день. Виров опять за дела моряцкие. Только теперь о другом.

— Море, ты думаешь, что? Вода, мол, и крышка. Эи нет. Тут тоже своя наука.

И снова пошли названия: муссоны, пассаты, шквалы, штили, борá...

— Да пожалей ты её, несчастную, — защищают Нюту другие матросы. — Для малолетки ли мудрёные эти слова!

— Цыц, — огрызнулся балтиец. — Моряком, братишка, не каждый может. Моряк это знаешь какая вещь! Ночью его спроси про любую штуку. Спит, а точно тебе ответит. Хотя бы вот я, к примеру...

Запомнила Нюта слова матроса.

Ночь. Караулит Нюта, когда же заснёт балтиец. Дождалась. Слезла тихонько вниз.

— Дядя Василий!

Богатырски храпит матрос.

— Дядя Василий!!

— Ну что?

— Что такое муссоны?

— Ветры, что дуют в море. Летом на сушу, зимой в океан.

Смотри — без запинки ответил матрос. Забралась Нюта снова к себе наверх. Вздремнула немного, опять спустилась.

— Дядя Василий!

Спит безмятежно матрос.

— Дядя Василий!!

— Ну что?

— Что такое пассаты?

— Тоже ветры, — ответил балтиец. — Только не всякие. А те, что дуют лишь в жарких странах. Влагу несут с моря.

Снова верно сказал матрос. И в третий раз про северный ветер — бора тоже в момент ответил.

С завистью смотрит на Вирова девочка. Вот бы себя проверить!

— Дядя Василий, ты и меня разбуди, — попросила она балтийца.

— Ладно, — ответил Виров.

Ночью проснулся матрос. Встал, наклонился к Нюте. Смотрит — девочка сладко спит. Жалко балтийцу тревожить Нюту. Лёг и снова себе заснул.

Обиделась утром Нюта.

— Ты что же меня не будил?!

— Как — не будил? Будил, — отвечает Виров. — Целых три раза, — приврал он для большего веса.

Протирает Нюта глаза. Неужели она забыла? А главное, как же она ответила? Точно ли, верно ли?

— Всё верно, точно. В самый попад, — улыбается Виров. — По науке как есть, братишка.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ¹

Нравятся Нюте морские науки. Ходит она по эсминцу, лезет ко всем с расспросами.

На эсминце много совсем молодых парней, таких, что недавно пришли на флот. Не все разобрались пока в науках. Не каждый девочке всё объяснит. Неудобно таким матросам. Стали бояться её балтийцы. Увидят Нюту — быстрее в сторонку, а то, смотри, попадёшь впросак. Да только не просто укрыться от Нюты. Разве что прыгнуть за борт.

Струхнули совсем матросы. С дрожью ложатся спать. «Ой, не пришла бы завтра опять Анюта!» А Нюта всё ходит и ходит. Почёсывают в затылках матросы. Как же им быть? Решали, решали. Сами взялись за науку.

Поражается боцман Ванюта. Что такое — целый день молодые матросы, как пономари, морские слова твердят.

Забавно матросам.

— Ай да Анюта! Похлеще командира за нас взялась.

— А ну-ка, ступай, проверь комиссара, — кто-то однажды Нюте сказал.

Другой бы смутился. А Нюта нет. Пошла к комиссару.

Приоткрыла девочка дверь каюты. Видит, дядя Лепёшкин сидит. Ворох газет перед ним разложен. Что-то читает. Оторвался Лепёшкин, глянул на дверь.

— А, брат Анюта. Давай заходи. Смелее, — сказал Лепёшкин.

Переступила Нюта порог.

— Вот видишь, тоже сию за наукой, — показал комиссар

¹ В п е р е д с м о т р я щ и й — матрос на судне, смотрящий вперёд и наблюдающий за морем.

на газеты. — Ленин, смотри, выступал. Новую программу приняла партия. Серьёзные, брат, дела.

Глянула Нюта на развёрнутый лист газеты. Во всю полосу шёл заголовок: «VIII СЪЕЗД РКП». Чуть ниже: «Речь т. Ленина».

Забыла Нюта, зачем и пришла.

«РКП... РКП...»

— Дядя Лепёшкин, как же это понять? — ткнула Нюта в газету пальцем.

Комиссар усмехнулся, глянул на девочку.

— Р — означает Российская, К — Коммунистическая, П — партия. Получается: Российская Коммунистическая партия, — объяснил комиссар.

— А что такое есть партия? — снова полезла Нюта.

— Партия? — Лепёшкин задумался. — Ну как бы тебе сказать. Во-первых, это когда не один человек, а много. Во-вторых, когда у этих у многих единая в деле цель. За счастье рабочих, крестьян и всего трудового народа сражается партия. Эх, брат, — вздохнул комиссар, — мала ты для этой штуки! Партия, Нюта, не просто толпа людей. Это боевой отряд. Цвет трудового класса. Один к одному. Ленин ей положил начало. Ясно, брат Нюта?

— Нет, — отвечает Нюта.

— Что же тебе не ясно?

— Про коммунистическую что-то не ясно и про программу не ясно, — призналась Нюта.

Комиссар почувствовал, как его прошибает пот. Ну как объяснить про такое девчонке? Однако что же тут делать. Пришлось объяснять.

— Коммунистическая от слова «коммунизм» происходит, — начал Лепёшкин. — А коммунизм — это то, о чём много столетий мечтают люди. Все равны. Ни бедных тебе, ни богатых, — подбирает попроще слова комиссар. — Ни войн, ни вражды на земле. Болезней и тех не будет. А будет, что там, брат, сказка — почище чем в сказке. Это и есть коммунизм. К нему зовут нас Ленин и партия. Отсюда её название.

«Почище чем в сказке» — ну и сказал комиссар! — подумала Нюта.

— Только он, коммунизм, не с ногами, — продолжал комиссар Лепёшкин. — Он по команде к тебе не придёт. Тут, брат, работать, работать надо. Строить его, как дом. — Комиссар посмотрел на свои ладони. — К нему не большак — дорога. Идти целиной под ветрами, под бурями. Так вот, чтобы не сбиться в пути, у партии есть программа. Имсеешь программу — смело шагай вперёд. Она точно пути укажет. Ясно, что значит программа?

— Ясно, — ответила Нюта. — Она — как вперёдсмотрящий.

— Верно, — сказал Лепёшкин и вытер вспотевший лоб.

На следующий день комиссар Лепёшкин проводил на эсминце политбеседу.

Начал с положения дел на фронтах. Трудное время. На востоке красные сдали Уфу. На юге Деникин вступил в Донбасс. В Одесском порту — французы. Англичане и американцы высадились на Советском Севере.

— И этим, смотри, не сидится дома, — зло говорил Лепёшкин. — Как мухи на сладкий пирог летят! Да только нет такой силы, чтобы скинуть Советскую власть. А почему? Народная это власть — вот почему, — отвечал Лепёшкин. — У народа хребет богатырский. Руки ему сломаешь. Ноги ему сломаешь. Душу не перебьёшь.

— Верно, — гудят матросы.

Потом комиссар стал говорить о партийном съезде. О речах и докладах товарища Ленина. Много вопросов стояло на съезде. Стоял и военный вопрос.

— Чтобы побить врага, нам нужна железная дисциплина, — говорил комиссар. — Ленин так и сказал «железная», «революционная», «строгая».

— Правильно, — соглашались матросы.

— Без порядка никак нельзя.

— Что же тут спорить. Прав, конечно, товарищ Ленин.

После беседы собрались матросы на палубе. Слово за словом о том, об этом. Кончилось тем, что заспорили вдруг матросы — кем бы Ленину быть, если бы Ленин служил на флоте.

— Боцманом! — выкрикнул кто-то. — Раз он до порядка такой охочий, боцманом, значит, ему и быть.

— Дура! — вскипел Наливайко. — Ты подковырку в карман убери. За Ленина душу пущу по свету.

— Так ему!

— Верно!

— Стойте, братишки, да я же без злобы, — едва отбилсЯ оплошавший матрос. — Я и сам хоть кому шею сверну за товарища Ленина.

Продолжают балтийцы спор.

— Ленину быть комендором, — заявили Хохлов и Зига.

— Торпедистом, — шумят торпедисты.

— Минёром, минёром! — кричат минёры. — Кто под буржуев мину подвёл? А? Пиши в минёры товарища Ленина.

С разных сторон летят предложения.

— Да не кричите вы! Стойте вы! Тише! — перекричали других машинисты. — Что на судне главнейшее? Котлы и турбины. Без них корабль что телега без четырёх колёс. В механиках первой статьи — вот где место Ульянова-Ленина.

Спорят матросы.

Каждый стоит на своём. Каждому хочется, если такое случится, что Ленин придёт на флот, к Ленину быть поближе.

Здесь же стоит и Нюта. Тоже о Ленине думает. Повернулись матросы к ней.

— А ну, разреши-ка наш спор, братишка.

— Верно, как скажет дитё, так, стало, на этом быть.

Притихли матросы, ждут, что же ответит им девочка.

Не ожидала такого Нюта, смутилась.

— Да ты не тyani!..

«Канониром, минёром, механиком», — кем же действительно Ленину быть? Не знает Нюта, что же ответить.

— Пусть остаётся Лениным, — тихонько сказала девочка.

Рассмеялись матросы.

— А что же, пожалуй, решила вернее всех!

ОГОНЬ, ЗАКЛЮЧЁННЫЙ В КРУГ

— Это ты верно сказал, братишка, — хвалил вечером Виров Нюту. — Ленин у нас один. На самом правильном месте. Я-то не зря молчал.

Стоят Нюта и Виров на носу «Гавриила». Смотрит Нюта на воду, на Финский залив. Другие корабли стоят на Кронштадтском рейде. Сторожевые суда «Горностай» и «Куница», подводные лодки «Пантера» и «Рысь», крейсер «Олег». А вот и линейный корабль «Петропавловск». Занял полморя, занял полнеба. Пушками вдаль глядит.

— «Если бы Ленин служил на флоте»... — усмехнулся матрос. — Эка какую придумать штуку. Оно хоть и просто так, для забавы. А всё же прикинь, откуда такое идёт? Любят матросы Ленина. Отсюда идёт. Хотя бы вот я, к примеру. Да я за товарища Ленина...

В море садится солнце. Большое-большое, яркое-яркое. Огонь, заключённый в круг. Чуть страшно Аниуте. А вдруг закипит от такого море?

— Да, второго такого нет, — как бы сам с собой рассуждает Виров. — К нему, братишка, валом валит Россия. Малое горе, большое горе — каждый к нему идёт. Хотя бы вот я, к примеру. Чуть что — возьму и пойду. Мол, Владимир Ильич, такое-то вышло дело. Слушает, даёт совет. А в конце: «Держитесь, товарищ Виров»...

Совсем размечтался матрос. Волна о борта ударяет. Звёзды кольнули небо.

— А наш комиссар Лепёшкин? Такой, братишка, не подведёт. Дружки мы с Лепёшкиным, — говорил доверительно Виров. — С «Петропавловска» вместе. Он сюда комиссаром. Ну и, как видишь, Виров сюда. Самостоятельный наш комиссар мужчина.

Матрос замолчал. Холодок пробежал по палубе. Где-то в Кронштадте ударил колокол. Озябла, прижалась к матросу Нюта.

— Да, время смотри какое! Прав Лепёшкин, богатырский у нас народ. Человеки! Начинай с «Гавриила». Возьми Наливайку, возьми Иванова. Из Китая приехал Ли. И ему не чужа Россия... Вот что значит товарищ Ленин,— закончил матрос.

Коротки весной на Балтике ночи. Стал розоветь восток. Слово птица в гнезде, шевельнулась прозябшая Нюта.

— Да ты что же — всё здесь? Ты что же не спишь, братишка? — набросился Виров.

Над Кронштадтом всходило солнце. Огонь, заключённый в круг.

ЯБЛОЧКО

Раздувает гармонь мехи. Матросы на палубе пляшут.

— Вирова в круг!..

— Вирова в круг!

Вышел Виров в матросский круг. Замер, прислушался к такту. Для пробы левой, правой ногой притопнул. Хлопнул в ладоши над головой, по груди, по коленкам хлопнул. Сдвинулся с места и вдруг...

Эх, яблочко, куда ты котишься...

Виров начал матросский пляс. Как шатуны в паровой машине, заходили матросские ноги. Дятлом клюнули в палубу каблук и тут же ударили по доскам градом.

Разметались, как косы, ленты, разлетелись, как крылья, ноги. Руки легли на грудь. Виров пошёл вприсядку.

Эх, яблочко, куда ты котишься...

Волчком закружился матрос. Каруселью прошёл по палубе. Словно в бубны бьют моряки в ладоши. Гармонь торопясь задыхается.

Любуется Нюта балтийцем. Ноги сами собой от земли отрываются. Смотрит Нюта на новые башмачки: кто же ей подарил такие? Вот бы в таких да самой бы в такой же пляс!

— А ну, выходи! — закричали матросы.

— «Барыню», «Барыню»!

— Выдай цыганочку!

Только зачем же Нюте теперь цыганочка, не нужна ей и «Барыня». Нюте по сердцу матросский пляс.

Хотела Нюта, как Виров, вприсядку. Сжалась пружиной. Секунда — и выбьет лихой перепляс. И вдруг качнулась, не

удержалась на месте Нюта. Растянулась на палубе впласт. Бескозырка слетела. Ворот загнулся. Затылок о доски — стук. Шишка в пятак красуется.

Подбежали матросы.

— Я сама, — отстраняет их Нюта. Вскочила на ноги, гармонисту кивает: не жди, играй!

Запела гармонь переборами. А ну, не плошай, Анюта! Да только присядка — нелёгкий танец. Снова упала девочка. Рядом со старой — новая шишка, новый вскочил пятак. Опять поднимается Нюта. Снова лезет в матросский круг.

Переглянулись матросы.

— Ух ты, упорная девочка!

— Флотский, смотри, замах!

Однако тут появился Ванюта.

— А ну расходись.

— Как так, Семён Захарыч? — полезли матросы.

— Расходись, — повторил Ванюта. — Время военное. Какие тут игры, какие тут пляски. Где дисциплина? Забыли, что Ленин на съезде сказал?

При имени Ленина матросы притихли. Сжал гармонист мехи. И вдруг:

— А ведь про пляски на съезде не было. Не было, — услышала Нюта знакомый голос.

Оглянулась — подходит Лепёшкин. Улыбается комиссар:

— А ну, гармонист, играй!

Разинулся рот у Ванюты: сам Лепёшкин пустился в пляс.

«Комиссар, а тоже туда же. Вот те и на!» — огорчился Ванюта.

ЖЕРЕБЧИК

Всё случилось совсем непредвиденно. Как-то Виров Нюту повёз в Петроград. Нюта давно о таком мечтала.

Сидят они в катере. Смотрит Аня на морскую форму, на свои башмачки. Хороши башмачки! Кто же ей подарил такие?

— Хороши башмачки, — соглашается Виров. — Добрый у нас комиссар.

— Комиссар?! Так дядя Лепёшкин их мне подарил?

— Он, он, Николай Петрович.

Радостно Нюте. Светит апрельское солнце. За бортом о чём-то приятно шепчет морская волна.

— Разные есть города на свете, — стал рассуждать по дороге Виров. — Есть город Лондон, есть город Нью-Йорк. Луга — уездный наш город, — показал на себя матрос. — В Индии есть Калькутта, у китайцев Шанхай и Кантон. Ну, там Рим, и Берлин, и Париж, — сыпал названия Виров. — А всё же, считай, братишка, такого, как Питер, второго нет. Питер — великий город. Душа трудового класса. Никто не забудет семнадцатый год.

Ходили они по Литейному, ходили по Невскому, Летний смотрели сад. Стояли долго у Зимнего.

— Вот туточки, с этого самого места, — стал объяснять матрос, — балтийцы пошли на штурм. Между прочим, и я, и Лепёшкин, — добавил он не без гордости.

— А вот тут (они стояли уже у Смольного) самое главное место, братишка, как раз и есть. Тут был товарищ Ленин. Отсюда зашагала Советская власть.

Долго ходили Виров и Нюта по городу. В заключение бал-

тнеец решил не отстать от других и тоже Нюте купить гостинец.

Явились на рынок. Время голодное. И пусто илюдно. Илюдно и пусто. Народу хоть отбавляй. А вот с едой-то не очень густо.

Картошкой торгуют поштучно. Рюмками меряют пшено. Дороже золота — фунт копины.

Виров и Нюта шли как раз по мясному ряду. Толстый мордастый мужик у прилавка. Лузгает семечки.

— Жеребчик, жеребчик, кому жеребчик! — выкрикивает он лепиво.

Напротив замерла женщина. По виду работница. Солдатка ли, вдовая? Косышкой худобу на лице прикрывает. Рядом два малолетка — два тоненьких, в тростиночку, тельца. Держат за юбку мать, жадно глядят на конину.

Хотел пройти матрос. Да что-то его удержало.

Глянул на женщину, глянул на мальчиков. То ли вспомнил кого матрос. То ли просто душа у него такая. Только вдруг подошёл он к мордастому мужику, наклонился к прилавку. Выбрал Виров побольше кусок, повернулся и сунул вдруг женщине.

Та обомлела, не хочет брать.

— Бери же! — прикрикнул Виров. Повернулся опять к мужику, достал из кармана деньги, отдал что было.

Пересчитал торговец кредитки — мало.

— Разбой! — завопил мужик.

— Ах ты, шкура! — взревел матрос, схватил мужика за грудки.

— Караул! — ещё пуще кричит торговец.

Отпустил его Виров, расстегнул, скинул с себя бушлат.

— Заткнись, — бросил его мордастому.

Женщина стояла окаменев, на лице показались слёзы.

— Да что же я! Да право же, как? Да нет же. Заберите быстрее бушлат, — говорила она и протягивала конину Вирову.

— Но, но! — прикрикнул матрос, глянул на ребятишек и вдруг сказал тихо-тихо, словно горло ему сдавило: — Бери же, неумная. Может, им жизнь сохранит бушлат...

— Мразь, — помянул Виров торговца, когда они с Нютой оставили рынок.

Молча прошли два квартала. Свернули направо, вышли к Неве. «Вот и опять не купил гостинец, — сокрушённо подумал балтиец. — Что бы сделать такое для Нюты?» И вот тут-то Виров увидел автомобиль. Это был новенький «роллс-ройс» — машина с открытым верхом. Автомобиль стоял у какого-то здания. Шофёр, рябоватый парень с длинным горбатым носом, важно сидел на переднем сиденье.

«Вот бы Нюту промчать по городу, — мелькнула мысль у балтийца. — Радость-то ей какая!»

— А ну, подожди, — обратился он к Нюте. Подошёл к парню, что-то тому сказал.

— Проходи, проходи, — отмахнулся парень.

— Уважь же, братишка, — просительно повторял Виров. — Да ей же такая штука, считай, как память на целую жизнь.

— Да что ты пристал! Не могу. Пойми, не могу.

— Ах, так... — не сдержался Виров. Он багровел, багровел. И вдруг вся злоба, не вылитая там, на мордастого, обрушилась здесь, на парня. — Попомнишь морской кулак.

Виров ударил с левой, ударил с правой, нацелил в горбатый нос. Парень вскрикнул, схватился за щёки. В ладони, как в чашу, брызнула кровь.

О бесчинстве моряка с «Гавриила» на следующий день было передано в Кронштадт на Балфлот.

Стали выяснять, кто был в городе. Проверили — Виров. Впрочем, матрос и сам не отрицал мордобоя. Он лишь повторял:

— Эх, не того, не того побил. Оно бы мордастому врезать.

И снова Виров был в каюте у комиссара. Вернулся не скоро. А когда шёл, всем стало ясно, что дело худо.

В тот же день на эсминце был объявлен приказ о списании Вирова с «Гавриила». В приказе значилось: «За факт, позорящий звание советского моряка, за нарушение революционных порядков и дисциплины». Сам Лепёшкин приказ читал.

Вместе с матросом ушла с эсминца и Нюта.

А вечером комиссар обнаружил в своей каюте подаренные девочке башмачки.

Глава вторая

БАШМАЧКИ

ЕЗДОВОЙ

Одна из маленьких улиц Кронштадта — Флотская. Здесь находится прачечная и баня для моряков. Кто в среду сюда приходит, кто в пятницу, кто по субботам. Что ни корабль, то специальный отведён день. То-то шуму тогда на Флотской!

Сюда же возят бельё для стирки. Никогда ещё Нюта не видела столько простыней и рубах.

Нюта живёт при прачечной. В одноэтажном кривом бараке, с окнами в дальний двор. Виров списан сюда с эсминца. При бане и прачечной он ездовой: бельё развезти, дров привезти, напилить, наколоть — вот и вся у него работа.

Ездовых не один, а три. Дядя Дунай, дядя Архип и третий — Василий Виров. Оба дяди не моряки, а солдаты Кронштадтского гарнизона. Обоим по сорок лет. По негодности к строю оба приписаны к бане. Виров среди них — что дуб в мелколесье. Ударит в кругляк — гудит топорище. Кобылу свою, если та заупрямит-

ся, как телёнка, сгребёт в охапку и между дышел в момент поставит.

Как на чудо, сбегаются прачки глядеть на Вирова.

Нюте и здесь неплохо. А в чём-то, пожалуй, и лучше. Кронштадт — не корабельная палуба, не сотня квадратных саженей. Кронштадт — город: площади, улицы. Можно сбегать на Якорную, можно сходить на Июльскую. Да и Флотская — чем не улица. Напоминает Нюте родной Миасс.

А вот Виров совсем загрустил. Нет ему жизни без моря. Кончает Виров работу, к морю быстрее спешит... Сядет у берега. Долго сидит один. Всё смотрит и смотрит на воду, на синюю даль и ширь.

— Водица... Родная... Соль и бурун.

Потом нагнётся, почерпнёт ладонью воду, брызнет себе в лицо. И чудится вдруг балтийцу, будто бы шторм опалил его. Дышит, дышит Виров морской прохладой, не может от моря уйти.

Если бы солнце прогнали с неба. Если бы птицам сломали крылья, а рыб не пустили в воду. Если бы детям — запрет смеяться. Так вот и Вирову.

Стонет, тоскует по морю, плачет навзрыд душа.

И Нюта места себе не находит.

— Это я принесла беду! Я,— повторяет Нюта.

ПРОСНУЛСЯ ОДНАЖДЫ ВИРОВ...

«Эх, Лепёшкин, Лепёшкин, товарищ Лепёшкин!» — не может Нюта простить комиссару, что списали балтийца на берег.

Жалеет Нюта Вирова. Понимает, что у того на душе. Глянет, что едет он на кобыле, сердце щемит. Матрос на кобыле! Комендор — и вдруг с сыромятным кнутом.

Достаётся кобыле от Вирова.

— У, безногая, у, колченогая! — то и дело матрос кричит.

Достаётся кронштадтским прачкам.

Достаётся обоим дядям:

— У, безрукие, чёрт побери!

Срывает Виров на окружающих злость. Только Нюту одну не трогает.

Нет-нет забегут с «Гавриила» навестить моряка приятели. То Наливайко, то Зига, то Наджми, то товарищ Ли. Посидят, об эсминце ему расскажут... Матросы уйдут, а Виров опять за своё. И снова несётся:

— У, безногая, у, колченогая. У, безрукие, чёрт побери!

Задумалась Нюта. Хочется Вирову ей помочь.

— Дядя Василий!

— Ну что?

— Давай так, чтобы я на Марфутке ездила. (Марфутка это и есть кобыла.)

Отрицательно качает матрос головой.

— Дядя Василий?

— Ну что?

— А если так, чтобы вовсе забыть про море?

Отрицательно качает матрос головой.

Как же помочь балтийцу? Думала, думала Нюта. И вдруг...

Проснулся однажды Виров. Глянул — нет Нюты. Пустует её кровать.

Вскочил как ужаленный Виров.

К дяде Дунаю:

— Где Нюта?!

К дяде Архипу:

— Где Нюта?!

Прачек криком перепугал:

— Где Нюта? Где Нюта? Где Нюта?

Нет Нюты.

«СОВЕСТЬ, ТОВАРИЩ, ЗНАЙ!»

Москва. Привокзальная площадь. Булыжник-вторец лежит.

Вышла на площадь Нюта, осмотрелась по сторонам.

— Куда тебе, девочка?

— Мне-то? К товарищу Ленину.

— К Ленину? По Мясницкой давай ступай.

Обгоняет Нюта прохожих. Полусапожки чеканят шаг.

Вот и Лубянская площадь. Стена Китай-города украшает вид. Остановилась Нюта.

— Куда тебе, девочка?

— Мне-то? К товарищу Ленину.

— К Ленину?! По Никольской давай ступай.

Шествует Нюта. Обгоняет прохожих. Полусапожки чеканят шаг.

Вот и Красная площадь. Знаменитая площадь. Замерла Нюта. Чудом из сказки Кремль-богатырь стоит.

— К Ленину? — переспросил часовой у Нюты. — Да откуда же ты такая?

Нюта ткнула на свою бескозырку.

— А, понятно. Черноморский, сдаётся, флот.

— Балтийский, — поправила Нюта.

— Ну, а зачем тебе к Ленину?

Нюта замялась. Что же ему сказать?

— По важному делу.

— Понятно. Значит, по адресу.

Часовой, красноармеец в длинной шинели, повёл Нюту к приёмной Ленина.

— Только ты совесть, товарищ, знай! — неожиданно грозно сказал провожатый. — Не чай распивать идёшь. Сказала, что надо. «Спасибо. Будьте здоровы, простите, Владимир Ильич».

К Ленину Нюта попала только под вечер. Очень занят Владимир Ильич. Выступал на каком-то заводе. Провёл одно за другим три ответственных заседания. Принимал делегатов с Восточного фронта. Отправлял телеграммы на Южный. В номер газеты «Правда» срочно кончал статью. Не перечислить всех ленинских дел. А всё же время нашёл для Нюты.

Дожидалась Нюта в приёмной Ленина, не заметила, как заснула. Вдруг слышит сквозь сон слова:

- Товарищ ко мне?
- К вам, Владимир Ильич.
- Давно отдыхает?
- Не менее часа.
- Ну что же — тогда будите.

«ПОНЯТНО, ТОВАРИЩ ЛЕНИН»

Нюта вошла в кабинет. Вот он, товарищ Ленин. Не очень рослый, не очень низкий. Не худой и не полный. Молод — не скажешь. Старым — не назовёшь.

Улыбается Ленин:

- Будем знакомы — Владимир Ильич.
- Нюта, — ответила Нюта.
- Вот и отлично. Садитесь, товарищ Нюта.

Набралась девочка духу, хотела сразу сказать о Вирове. Однако Ленин опередил:

— Расскажите, товарищ Нюта, мне про Балтийский флот.

Немногое знает Нюта, а всё же не растерялась. Рассказала о «Гаврииле» («он самый быстрый корабль на флоте»), про то, как солнце садится в море («аж дрожь от такого берёт»), про комиссара Лепёшкина, про смазчика Ли («и ему не чужа Россия»), потом про пассаты, потом про муссоны и даже про рынду и рым.

Внимательно слушает Ленин. Наконец улучил минутку, подошёл к приоткрытой двери.

— Попросите мне и товарищу Нюте принести по стакану горячего чая.

Приносят в комнату чай.

— Пейте, товарищ Нюта.

Не решается Нюта, помнит строгий приказ провожатого.

— Не стесняйтесь, пейте, — опять предлагает Ленин. — Не обещаю, что сладкий, но ручаюсь — горячий.

Не решается Нюта.

Видит такое Ленин.

— Вот что, товарищ Нюта, как гостю, вам — начинать. Так что не будем спорить. Надеюсь, вы не хотите оставить меня без чая.

Отхлебнула Нюта глоток. И Ленин глоток отпил. Нюта опять глоток. И Ленин глоток.

Улыбаются Ленин и Нюта друг другу. Глоток за глотком, глоток за глотком. Не заметила Нюта, как пустым оказался стакан.

Совсем осмелела Нюта. Придвинулась ближе к Ленину и принялась вдруг рассказывать Владимиру Ильичу про то, как спорили матросы на «Гаврииле», кем бы Ленину быть, если бы Ленин служил на флоте.

Начала и вдруг испугалась.

Смотрит на Ленина.

Нет, кажется, ничего. Не насупился Ленин, а даже, наоборот, как-то мягче стала его улыбка.

— Минёром! — рассмеялся Владимир Ильич. — Это я-то — минёром. Как вы сказали: «под буржуев мину подвёл». — Ленин заразительно расхохотался.

Нюта заметила: даже слезинки от смеха у Ильича набежали в глазах.

Наконец Владимир Ильич успокоился.

— Сравнение, допустим, верное. Только я уж тут ни при чём. Ни при чём, — повторил Ленин. — Ходом самой истории старый строй подложил под себя эту мину, — сказал Владимир Ильич серьёзно.

Даже на «боцмана» Ленин не рассердился. А снова смеялся. И Нюта смеялась.

— Передайте матросам, товарищ Нюта, что лично мне нравится должность боцмана, — заявил Владимир Ильич. — Вижу, Ванюта у вас человек требовательный. Это хорошо. А вообще товарищей моряков я вынужден огорчить. Морского образования не имею. Сожалею. — Ленин развёл руками. — Но это — факт.

«Ну, — решает Нюта, — пора про Вирова».

Выслушал Ленин. Слегка нахмурился.

Понимает Нюта, что самый главный сейчас момент. Эх, убедить бы товарища Ленина! Зачастила:

— Он все науки морские знает. Он города все на свете знает.

— Так, так, — склонил чуть-чуть набок голову Ленин.

— Он «Яблочко» лучше других танцует.

Слушает Ленин.

— Он хороший, хороший, хороший, — почти закричала Нюта. — Душа у него хорошая!

Улыбнулся Владимир Ильич.

— Ах, вот последнее — это важно. Значит, вы могли бы поручиться за Вирова?

Могла бы? Да Нюта за Вирова...

— Вот и отлично! — Ленин опять улыбнулся.

Взял перо, придвинул бумагу и начал быстро писать — комиссару эскадренного миноносца «Гавриил» товарищу Лепёшкину. В деле матроса Вирова прошу ещё раз разобраться. Возможно, будут мотивы, позволяющие вернуть его на корабль. Что же касается Вирова, то, зная его по рассказам других товарищей, он, Ленин, может за него поручиться. И попросил, если возможно, учесть его просьбу. И расписался: *У л ь я н о в -*
Л е н и н.

Затем Ленин сложил записку и передал Нюте:

— Вот, если, конечно, поможет.

Нюта схватила записку.

— Спасибо, товарищ Ленин, — и, не простившись, бросилась к двери.

— Ну и пострел! — усмехнулся Ленин, вызвал помощника: — Проследите, чтобы девочке был обеспечен обратный проезд.

— Понятно, товарищ Ленин.

НЕ ОЖИДАЛ

Комиссар Лепёшкин не верил своим глазам.

Он смотрел на бумагу, на Нюту, а потом опять на бумагу. Прочитал её раз, и второй, и третий.

«Читай, читай, товарищ Лепёшкин», — стоит торжествует Нюта.

Наконец комиссар опустил бумагу.

— Ну, брат Анята, не ожидал я такого. Не ожидал. — Лицо комиссара, к превеликому удивлению девочки, расплылось в улыбке, и он расхохотался. — Только ведь Виров, — сказал Лепёшкин, — на корабле. Выходит, пожелание товарища Ленина Владимира Ильича Балтийский флот уже выполнил. Вот так-то, брат Нюта.

Нюта так и присела.

А в это самое время по трапу, ведущему с нижней палубы сюда наверх к комиссарской каюте, громыхал башмаками Виров.

— Нашлась, нашлась! Ух ты — в Москву. К Ленину! Сокол, братишка!

Плечом чуть не выбив дверь, балтиец влетел к комиссару.

— Братишка, братишка, — бросился к Нюте Виров. — Родной, ненаглядный, — стал причитать матрос.

Он сгрёб Нюту в свои здоровенные руки, мял её, словно куль, тормошил, смотрел в лицо, словно не веря, что это действительно Нюта.

Наконец опустил на пол.

— Жива, — только и молвил матрос.

И вдруг разразился каким-то неестественным, нервным смехом.

РАЗГОВОРЫ

Несколько дней на эсминце не смолкали разговоры о поездке Нюты в Москву, к товарищу Ленину.

— Ну и ну! Сама, да в такую даль!

— Не убоялась!

— А Ленин доступный, смотри, человек.

И вот уже в какой раз до малейших подробностей приходится обо всём рассказывать Нюте. Слушают Нюту матросы, сами вставляют слова.

— Смотри, чаем поил. Значит, тот, в длинной шинели: «Раз-два. Будь здоров. Не задерживай». А Ленин вон оно как: «Товарищ Нюта, раз ты представитель Балтийского флота, не обижай, не отпущу, пока московских чаёв не отведаешь».

— Выходит, морского образования не имеет? А жаль.

— А как написал, с уважением: если возможно...

И тут же возник разговор о комиссаре Лепёшкине.

— Нет, всё же правильный у нас комиссар. Мыслит тоже, считай, по-ленински... Наказал, ну и хватит. «Бросай кобылу, возвращайся, Виров, назад, на корабль».

Потом девочку в сторону отозвал Ванюта:

— Ну, ну, так что Владимир Ильич про меня сказал?

Нюта слово в слово всё передала.

— Одобрил, значит,— крикнул Ванюта.— Ну, лешие,— повернулся он в сторону моряков,— чтобы теперь у меня по струнке...— Опять повернулся к Нюте: — А тебе бы — того, оно бы... в приют...

Ох, уж этот Семён Ванюта!

Накаркал всё же Ванюта. Вскоре у комиссара Лепёшкина снова произошёл разговор с балтийцем.

— Да как же так,— расшумелся матрос.— Чтобы снова она ничейная!

— Зачем же — ничейная. Ей же там будет лучше. Да и мы не забудем. Пойми — ну будь хоть торговый, у нас же военный флот. А время? Да что говорить, не мирное нынче время.

— Нет,— повторил матрос.— Вот что,— сказал, поразмыслив,— увезу я её под Лугу, словом, в деревню, к своим.

— Ну что же,— сказал Лепёшкин.

Объяснил балтиец Нюте, в чём дело.

— Поедешь?

— Поеду,— тихо сказала Нюта.

Простились матросы с Нютой. И Наливайко, и Зига, и Хохлов, и Наджми, и товарищ Ли. Простился и боцман Ванюта.

Прощался и комиссар Николай Петрович Лепёшкин:

— Ну, брат Нюта, помни Балтийский флот.

А как башмачки?

Увозила Нюта с собой башмачки.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

НЕДОБРЫЙ ЧАС

Хоронили старого Вирова. Старик умер неожиданно, без всякого к тому повода. Ещё днём выходил на поле. Смотрел на весеннюю благодать, на зелень озимых, на кусты при дороге, что бросили в этом году особенно длинную ветвь. А вечером вернулся домой, лёг и больше не встал.

Хоронили без музыки. По-крестьянски. На телеге покойника привезли к сельскому кладбищу. Такие же старики, как и сам умерший, покрякивая, сняли гроб. Местный священник отец Капитолий произнёс отпевание. Гроб опустили в могилу. Ударили в крышку комья водянистой весенней земли. Вырос холм-бугорок.

Старуха Вирова, или просто Вириха, как называли её в деревне, жилистая, небывало высокого роста женщина, не проронила ни единой слезы. Она лишь как-то упрямо смотрела в землю и прижимала по-бабьи к губам край платка.

Смерть не являлась для неё чем-то особенным.

Тридцать лет тому назад хоронила первенца — Гришу. Тогда были и слёзы, и плач, и крик. Всю ночь провалялась несчастная женщина под берёзой у свежего холмика. Потом хоронила двух дочерей — Глашу и Нюру, одну за другой, через год. Затем пошли братья и сёстры, племянники, племянницы, внуки. В германскую войну пришла весть о гибели сына Ивана. Третий, Авраамий, угодил под офицерские пули во время июльской демонстрации рабочих и солдат в Петрограде.

Не перечислить потерь и смертей.

Здесь же рядом с матерью стоял горбун Митя — меньшой в семье Вировых. Было ему лет двадцать, но по виду казалось намного меньше — совсем мальчик.

Ещё в детстве за то, что не усмотрел и упустил корову на барские травы, Митя был покалечен местным помещиком графом Щербацким. С той поры и вырос у мальчика горб. Митя был набожен, чуть с придурью.

Вот и сейчас Митя стоит на коленях, по-старушечьи быстро крестится.

— Ангелы, ангелы, — выводит пискливо Митя. — Вы осторожно несите батю. Тихо, тихонечко, — и бьёт об землю, как в бубен, лбом.

Похоронили старого Вирова. А на следующий день прибыли балтиец и Нюта.

Балтиец приехал, балтиец уехал. Неполные сутки он пробыл дома.

Сходил на могилу к родителю. Вместе с соседом Юхíмом Задóрновым поставил дубовый крест. Полушалок накинул на плечи матери. Бросил Мите пару белья и тельняшку.

— Ну, братишка, недобрый нам выпал час, — сказал он, прощаясь с Нютой. — А всё же голову выше держи, братишка. По-морскому гляди — вперёд!

Проводили матроса.

— Значит, Нюра? — спросила старуха.

— Нюта, — ответила Нюта.

Деревня, в которой осталась девочка, была небольшой — дворов тридцать. Большинство изб покосившихся, с подгнившими дощатыми крышами. Жались они к реке, к спокойной в этих местах и уже довольно широкой Луге. Кроме главной улицы, шло два или три проулка. Один из них спускался к самой реке, когда-то здесь был паром через Лугу. Однако с самой германской войны паром куда-то угнали.

Леса поблизости не было. Приходилось идти версты три. Однако рядом с селом находился саженный парк и в нём имение графа Щербацкого.

Деревня раньше считалась вроде бы как при этом имении. Однако в семнадцатом граф бежал. И роли теперь поменялись. Вышло как бы наоборот. И парк и господский дом оказались теперь при деревне.

Мужики дом не разрушили, парк не порубили. А после долгих споров и пересудов около года тому назад образовали в имении трудовую коммуну, или, как называли её сами крестьяне, коммунию.

Деревня называлась «Ромашки». Название поэтическое, красивое, редкое в этих местах.

Одни, молодые, говорили, что произошло оно от тех самых ромашек, что так буйно цветут по весне на луговой стороне реки.

Другие, старики, утверждали, что дело вовсе не в этом, а в том, что первая на этом месте изба была поставлена озорным мужиком Романом Задорновым. И, мол, раньше деревня называлась по его имени просто Ромашка, а потом уже стали Ромашки.

Возможно, это и так, ведь половина села носила фамилию Задорновых. А все Задорновы, и мужики и особенно девки, и вправду были в Ромашках самыми озорными.

Впрочем, это был давний спор.

Нечастое диво в Ромашках — девчонка в морской форме.

Бабы на неё удивлённо глазают. Мужики и те глазают.

— Вот бы и нам штаны, — хихикают девки.

Зато мальчишки ходят за ней табунами.

— А ну, покажи тельняшку.

— Стрижену голову, стрижену голову нам покажи.

— Дай поносить бескозырку!

Нет жадности в Нюте. Идёт бескозырка из рук в руки, перепрыгивает с головы на голову.

С завистью смотрят из окон девчонки. Разбежались от них кавалеры. А мальчишки и вправду, как женихи. Волосы стали причёсывать, шею и уши мыть. Целый день неотступны от Нюты. Расскажи им про то, расскажи им про это. Морскому делу давай обучи.

Приступила Нюта к делам морским. Облюбовала старый безкрыши овин, стоявший у самой Луги. Заберёшься на чердачный настил — словно стоишь на палубе. Стрехи, если иметь фантазию, могут сойти за мачты и реи. И если стоять не у стен, не у края, а чуть отступить и глянуть теперь на Лугу, то берег совсем не виден, и сдаётся, что река обтекает стены овина. И сам овин теперь не овин, а эсминец, идущий по морю. Наделали ребята верёвочных лестниц. Соорудили трапы и переходы. Укрепили бревно на манер трубы. Положили несколько брёвен, словно это орудия. Колья стали у них пулемётами. В самом овине, внизу, нагородили каюты и кубрики. К длинному шесту прикрепили красного цвета тряпицу — революционный флаг.

Ну скажите, чем не боевой корабль! Отправляй хоть сейчас в Кронштадт.

Заспорили о названии. Нюта предложила считать «Гавриилом». Однако другим ребятам такое название мало о чём говорило.

После долгих споров назвали эсминец «Стремительным». Ромка Задорнов, сын Юхима Задорнова — того, чей дом по соседству с Вировыми, принёс кисть и на стенах овина с одной и с другой стороны «по носу» аршинными буквами вывел название.

Теперь Нюта взялась за подбор команды. Тут споров не было. Все выполняли то, о чём говорила Нюта.

В комендоры попали Задорновы Сенька и Пашка.

Минёрами стали Задорновы — Филька и Илька.

Торпедистами тоже Задорновы — Авдей и Агапка.

Этих Задорновых в этих Ромашках не ошибёшься, куда ни кинь.

Братья Нефёдовы попали в котельные. Братья Лини в пулемётчики. Неелов Христоня назначен марсовым. Агей Горемыка (и здесь невезение!) всего-то и навсего палубным.

Смотрит Нюта. А Ромка? Ромка остался без места. Назначила Нюта Ромку старшим над всей орудийной частью. Назначила и чуть покраснела.

Было неясным, что делать с Митей. Митя тут же, вместе со всеми. Взрослых парней горбун сторонился. Да те и не очень Митю к себе приглашали. Вот и крутился он всё с ребятами. В ребячьи игры с ними до этой поры играл. Обижали, правда, Митю порой мальчишки, бывало, и зло дразнили. Да то забывалось, и горбун снова и снова к ним приходил. Даже скучно как-то ребятам без Мити. Митя ходит теперь в тельняшке. Из всех, кроме Нюты, у горбуна самый матросский вид. И телом он шире, и руки сильнее, и скулы резче, чем у других, торчат.

«Пусть будет Митя у нас за Ванюту», — решает девочка.

— Пусть Митя боцманом будет, — произносит девочка вслух.

— Согласны! — кричат ребята. Хотя, что такое боцман, пока и не знают, впервые слышат.

Ну, а кем же быть Нюте? Кто догадался?

Конечно же, Нюте быть комиссаром.

И вот эсминец отправляется в дальний поход. Вот уже виден корабль противника. Крейсер, а то и линкор.

— К бою! — кричит Анята.

— К бою, — повторяет Митя-Ванюта.

Все бегут по своим местам.

Жерла свои поднимают пушки. У пулемётов залегли пулемётчики. Торпеды готовы к пуску.

— Пли!

Слышится первый залп. Дым повалил по палубе. Грозен огонь на «Стремительном». Не выдержал враг, трусливо даёт разворот.

— Не уйдёшь! — надывается Нюта.

— Не уйдёшь! — голосят ребята.

— За нашу Советскую Родину из всех орудий — огонь!

— Огонь, — повторяет Ромка.

Бабахнули пушки. Рассеялся дым. Смотрите, тонет! Ура комендорам! Окончен тяжёлый бой.

— Благодарю вас, братишки, — произносит с достоинством Нюта.

Переглянулись ребята, моргают от удовольствия. Однако не знают, что отвечать.

— Отвечайте: «Служим трудовому народу!» — наставлял их Нюта.

— Служим трудовому народу! — в восторге кричат мальчишки.

А как-то перед игрой, на манер комиссара Лепёшкина, Нюта среди ребят проводила политбеседу. Рассказала о положении дел на фронтах. О Колчаке, о Деникине. Об англичанах и американцах, что лезут к нам, на Советский Север.

— И этим, смотри, не сидится дома, — повторила слова Лепёшкина. — Да только нет такой силы, чтобы скинуть Советскую власть.

— Верно! — кричат ребята.

Потом рассказала о партии и растолковала, что такое есть РКП. И опять повторяла слова Лепёшкина:

— Партия — это не просто толпа людей. Это есть боевой отряд. Цвет трудового класса.

И снова ребята кричали «верно!».

А в самом конце Нюта рассказала о своей поездке в Москву и о встрече с товарищем Лениным.

— Ленин мне руку вот эту пожал, — показывала она на свою ладошку. — И всё обращался: «товарищ Нюта».

Никто такому, конечно, не верит, а всё-таки слушают — здорово врёт девчонка!

ОТЕЦ КАПИТОЛИЙ

Не заметили мужики и бабы, как в Ромашках морские пошли слова. Оказались они переимчивы и даже очень и очень прилипчивы. Конечно, всё от ребят пошло.

Не говорят теперь в Ромашках о лестнице — «лестница», а обязательно скажут «трап». Бревно над колодцем теперь зовётся «брашпиль»¹. Кладки, с которых бабы в луге стирают бельё, называются пирсом².

Редкий мужик теперь скажет, как раньше:

— Марья, подай армяк.

А скажет:

— Подай бушлат.

Не скажут: держи уздечку, а по-морскому:

— Держи бакштов³.

Даже сам батюшка Капитолий и тот морскими словами теперь заражён. Ризу свою называет рóбой, звóнницу — марсом⁴, колокол — рындой.

А главное в том, что слово «братишки» к нему, как репей, пристало. Не прихожане теперь у него богомольцы, а только «братишки».

— Ну, братишки, помянем усопших.

— Братишки, господу богу дружно помолимся.

Он даже бога как-то называл братишкой. Да, правда, тут же опомнился.

¹ Б р а ш п и л ь — лебёдка для поднятия якоря.

² П и р с — пристань, расположенная перпендикулярно к берегу.

³ Б а к ш т о в — верёвка, за которую обычно привязывают причалившую к кораблю лодку.

⁴ М а р с — «гнездо» на вершине мачты для наблюдения.

И вот то ли от скуки, то ли от зависти вдруг взбрела ему мысль и себе раздобыть тельняшку. Стал обхаживать Митю. Митя отдал. Надевал её отец Капитолий важно под рясу. В тельняшке рыбу ходил удить.

Отец Капитолий прожил в Ромашках немало лет. Он и в эти бурные годы здесь усидел.

Раньше служил:

«Долгие лета царю-императору...»

Потом, когда скинули вдруг царя и правительство стало Временным, пел эти же самые «долгие лета» правительству Временному. А теперь так же исправно пел про Советскую власть.

Поп любил горькую, любил приношения. Был он не то чтобы очень в селе почитаем, а всё же терпим крестьянами.

ВЕРСТА

Сдружились Нюта и Ромка. Как случилось, сами того не заметили. То ли имена их друг другу понравились. То ли просто стояли их дома по соседству, и поэтому чаще виделись. А может, другие какие причины.

Только чувствует Нюта, что ей без Ромки как бы и скучно. И Ромка то же самое чувствует.

Встанет Нюта утром, а Ромка уже на улице. Крутится у ворот, дожидается. Стала Нюта подниматься ещё чуть пораньше. Заметил Ромка такое, сам ещё раньше является.

Нравится это Нюте.

Ромка Нюту водил по графскому имению, всё показал, про всё рассказал. Ромка Нюту катал на Арапчике и сам за уздечку коня держал. Ромка сунул Нюте в карман карамельку — ту, что из ближайшего города Ямбурга Ромке отец привёз.

А как-то Ромка и Нюта ходили на берег Луги. Да не сюда, не к краю села, а с версту отошли по течению.

Были первые числа мая. Остановились они на лугу. Ромка смотрит на Нюту. Нюта смотрит на Ромку.

Стоят и молчат.

Потом Ромка решил искупаться. Он и Нюте сказал:

— Смелей.

Нюта смутилась. Что же ответить? Нюта плавать совсем не умеет. Засмеёт её Ромка. Пиши пропала слава твоя морская, весь твой балтийский авторитет.

— Я плавать в реке не обучена. Мне бы море... — схитрила девчонка.

Понял, конечно, Ромка, в чём дело. Не такой уж дурак. Да вида, однако, не подал. Не стыдил, не смеялся над Нютой, а просто сказал:

— Да ты не смущайся. Я враз научу.

Ромка сажёнками плавать умеет. Ромка нырять мастак.

— Ты, главное, Нюта, не трусь, — наставляет мальчик. — Вот так. Вот так. А говоришь, что в реке не умеешь плавать!

Говорит такое Ромка, конечно, для вида. Нюта пока как топор на воде. А всё же слышать от Ромки такое приятно. Всё смелее она, смелее. Глядишь — потихоньку пошло.

Потом Ромка прыгал по берегу. То на одной ноге, то на другой. Из ушей вытряхивал воду. И Нюта тоже прыгала. И оба они смеялись.

Потом, взявшись за руки, дети помчались домой. В лицо дул ветер. Смеялось солнце. Шептались травы. И было бежать не трудно, а как-то совсем легко. Было забавно. Забавно и весело. И только стучало сердце.

Затем Ромка остановился. Пошли они шагом. Всё тише и тише. И Нюте вдруг стало жалко, что вот и кончается эта верста, а с нею и этот день. И Ромке, видимо, стало жалко. Неожиданно он повернул назад. Нюта не заупрямилась. И снова они пошли к реке, к тому же самому месту.

А потом и ещё и ещё раз. А потом... Нюта сбилась потом со счёта.

КОММУНА

Коммуна в Ромашках была неокрепшая. В чём-то коммуна, а в чём-то пока и нет.

Ещё тогда, когда решался вопрос о её создании, голоса разделились. Все Задорновы были «за». Присоединились к ним лишь Вировы и Горемыка. Не все крестьяне вступили тогда в коммуны.

Потом, когда решали, что обобществлять, опять голоса распались. Тут даже среди самих Задорновых не было полного лада. Одни считали, что общим надобно сделать всё: и плуги, и бороны, и коров, и овец, и кур. Другие, чтобы кур оставить. Из-за кур-то и вышел спор. После немалых криков птицу всё же не тронули.

Инициатором ромашкинской коммуны был отец Ромки Юхим Задорнов. Он стал её председателем.

В первый же год коммунары собрали неплохой урожай. И рожь и лён выдались славными. К удивлению тех, кто испугался объединения, жизнь в коммуне заладилась.

У каждого из коммунаров были свои обязанности. Старуха Вирова была назначена старшей по уходу за стадом.

После смерти мужа старуха всё время пропадала на скотном дворе. Домой приходила поздно. А то и вовсе оставалась ночевать при коровах. Отёл этого года был удачен. Забот и хлопот хватало.

Домашние дела теперь полностью ложились на Митю. И он вместе с Нютой неплохо со всем справлялся.

А вечером Митя любил рассказывать Нюте сказки. Знал он их много. И про царевну Несмейну, и про Лягушку-царевну, про перо Жар-птицы, про Серого волка, про злую бабу-ягу. Каких только сказок Митя не знал! Рассказывал их горбун не торопясь. Часто в лицах, подражая то крику птицы, то рёву зверя, то скрипучему кашлю Кощея Бессмертного.

Нюта ахала, замирала, мороз пробежал по коже. То её обступали густые леса, то открывались бескрайние дали. И Митя как Митя совсем исчезал. И изба уже не изба. А кругом шелестит трава, бьются ветви над её головою, и бесшумным кошачьим шагом, не касаясь земли, задев Нюту горячим боком, мчится на помощь к Ивану-царевичу Серый волк.

Потом Нюта с Митей садились ужинать. Появлялись крынка с густым молоком и каравай душистого хлеба. Пил молоко Митя как-то совсем по-детски и улыбался.

Больше других Митя любил сказку про доброго волшебника и удивительную палочку, которая выполняла любые его пожелания.

— А где он живёт? — спросила Нюта.

— Кто?

— Добрый волшебник.

Митя задумался.

— В густом лесу, в тридесятом царстве.

— И он всё может?

— Может, — убеждённо ответил Митя.

«Вот повстречать бы такого волшебника, — думала Нюта. — Попросить эту самую палочку и сделать так, чтобы Митя больше не был горбатым».

Мысль о волшебной палочке глубоко запала девочке в душу.

А как-то Митя вытащил из-под своей лежанки резной сундучок. Вынул из кармана ключ, открыл крышку. Чего там только не было! Какие-то железки, подкова, гвозди. Кусок муаровой ленты, заячий хвостик, газетные кульки с семенами пионов, настурций, левкоев — Митя любил цветы.

А в самом низу обёрнутая холстиной лежала граната.

— Граната! Зачем же она тебе? — подивилась Нюта.

— Да так, пусть лежит, — простодушно ответил Митя.

ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО

Понимает, конечно, Нюта, что всё, о чём рассказывал Митя, это всего-то навсего сказки. Всё это выдумки. И про бабу-ягу, и про Царевну-лягушку, и про всё другое. Только вот с этой самой волшебной палочкой... Тут Нюта не очень уверена. А вдруг где-то и вправду живёт подобный волшебник. Хочется Нюте, чтобы волшебник жил.

Заговорила как-то Нюта с Ромкой. Вначале про Митин горб. Потом про волшебную палочку. Но осторожно, вскользь, так, между прочим, вроде случайно.

— Волшебная палочка? — переспросил Ромка. — Сказки, — ответил он коротко.

Потом как-то Нюта встретила батюшку, отца Капитолия. И к нему обратилась с таким же вопросом.

— Есть волшебство. Есть, — ответил батюшка. — От бога оно. Пусть Митя усерднее богу молится, — и перекрестил девочку.

Наконец Нюта решила отправиться в лес.

Ушла с самого утра, проходила до вечера. Но нигде никакого волшебника так и не встретила.

Огорчилась, конечно, Нюта. Но тут же себя успокоила: «Да разве может быть так, чтобы сразу же в первый день и пришла удача».

И Нюта продолжала ходить.

— Ты где это всё пропадаешь? — стал волноваться Митя.

— Мы с Ромкой на реку ходим, — отвечала уклончиво Нюта.

— Что это тебя целыми днями не видно? — обиженно спрашивает девочку Ромка.

— Мы с Митей щели в избе конопатим, — врёт не краснея Нюта.

И вот как-то Нюта ушла далеко-далеко. Прошла мелколесье, дубовый бор, пересекла овраг и большую поляну. За этой поляной, местом недавней порубки, начинался старый, дремучий лес.

Перемешались здесь берёзы, осины, ели. Переплелись в затейливом узоре хвойные лапы, суки и ветви. Небо скрылось от взора. Солнце скрылось от взора. Под ногами и сырость и мрак. Как змеи торчат коренья. Вот где оно, тридесятое царство.

Пробивается Нюта сквозь стену-чащобу. Где по гнилому бревну пройдёт, где заболоченный лог обойдёт, где под ёлкой, как зверь, пролезет. Страшно Нюте одной в лесу. Каждый шорох её пугает. То ли шишка сорвётся с ели, то ли хрустнет сучок под ногой, то ли птица в кустах шевельнётся. Страшно Нюте. А всё же идёт. Ради Мити она старается.

Ну где же ты, где же ты, добрый волшебник? Нюта из сил выбивается.

Солнце стало клониться к закату. Пора возвращаться домой. Однако упряма девчонка. Решает: хоть немного ещё пройду.

Лес поредел. То тут, то там промелькнёт поляна. Тропка легла под ноги — чуть заметный, кем-то хоженный путь. Двинулась Нюта по тропке, — может, волшебника это след.

Уходит Нюта всё дальше и дальше. От полянки к полянке, от ёлки к ёлке, с одного бугорка на другой.

Не заметила Нюта, как свечерело. Серость легла на лес.

Не мешкай, возвращайся назад, Нюта! Несладкое дело — ночь коротать в лесу.

— Минутку, ещё минуту, — шепчет себе Нюта. — Вот только туда, до того вот открытого места.

Сделала девочка шаг и вдруг застыла, замерла Нюта, словно кто-то ей руки и ноги сковал.

Перед Нютой, у самого носа, в шаге всего от неё, стоит, прислонившись к берёзе, волшебная палочка.

Оглянулась девочка по сторонам.

— Волшебник, волшебник! — крикнула Нюта.

Тихо. Никто не ответил. Лишь эхо шмыгнуло куда-то в кусты.

«Волшебник! Волшебник!»

И снова — лишь эхо.

Задумалась Нюта. Что же тут думать? Тут же всё понятно. Просто оставил волшебник ей палочку.

Бросилась Нюта поспешно к берёзе. Схватила свою находку. Руки дрожат. Сердце стучит. Прижимает Нюта находку к груди. В лесу совсем потемнело. В небе пробила, мигнула огнём звезда. Рядом тотчас появилась другая — видать, прибежала подружка. Смотрят они на Нюту. И им интересно. Не часто такое бывает. В руках у девчонки — волшебная палочка.

— Палочка, палочка, — шепчет Нюта, — сделай так, чтобы я оказалась дома.

Закрыла Нюта глаза. Ну, думает, всё. Наверно, уже я дома.

Открыла. И вначале даже себе не поверила. Всё тот же лес, всё та же поляна, та же берёза.

«Поторопилась», — решила Нюта. Снова сомкнула веки. Стояла долго-долго. Ноги уже затекать начали. Опять открыла глаза. Всё тот же лес окружает Нюту.

«Я заклинаний, видать, не знаю. Эх, Митю бы сюда!» — подумала Нюта.

СТРАШНОЕ

Все эти дни Митю не покидало какое-то беспокойное чувство. Чем-то тяжёлым давило на душу. Всё волновался за Нюту. «Луга — река глубокая. Ох, уж этот мне Ромка!» — поминал горбун недобрым словом соседа.

Вот и сегодня. Вечер. Скоро совсем стемнеет. Не сидится Мите в избе. «А ну-ка, схожу на Лугу».

Переступил он порог, быстрым шагом пошёл к воротам. Смотрит — за воротами на дороге крутится Ромка. «Значит, вернулись», — подумал Митя.

— А где же Нюта? — спросил горбун.

— Как — где? — поразился Ромка. — Вы же избу с ней конопатите.

— Избу?

— Ну да, — ответил Ромка. — С утра и до вечера.

Захлопал Митя глазами. Что такое? Не может понять.

— Не конопатим мы вовсе избу, — ответил Митя. — Это вы чуть свет убегаете с ней на Лугу.

— На Лугу?! — Теперь пришёл Ромкин черёд удивляться.

Смотрит Ромка на Митю. Смотрит Митя на Ромку. Обнаружился Нютин обман.

Смотрел, смотрел Митя на Ромку, и вдруг нашло на Митю то самое — головная его болезнь.

— Ангелы, ангелы, — зачастил Митя, — зачем вы забрали Нюту? Ангелы, Нюта у нас одна.

Схватил Ромка Митю за грудки, затряс.

— Где Нюта? — кричал он в самое Митино ухо. — Где Нюта?!

Однако Митя смотрел на него водянистыми, ничего не понимающими глазами и лишь повторял:

— Ангелы, ангелы, вы берегите на небе Нюту. Не пускайте её на Лугу. Нюта — царевна. Нюта у нас одна.

Нюте страшно. Она впервые оказалась ночью одна в лесу. Вот уже более часа Нюта бежит, бежит и бежит. Спотыкается, падает, поднимается и снова без оглядки несётся вперёд.

Ей чудится, что сзади кто-то её догоняет. Она даже слышит шаги. Громкие, звучные. Словно где-то обух вбивает сваи.

Ветви хлещут её по лицу, царапают щёки и руки. Но Нюте кажется, что это вовсе не ветви, а злые духи тянут к ней свои длинные пальцы.

Она спотыкается об оголённые корни деревьев. И кажется ей, что это какие-то чудовища хватают её за ноги.

В ушах у Нюты гогот и свист. Весь лес дребезжит, хохочет и плачет.

Нюта затыкает уши. Она не в силах больше бежать. «Остановись, остановись!» — командует Нюта. Но ноги её не слушают. Они всё бегут и бегут. Словно огромной силы пружина спрятана где-то в Нюте. И вот, раскручиваясь, она гонит её вперёд. И этому нет конца. Как нет конца лесу. Как нет конца страхам.

Но вот пружина ослабла. Ноги переступили в последний раз. Девочка остановилась.

И сразу всё стихло. Исчезли визги и крики. Никто не хватает Нюту за ноги. Никто не царапает руки и щёки. Никто не вбивает сваи. И лишь громко-громко стучит сердце. Бьётся, как птица в стекло. Вот-вот выпрыгнет сердце наружу.

Нюта переводит дыхание. Она почти успокоилась. Ночь. Тишина.

«Вот и не страшно, — думает Нюта. — Нисколько не страшно. Так, срунда!»

И вдруг — прямо у Нюты над головой послышался тихий клёкот и сразу же душу рвущий на части крик. Это проснулся филин.

Нюта вскрикнула и потеряла сознание.

Филин глянул на девочку и, чуть разжав когти, переступил с лапы на лапу.

ЦАРЕВИЧ РОМКА

Ромка не сразу догадался, где Нюта. Лишь потом, отойдя от Мити, он вдруг вспомнил последний свой разговор с девочкой, тот, в котором Нюта заговорила про волшебную палочку.

«В лес, ушла в лес», — как шилом кольнуло Ромку.

— Бог ты мой! — всплеснула руками Вириха. — Недоглядела. Дитё, несмышлёныш. — Она отставила подойник. (Старуха доила коров.) Её сухие, жилистые руки как плети повисли вдоль тощего тела.

— Там волки, — шептались ребята. — Там болота и трясины. Леший, леший её уволок.

Давно в Ромашках не творилось такого. Весть о пропаже девочки неслась от избы к избе. И удивительно: никто не ругался. Дурного никто не сказал про Нюту. А говорили совсем иное.

— Дитятко. Она же для Мити. Для добрых дел.

Чуть ли не половина Ромашек тут же отправилась в лес. Ещё раньше, не заходя в деревню, прямо с графской усадьбы, не выбирая дороги, полем побежала в лес и старуха Вириха.

— Ох, ох, — вздыхала она. — Не сберегла. Неужели и эту господь отымет?

Ромка нёсся вместе со всеми.

— Оно бы огню прихватить! — выкрикнул кто-то.

Тогда Ромка вернулся назад. Однако вскоре, люди ещё не дошли до леса, он появился снова. Верхом на коне. На любимом Арапчике, с горящим факелом, как с мечом, в руках.

Он пришпорил Арапчика и, словно в воду, нырнул в темноту.

Сколько пролежала в забытии Нюта? Час, два, а может, всего минуту. Только вдруг показалось Нюте, что кто-то её тормошит за плечи.

— Нюта, Нюта, — слышит Нюта знакомый голос.

Приоткрыла она глаза. Смотрит: лошадиная морда, догорающая головня, чей-то чуб и густые брови.

«Так это же Ромка!» — мелькнуло у Нюты, и снова закрылись глаза.

Когда Нюта полностью пришла в себя, она уже была на спине у Арапчика. Нюта видит Ромку, чувствует тёплую холку лошади.

Девочка полулежит. Ноги её свисают. Правое плечо упирается в Ромкину грудь. В руках мёртвой хваткой зажата волшебная палочка.

Арапчик идёт шагом. Откуда-то сверху свисают еловые ветви. Растворяясь в ночном небе, над головой у Нюты бесконечной чередой проплывают листья. И сквозь них, то исчезая, то вновь появляясь, всё с тем же любопытством смотрит на Нюту звезда, та самая, а рядом с ней и её подружка.

И Нюте кажется, что Арапчик вовсе не конь, а сказочный Серый волк. И Ромка не Ромка, а красавец Иван-царевич. И конь ступает не по земле, а бесшумно скользит по лесу. И плывут они в дальние дали, минуя ветры и грозы.

Нюте спокойно. Нюте на редкость радостно.

— Ты царевич? — спросила Нюта.

Ромка не понял и только повёл плечами.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Вскоре Нюта и Ромка снова пошли на берег Луги. Только не купались они теперь. Было ветрено. Низко ползли облака. Вода казалась стальной по цвету и была рябью в холодный берег.

Сидели вначале молча. Нюта вспоминала город и речку свою Миасс. Всё казалось далёким-далёким. Словно и вовсе не было. Ни того страшного дня и офицерских криков над кручей Миасса. Ни погребов, в которых сидела Нюта. Ни долгого и сложного пути в Петроград.

И то, что было после, тоже как-то забылось. Не то чтобы совсем. Нет. Нюта помнит и Вирова, и комиссара Лепёшкина, и Наливайку, и Зигу, и товарища Ли. Помнит «Гавриил» и Кронштадт. Но всё это как-то расплылось в сознании Нюты.

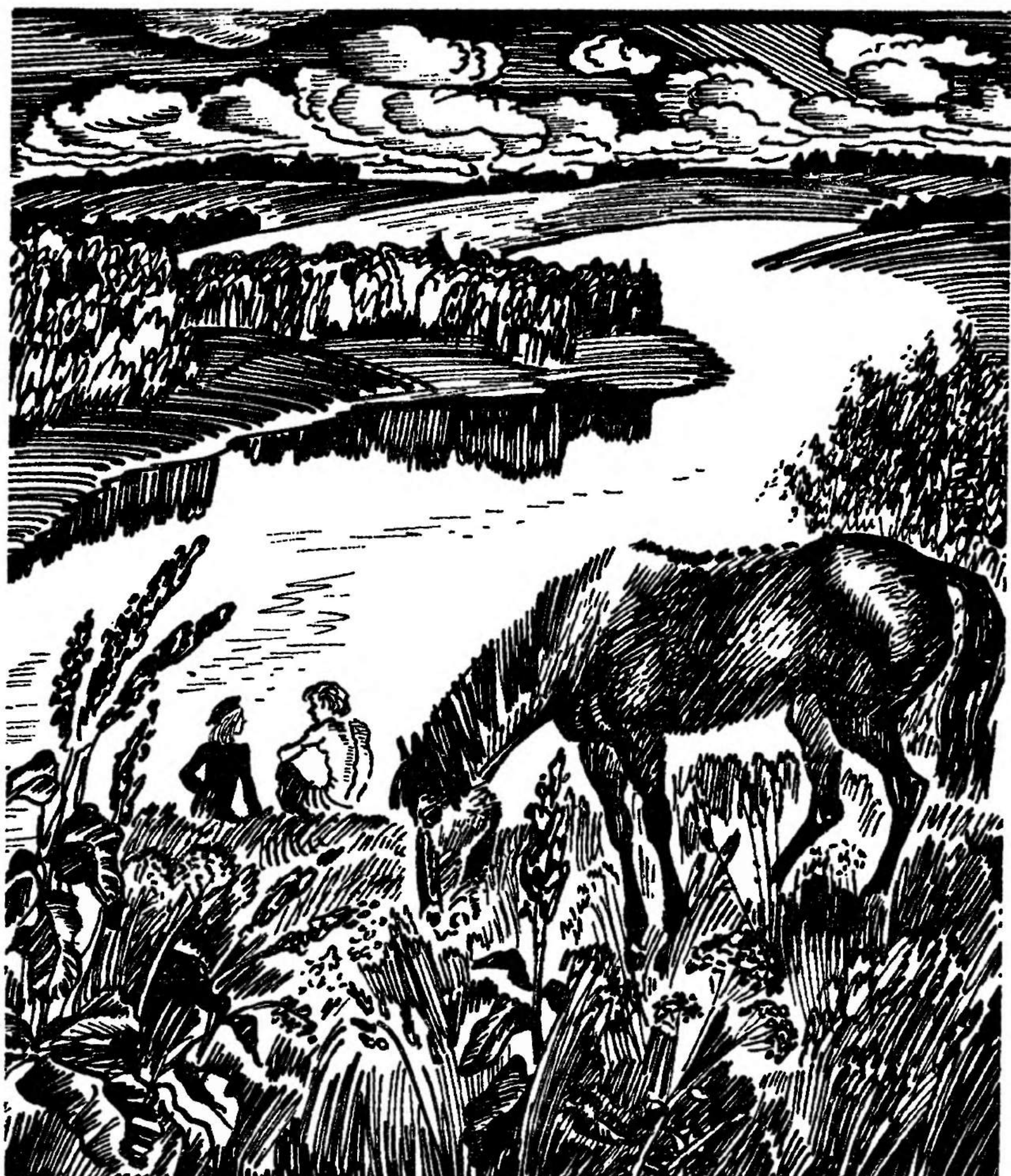
Ясно осталось одно — добрая память о людях. И о балтийцах, и о тех, кто укрыл её от расправы в Миассе, и о тех, кто принял её, как свою, в Ромашках.

Потом Нюта вспомнила про волшебную палочку. Палочка оказалась простой клюкой, забытой в лесу у берёзы каким-то дедом. Хоть и посмеялся тогда кое-кто над Нютой, хоть и было обидно Нюте, что найденная палочка всего-то клюка, однако по-прежнему верилось Нюте, что всё же есть на свете волшебная палочка. И добрый волшебник на свете есть.

Почему-то она опять стала думать о Вирове, о комиссаре Лепёшкине, о старухе Вирихе и о многих других.

Сидели молча. И вдруг Ромка придвинулся к Нюте, стал серьёзный-серьёзный, наклонился и тихо сказал:

— Уезжаю я, Нюта. Буду бить белых. Ухожу на колчаковский фронт.

Нюта опешила, посмотрела на Ромку.

— Так это ого-го как далеко!

— Я быстро,— ответил Ромка.— Я на коне.

«Фантазёр»,— подумала Нюта.

Однако утром, когда Нюта проснулась и глянула в окно, около ворот на привычном месте она не увидела Ромку.

Ночью, забрав Арапчика, Ромка исчез.

Зря Ромка бежал на Восточный фронт. Через три дня белые сами явились в Ромашки.

«ПРОСТИ МЕНЯ, РОМКА»

НАЧАЛОСЬ

Летом 1919 года белые начали неожиданное наступление на Петроград. На помощь Колчаку и Деникину шёл генерал Юденич. Те двигались с востока и с юга. Юденич ударил с запада.

В первые же дни белые достигли реки Луги, заняли Ямбург. Один из отрядов вступил в Ромашки.

— Ну, прячь свою красоту,— кивнув на Нютин морской наряд, сказала старуха Вирова.— Нынче от тельняшки и бескозырки до могилы один шаг.

Жизнь в Ромашках как бы остановилась. Все притихли. Забились в избы. Ждали большой беды.

Однако белые пробыли в Ромашках всего одну ночь. Ничего дурного они пока не сделали. Пострадал лишь один отец Капитолий. И то по своей же глупости.

Произошло это так. Утром перед отправкой в дальнейший путь белые организовали церковный молебен.

Отец Капитолий, выпив для храбрости, важно явился в храм, развёл кадило, прокашлял голос и басом запел:

— Во славу храброму русскому воинству, несущему защиту от исчадия ада — большевиков, во славу святой России да дарует вам господь силы во веки веков, аминь.

Всё шло хорошо.

Но вот батюшка увлёкся, забылся и крикнул своё «братишки».

Солдаты переглянулись. Офицеры насторожились.

— Богу, братишки, помолимся. Богу помолимся,— продолжал с увлечением батюшка.

То ли лишнюю чарку утром принял отец Капитолий, то ли просто забылся, только кончил батюшка совсем неожиданно:

— Помолимся, братишки, помолимся. Советской власти помолимся. Да сохранит её господь во веки веков!

От напряжения ворот поповской рясы расползся, и все увидели на груди отца Капитолия морскую тельняшку.

Уважая священный сан, батюшку не повесили. Однако тут же, на пороге божьего храма, белые содрали с него штаны и безжалостно избили кнутами.

— Ну, началось,— произнёс отец Ромки Юхим Задорнов. И он не ошибся.

Правда, после этой истории несколько дней в Ромашках никто не появлялся. Белые проходили где-то рядом, но мимо.

— Может, нас и минует беда, — поговаривать стали в Ромашках. — Может, белые нас не тронут.

Юхим Задорнов на такие слова качал головой:

— Дожидались овцы добра от волка.

Красная Армия отступала. Бои шли уже где-то под Гатчиной. Нужно было решать, как поступить с коммунной. Хотели до лучших времён её распустить. Скот развести по дворам коммунаров. Общественное зерно разделить или ссыпать в тайные ямы. Хотели, но не упрямились.

Неожиданно в Ромашки приехал бывший графский управляющий Фаддей Лихоборов. Он придирчиво осмотрел барский дом и хозяйство. Ходил на конюшню, на скотный двор. Обошёл погреба и амбары. Осмотром своим Лихоборов остался доволен.

Управляющий привёз распоряжение белых властей, по которому отнятые в 1917 году помещичьи земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и всё прочее опять возвращалось старым владельцам. Мало того. За землю, которой эти два года пользовались крестьяне, причиталась арендная плата помещикам, и многое другое ещё причиталось.

— Большевикам теперь крышка, — потрясал Лихоборов какой-то бумажкой. — Советской власти считай что не было. Скоро приедет наш барин и благодетель. Так смотрите у меня, чтобы встречать с хлебом и солью, — наставлял управляющий.

Крестьяне молча слушали эти речи. Вид у Лихоборова был грозный, начальствующий.

Однако потом по селу пошли пересуды.

— Советская власть — не репа! — выкрикивал Юхим Задорнов. — Её свинячьим рылом не сковырнёшь! Она, мужики, с копытом. Под нож, как телок, не станет. Правильно говорю?

— Верно, — гудели крестьяне.

— Гнать Лихоборова в шею!

На следующий день Юхим Задорнов, старуха Вирова и Иван Горемыка явились к управляющему.

— Вот что, Фаддей Захарыч, — начал Юхим Задорнов. — Уезжал бы ты подобра-поздорову. В общем, так — словно тебя здесь и не было.

Лихоборов поначалу упрямился.

— Не зли, не испытывай, — предостерёг Горемыка.

— Уезжай, уезжай, батюшка, — повторяла старуха Вирова. — Оно же лучше, когда добром.

Лихоборов уехал.

Коммунары были довольны. В ту же ночь на бугре за Ромашками они вырыли глубокие ямы и ссыпали в них зерно. Скот же угнали в лесные овраги. Вместе со скотом ушла и старуха Вирова.

— Может, кого помоложе, — говорил ей Юхим Задорнов. — Куда тебе, Пелагея Никитична!

Старуха сделала вид, что не слышит:

— До встречи, Юхим Силаич!

СВИДЕЛИСЬ

Это было ночью. А утром...

Утром в Ромашки прибыла воинская команда во главе с молодым офицером поручиком Щербацким — каким-то дальним родственником тех самых Щербацких, имение которых и было в Ромашках. Команду привёл Лихоборов.

Офицер был худ, роста среднего. Нос имел вздёрнутый, глаза маленькие, точь-в-точь пороссячи.

Нюте он не понравился. Она вспомнила слова Задорнова о репе и свиньячем рыле. Представила огород и офицера Щербацкого, который стоял на четвереньках и ковырял своим вздёрнутым носом землю.

Нюта не сдержалась, хихикнула.

Белые приказали всем жителям Ромашек собраться на деревенской площади. Щербацкий долго смотрел на крестьян, наконец произнёс:

— Коммунисты, два шага вперёд.

Никто не шевельнулся.

— Есть коммунисты?

— Есть, — вдруг раздался голос Юхима Задорнова. Он вышел вперёд.

— Есть, — сказал Горемыка и тоже вышел вперёд.

Затем вышли Задорновы Аггей и Степан. Затем Клаша Задорнова. Затем старый-престарый дед Савелий Задорнов. Кончилось тем, что все коммунары вышли вперёд.

Поручик удивлённо повёл глазами. Потом поманил к себе Лихоборова и батюшку отца Капитолия. Они о чём-то стали шептаться. Батюшка услужливо кивал головой. Щербацкий достал блокнот и что-то записывал.

Затем батюшка и Лихоборов отошли, а поручик опять повернулся к собравшимся. Заглянув в блокнот, он выкрикнул:

— Крестьянин Юхим Задорнов.

— Крестьянин Юхим Задорнов, — прогудел стоявший рядом с офицером усатый фельдфебель.

— Я, — отозвался Задорнов.

К нему подошли солдаты, вывели из толпы.

— Крестьянин Иван Горемыка!

Вывели Горемыку.

— Крестьянка Пелагея Вирова!

Толпа молчала.

— Крестьянка Пелагея Вирова!

— Где крестьянка Пелагея Вирова?

Толпа молчала.

Тогда к Щербацкому опять подошёл отец Капитолий, потянулся к офицерскому уху. Поручик, выслушав, понимающе мотнул головой.

Кроме Юхима Задорнова и Ивана Горемыки, всех распустили. Через два часа солдаты приволокли в село и старуху Вирову. Всех троих посадили в подвал господского дома.

На следующий день они, как активисты ромашкинской коммуны, были повешены.

— Вот и свиделись, — сказала перед смертью старуха Юхиму Задорнову.

— Выходит, что свиделись, Пелагея Никитична, — ответил Задорнов.

«ВСЕХ СРАЗУ. ВОТ ТАК!»

В день казни ромашкинских коммунаров на Митю снова напала его болезнь.

Он носился по селу и то пронзительно горько плакал, то заливался безумным хохотом.

— Ангелы, ангелы! — выкрикивал Митя. — Проснитесь быстрее, ангелы. Разбудите вы нашего боженьку. Сатана на земле...

Горбун подбегал то к солдатам, то к усатому фельдфебелю, то к самому офицеру Щербацкому.

— Глянь, глянь, — дурачок! Песенку спой, дурачок, — гоготали солдаты.

— Пошёл вон, — отгонял Митю усатый фельдфебель.

Поручик Щербацкий брезгливо морщился и взмахивал перед самым Митиным носом нагайкой.

Всю ночь горбун простоял на коленях в углу избы под иконами. Он иступлённо бил головой о пол и тянул своё бесконечное:

— Ангелы, ангелы...

Нюта боялась к нему подойти. Она тихонько лежала на печке. Жалость к Мите, мысль о повешенных, жалость к самой себе заполнили душу девочки. Бессильная злоба давила Нюту. «Был бы Ромка, Ромка придумал бы...» — сжимала Нюта свои кулачки. Она лежала и молча плакала.

Потом Нюта уснула. Когда она снова открыла глаза, Мити в избе уже не было. Наступил день. Яркое светило солнце.

Девочка спрыгнула с печки, вышла на улицу.

Митя не бегал теперь по селу. Он неподвижно сидел у виселицы, смотрел на Пелагею Никитичну и что-то шептал.

В это время на площади появился поручик Щербацкий. Офицер остановился, посмотрел на Митю, на повешенных, усмехнулся.

Непонятно — то ли Митя услышал смех, то ли повернулся случайно, но вот он увидел Щербацкого.

Ещё минуту горбун сидел неподвижно, потом резко поднялся, подбежал к офицеру, уставился в свинные глазки Щербацкого и вдруг закричал:

— Сатана, сатана! Ангелы, ангелы, сатана на земле!

Щербацкий попятился. Митя потянул к нему руки, вцепился в военный френч. Поручик хотел оттолкнуть горбуна, но тот потрянул офицера с такой силой, что Щербацкому показалось, будто его голова отделилась от тела. Затем Митя схватил офицера, повалил, подмял под себя.

Но тут подбежали солдаты.

Митю оттащили. Щербацкий поднялся. Он был бледен. Глаза сузились, стали совсем крохотными.

— Вздёрнуть! — взвизгнул Щербацкий.

Белые схватили Митю. Через минуту всё было кончено. Тело горбуна колыхнулось, дёрнулось, замерло...

В тот же вечер, вернувшись в избу, Нюта полезла под Митину лежанку, вытащила резной сундучок. Какой-то железкой она сбила замок, подняла крышку, достала гранату.

Потом она пробралась к дому Щербацких. Нюта заглянула в раскрытое окно бывшей графской гостиной. Там за столом сидели поручик Щербацкий, Фаддей Лихоборов, отец Капитолий.

— Тем лучше, тем лучше, — шептала Нюта. — Всех сразу. Вот так!

Щербацкий, Лихоборов и отец Капитолий играли в карты. На столе стояло вино. Время от времени все трое о чём-то спорили.

Нюта ухватила за подоконник. Поднялась, занесла руку. Раскрытая рама пискнула. Щербацкий поднял голову. Их глаза встретились. Ясные, бесстрашные глаза Нюты, полные ужаса глазки Щербацкого. Нюта размахнулась, швырнула гранату. В комнате раздался страшный взрыв.

ДОРОГА

Дорога. Дорога. Судьба-дорога. Дорога, как время, вперёд бежит.

Утро. Проснулось солнце. Скинуло шапку:

«Здравствуйте, люди! Здравствуй, Анюта! Братишка, куда ты опять идёшь?»

Дорога. Дорога. Идёт она полем, то въётся лесом, то через речку мостком скрипит. Сбегает в низинку, лезет на горку. Змейкой во ржи шуршит.

Ночует Нюта в крестьянских избах.

— Куда же ты, дитятко? — спросила хозяйка.

Ответит невнятное что-нибудь Нюта. Не пытается больше хозяйка. Мало ли дел на земле у людей.

Выспится Нюта, а утром:

— Спасибо, — и снова идёт вперёд.

Едет мужик дорогой. Остановится.

— Кто ты такая? Садись, подвезу.

Залезет Нюта на дроги и снова ответит так, что только думай-гадай, куда же идёт девчонка.

Оберегается Нюта.

А вокруг? Везде, как в Ромашках. Стонет вокруг земля.

Куда ты шагаешь, Нюта? Что ждёт тебя в палеве этих суровых дорог, в это нелёгкое лето?

Дорога, дорога. Судьба-дорога. Шагает по небу солнце. Шагает под небом Нюта. Дорога, дорога вперёд бежит.

ДРОГНУЛИ

Нюта идёт в Петроград. В Красный Питер её дорога.

«Чуть подучусь, — мечтает девчонка, — комендором, как Виров, стану. С «Гавриила» теперь никуда. Пусть попробует только Лепёшкин».

Шагает Нюта, вспоминает про Ромку. Ромка теперь далеко. Ромка герой, Ромка бьёт белых. Представляется Нюте Ромка верхом на лихом коне. С острой шашкой в руке. С красной звездой на шлеме.

Ромка, Ромка. Царевич Ромка, а помнишь ли Лугу, помнишь ли лес?..

Неделя, как Нюта уже в пути. Далеко за плечами остались и речка Луга, и Ромашки, и город Ямбург. Где-то рядом проходит фронт. Пробраться бы только в Гатчину. За Гатчиной сёла: Красное, Детское. За ними Пулковое, Питер, Кронштадт, «Гавриил»...

Ночевала Нюта в большом селе. Тут и застала её долгождан-

ная весть: Красная Армия погнала Юденича. Утром в селе появились белые — отходящая с боем часть.

Длинной кишкой втянулся в село обоз, до сотни телег, гружённых разным добром, пенькой и душистым хлебом. Шумно, с криком и гамом входили роты.

Вступив в село, белые тут же начали рыть окопы. На церковную колокольню подняли пулемёт. За крайним домом, в тени рябин, поставили пушку.

Среди дня в село зашёл незнакомый мальчик — оборвыш, нищенка. С латаной торбой через плечо он ходил от избы к избе, стучался несмело в двери.

— Сироте бездомному, люди добрые, Христа ради, на пропитание... — выводил он страдальческим голосом.

Пришельца Нюта заметила издали. Он шёл медленно, осторожно пробирался между обозных телег, запрудивших сельскую улицу; с детским любопытством поглядывал по сторонам. Мальчик подходил всё ближе и ближе. И вдруг словно оборвалось что-то у Нюты. Нюта признала Ромку.

Ударь среди ясного неба гром, изба превратись в телегу, корова человеческим голосом заговори, не так бы тому удивилась Нюта, как встрече подобной с Ромкой. Нюта стояла как столб. Но минуту, не больше. Наконец она бросилась к мальчику.

— Ромка, Ромка! — кричала Нюта.

Ромка поднял глаза, но не улыбнулся, не вскрикнул от радости, а лишь глянул на Нюту, словно впервые видит.

— Я же Нюта, Нюта! — твердила девочка. — Ну помнишь, Ромка...

— Я не Ромка, — ответил Ромка. — Дяденька, Христа ради, сироте бездомному... — потянулся он к проходящему рядом солдату.

— Пошёл вон, — ругнулся солдат.

Даже не взглянув на Нюту, мальчик прошёл мимо.

У Нюты подкосились ноги. Она хотела закричать, снова окликнуть Ромку, но не смогла. Налетевшая обида цепью сковала Нюту. Резко повернувшись к избе, девочка вбежала во двор, влетела в раскрытые ворота сарая, упала на сено и горько заплакала.

«ЭХ, РОМКА, РОМКА!»

Эх, Ромка, Ромка! До позднего вечера Нюта пролежала на сене. Обида проходила медленно, туманила мысли. Хотелось ни о чём не думать, а просто лежать и плакать.

И она лежала, то затихая, то опять всхлипывая.

«Да что я лежу, — вдруг подумала Нюта. — Ромка и не хотел меня вовсе обидеть. Просто так само оно получилось. От неожиданности. Мальчишки — они с самолюбием. Застыдился, ко-

нечно, Ромка. Дура, дура», — ругала себя Нюта. Она покраснела, стало совестно за себя.

«Надо догнать, всё объяснить, успокоить Ромку», — прыгали у Нюты мысли. Она представила, как вместе с Ромкой они проберутся к красным (ведь красные рядом!), как явится на «Гавриил» («Эх, и пойдёт же Ромке морская форма!»), как будут вместе они сражаться и бить ненавистных белых. («Как Виров, комендорами будем», — опять о своём подумала девочка.)

Она вскочила, бросилась к выходу и столкнулась с хозяйкой.

— Куда ты?

Нюта остановилась.

— Я-то... мне-то... — начала девочка. «Что бы сказать?» Сказала просто, к чему выдумывать: — Мальчик тут... Просил пода-
яние...

— Ох, ох, — всплеснула руками хозяйка. — Убили его офицеры. Он оттуда, от красных. Он пулемёты, солдат считал, — таторила женщина. — Такое-то малое. Словно мой Вася. Годов-
то ему с тринадцать. О господи, что же оно творится!

Перед глазами у Нюты всё пошло крúгом.

— Да что ты, родимая! — вскрикнула женщина.

— Ромка, прости меня, Ромка, — сквозь слёзы шептала Нюта.

ВЕРНУЛСЯ

Ночь. Нюта пробирается к краю села.

Тут за овражком в гору идёт дорога. Там за горкой всего в четырёх верстах другая стоит деревня. В ней находятся красные. Ромка от них пришёл.

Выходить из села опасно. Караулы кругом стоят. Нюта крадётся вдоль изб, огородами. Вот и овражек. Вот и бугор. Эх, не сбиться бы только с дороги!

И вдруг:

— Стой, кто идёт?!

Замерла Нюта. Людей не видно. Темень со всех сторон.

— Стой! — слышался снова голос.

Лязгнул затвор винтовки — где-то рядом, шагах в двадцати. Глянула Нюта: сквозь темноту прорезался поднявшийся в рост человек.

Рядом другой.

Пригнулась Нюта — и в горку что силы.

Ба-бах, — грянул выстрел.

Ба-бах, — грянул второй.

Свистнули пули. Одна над ухом жикнула, словно пилой. Другая ударила в землю. Нюта бросилась в сторону. Снова два выстрела.

Потом ещё два. Но пули пошли правее. Укрыла девочку ночь-темнота.

В штабной избе у красных словно бы ждали Нюту. Командир не ложился спать. Он молча выслушал девочку.

— Значит, одно орудие, три пулемёта. На колокольне один из них. Так. Беляков, говоришь, насчитала шестьсот и сбилась. Так. Красноармеец Задорнов расстрелян. — Командир опустил на лавку.

Только теперь Нюта заметила, что сам командир годами чуть ли не с Ромку. Такой же безусый. Такой же вихрастый. Такой же задорный вид.

— Значит, расстрелян, — опять повторил командир и сжал в кулаки ладони.

— У белых одно орудие, три пулемёта, — передавалось в ту ночь от бойца к бойцу.

— Молодец! Выходит, разведал, вернулся наш Ромка?

— А как же. Выходит, что так!

«ВПЕРЕД, НА ЯМБУРГ!»

Утром красные ворвались в село и разбили белых.

Ромку хоронили с военными почестями. На холме, при дороге. Место сам командир указал.

— Мы хороним молодого бойца, — говорил он на митинге. — Молодого героя. Мы выбрали это место на высоте, ибо шёл он к великим целям. Мы оставляем его у дороги, ибо дело наше ещё в пути. Погиб разведчик, юный боец. Но жизнь не проходит даром. Мы опускаем головы над этой могилой, но лишь для того, чтобы гордо и смело их снова поднять над миром. Мы приспускаем свои знамёна, но лишь для того, чтобы с новой силой взметнуться им в небо. Погиб наш товарищ. Но мы не скажем ему «прощай». Мы крикнем: «Ромка, вперёд на Ямбург!»

Потом раздалась команда: «На караул!» Потом над строем поднялись винтовки. Грянул прощальный залп. Наступила резкая тишина. Минута молчания. И вдруг, словно штык пропорол немоту, нарастая, пробила песня:

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы неизвестные ждут.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Красноармейцы построились. Тронулся первый ряд, второй, третий. Взбилась дорожная пыль. У могилы осталась Нюта.

Девочка опустилась на придорожный камень. Сидела долго-долго. Не шевелясь, словно застыла. И лишь слёзы — живые

бусинки одна за другой ползли по щекам у Нюты и срывались на землю огнём-капелью.

Свечерело. Девочка поднялась. Ещё раз посмотрев на холмик, она повернулась и быстрым шагом пошла к селу. Быстрым, почти бегом.

«Упрошу командира. Уйду с красными. Буду, как Ромка», — твердила Нюта.

Однако в селе её поразила необычная тишина. Улицы опустели. Не видно ни воинских повозок, ни красных бойцов. Какая-то женщина одиноко гнала корову.

— А где же красные?
— Дальше пошли.
— Как — пошли?
— Пошли, — повторила женщина и показала рукой на запад, туда, где за ближним лесом, минуя село, шла дорога на город Ямбург.

КРОНШТАДТСКАЯ НОЧЬ

Эскадренный миноносец «Гавриил» в эту ночь нёс дежурство по охране Кронштадтской базы. Ещё с вечера он занял удобное место при входе в порт.

Виров сидел внизу, в кубрике, склонился над чистым листом бумаги. Красная Армия наступала. «Поди, и Ромашки уже у красных», — рассуждал Виров. Балтиец писал письмо.

«Дорогая Пелагея Никитична, пишет ваш сын Василий.
Дорогой брат Митя...»

Виров задумался. Много есть о чём рассказать. Вот хотя бы о том, как «Гавриил» сражался с четырьмя кораблями противника — и победил! Или о том, как в Капорском заливе «Гавриил» и эсминец «Азард» встретили английскую подводную лодку и потопили! Или... «Да что это я о себе! — прервал свои мысли матрос. — Как они там, в Ромашках?»

В это время в кубрик просунулся матрос Наливайко. Наливайко хитро улыбался. Затем он сделал шаг в сторону, и Виров увидел Нюту.

— Братишка, родной! — закричал балтиец. Он схватил девочку на руки, подбросил. Потом поставил на пол, стал хлопать по плечу, трепать по голове, по уже заметно отросшим волосам Нюты.

— Вот это да! Вот это тебе подарок! — не утихал матрос. — Подрос ты, братишка. А худ, худ. Ну, как там оно? Смотри, и тельняшку сберёг и бескозырка на месте. Ну как Пелагея Никитична?

Нюта опустила глаза.

— Да что я, — спохватился матрос. — Тебя накормить бы с дороги. Это мы живо.

— Я сытая, дядя Василий.

— Ну, ну. Так как Пелагея Никитична?

— Повесили белые, — чуть слышно сказала Нюта.

Балтиец сразу обмяк. Он смотрел на Нюту каким-то потухшим взглядом. Как живые, запрыгали складки у рта.

— А Митя?

— Повесили Митю.

Сверху ударил колокол.

— Тревога! — закричал Наливайко.

В эту ночь англичане с неба и с моря совершили налёт на Кронштадт. Когда Нюта вместе со всеми выбежала на палубу, прямо над головой она слышала рокот моторов. Потом раздались взрывы бомб, упавших слева и справа от «Гавриила». Затем хлестнул пулемётный огонь, который шёл оттуда, с неба, и ответный — с «Гавриила» и других кораблей, стоявших в Кронштадтской гавани.

Раздавались команды. Среди них девочка ясно различала боцманский гул Ванюты:

— Не спи! Гляди в оба! Небо небом, с моря жди «англичанку».

И правда. Ещё не стих над головами рокот моторов, как со стороны залива показалось несколько торпедных катеров. Они шли один за другим на огромной скорости. Целясь по «Гавриилу», англичане пустили торпеду. Она прошла мимо, взорвалась, ударившись в стенку гавани.

Виров первым навёл орудие. Грянул выстрел. Нюта видела, как один из катеров дёрнулся, клюнул носом и ушёл под волну в воду. Девочка не спускала глаз с комендора. Разгорячённый, в свете мелькавших прожекторов, балтиец казался отлитым из стали. словно печную дверку, он отбрасывал замок орудия. С металлическим звоном на палубу вываливалась стреляная гильза. Новый снаряд уходил в пушку. Секунда. Следовал выстрел. И всё повторялось снова. Быстро. Стремительно. Как бушующий водоворот.

А рядом стрелял Хохлов. И так же безошибочно действовал Зига. И не отставали другие. Орудия били с носа. Стреляли с кормы. Строй катеров распался. Одни повернули назад. Другие, словно в ловушке, заметались по гавани. Они стремились уйти от огня эсминца. Но снаряды точно ложились в цель.

От прямого попадания вздыбился в небо и разлетелся в щепы второй неприятельский катер. Крутанул волчком и вывернул днище третий.

— За Пелагею Никитичну! — выкрикивал Виров.

— За Митю!

За Ромку! — шептала Нюта.

Глава пятая

СМОТРЯТ ДУЛА СОВИНЫМ ГЛАЗОМ

ЕДИНОГЛАСНО

В конце августа Вирова принимали в партию. Он долго составлял заявление. Измарал и лист, и второй, и третий. Старался, чтобы звучало оно убедительно и слогом было красиво. Вконец намучившись, матрос написал:

«Прошу принять в ряды РКП(б). С программой согласный. Готов отдать жизнь за рабочее дело».

На собрании, когда началось голосование, Виров стоял кумачово-красный. Всё опасался, не окажется ли кто-нибудь против. Против — не оказалось. Хотя кто-то и вспомнил Вирову мордобой, однако проголосовали единогласно.

— Ну, братишка, — заявил матрос Нюте, — теперь я спокойный. — Он показывал девочке книжечку — партийный билет. В ней значилось: «Российская Коммунистическая партия (большевиков)». — Единогласно, — хвастал балтиец и улыбался.

И Нюта тоже решила вступить в партию. Так же как Виров, она долго писала заявление. Наконец явилась к Лепёшкину.

— Так, — сказал комиссар. — Значит, с программой согласна?

— Согласна.

— Жизнь — за рабочее дело?

— Да, — убеждённо сказала Нюта.

Комиссар внимательно, очень серьёзно смотрел на девочку. Барабанил пальцами по краю стола. Потом оставил заявление у себя и отпустил Нюту.

А через два дня он вызвал Нюту и вместе с ней поехал на берег. В Кронштадте они вошли в какое-то здание, поднялись на второй этаж.

В комнате сидели парни и заводские девчата. Шло собрание. Председатель, очень схожий с тем командиром, который бил белых под Гатчиной и гнал их потом на Ямбург, вызвал Нюту к столу.

Нюте пришлось рассказывать о себе, о Миассе, Ромашках, о гибели Задорнова, Пелагеи Никитичны, о Мите, о подвиге Ромки.

Кто-то сказал:

— Мала.

Кто-то ответил:

— Вырастет!

Затем началось голосование, и все дружно подняли руки.

Тут же Нюте вручили билет. В нём значилось: «Российский Коммунистический Союз Молодёжи».

Вечером Нюта показывала членский билет Вирову и хвастала:

— Единогласно!

РАЗОШЛИСЬ

Довольна Нюта, что вернулась на «Гавриил».

«Теперь с «Гавриила» я никуда», — уже в какой раз сама себе говорила Нюта.

Всё случилось иначе.

Неожиданно Виров был отправлен в Петроград на курсы командного состава флота.

— В такое-то время, — заупрямился было матрос. — С эсминца меня — долой! За что, товарищ Лепёшкин?!

— Эх, голова, голова, — улыбнулся комиссар. — Так это же честь. Доверие. Флоту командиры свои нужны, — сказал он серьёзно. — Красные капитаны, красные адмиралы. Адмирал Виров! А? Оно и звучит красиво. А потом, дисциплина. Партийная, — добавил Лепёшкин совсем уже дружески.

Осень. Сентябрь. На Петроградском фронте затишье. Генерал Юденич ушёл за Ямбург. Красные взяли Псков. На курсах, теперь они стали училищем, идёт подготовка к занятиям. Съезжаются с разных мест и судов моряки.

Сентябрь, а всё же ещё тепло. Дни тихие. Светит солнце. Нюта и Виров любят ходить по городу. Нравятся девочке эти прогулки. Прохожие удивлённо смотрят на Нюту, на морскую рубашку, на бескозырку. Выстукивают по тротуару Нютины башмачки. Как-то гуляли Нюта и Виров по Невскому. Разные люди идут навстречу: молодые и старые, мужчины и женщины, много военных. Студенты бегут толпой. И вдруг... Нюта решила: мерещится. Навстречу идёт Щербацкий. Поручик Щербацкий, тот самый — свиные глазки. Правда, не в форме, в гражданской фуражке. Шрам через щёку прошёл дугой.

Нюта вцепилась балтийцу в руку.

— Что ты, братишка?

Щербацкий поравнялся. Как и все, с удивлением глянул на Нюту. Спокойно прошёл — не признал.

— Он, он, — зашептала Нюта.

— Кто он? Да что ты, братишка!

— Ну тот, что в Ромашках. Поручик Щербацкий.

— Поручик Щербацкий?!

Они догнали мужчину в фуражке. Глянула Нюта: он — и не он. Глаза хоть свиные, да нос показался теперь не тот. Будто не очень вздёрнутый. И седина в голове — у Щербацкого не было. И шрам...

Мужчина предъявил документы. Козлов Николай Александрович значилось в них. Сообщалось и то, что он работник Тульского губисполкома и прибыл в Петроград по служебным делам.

Виров вернул бумаги. Они разошлись.

— Ошибка, выходит, братишка, — покачал головой балтиец.

«Конечно, ошибка, — подумала Нюта, — ведь Щербацкий давно погиб». Девочка вспомнила страшный взрыв.

— Зря отпустили, — заявил вечером Вирову новый его приятель с эсминца «Свобода». — Может, он и на самом деле Козлов. А все же и раз бы и два бы его проверить. Шпионов в Петрограде сейчас полно.

С ним согласились другие.

Прошло две недели. Курсанты приступили к занятиям. Срок учёбы был рассчитан на четыре года.

— Вот это попали,— хватался за голову Виров.— Это же целая жизнь.

Балтисц снова скучал о море.

Нужно было подумать о Нюте. «Девочку б в школу,— прикидывал Виров.— Пожалуй, комнату надо снять. А может, на ком жениться? Вот и Нюте бы сразу мать. (У балтийца была на примете одна дивчина.) Женюсь. Оно ведь уже пора»,— принял решение Виров.

Но всё случилось опять не так. В конце сентября войска генерала Юденича снова начали наступление. Они захватили Ямбург. Шли на Гатчину, Красное, Детское. Рвались на Петроград.

«Все на разгром Юденича!» — был брошен призыв. На помощь Петрограду снашили отряды из Москвы, из Новгорода, Твери, Костромы. Из далёкой Пензы, далёкой Вятки, из других городов России.

«...Враг старается взять нас врасплох,— писал Ленин защитникам Красного Питера,— ...товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалеко! победа будет за нами!»

В Балтийском море опять начинались бои. Виров написал заявление. Просился на «Гавриил». Но тут поступил приказ: занятия в училище временно прекратить и всему составу выступить на сухопутный фронт. Виров снова полез с просьбой о «Гаврииле». Его осекли.

Нюта полезла к Вирову:

— Я тоже хочу на фронт.

Виров осек девочку.

Нюта обиделась.

— Мал ты ещё, братишка. Не твоё это дело. Ну, понимаешь ли — мал,— успокаивал девочку Виров.

Не помогло. Виров повысил голос:

— Слушай приказ, говорю по-партийному: мал ты ещё, братишка.

Нюта смирилась. Отвёл её Виров к дивчине:

— Смотри береги!

И вот Балтийский вокзал. Провожает курсантов Нюта. В том же составе отправляются на фронт отряды петроградских рабочих. Шум. Голоса. Прощается Виров с Нютой. Прощается он с дивчиной.

— Береги,— наставляет опять матрос.— Чтоб как мать ты теперь для Нюты. Прощу тебя, Клаша...

Перрон утихает. Люди в вагонах. Виров машет бескозыркой. Тропулся в путь эшелон.

— Смотри, по-партийному. Голову выше! — Нюте кричит матрос.

Вагоны бегут быстрее. Мелькают подножки. Мелькают чьи-то головы, руки, ноги. Нюта трогается с места, бежит. Всё машет и машет Вирову. Мелькают вагоны. Паровоз переходит стрелки. Чуть поворот. Балтийца уже не видно.

Нюта бежит. Бежит, как тогда, в лесу. И рада остановиться — не может. Мелькают, мелькают, мелькают вагоны. Вот и последний вагон. Вот и подножка. Вот поручни. Последний вагон!

И вдруг... Нюта не хочет этого. Нюта противится. Но что она может поделать? Руки сами хватают поручни. Прыжок! Каблучки ударяют в подножку. Теперь не мелькают уже вагоны. Мимо Нюты бежит перрон. На стыках стучат колёса.

— Да куда же ты? Господи! — заголосила дивчина. — Не усмотрела. Как же теперь со мной!

РАЗБЕГАЙ

Станция Сергиева Пустынь. Всего 15 километров от Петрограда. С юга слышны залпы орудий. Совсем рядом проходит фронт.

Поезд остановился. Дует холодный ветер. Старается сбить с ног. Кругом сырость. Дожди размочили землю. От станции Сергиева Пустынь курсанты пошли пешком. Их задача — подойти к деревне Разбегай и ударить в тыл наступающим белым.

Виров оказался в пулемётной команде. Пулемёты везли на телегах. Дороги раскисли. Телеги застревали в колдобинах. То и дело плечом толкай.

Деревня оказалась уже у белых. Утром курсанты вступили в бой.

Виров со своим пулемётом расположился в окопе напротив села. Не он один. Три пулемёта из их команды. Виров был крайним в стороне от других. С Вировым номер второй. При пулемёте два человека. Один стреляет, другой подносит и подаёт пулемётные ленты.

Со своего места Виров прекрасно видел деревню. Отсюда с рассветом он по команде начал её обстрел. Бил по пулемётным точкам противника. Между ним и деревней лишь речка Стрелка.

Потом он слышал: «Вперёд, братишки!» Видел, как поднялись в атаку курсанты. Как они смело пошли на огонь и с криком «ура!» ворвались в деревню.

Виров понял — белые начнут отступать. Он знал: справа по флангу сидит в засаде отряд разведчиков. У разведчиков есть пулемёты. Значит, если белые побегут направо — порядок полный. А если налево?

Виров поднялся. Поманил своего подносчика. Перетащив

пулемёт через речку Стрелку, Виров стал обходить деревню. Он бежал, чуть пригнувшись, прячась за срез бугра.

Когда Виров обогнул бугор и снова увидел открытое место, он развернул пулемёт и оглянулся. Подносчика рядом не было. Сразила подносчика белая пуля. Он лежал сзади, метрах в двухстах, рядом валялись коробки с патронами.

В пулемёте у Вирова неполная лента. Минута стрельбы — не более. Балтиец решил бежать за патронами. Но в это время из села появились белые, и Виров открыл огонь.

Та-та-та, та-та-та! — стучал пулемёт и косил, как серпом, бегущих.

«Патроны, патроны, — обжигала балтийца упрямая мысль. — Эх, пропало великое дело!»

Татахнув, пулемёт замолчал. Сплюнув с досады, матрос поднялся. «Пока добежишь, пока принесёшь... И как с пулемётом? Заметят же белые».

И правда. Услышав, что пулемёт замолчал, белые приободрились. Группа солдат, развернувшись, бежала теперь на Вирова. Балтиец зло посмотрел на врагов, сдёрнул с ремня гранату.

— И их и себя, — процедил матрос. — Балтийца за так не купишь!

В это время Виров услышал:

— Дядя Василий! Дядя Василий!

Матрос оглянулся. Рядом, шагах в десяти, волоча по земле коробки с патронами, к нему подбегала Нюта.

РЕМЕНЬ

Та-та-та, та-та-та! — опять строчил пулемёт. Попад под ураганный огонь, белые повернули в другую сторону. Туда, где были в засаде разведчики.

— Давай, давай! — усмехался Виров.

Бой окончился полной победой курсантов.

Виров поднялся. Отряхнул комья мокрой, прилипшей к бушлату земли. Он всё ещё не поднимал глаз на Нюту. О чём-то думал. Наконец матрос посмотрел на девочку. Смотрел грозно, каким-то чужим, совсем не вировским взглядом.

И Нюта смотрела на Вирова. Смотрела виновато и как-то по-глупому улыбалась.

— Значит, так, — сурово сказал матрос. — Значит, слова для тебя как горох об стенку. Приказ для тебя — фю-фю. Дисциплина, считай, — игрушка.

Виров снял ремень. Сложил его вдвое. Он снова глянул на Нюту. Девочка не шевельнулась. Открыто смотрела на Вирова.

Балтиец смутился. «И чего это я? Ну поругал. А зачем же ремень!»

— Ух, и сдал же меня ремень, — попытался он сделать вид, что снял его просто так, без всяких недобрых целей.

Но от этой неправды Вирову стало совсем неловко. Матрос покраснел, ещё больше смутился.

Нюта поняла друга. Она улыбнулась. И матрос улыбнулся своей добродушной улыбкой.

После боя командир пехотного полка, которому был придан отряд курсантов, вызвал к себе балтийца.

— Молодец! С пулемётом верно решил. По старым временам тебе Георгиевский крест по заслугам. Желаете — получишь новый бушлат. Или бери шинель. Или вот пять банок мясных консервов. Сам выбирай награду.

Виров отрицательно покачал головой.

— Что же тебе?

— Нет лучшей награды матросу, чем снова его на море, — тихо ответил Виров. — Мне бы на «Гавриил».

И вот Виров опять в Петрограде. Вместе с Нютой едут они в Кронштадт.

В ПРИЮТ!

Балтийское море. Финский залив. Волны бегут, как стаи птиц. Ночь. Над морем туман. Еле виден во мгле «Гавриил». Эсминец идёт на запад. Виров и Нюта опять внизу, в том же матросском кубрике.

— Узнают — ох и будет же мне, братишка!

Когда они прибыли на «Гавриил», комиссар Лепёшкин и боцман Ванюта строго-настрого наказали Вирову, чтобы тут же отправил Нюту на берег.

— Чтобы немедля её в приют, — за старое взялся Ванюта. — Чтобы ноги её не было. Ты что, ошалел? — кричал он на Вирова.

«Гавриил» в эту ночь уходил в Капорский залив. Задание — ставить мины. Виров и сам понимал, что, конечно, надо бы Нюту на берег. Завтра оно так и будет. Но сегодня... Балтиец давно обещал взять Нюту в открытое море. Когда такое опять случится!

«Эх, — прикинул матрос, — была не была! Подумаешь — ставить мины. Дело не страшное. К тому же туман. Пусть остаётся».

— Только какмышь, — предупредил он Нюту и погрозил указательным пальцем.

И вот час, как они в пути. Мерно гудят турбины. За бортом тишина. Лишь волны скребут обшивку.

«Конечно, в приют — это боцман того... — ухмыляется Виров. — Зачем же в приют Анюту? Да разве она сирота! Да разве нет Клаши! — Балтиец вспомнил свою дивчину. — Найдётся для Нюты место».

Мерно гудят турбины. Нюту клонит ко сну. Она подбирает ноги и засыпает.

Виров укрывает её бушлатом, уходит к друзьям наверх.

«И чего привязался?» — поминает недобрым словом матрос Ванюта.

Ах, если бы только балтиец знал! Он бы спасибо сказал Ванюте.

«БРАТИШКА! БРАТИШКА!»

Нюта проснулась от страшного взрыва. Эсминец вздрогнул, словно живой. Сверху бил, как безумный, колокол. Слышался топот бегущих ног. Раздавались команды и крики.

Нюта вскочила.

— Братишка! Братишка! — В кубрик ворвался Виров.

Кубрик вдруг начал крениться. Не удержавшись, Нюта упала на пол. «Гавриил» подорвался на минах. Вчера в этом месте их ещё не было. Сегодня — уже стоят. На целые вёрсты кругом — мины и мины. Морские поля из мин.

Эсминец кренился на нос и на правый борт. Через пробоины в трюмы врывалась вода. Она заметалась по корабельным отсекам, с всхлипом влетала в турбинный зал, лизнула коридорные трапы, побежала в матросские кубрики.

«Гавриил» оседал. Матросы поспешно спускали шлюпки.

— Братцы, где Виров? — кричал Наливайко.

— Комиссар, комиссар! Товарищ Лепёшкин! — неслись голоса с отходящих лодок.

Многие, скинув башмаки и бушлаты, стали бросаться в воду.

— Все ли на месте? Докладывай покомандно! — не ко времени как-то кричал Ванюта.

— Вирова нет. Вирова, — не утихал Наливайко.

Вода подходила к обреза борта.

В это время Виров и Нюта появились на палубе.

Боцман увидел девочку. Лицо его, и до этого красное, стало совсем пунцовым, заходили голыши-желваки.

— Ты это что! — загудел он на Вирова. — Под арест! Немедля на десять суток! Стой! Стой! — Ванюта резко повернулся к борту. Там отходила последняя шлюпка.

Боцман подхватил на руки девочку. Виров видел, как с лодки потянулось сразу несколько человек. Мелькнули лица Наливайки, Наджми и Зиги, поднялись и цепкие руки товарища Ли.

— Чтобы мне головой за дитя... — громыхал Ванюта. — Кровь из носа, душа наружу, чтобы...

Лодка ударила об обшивку эсминца, отскочила, словно орех. Виров прыгнул за борт. Попал под весло, рассек голову. Его подхватили, втащили в шлюпку.

— Все, — докладывал Ванюта комиссару Лепёшкину. Они стояли на палубе уже по колени в воде.

Ударил волна и разбросала их в разные стороны.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ!

Виров кривился от страшной боли. Ссадина шла через лоб и правый висок. Весло ободрало кожу. Кровь сочилась, стекала в глаз. Матрос зачерпнул воды, провёл по лицу ладонью. Стало ещё больнее.

Нюта оторвала край от своей тельняшки. Наложила балтийцу на лоб повязку.

Лодка была перегруженной. Дважды плеснула в неё волна. Казалось, добавь горошину и шлюпка немедля пойдёт ко дну.

Кто бескозыркой, кто просто руками, матросы стали вычерпывать воду. Однако от удара с эсминцем в лодке где-то возникла течь. Люди не успевали. Вода прибывала. Лодка погрузилась почти до уключин. Надо было уменьшить груз.

Тогда поднялся старший матрос Наливайко:

— Ну, братишки, не забывайте!

Он перевалился через борт и исчез в тумане.

Следом поднялся Зига, глянул на Нюту:

— Братишка, прощай!

Вот и Зига пропал в волнах.

Третьим поднялся Виров.

— Сиди, — оттолкнул балтийца матрос Наджми. — Очередь, значит, наша. — Он, как и Зига, глянул на Нюту, прыгнул, шагнул за борт.

Виров снова поднялся.

— Сиди, — оттолкнул балтийца товарищ Ли. И тоже взглянул на Нюту.

Потом в воду прыгнул минёр Иванов, затем торпедист Печенега.

Через час в лодке остались Виров и Нюта.

Ещё через час лодка пошла ко дну.

Ещё через час Виров вынес Нюту на берег.

Но как это было — Нюта не помнит. Оказавшись в воде, девочка какое-то время плыла сама.

— Вот так. Молодец! — подбадривал Нюту балтиец. — Что нам залив, мы море с тобой осилим.

Потом девочка заметно устала. Взмахи рук стали реже, было трудно дышать. Виров стал придерживать Нюту.

— Отдохни, отдохни, братишка.

Потом Нюта потеряла сознание.

И вот берег. Когда Нюта открыла глаза, она увидела над собой незнакомые лица. Кто-то грубо толкнул её сапогом. Рядом в изодранной в клочья тельняшке, с разбитой губой, уже без повязки на раненом лбу, стоял, едва держась на ногах, балтиец. Виров был связан.

«Белые!» — поняла Нюта.

Белые пригнали Нюту и Вирова в маленький рыбацкий посёлок. Втолкнули в какой-то дом.

Вскоре сюда же пришёл офицер. Глянула Нюта — вздёрнутый нос, шрам через щёку, свиные глазки.

Перед Нютой стоял Щербацкий. Но не поручик, а уже капитан. Видно — повышен в чине.

— А-а... — протянул Щербацкий. Он подошёл к балтийцу, дал зуботычину: — Документы, значит, тебе? У, быдло. Красная сволочь!

Шагнул к Нюте, сдёрнул перчатку, стал больно хлестать по лицу.

— Большевистский змеёныш. — Ткнул пальцем себе на щёку, на шрам: — Узнала — твоя работа!

Сутки Нюту и Вирова продержали в избе. А через день туманным утром их вывели к морю.

И вот Нюта и Виров стоят на круче. Спिनной к обрыву, лицом к врагам.

Утро. Бьют волны внизу о камни. Туман застилает берег.

Верёвки впились в упругие мышцы матроса, обвили Нюту ужом-змеей.

В шеренге застыли солдаты. Рядом Щербацкий стоит с наганом в руке.

Минута — и грянет: «Пли!»

Нюта прижалась к балтийцу.

— Братишка, братишка... — шепчет матрос. — Оно ведь совсем не страшно. Вот так! По-морскому гляди, братишка...

Смотрят дула совиным глазом. Секунда — и грянет: «Пли!» Нет. Нюте совсем не страшно. То есть страшно, конечно. Но Нюта без робости смотрит вперёд.

«Жизнь не проходит даром, — доносится до Нюты далёкий голос. — Мы опускаем головы, но лишь для того, чтобы снова их гордо и смело поднять над миром. Мы приспускаем свои знамёна, но лишь для того, чтобы с новой силой взметнуться им в небо».

— Да здравствует Советская власть! — перекрывая далёкое, врывается в сознание девочки голос Василия Вирова. — Да здравствует Красный Балтийский флот!

— Да здравствует Красный Балтийский флот! — повторяет бесстрашно Нюта.

— Молчать! — разъярённо кричит Щербацкий. Он подбегает к балтийцу и Нюте. — Красная сволочь! Молчать! — Щербацкий бьёт по лицу матроса. Потом наклоняется к Нюте.

— Назад! — остервенело кричит матрос. — Назад! — Он становится между Щербацким и девочкой. Грудь балтийца, как ме-

хи, раздувается. Верёвки впиваются глубже в тело. Мышцы твердеют, как сталь.

И вдруг — слышится лёгкий хлопок. словно нитки, летят верёвки. Руки свободны. Секунда. Удар. Пудовый удар, смертельный удар — прямо в свиные глазки.

Щербацкий без крика валится с ног. Виров хватает Нюту и прыгает с кручи вниз.

Сверху стреляли. Сверху неслись проклятья.

Море спасло матроса. По-матерински туман укрыл.

ГЛЯНУЛО СОЛНЦЕ

Виров плыл, стараясь держаться ближе к берегу. Плыл на восток. Плыл долго, пока не иссякли силы. Тогда он вышел опять на берег. Они бежали с Нютой по мокрому от брызг и тумана песку. Потом поднялись на приморские кручи. Виров вытер лоб и лицо ладонью, глянул на Нюту и как-то совсем по-детски виновато и счастливо заулыбался.

Дул ветер. Всё так же бурлило море. Бежали волны. Лебединими крыльями били в песок. Глянуло солнце. Бесшумно прощался с водой туман.

Виров сгрёб Нюту в свои здоровенные руки и поднял её высоко над собой. Он шёл, не спуская Нюту на землю, тянул её к небу и к солнцу. Балтиец шёл и, казалось, кричал: «Вы видите, девочка жива! Вы слышите, девочка жива! Смотрите! Смотрите! Смотрите! Вы видите Нюту?!»

И все увидели Нюту. Её увидели Петроград и Кронштадт. Её увидели войска, которые перешли в наступление и навсегда погнались с Советской земли Юденича. Её увидели корабли Балтийского флота.

Её видело море. Видело небо. Видело солнце.

И вот, как тогда во сне, вдруг закричало солнце: «Много вёсен тебе, Анюта!»

Качнулось суровое море: «Много вёсен тебе, Анюта!»

«Много вёсен тебе, Анюта!» — прогудел беспокойный ветер.

...Кончается повесть. В окно ко мне заглянуло утро. Лучами ударил свет. Я отложил перо. Время прощаться с Нютой.

Много же вёсен тебе, Анюта! Нюта-Анюта, мой дорогой братишка.

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

***В**ладимир Ильич Ленин — основатель нашей Коммунистической партии и Советского государства. Это самый великий человек, которого знала мировая история.*

Трудящиеся всего мира считают Ленина своим вождём.

О Владимире Ильиче Ленине — вожде и человеке и написаны эти рассказы. Они затрагивают лишь несколько лет из жизни Владимира Ильича Ленина — руководителя молодого Советского государства.

Глава первая

ВЫСШИЙ ЗАКОН

СТАРШОЙ

1917 год. Только что произошла Великая Октябрьская революция. Владимир Ильич Ленин был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров — главой первого рабоче-крестьянского правительства.

В Петроград в Смольный к товарищу Ленину прибыла группа крестьян-ходоков из-под города Костромы. В полушубках, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне, смотрят налево, направо, озираются по сторонам, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шёл как раз им навстречу. Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшой?

— Кто-кто? — переспросил Ленин.

— Старшой, — повторяют крестьяне. — Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой, — усмехнулся Ленин. Осмотрелся Владимир Ильич вокруг себя. — Вот старшой, — показал куда-то за крестьянские спины, лукаво улыбнулся и пошёл дальше.

Оглянулись крестьяне, видят: стоит в коридоре группа рабочих. Рядом с ними солдаты о чём-то спорят. Матрос-авроровец мирно сигарку курит. Чуть поодаль столпились крестьяне. И тоже в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки. Тоже, видать, ходоки-пришельцы.

Смотрят костромичи то на рабочих, то на солдат, то на матроса, то на таких же, как сами они, крестьян.

— Э, да какой же это старшой, — недоумевают костромичи. Повели плечами: — Видать, ошибся тот человек с бородкой.

— Кого вам, отцы? — вдруг слышат крестьяне голос. Отошёл от рабочих какой-то парень. — Вы тут, видать, впервые.

— Впервые, мил человек. Нам бы к товарищу Ленину.

— К Ленину?!

— Ну да, к Владимиру Ильичу.

Покосился на крестьян недоверчиво парень, брови слегка нахмурил.

— С вами же Ленин сейчас беседовал.

У крестьян, как по команде, открылись рты:

— Кто? Тот человек с бородкой?

— Он самый, — ответил парень.

Рассказали крестьяне про их разговор с Владимиром Ильичём. Рассмеялся рабочий.

— Значит, старшого искали. Того, кто нынче Россией правит? А что, — задумался парень, — верно ответил товарищ Ленин. Так если вам к Ленину, ступайте на третий этаж.

Подхватили крестьяне свои котомки.

— Ну и ну, — заявил один. — Непонятное что-то.

— Чудное, — согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако третий молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович? — полезли к нему крестьяне.

Думает старый. И вдруг:

— Как? Как сказано, так и понять, — ответил старик и просиял улыбкой.

Поднялись крестьяне на третий этаж, подошли к кабинету Ленина.

— Вам к кому? — спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крикнул, вытер усы ладонью.

— Скажи, что пришёл старшой. Тот, кто вместе с рабочими нынче Россией правит.

СТРАШНОЕ СЛОВО

Не смирились капиталисты и помещики с потерей власти, земли и фабрик. Бежали они на окраины нашей страны. С помощью иностранных капиталистов организовали здесь сильные армии. Белые — так называли тогда врагов — начали военный поход против молодой Советской Республики.

Для защиты страны от врагов была создана Красная Армия.

— Строжайший порядок. Революционная железная дисциплина — вот что должно быть главным в Советской Армии, — говорил Владимир Ильич.

И вот тут-то... Короче, нашлись люди, которые выступили против товарища Ленина. Среди них оказались даже очень видные большевики.

— Что же это за новая армия, — говорили они, — если главное в ней железная дисциплина. Хватит нам строгостей. Натерпелись. Не для того мы распускали старую царскую армию, чтобы новую, советскую, строить на тот же лад.

Слово «дисциплина» пугало многих. Страшным казалось слово.

Но армия есть армия. Сила армии в строгих её порядках. Не будет порядков, не будет армии. Будет просто набор людей.

Ленин терпеливо объяснял, что пугаться дисциплины вовсе не стоит, а, наоборот, надо всячески ее укреплять, что сравнивать Советскую Армию со старой, царской — значит, не видеть главного.

— Палочной дисциплине капиталистических армий мы должны противопоставить свою, глубоко сознательную, революционную дисциплину, — не раз и не два, а в десятках и сотнях своих выступлений подчёркивал Ленин.

И всё же спор с несогласными длился долго. Он даже возник

на одном из партийных съездов. Делегаты съезда полностью стали на сторону Ленина.

Были и другие случаи, когда Ленину приходилось терять немало времени, чтобы доказать свою правоту, переубедить, склонить на свою сторону тех, кто до этого выступил против.

Многие поражались, глядя на Ленина. Он, наделённый высшей властью в стране, и вдруг терпит такие споры. Тратит энергию. Тратит время. Нет бы прибегнуть к власти и одёрнуть таких несогласных.

— Одёрнуть — дело не очень сложное, — отвечал Владимир Ильич. — Это лишь крайний случай. Важно не то, чтобы людей силой заставить отказаться от старого мнения. Главное, чтобы тот, кто не понял или не прав, сам осознал бы свою ошибку. Тут строгость не лучший метод.

— Вот вы, Владимир Ильич, и попались, — сказал однажды один из помощников Ленина. И напомнил, с какой горячностью и напором отстаивал Владимир Ильич принцип строгости при создании Красной Армии.

— Попался, попался, — усмехнулся Владимир Ильич. — Но тут же у нас не армия. Впрочем, в армии то же самое. — Ленин сделал короткую паузу. — Дисциплина для нас не кнут. Это прежде всего глубокая наша сознательность. Это и в армии нашей и в нашей жизни одинаково верный принцип.

КРАСИВО

Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев докладывал Ленину о плане разгрома войск Колчака.

Склонился Владимир Ильич над картой. Слушает. Рядом стоит Каменев. Держит в руках указку.

План интересный. Продуманный. Каменев военачальник опытный. Говорит убедительно, красноречиво. Прыгает указка по карте между рек, городов и железных дорог, как воробей по грядкам.

— Вот тут мы начнём прорыв... Вот тут через эту брешь польются полки и роты. Вот тут... — Скажет фразу и к фразе фразу: — Уверяю вас, Владимир Ильич, это будет на редкость красиво.

Глянул Владимир Ильич на Каменева:

— Красиво? Нам надо в кратчайший срок разбить Колчака. А красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

— Да, да, конечно, — ответил Каменев. — А вот сюда, — указка в руках Каменева снова запрыгала, заклевала по карте, — мы двинем отряд бронепоездов. Пехота с фронта. Бронепоезда с флангов. Огонь из бортовых орудий, из всех пулемётов. Начнём

удар в темноте. Ночи, Владимир Ильич, тёмные, беззвёздные. Луны нет, не выдаст. Представляете, Владимир Ильич: ночь — и вдруг залпы. Уверяю вас, это будет на редкость красиво.

Сказал Каменев слово «красиво», спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— Продолжайте, слушаю вас, — сказал Ленин.

— Тут вот Пермь, тут вот Уральск, — продолжает докладывать Каменев. — Противник стремится создать единый фронт. Поэтому мы нанесём удар вот сюда, пройдем по белым, как нож по маслу. Удар. Ещё удар! И Колчак — как шар в лузу.

— В лузу? — переспросил Ленин.

— В лузу, Владимир Ильич. Уверяю вас, это будет на редкость...

Хотел Каменев снова сказать «красиво», да спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— ...красиво, — подсказал Владимир Ильич.

Помедлил минуту Каменев, повторил:

— Красиво.

Глянул Каменев на Ленина. Глянул Ленин на Каменева. Оба расхохотались.

Владимир Ильич очень ценил знания, опыт и романтический пыл Сергея Сергеевича Каменева. За умелое руководство войсками Восточного фронта Каменев вскоре был назначен Главнокомандующим всеми вооружёнными силами Советской Республики. Правда, кое-кто тогда возражал.

— Владимир Ильич, это у него на словах получается всё красиво.

— Нет, вы неправы, — ответил Ленин. — Он умеет не только убедительно говорить, но и со знанием бьёт противника. И делает это, надо признаться, действительно очень красиво.

КОМЕНДАНТ

Был один из самых тяжёлых моментов гражданской войны. Белые взяли Орёл, подходили к Туле. Враг угрожал Москве.

Страна напрягала последние силы. На фронт уходили все.

В эти тревожные дни комендант Московского Кремля получил распоряжение отправить на фронт под Тулу сто человек из кремлёвской охраны.

Сто человек — это без малого вся охрана.

Комендант схватился за голову.

— Кто же будет нести караул?! Кого посылать на посты?! К тому же...

Самыми первыми часовыми Кремля были бойцы из сибирских рот. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить бойцов на фронт.

Сибиряков сменили латышские стрелки. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить стрелков на фронт.

Устал комендант обучать новичков караульному делу.

Наконец появились в Кремле курсанты. Были в Москве пулемётные курсы. Вот и решили: пусть курсанты не только учатся, но и несут охрану Кремля.

Теперь комендант успокоился.

— Ну, курсантов никто не тронет. Главное дело у них — учёба. А с учёбы срывать нельзя.

И вдруг неожиданно этот приказ: сто человек из кремлёвских курсантов срочно отправить на фронт под Тулу.

Комендант упёрся. Встал на дыбы. Грозился приказ не исполнить. Мало того, заявил, что явится с жалобой к Ленину.

Угрозу сдержал. Явился.

— Если приказ, надо отправить, — ответил Ленин.

Не ожидал комендант такого.

— Владимир Ильич, это же Кремль! А курсанты его защита. Нельзя же снимать защиту. Тем более в этот момент.

— Нельзя, — согласился Ленин. — Если враг подойдёт к Москве, поздно об этом думать.

— Так точно, товарищ Ленин.

— Вот видите, вы сами того же мнения. Значит, надо отдать курсантов.

«Как так?! — хотел возразить комендант. — Я вовсе другого мнения».

Но Ленин не сделал паузы.

— Надо отдать. Защита Кремля проходит сейчас под Тулой. Значит, кремлёвской охране быть именно там — прямая её обязанность. Мы не снимаем охрану Кремля, — добавил Владимир Ильич. — Мы просто её посты переносим под город Тулу.

Другой бы понял, что бит его довод. Но комендант оказался упорным.

— Так ведь это, Владимир Ильич, не просто охрана. Это, Владимир Ильич, курсанты. Их с учёбы срывать нельзя. У них всё по дням расписано. Учебные есть журналы.

— Нельзя, нельзя, — согласился Ленин. — А мы с учёбы срывать и не будем.

«Ну вот, доказал, — облегчённо вздохнул комендант. — Уж тут-то, конечно, оспорить нечем».

Но Ленин не сделал паузы.

— Ведь есть у курсантов учебная практика. Вот и будем считать, что курсанты едут не просто на фронт. А срок наступил для практики. Так и пометьте в своих журналах.

Учитель Криднер во время мировой войны отличился. Был рядовым солдатом, стал начальником большой пулемётной команды.

— Он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! — любил похвастать боевой биографией Криднера председатель Весьегонского учительского союза. (После возвращения с фронта Криднер учительствовал под Весьегонском.)

Молод учитель, строен. Два Георгиевских креста висят на груди героя.

Ходят ребята за ним гурьбой. Не нарадуется председатель новым учителем.

И вдруг призвали Криднера в Красную Армию. Стояла осень грозного 1918 года.

— Как так! Почему?! — возмутились в уезде.

Как правило, учителей призывали не в первую очередь.

Председатель учительского союза грозился поехать в Москву, обратиться непосредственно к товарищу Ленину. И действительно — поехал. Знал он, что Владимир Ильич придаёт огромное значение народному образованию.

Принял Ленин весьегонского председателя. Рассказывает тот о новом учителе. Мол, и учитель Криднер замечательный. И молод, и строен. И о том, что ходят ребята за ним гурьбой.

— А ещё, Владимир Ильич, — голос председателя стал торжественным, — он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! Два Георгиевских креста заслужил за подвиги.

Сказал, ликуя, посмотрел на Ленина. Пусть, мол, знает Владимир Ильич, какие у них в Весьегонске учителя.

Ленин слушал очень внимательно.

— Вот как! — сказал, когда председатель заговорил о пулемётах. — Вот как! — повторил, когда председатель сказал про Георгиевские кресты. — Значит, говорите, Криднер командовал сорока восемью пулемётами?

— Так точно — сорока восемью «максимами», Владимир Ильич.

— И много у вас учителей, которые могут командовать огнём сорока восьми пулемётов?

— Один! — с гордостью ответил председатель.

— А сколько всего учителей в уезде?

Задумался председатель.

— Около пятисот.

— Так ваш учитель — это же просто клад.

— Клад, Владимир Ильич. Вот именно клад!

— Для военных, — уточнил Ленин. Развёл руками: — Должен вас огорчить: с уходом учителя Криднера в армию нужно смириться. — Увидел Владимир Ильич огорчённое лицо предсе-

дателя: — Не обижайтесь, сейчас война. Каждый опытный в военном деле человек — это действительно клад для фронта.

— Клад! Э-эх не туда ткнул, не с того начал, — сокрушался потом председатель.

ВЫСШИЙ ЗАКОН

Стоял сентябрь 1920 года. Армии генерала Врангеля наступали с юга, из Крыма. Против молодой Советской Республики снова двигалась грозная сила.

Командующим Южным фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Его срочно вызвали в Москву на важное заседание.

Фрунзе торопился, но опоздал. Когда он прибыл в Кремль, заседание уже началось. Председательствовал Владимир Ильич Ленин.

Приоткрыв дверь в зал заседаний, Фрунзе в нерешительности остановился.

— Проходите, товарищ Фрунзе, проходите. Садитесь, — проговорил Владимир Ильич.

Фрунзе тихонько прошёл в комнату и сел на свободный стул.

Вскоре ему передали крохотную записку: «Точность для военного человека — высший закон! Почему опоздали?»

Записка была от Ленина.

Когда заседание окончилось, Фрунзе подошёл к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич...

— Не объясняйте, — остановил его Ленин. — Всё знаю. Мне уже доложили — опоздал поезд. Не сердитесь на меня за записку.

— Да что вы...

— Вот и хорошо. — Ленин взял Фрунзе под руку. — Михаил Васильевич, скажите, когда вы собираетесь приступить к операции по разгрому Врангеля, хотя нет, это не главное: когда вы смогли бы её завершить?

Фрунзе знал, что беспокоит Владимира Ильича. Приближалась зима — неужели ещё одна военная зима, тяжёлая военная зима?

Ленин стоял и терпеливо дожидался ответа.

— К декабрю, Владимир Ильич, — наконец произнёс Фрунзе.

— К декабрю? А успеете?

— Успеем, Владимир Ильич. Нужно успеть, — тихо проговорил Фрунзе.

— Нужно. Вы не представляете себе, как нужно, — так же тихо ответил Ленин.

И вот Южный фронт. Вооружённые танками, самолётами, пушками, белые рвутся на север.

Владимир Ильич внимательно следит за обстановкой. В кабинете у Ленина висит карта. Он не только в курсе боевых действий, но и постоянно наблюдает за тем, как идёт переброска подкреплений и воинских эшелонов. Он требует: немедленно дать на помощь Южному фронту знаменитую Первую Конную армию во главе с Будённым. Настаивает на срочном создании Второй Конной армии. Добивается переброски на Каховку лучших, сибирских дивизий.

И так же, как в прежние годы:

— Как со снарядами? Как с патронами? Хорошо ли бойцы одеты? Какой у бойцов паёк?

Даже ночью он продолжает диктовать телеграммы.

В ответ на заботу Ленина Южный фронт рапортует делом: «Наступление белых приостановлено! Врангель поспешно отходит в Крым!»

Войска Фрунзе подошли к Перекопу. Разбили Врангеля в главном бою. Сбросили белых в море.

К середине ноября, на две недели раньше того срока, о котором говорил Михаил Васильевич, Крым становится вновь советским. «Южный фронт ликвидирован», — телеграфировал Фрунзе Ленину.

Вскоре командующий Южным фронтом опять повстречался с Владимиром Ильичём.

— Поздравляю, — проговорил Ленин. — Сдержали слово. Не подвели. Уложились блестяще в сроки.

Фрунзе улыбнулся, полез в карман, протянул Владимиру Ильичу крохотную бумажку.

«Точность для военного человека — высший закон!» — прочитал Ленин свою же записку.

ФРОНТ

Вася Самохин — паренёк из Смоленщины — прощался с отцом и матерью. Уезжал он в Москву на Третий съезд комсомола.

— Скоро не ждите, — объяснял он родителям. — Из Москвы я прямо на фронт.

Стояла осень 1920 года. Васе было пятнадцать лет. Ещё с весны Вася мечтал о фронте. Просился не раз, да никак не брали. Возраст пока не вышел.

Теперь же другое дело. Вася едет в Москву. Знает прекрасно Вася, что после любого съезда все делегаты, как правило, шли на фронт.

Верит Вася, что дело верное.

— В крайнем случае возраст слегка привру. Кто там в Москве проверит?

Приехал Вася в Москву. Познакомился с другими делегатами, с парнями, с девушками — все говорят о фронте.

Размечтался совсем Василий: «Нет, в пехоту я не пойду. В конницу лучше. Так и буду проситься — в конницу, в Конную армию, к товарищу Будённому». Представляет Вася себя верхом на коне, в шлеме будёновском, с острой, как бритва, саблей. «Ну, берегись, враги!» — Вася пощупал руку, удар у него в руке пудовый. Недаром полгода дрова колот.

Чем дальше, тем больше мечтает Вася. То он лихой наездник, то он лихой разведчик, и даже — эх, размечтался совсем Василий! — не рядовой он уже боец и если ещё не совсем Будённый, то, право, немногим меньше.

Сидит Василий в высоком просторном зале. Выступают с трибуны ораторы. Не слышит Вася речей и слов — лишь храп да цокот в ушах лошадиный, лишь сабель пронзительный стук.

Но тут...

— Ленин! Ленин! — прошло по залу. И следом словно в бою: — Ура!

Васе казалось, качнулись стены. От возгласов рухнет, казалось, зал. По сцене к столу президиума шёл человек. «Ленин», — признал Василий.

Владимир Ильич сел на свободный стул. Когда овация в зале стихла, Ленин достал карандаш и бумагу. Он внимательно слушал ораторов. В местах интересных кивал головой. Вместе со всеми дружно и долго хлопал.

Потом Владимир Ильич склонился к столу. Карандаш в руках Ленина быстро забегал. «Тезисы пишет, — понял Василий. — Значит, выступит вскоре товарищ Ленин».

Удивился бы очень Вася, если бы видел, чем занят Ленин. Владимир Ильич рисовал. Дом появился на чистом листе бумаги: стены, окна, крыша, труба. Над дверью большая вывеска. На вывеске слово — «Школа».

Через несколько минут Владимир Ильич поднялся, быстро шагнул к трибуне.

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодёжи...

Вася заёрзал на стуле. Какие задачи? Конечно, фронт. Вот сейчас Владимир Ильич расскажет о военном положении страны, о боях на юге, на западе. А потом обратится с призывом, мол, нет для молодёжи главнейшей сейчас задачи, чем защита страны от белых.

Приготовился Вася, ждёт.

«Мне бы лишь в конницу», — опять о своём Василий.

Но что такое?

Ни слова о юге, ни слова о западе. Ни слова о том, что идут бои. Совсем о другом выступает Ленин. И если словом сказать одним, то главной задачей для молодёжи является нынче не слово «фронт», а вовсе другое — «учиться». Это задача из всех задач — вот о чём выступает Ленин.

И дальше о том, почему же учиться.

Потому что безграмотным быть нельзя. Без знаний глубоких коммунизм не построишь. А именно ей, молодёжи, строить в стране коммунизм.

И дальше о том, как же учиться.

Учиться упорно. Учиться всему. Помнить, что не первый день живут на планете люди. Любая наука имеет свою историю. Самое лучшее, передовое нужно взять из любой науки.

Но это задачи ещё не все.

Надо не только самим учиться, надо учить других. И не только учить других, надо ещё работать. Пусть самой малой, самой простой будет твоя работа. Но старайся всё делать так, чтобы люди сказали тебе спасибо.

Понял Вася: учёба и труд — вот основные сейчас задачи. Понять Василий понял. А как же, простите, фронт? Нет, в деревню Вася назад не хочет.

В перерыве Вася пробрался к Ленину. Да не только один Василий. Оказалось таких немало. Окружили делегаты Владимира Ильича. Каждый ему о фронте. Под видом, мол, личной просьбы.

И Вася ему о фронте.

— Мне бы в конницу, Владимир Ильич.

Посмотрел Владимир Ильич на Васю, посмотрел на других.

— Что же, товарищи, если речь тут идёт о фронте, разногласий у нас не будет. Дело учёбы — тот же сегодня фронт. Важнейший к тому же, — добавил Ленин.

Глава вторая

ПО СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

ПОСЫЛЬНЫЙ

В 1911 году молодой инженер Графтио разработал проект строительства Волховской гидроэлектростанции. Несколько лет проект ходил по разным царским чинам и инстанциям. Все говорили: «Да, конечно. Проект хороший. Не мешало б в России построить такую станцию». Но дальше этого дело не двинулось.

Зря хлопотал молодой инженер. Зря обивал пороги.

Кончилось тем, что затерялись его бумаги в каких-то важных министерских столах.

В 1914 году вспыхнула мировая война. Теперь о строительстве и вовсе нечего было думать. Потом произошла революция... Ну, теперь и совсем не до этого.

И вдруг в квартире инженера раздался звонок. Вышел хозяин к двери. Открыл. На пороге стоял человек. В кожаной куртке, в кожаной шапке. Улыбается человек.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Вы инженер Графтио?

— Да. Графтио — это я.

— Товарищ Графтио, я к вам от товарища Ленина.

Отступил хозяин на шаг от двери. Слово на чудо, на пришедшего смотрит. «От Ленина?!» Не верит в такое Графтио. «Это, видимо, кто-то из близких друзей просто со мною шутит».

— Я от товарища Ленина, — вновь повторил посыльный.

Не верит по-прежнему Графтио. «Кто же прислал человека? Это, скорее всего, инженер Горчаков или профессор старик Кривошеин. Это, бесспорно, кто-то из них надо мною шутит».

— Я от товарища Ленина...

Действительно, Ленин прислал посыльного.

А вскоре и сам Графтио был вызван в Москву (жил инженер в Петрограде) и принят Владимиром Ильичём.

Разговор был коротким, но очень ясным.

— Поздравляю. Всё решено, — сказал Владимир Ильич. — Будем строить на Волхове станцию. Желаю вам от души успеха.

Возвращался молодой инженер домой, словно летел на крыльях. Гудел паровоз на разъездах. Били колёса на стыках. «Будем строить, строить, строить...» — отдавалось в ушах у Графтио. «Строить, строить, строить...» — как молот стучало сердце. «Эх, — вздыхал инженер, — опоздала чуть-чуть революция. Если бы раньше на несколько лет, уже ток бы давала станция».

После первой встречи инженер Графтио и ещё несколько раз виделся с Владимиром Ильичём. Ленин постоянно следил за делами строительства. Вызывал молодого инженера к себе с докладами.

И вот однажды Графтио рассказал Владимиру Ильичу о том самом первом дне, когда на квартиру явился к нему посыльный.

— Я ведь, Владимир Ильич, решил, что кто-то со мною шутит. Чуть не прогнал посыльного.

— Не поверили, значит?

— Не поверил, — признался Графтио. — Не ожидал. Это воистину сказочный случай.

Владимир Ильич улыбнулся.

— Сказочный? Ну что же, пусть будет так.

— Я вам, Владимир Ильич, бесконечно за то обязан.

— Мне? Нет уж, увольте. Не я ведь послал посыльного. Революция это сделала.

ЦИФРЫ

Выступая на заседании Совнаркома (речь шла о важном строительстве на Урале), инженер — руководитель работ — спутал в докладе цифры.

Цифры вошли в протокол.

Спыхватился докладчик, да было поздно. Заседание кончилось.

Хотел инженер исправить свою ошибку, вернуться в Кремль, извиниться перед Владимиром Ильичём. Хотел, но не решился. Побоялся оставить о себе у Ленина не очень хорошее мнение.

Ко всему, цифры были второстепенными. Завышался лимит на стекло. «Больше — не меньше, — решил инженер. — Строители скажут только спасибо. К чему же позорить себя. В цифрах всё равно никто разбираться не станет».

Но сложилось вдруг так, что Ленин проверил цифры.

Пришлось инженеру держать ответ.

— Да, — признался. — Цифры неточные.

Наказывать инженера Владимир Ильич вовсе не собирался. У каждого может случиться ошибка. К тому же ошибка и вправду не очень важная.

Однако вызванный к Ленину инженер испугался. Подумал, мол, скажет Владимир Ильич: «Плохой инженер. Цифры, как школьник, путает. Нельзя доверять такому дела строительства».

Решил инженер обелить себя.

— Владимир Ильич, не подумайте, право, плохо...

И тут же начал о том, что, если сомнения есть у Ленина, он свои дипломы ему покажет и самые лучшие характеристики.

Слушает Ленин.

— Я ведь ещё тогда... Я сразу заметил свою ошибку.

— Заметили?! — Ленин нахмурился.

— Заметил, Владимир Ильич, заметил. Я ведь в строительстве не новичок. Меня и в Европе знают...

Выслушал Ленин. Покачал головой.

— Значит, знали и не сказали. Знали и скрыли. — Владимир Ильич поднялся из-за стола. — Выходит, элементарно и подло струсили. Значит, ошибка совсем не в цифрах...

— В цифрах, в цифрах, Владимир Ильич. Вот именно в цифрах.

— Нет, — остановил инженера Ленин. — В назначении вашем на этот пост — вот где надо искать ошибку.

По указанию Ленина инженер был с работы снят.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ

На одного из работников Совнаркома Владимир Ильич наложил домашний арест.

Расстроился очень работник. Кому же приятен арест! К тому же по указанию товарища Ленина. Однако потом слегка успокоился. «Ну что же, — подумал, — раз так случилось, посижу, поваляюсь дома. Книжек давно не читал. С детьми поиграю. Письма в деревню родным напишу. Отосплюсь вволю».

Дел в Совнаркоме было всегда полно. Работали много, себя не щадили. В общем, даже чем-то остался довольным виновный — неожиданно отдых выпал.

Наступил первый день ареста.

Утро. За окнами поздний осенний рассвет. Дождь монотонно по стёклам лупит. Лежит работник в тёплой постели. Блаженным храпом во сне трубит.

Вдруг телефонный звонок.

Спящий поморщился. С бока левого перевернулся на правый. Снова звонок.

Открыл работник глаза. Что там ещё такое? Встал. Зевнул, потянулся лениво к трубке.

— Слушаю.

— Говорит Ленин.

От неожиданности растерялся работник.

— Слушаю вас, Владимир Ильич.

— Что же вы, батенька, не на работе? Вы заболели? У вас неприятности дома?

— Нет, всё в порядке, — ответил работник. — Да я же... У меня же... — Хотел он сказать, что домашний арест.

Но Владимир Ильич не дослушал.

— Тогда приезжайте. Немедленно. — Ленин повесил трубку.

Собрался работник. Мчит в Совнарком. Вообще-то был он работник хороший. Аккуратный, смелый, в работе быстрый. Мчит, по пути соображает:

«Забыл, наверное, Владимир Ильич про арест. А может, вообще изменил решение. Уж велика ли моя вина: подумаешь, грех — на письмо какого-то Мышкина слегка задержался с ответом».

Примчал арестант в Совнарком. Явился к товарищу Ленину.

— Пришли? Так быстро? Молодец. Приступайте к работе, — заявил Владимир Ильич. — А за опоздание вам, батенька, выговор, выговор. Пусть для первого раза устный.

— Владимир Ильич, значит, арест того...

— Нет, арест остаётся, — ответил Ленин. — Арест арестом, работа работой. — И уточнил: — Будем считать, что домашний арест — это, простите, не чтобы спать. Это — моральная категория.

Иван Иванович Радченко — начальник Главторфа — сидел как на иголках. Шло заседание Совета Народных Комиссаров. Обсуждался вопрос об организации широкой добычи торфа в районе Шатурского месторождения.

Плохо было с углем тогда в стране. Плохо с бакинской нефтью. Торф спасал многих. К тому же Шатура находилась недалеко от Москвы.

Главторф подготовил смету. Среди прочих расходов были указаны также деньги, необходимые на строительство барakov. Бараки и испортили настроение товарищу Радченко.

На строительство каждого барака Главторф просил утвердить сумму в четыре тысячи рублей. Казалось, возражения вряд ли будут. И вдруг перед самым заседанием подошёл к Радченко представитель наркомата финансов:

— Учтите, я буду спорить. Двух тысяч вполне достаточно.

Напрасно товарищ Радченко пытался доказать финансовому работнику, что две тысячи это не цена, что и четыре тысячи это только-только, в самый обрез. За половинную сумму барак не построить. А без барakov всё рухнет. Где же рабочим жить?

Но тот оказался неколебим.

«Провалит смету», — понял товарищ Радченко. Мнение финансовых работников на заседаниях Совнаркома оспаривалось редко.

Надежда была только на Ленина. Радченко тут же написал записку Владимиру Ильичу. Ленин прочёл, улыбнулся. В причинах появления этой улыбки теперь и терялся Радченко. То ли будет поддержка Ленина, то ли Ленин тоже в сумму не очень верит.

Началось утверждение сметы. Очередь дошла до барakov.

Работник наркомата финансов, как и предупреждал, резко выступил против. Один из членов Совнаркома его поддержал.

Слово предоставили Радченко.

Защищает он свой проект, а сам то и дело глазами на Ленина косит. «Будет помощь, не будет? Будет, не будет?» — гадает Радченко.

Для выступления на заседаниях Совнаркома отводилось минимальное время. Вот и для Радченко.

— Уложитесь за две минуты.

Две минуты! Легко сказать. Пока поднялся, пока собрался, пока вымолвил первое слово, для второго слова времени больше нет.

Растерялся товарищ Радченко. Не смог впопыхах защитить проект. Глянул на Ленина, сокрушённо подумал: «Ну, всё».

И вдруг:

— Поскольку имеются споры, — сказал Владимир Ильич, —

для внесения полной ясности в дело разрешите задать вопрос. — Повернулся Ленин к товарищу Радченко: — Скажите, товарищ Радченко, вы бараки когда-нибудь строили?

— Строил, конечно, Владимир Ильич. А как же, строил! И верно. Главторф бараки такие строил.

Повернулся Ленин к работнику из наркомата финансов и к нему с тем же вопросом:

— А вы когда-нибудь строили бараки? Вы точно знаете, что надо две тысячи рублей?

— Нет, я лично не строил, Владимир Ильич, — смущённо ответил товарищ из наркомата.

— А вы? — обратился Ленин к члену Совнаркома, который поддержал финансового работника.

— Тоже как-то не приходилось, — пожал тот плечами.

— Что же, ставлю вопрос на голосование, — сказал Владимир Ильич. — Есть два предложения. Первое: товарища, который раньше строил (Ленин сделал ударение на этом слове) бараки, — дать четыре тысячи рублей на барак. Второе: товарищей, которые не строили (в зале пошёл смешок) бараки, — дать две тысячи на барак. Итак, голосую вначале первое предложение, то есть предложение товарища Радченко. Кто, «за»?

Члены Совнаркома дружно подняли руки.

БОЛТЛИВАЯ ТЕЛЕГРАММА

В городе Константинополе в Турецкой республике советский представитель А. П. Серебровский вёл переговоры о заключении торговых договоров.

Кроме работников турецких торговых фирм, приехали в Константинополь коммерсанты из Франции и из Италии.

Заключил Серебровский торговые договора, посылает телеграмму на родину.

Пишет о том, что вёл переговоры. И были на них не только турецкие коммерсанты, но и французские, и не только французские, но и итальянские. Со всеми ними он, Серебровский, познакомился, со всеми заключил торговые договора.

Пишет Серебровский, что встретили его хорошо, что работал он с утра и до позднего вечера. Времени зря не тратил.

Сообщает Серебровский, что заключил он договора на редкость выгодные. Такие выгодные, что просто сам не ожидал такого.

Короче, прислал он телеграмму длинную-предлинную. Длиннее письма. Всё изложил подробно. Даже указал, какая погода стоит в Константинополе.

Обо всём написал Серебровский, но не о главном.

Попала телеграмма к Владимиру Ильичу. Читает Ленин про

погоду, про то, что Серебровский работал с утра и до позднего вечера, что заключил он на редкость выгодные договоры.

Ищет Ленин в телеграмме такое место, где было бы сказано подробнее про договор. Задаёт Владимир Ильич вопросы:

— Чем они выгодные?

— Что поставят Советской стране зарубежные фирмы?

— На какую сумму?

— Как скоро?

— В какие сроки?

Дважды прочитал Владимир Ильич телеграмму, но не нашёл ответа. Отложил её в сторону.

— Болтуны развелись. Болтуны и хвастуны, — сказал Ленин.

Не только сказал, но и тут же написал об этом самому Серебровскому. Так и начал:

«Прочёл вашу болтливую телеграмму...»

А ниже:

«Сообщите короче, точнее...»

И ещё ниже — подпись, но не как обычно, а без слова «привет», без слова «Ваш», без слова «дружески», официально и коротко — «Ленин».

Получить такой ответ от Владимира Ильича — это редчайший случай. Понял Серебровский свою ошибку, переживал её долго и искренне.

КАТЕГОРИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ

Для обследования здоровья Владимира Ильича из-за границы был приглашён профессор. Ленин долго противился.

— Дорого, дорого, — говорил Владимир Ильич. — Это излишняя роскошь. Я же совсем здоров.

Но вот под напором врачей вынужден был согласиться.

Приехал профессор. Начал осмотр пациента. Прослушал трубкой, простучал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Понимает, только раз такое бывает в жизни — в эту минуту перед ним стоит самый великий его пациент. Запоминает профессор и рост, и вид, и улыбку, и взгляд пациента. И как тот держит себя, и как говорит, и какого цвета глаза, и какого оттенка волосы.

К концу осмотра профессор сказал:

— А я, признаться, вас представлял другим, господин Ленин. Был уверен, что вы с бородкой.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

Действительно, это был не Ленин, а кто-то из сотрудников Совнаркома.

Извинился профессор, сказал:

— Пардон!

Ушёл не Ленин. Вновь открывается дверь в кабинет. Входит человек невысокого роста. Плотный. С бородкой. Глянул профессор. Он!

Начал профессор осмотр великого пациента. Прослушал трубкой, простучал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Неторопливо ведёт осмотр.

— Прилягте!

— Привстаньте!

— Закройте глаза, протяните руки.

— Вдохните глубже.

— Скажите «а».

Когда прощались, профессор сказал:

— А я вас сразу узнал, господин Ленин. Очень приятно было с вами познакомиться.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

«Как — не Ленин?!» — хотел закричать профессор. Однако сдержался. Развёл руками.

— Извините, — сказал. — Пардон.

На приёме у профессора Владимир Ильич побывал только к исходу дня, лишь после того, как было осмотрено большинство сотрудников Совнаркома.

Таково было условие Ленина, когда решался вопрос, приглашать или не приглашать в Советскую Россию зарубежную знаменитость. Категорическое условие.

ВАЛЕНКИ

Должность у Кати была маленькая-маленькая. «Куда пошлют» называлась. Работала она посыльной в одном из советских учреждений.

Вызвал однажды Катю к себе начальник, вручил важный пакет, наказал срочно идти в Кремль, передать пакет лично товарищу Ленину.

Отправилась Катя. Идёт-торопится. А сама всё время на свои валенки посматривает.

Валенки у неё старые-старые, с дырками. Отжили они свой век. Истоптала их Катя, бегая по разным учреждениям.

Неловко Кате в таких валенках явиться к Владимиру Ильичу. Да что поделаешь! Трудно в те годы было с обувкой.

Правда, мог бы о Кате позаботиться её начальник. Только ведь начальник постоянно разными важными делами занят. Где ему думать о Катиных валенках!

Пришла Катя в Кремль. Пропустили её в кабинет к Владимиру Ильичу. Передаёт Катя пакет товарищу Ленину, а сама старается сделать так, чтобы Владимир Ильич не обратил внимания на её валенки.

Думала Катя, передаст пакет — и сразу уйдёт. Однако Владимир Ильич задержал девушку. Стал он интересоваться, давно ли Катя работает. Где училась, сколько классов окончила. Есть ли у Кати родители.

Ответила Катя Владимиру Ильичу на его вопросы, простился Ленин с девушкой, пожелал ей успехов.

Довольна Катя. Казалось ей, что Ленин так и не заметил, какие у неё на ногах валенки.

Однако Владимир Ильич заметил. Снял Ленин тут же телефонную трубку, позвонил Катиному начальнику, пристыдил того, что начальник плохо заботится о своих подчинённых.

Прошло два дня, и вот вызывают Катю опять к начальнику. Переступила Катя порог кабинета и замерла: в руках у начальника валенки — новые, фетровые, с галошами.

— Ну что же, бери, — сказал начальник растерявшейся Кате. Смутилась Катя, не решается шаг сделать.

— Бери, — рассмеялся начальник.

Взяла Катя валенки, побежала вниз, примерила. Оказались они точь-в-точь по Катиной ноге.

Идёт Катя в обнове по морозным московским улицам. Хрусть-хрусть под ногами снег.

ПО СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Надоел он изрядно Ленину.

Трудно было в первые годы Советской власти.

С хлебом трудно.

Транспорт разрушен.

Не хватает рабочих рук.

Один из видных профсоюзных работников, некто Демидов, при встречах с Владимиром Ильичём начинал обязательно с жалоб. Всё-то Демидову не так. Всё плохо кругом. Нет ничего хорошего.

Вот и сейчас.

— Недоедает, Владимир Ильич, народ. В хлебе сплошная мякина. Есть места, где и вовсе голод. Об этом ли мы мечтали? За это ли люди бились?

— Недоедает. Трудное время, — соглашается Ленин. — Люди порой лишены самого необходимого. Лишены, но держатся. И не только держатся, но и творят чудеса. Чудеса! — повторил Владимир Ильич. — Вот о чём, батенька мой, стоило бы говорить в первую очередь.

— Так-то оно так, Владимир Ильич, — произнёс Демидов, — а всё же...

Прошло какое-то время. Встретился Демидов снова с Владимиром Ильичём.

— Транспорт бездействует, Владимир Ильич. Заводы стоят! Шахты затоплены. Разруха кругом. Хаос!

— Да, наследие горькое, — соглашается Ленин. — И транспорт разрушен, и шахты затоплены, и заводы во многих местах стоят. — И тут же: — А вы знаете, что шахтёры Донбасса в этом месяце удвоили добычу угля. Удвоили! А вы читали, что нефтяники Баку по сравнению с прошлым годом утроили добычу нефти? Утроили! А вы что-нибудь слышали о субботниках?! Люди работают во внеслужебное время, без всякого вознаграждения. Не замечать этого, не видеть энтузиазма масс, их стремления быстрее покончить с разрухой — значит страдать слепотой. Да, да, слепотой, к тому же ещё куриной!

Вновь прошло какое-то время. Встретил Демидов Ленина в третий раз и опять об одном и том же:

— Плохо, Владимир Ильич, не ладится всё у нас. Нет инженеров, нет докторов. Отсталость, серость кругом дремучая.

— Мало инженеров, мало других специалистов, — соглашается Ленин. — Но подождите, имейте терпение. Дайте срок — победим разруху, победим голод. Будут свои инженеры, будут свои врачи. Профессора! Академики! Всё будет. Потому что рабочие и крестьяне — это классовые бойцы. Потому что в новый мир они вступили твёрдой ногой хозяина.

— Так-то оно так, — соглашается Демидов. — Да нет, я не спорю. Конечно, вы правы, Владимир Ильич. А всё-таки знаете, так сказать, теневые стороны бросаются в глаза прежде всего.

Посмотрел Владимир Ильич на Демидова.

— Теневые? А вы ходите по солнечной стороне!

Глава третья

ЛЕНИНСКАЯ ДЕСЯТИНА

ПОНИМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Ерёмка Быков ворочался с боку на бок. Тесно, душно на печке.

Вот и отцу не спится. Да разве уснёшь! Утром, чуть свет, предстоит раздел господской земли. Не каждый день такое случается.

— Да спите вы! — ругнулась снизу с лежанки мать. Притихли отец и Ерёмка. Не приходит, не балует сон. Подтянулся отец к печному обрезу:

— Пойду-ка пройдуся по воле.

— И я с тобой, — напросился Ерёмка.

— Хорошо, собирайся.

— У, беспокойные ваши души... — опять проворчала мать.

Ругается, а ведь сама тоже что-то не спит. Тоже небось про землю-землицу думает.

Вышли отец и Ерёмка на улицу. Прошлись вдоль села, миновали околицу, мостком перешли через речку, поднялись на бугор — вот оно, барское поле.

Пробрала ночная прохлада. Ветер то сорвётся, то стихнет. Звёзды мерцают. Месяц тучки рогами порет. Где-то пискнуламышь-полёвка. Собака в селе за околицей тивкнула.

Смотрит Ерёмкин отец на поле, слезами глаза наполняются.

— Ты чего, тять? — дёрнул Ерёмка отца за руку.

— Так, ничего, — отозвался отец. Провёл по глазам ладонью. — Всё о нём, о человеке хорошем думаю.

— О том, кто декрет подписал, об Ульянове-Ленине? Добрый, видать!

— Слово, Ерёмка, не то. Понимающий он человек. Нельзя без земли крестьянину.

Постояли они, посмотрели на поле, надышались свежего воздуха, вернулись домой.

Залез Ерёмка снова на печку. «Эх, не проспать бы делёж земли. Самое интересное не проворонить».

Лёг он и сразу уснул.

И вот приснился Ерёмке удивительный сон. Будто бы сам Ленин приехал к ним делить господскую землю. Ходит Ленин по полю. В руках сажень-двунога для замера земли. Заметил Ленин Ерёмку:

«А ну-ка ступай сюда».

Подбежал Ерёмка.

«Будешь моим помощником. Говори, с кого начинать, сколько у кого едоков, сколько кому земли».

С кого начинать? Конечно, с него, с Ерёмки.

«С меня», — говорит Ерёмка.

«Э, нет, — отвечает Ленин. — Тебе, как деющему, в последнюю очередь».

Поделили они господскую землю, никого не обидели. Вот и Ерёмкин приходит черёд.

Здесь и проснулся мальчик. Смотрит — солнце высоко. Ни отца, ни матери дома нет.

«Так это же сон привиделся, — понимает Ерёмка. — Проспал, проспал... Надо быстрее в поле. А как же со сном, как же с землёй для него, для Ерёмки? Эх, оборвалось на самом значительном месте».

Закрыв опять Ерёмка глаза. Интересно, какой же ему участок.

Только закрыл глаза, как скрипнула дверь. Входят в избу мать и отец.

— Просыпайся, вставай, Ерёмка!

Обидно Ерёмке: и раздел барской земли проспал, и сон не довидел. Встал он. Радости нет.

— Да что ты, Ерёмка?!

Ничего не ответил мальчик. Одедся, вышел на улицу. Обступили его ребята, озоруют, смеются.

— Соня, соня! Проспал. Главного не увидел.

Ещё обиднее стало Ерёмке. Смотрит он на ребят и вдруг:

— А я Ленина, Ленина видел. Ленин к нам приезжал!

Поразевали ребята рты.

— Приезжал, приезжал, — уверяет Ерёмка. — С саженью ходил. А я у него был в помощниках.

— Э, да это тебе приснилось!

— А вот и не приснилось! Не приснилось. Так оно было на самом деле.

Подошёл в это время к ребятам старик Прозоров.

Ерёмка и деду:

— Видел я Ленина. Видел. Ленин землю делил.

Хихикнули снова ребята. Мол, смотри, дед, Ерёмка какой брехливый.

Однако дед постоял, подумал, строго глянул на крикунов и вдруг поддержал Ерёмку:

— А как же, был Ленин. Присутствовал. Не ошибся Ерёмка.

Обалдели ребята.

— Так мы почему не видели?!

— Плохо смотрели. Без понимания. Вот и не видели, — ответил старик.

НЕСОГЛАСНЫЙ

В селе Завидовке крестьяне сдавали государству зерно. Сдали, а затем сообразили, что взяли с них лишку. Время было тяжёлое, голодное, с едой плохо. Хлеб ценился дороже золота. Написали крестьяне в уезд. Им не ответили.

— К Ленину нужно, к Ленину! — шумел Иван Хомутов. — Ленин решит с пониманием. По закону Владимир Ильич рассудит.

Неловко крестьянам тревожить Ленина. Заколебались они.

— Да что там!

— Проживём без того зерна, протянем...

— Э-эх, — не умолкает Иван Хомутов. — Кабы дело в одном зерне. Главное, мужики, в справедливости.

Убедил Хомутов крестьян. Избрали они делегатов — Хомутова, Петрова, Сизова, послали к товарищу Ленину.

Едут делегаты в Москву.

— Как Ленин решит, так, стало, тому и быть, — рассуждает в пути Хомутов. — У меня согласие с Лениным полное.

Принял Ленин крестьян, выслушал.

— Да, время у нас тяжёлое, чрезвычайно тяжёлое.

Насторожился Иван Хомутов: «Ой, не зря говорит про такое товарищ Ленин».

— Тяжёлое, но не безнадёжное, — продолжает Владимир Ильич. — Страна, бесспорно, преодолеет все трудности, и товарищи крестьяне, уверен, нам в этом помогут.

«Так и есть, — понимает Иван Хомутов. — Откажет Ленин в крестьянской просьбе».

И вдруг:

— Что же касается вас, — сказал Владимир Ильич, — то тут право полностью на вашей стороне. Лишний хлеб, взятый у вас, подлежит возврату.

Составил Ленин бумагу в уездный Совет, отдал её делегатам.

Поклонились крестьяне.

Торжествует Иван Хомутов:

— Ну? Видели? Слышали? То-то оно-то! У меня согласие с Лениным полное.

В те годы рабочие и крестьяне, приезжавшие по разным делам в Кремль, часто получали талоны на обед в столовую Совнаркома. Получили их и завидовские делегаты.

Довольны крестьяне: и с Лениным повидались, и обед им будет сегодня на славу.

— Интересно! — поглаживает усы Иван Хомутов. — Это тебе не щей пустых похлебать, не кашу-размазню скушать. То-то будет о чём рассказать в деревне.

Пришли делегаты в столовую, приносят им первое. Глянули крестьяне — щи. Попробовали — жидкие, кислые. Вместо мяса по кусочку ржавой селёдки плавает.

— Вот те и раз! — подивились крестьяне.

Приносят второе. И надо же — каша-размазня на второе. Без единой жиринки, на воде каша.

Хотели крестьяне достать из мешков привезённого сала, да постеснялись.

Поели, вышли из столовой крестьянские делегаты.

— Э, да это, видать, другая столовая, — сказал Иван Хомутов. — Это не совнаркомовская.

Отошли они шаг от двери, видят, по коридору идёт Владимир Ильич. Идёт быстро, пиджак нараспашку. Поравнялся.

— Как, пообедали?

— Да.

— Вот и отлично. У нас, говорят, каша сегодня превкусная.

«Ну и превкусная, — думает Иван Хомутов. — Может, Ленину будет другая каша?»

Прошёл Владимир Ильич в столовую. Вернулись крестьяне к двери, смотрят за Лениным в щёлку. Любопытно, что приносят на обед товарищу Ленину.

Смотрят и видят: несут Владимиру Ильичу всё тех же самых совнаркомовских щей, а следом за ними всё ту же кашу.

— Вот так дела! — не сдержался Иван Хомутов.

Вернулись делегаты к себе в Завидовку.

— Ну как, принял вас Ленин?

— Принял.

— Просьбу уважил?

— Уважил.

— Бумагу дал?

— Дал.

Показали делегаты крестьянам бумагу.

Рады крестьяне.

— Снаряжай телеги, давай в уезд. Спасибо товарищу Ленину. Верно решил, по справедливости.

И вот тут-то...

— Нет, мужики, — покачал головой Хомутов. — Не было здесь справедливости.

Уставились крестьяне на Хомутова.

— Не было, — повторил Хомутов. — Несогласный я с Лениным.

— Ну и ну! Ну и слова! Что такое? — не могут понять крестьяне. Может, в дороге Иван рехнулся. Может, он с радости просто пьян? Сам же больше других кричал, и сам же, выходит, против.

Расшумелись крестьяне.

— Да тише вы, тише, — оборвал Хомутов. — Сало едите?

Переглянулись крестьяне.

— Едим...

— Хлеб в закромах считай что имеется?

— Ну, скажем, имеется.

— С голода вроде пока не пухнете?

— Нет, — отвечают крестьяне.

— То-то!

Рассказал Хомутов про обед в совнаркомовской столовой.

Смутились, притихли крестьяне.

— Нет, неверно, что Ленин бумагу дал. Несогласный я с Лениным. Несогласный, — повторил Хомутов. — Не было в том справедливости.

БАЛАМУТ

Как-то Ленин получил письмо:

«Дорогой Владимир Ильич, прими от нас крестьянский поклон, а к Октябрю будет тебе подарок».

— Ну вот, снова подарок, — огорчился Владимир Ильич. Что за подарок, крестьяне пока не писали. Решили держать в секрете.

— Оно же всегда интереснее, когда наперёд не знаешь, какой для тебя гостинец, — рассуждали крестьяне.

Подарок же был обычный. Решили мужики послать Владимиру Ильичу мяса и сала.

Довольны крестьяне своим решением. Да только, как всегда, в любом деле обязательно найдётся какой-нибудь баламут. Оказался такой и здесь — бывший красноармеец-будёновец Селивёрст Дубцов.

— Э-э, безголовые, — ворчал он на мужиков. — Разве это подарок!

— А что? — отбивались крестьяне. — Владимир Ильич тоже, считай, человек. Что он, пищей другой питается? Сало ему в самый раз.

— «Сало»... — усмехался Дубцов. — Фантазии нет.

— Баламут, как есть баламут, — ругались крестьяне.

Целую неделю не давал Дубцов мужикам покоя. Ходит твердит:

— Фантазии нет. Фантазии нет. Вместо голов место у вас сидячее.

Обозлились крестьяне, явились к Дубцову.

— Ну-ну. Расскажи про свою фантазию.

И тут вдруг Дубцов заявил такое, от чего на крестьян напал хохот и окна в избе задрожали. Предложил Дубцов собратъся крестьянам, кирки, лопаты — в руки и, не мешкая, проложить до станции (а это без малого девять вёрст!) дорогу.

— Дорогу! — хохотали крестьяне.

— Да на кой она Ленину!

— Выходит, самим же себе подарок.

— Баламут, вот баламут, а ещё будёновец!

Но потом, через несколько дней, когда насмеялись крестьяне вволю, вдруг кто-то робко в селе сказал:

— А что, мужики, может, и верно. Может, одобрит дорогу товарищ Ленин?

— Может, и верно, — заколебались теперь крестьяне.

— Не может, а точно, — гудел Дубцов.

Уговорил всё же Дубцов крестьян.

Собрали мужики баб, стариков с печей погоняли — и за работу. Как раз к Октябрю и управились. Даже мосток через речку Каменку и тот навели.

Написали крестьяне Владимиру Ильичу письмо, поздравили с праздником, а в конце указали и про дорогу. Мол, как хочешь, так и понимай, а дорога эта вроде как наш для тебя подарок. Не взыщи, если не угодили. Виною всему баламут Селивёрст Дубцов, бывший будёновец.

Вскоре прибыл ответ.

«Угодили, угодили», — значилось в том ответе. Владимир Ильич писал, что подарок от крестьян замечательный. Что лучшего ему и не надо. Кончалось же письмо от Ленина тем, что эта дорога в девять вёрст ещё один шаг страны к коммунизму.

Читают крестьяне.

— Вот это да!

— Ну и ответ!

— Вон оно как повернул Ленин!

— Оно бы, пожалуй, стоило Владимиру Ильичу, — рассуждают крестьяне, — и к Маю какой подарок...

После долгих споров решили построить клуб.

ЛЕНИНСКАЯ ДЕСЯТИНА

— Ленина, Ленина не забудьте, Володимира Ильича! — кричал при разделе барской земли Иван Переплётков.

Да разве крестьяне забудут. Ещё с вечера они решили включить в число наделяемых Ленина.

— Правильно.

— От него всё пошло.

— Пусть и он землею попользуется.

Долго выбирали участок. Старались, чтобы получше. Спорили, где, с какой стороны села. Выбирали так, чтобы не очень сыро, не очень сухо, чтобы суглинок с примесью чернозёма. Отмерили десятину. Написали в Москву письмо: мол, приезжай, Владимир Ильич, вступай во владение.

Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он заняться сейчас хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по их собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли, — говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А всё-таки жаль — хорошее было б соседство.

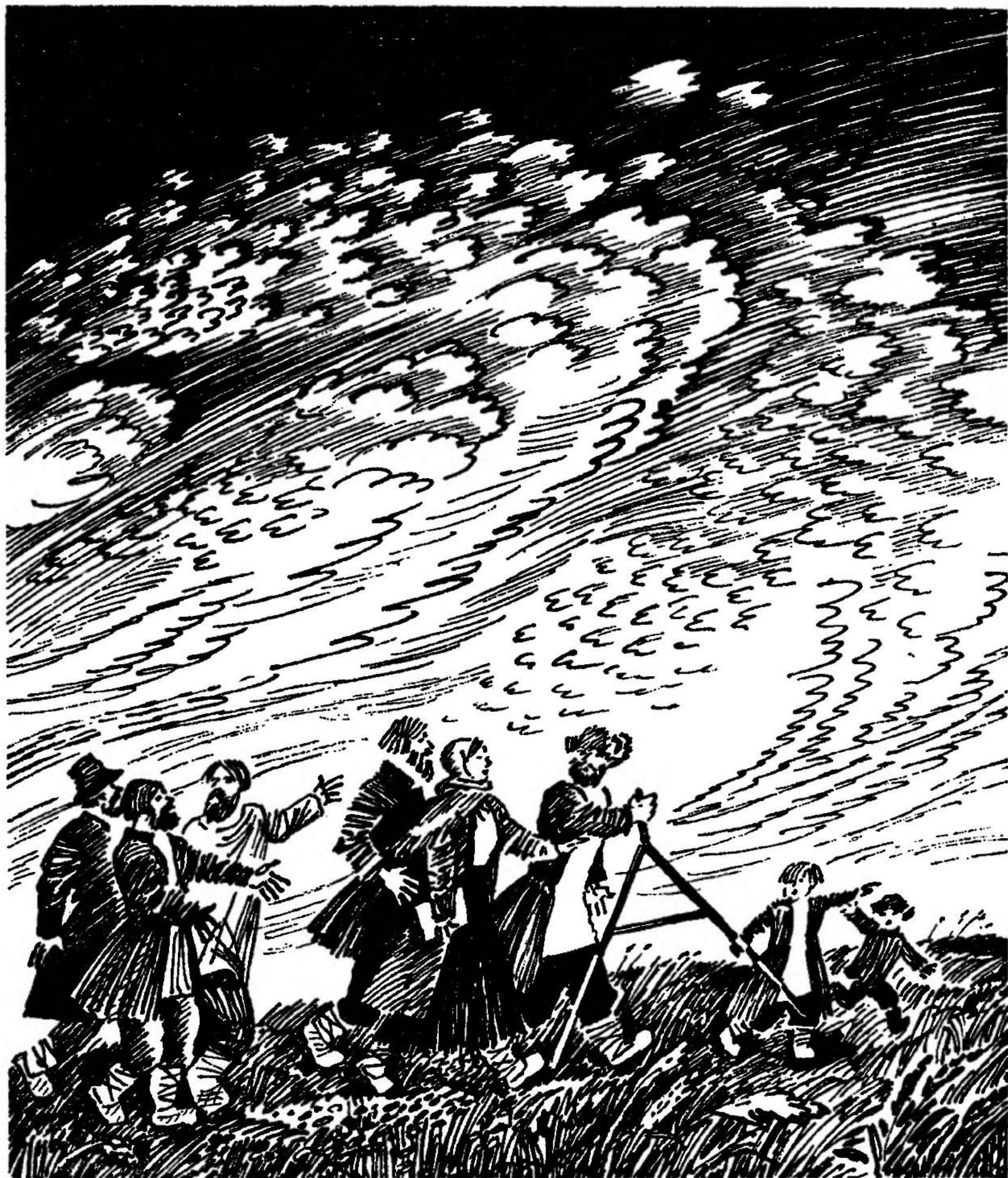
Успокоились крестьяне. Вот только задал задачу Ленин: «Поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали крестьяне, решали. Думали, думали.

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, ни между кем не делить. А оставить её для общего пользования. Обрабатывать её сообща, сообща сеять, собирать урожай. А затем хранить его в общем амбаре.

Так и поступили.

Умно поступили. Есть в крестьянских запасах общественный

фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недород у Нахомовых. Голодать бы им, залезать в долги, а тут — получай подмогу от ленинской десятины.

Мало ли нужд у крестьянства. Решили купить молотилку. Не надо бегать по избам — рубли выколачивать. Продали общественный хлеб — везут молотилку.

Или, скажем, соберутся крестьяне:

— А не послать ли рабочим гостинец?

— Послать, непременно послать.

Грузят мешки, пишут письмо: «Хлеб не простой. С ленинской десятины!»

Прошло десять лет. Стали возникать на полях колхозы. Обобщили крестьяне землю и скот. В общем колхозном поле теперь десятина. Да не затерялась она. Не забыта. Вечна народная память.

Конный ли местом тем едет, пеший идёт, любой остановится. И Ленин любому привидится.

То не пар над землёй подымается. То не ветер колышет рожь. Это Ленин на поле вышел. По колхозной земле идёт.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Ну вот теперь уже всё, — улыбнулся Владимир Ильич. — Теперь уже, батеньки, наверняка. — Ленин сел в автомобиль, хлопнул дверкой, помахал рукой Надежде Константиновне; машина тронулась.

Владимир Ильич отправился на охоту. Не раз за последние месяцы Ленин собирался уехать за город, побродить по лесам с ружьём. Да всё мешали дела. Срывались всегда поездки.

Но сегодня... Нет, изумительный нынче день. Ничто не мешает Ленину. В лес, на охоту, на природу едет Владимир Ильич.

Зима. Искрятся до боли в глазах поля. Бегут вдоль дороги столбы, перелески. Мелькнёт покрытый ледком ручей. Встречный лихач пронесётся. Деревенские домики из-под укутанных снегом крыш, словно кто-то большой нахлобучил им белые шапки, оконцами глянут. Снова поля. Опять перелески. Всё плотнее подходит к дороге лес.

Сидит Владимир Ильич, отдыхает.

Приехал Ленин в Верейский уезд, в деревню Моденово. Оставил в селе машину, вынул ружьё, с провожатым отправился в лес.

Идёт Владимир Ильич по селу, кого ни увидит:

— Здравствуйте!

К одному:

— Хорошо ли работает сельский у вас Совет?

К другому:

— Как у вас нынче с солью?

Интересуется жизнью крестьянской Ленин. Отвечают крестьяне, а сами: «Кто же это такой приехал?»

Верейский — далёкий, глухой уезд. Кто же сюда пожаловал? И вдруг: «Ленин приехал! Ленин приехал!»

Набатов рванула весть по селу. Полетела к соседям в другие деревни.

Идут Владимир Ильич и его провожатый по зимнему лесу. Ружья несут в руках. День погожий. Не так чтобы очень морозит.

Солнце стоит на небе. А ночью была пороша. Любой след на снегу — новый недавний след. Для зверя — тревожный час. Для охотника — лучшее время.

— Будто бы словно для вас, — говорит провожатый. — Угодила, Владимир Ильич, погода. Вот тут, ещё с полверсты, — и самое лучшее место. От поворота пойдём налево, и... — Провожатый взмахнул рукой: мол, вот там-то и будет самая охота.

Подошли к повороту. Вдруг слышат сзади шаги, будто кто-то бежит по следу.

Оглянулись Владимир Ильич и напарник. Видят — два

парня. Оба от быстрого бега в поту. Оба устало дышат. Остановились парни.

— Товарищ Владимир Ильич, разрешите, мы к вам.

— Слушаю вас, товарищи.

— Мы из села, — объясняют парни. — У нас к вам, Владимир Ильич, задание. Просьба у нас от села, — и тянут Ленину лист бумаги.

Взял Владимир Ильич бумагу, развернул, улыбнулся, читает: «Вождю всемирной революции товарищу Ленину от имени граждан деревни Моденово». А ниже: «Просим вас к нам на беседу».

Посмотрел Владимир Ильич на парней, глянул на провожатого.

— Ну и народ, — проворчал провожатый. — Да что они словно репей. Совести нет. — Повернулся к парням: — Товарищу Ленину отдых нужен.

Опустили посыльные головы. Хотели извиниться, уйти.

— Нет, нет, — остановил их Владимир Ильич. — Подождите. Ведь я ещё ничего не ответил. А записка, простите, если я правильно понял, адресована именно мне.

— Вам, вам, — оживились посыльные.

— Ну что же, передайте крестьянам, что я согласен.

— Спасибо! — крикнули парни и помчались назад в Моденово.

Повернул к деревне и Владимир Ильич.

— Э-эх, — вздохнул провожатый. — День-то сегодня какой. Зайцы над нами небось смеются.

— Смеются?! — развеселился Владимир Ильич. — Ну что же, пусть зайцам сегодня живётся. Примечательная всё-таки это черта: интерес ко всему в народе. Я не вправе ответить отказом.

Примчались парни в деревню.

— Ну как?

— Придёт, придёт. Уже следом идёт!

— Да ну! Вот это по-ленински.

Собрались крестьяне в избе у Прасковьи Афанасьевны Кочетовой. Набилась полно народу. Свои. Из других деревень набежали. Все рвутся послушать Ленина. Не все поместились. Кто в сенцах, кто просто у входа жмётся.

Прибыл Ленин, стал делать доклад. Говорил о военных делах страны, о том, что Врангеля скинули в море. О том, что с хлебом трудно пока державе. Но и это страна осилит. Что транспорт везде разрушен, но найдутся рабочие руки — вот только врага изгоним. А потом о великом и дивном плане — об электрификации всей России. Застыли, словно во сне, крестьяне. Каждое слово душою ловят.

Кончил Владимир Ильич доклад. За докладом пошла беседа.

Вопросы, ответы, опять вопросы. Получилось как-то, словно в избе и не Ленин, а между собою крестьяне ведут разговоры.

За окнами стало темнеть. Короток день по-зимнему. В полном разгаре идёт беседа.

Ждёт в Москве Надежда Константиновна Владимира Ильича.

«Ну вот, наконец-то Владимир Ильич отдохнул, — радуется. — Походил по полям, по лесу. Погода какая выдалась!»

Вернулся Владимир Ильич домой. Вошёл возбуждённый, довольный.

— Правда, Володя, удивительный нынче день!

Вспомнил Владимир Ильич село Моденово, встречу в лесу с парнями, потом почему-то зайцев, которые и до сих пор, наверно, в лесу смеются, наконец, беседу свою с крестьянами.

— Удивительный! — рассмеялся Владимир Ильич.

«СТЕПА-А-АН МАРКЕЛЫЧ!»

— Владимир Ильич!

Ленин не отзывался.

— Влади-и-мир Ильич!

Снова молчание. Лишь ветерок что-то промямлил в еловых лапах. Старик крестьянин Степан Маркелыч, сопровождавший Ленина на охоте, заволновался. Он с тревогой глянул по сторонам, вытянул шею, прислушался.

Разошлись они с Лениным час назад. Договорились встретиться вот здесь на просеке, у старого вяза. Ждёт Маркелыч, а Ленина нет и нет.

— Влади-и-мир Ильич!

Нет Ленина.

«Что бы такое?» — теряется в догадках Степан Маркелыч. Знает он, что Ленин очень точен во времени. Заплутал, наверно, Владимир Ильич. А может, что-то случилось. Нечего ждать. Надо идти на поиски.

Ушёл старик, а через несколько минут появился у вяза Ленин. Посмотрел — нет в условленном месте Маркелыча.

«Что бы такое?» — подумал Ленин. Знает Владимир Ильич, что Маркелыч человек аккуратный. Значит, что-то случилось. Встревожился Ленин. Походил он немного у вяза. Нет. Надо идти на поиски.

Идёт Ленин по лесу:

— Степан Маркелыч!

Остановится. Прислушается.

— Степа-а-ан Маркелыч!

И Маркелыч по лесу ходит. Только в другой его части.

— Владимир Ильич! — слышится глухой стариковский голос.

— Влади-и-мир Ильич!

Не разыскал Маркелыч Владимира Ильича, решил снова вернуться к вязу.

И Владимир Ильич не нашёл Маркелыча и тоже решил повернуть назад.

Только поравнялся старый крестьянин с вязом, смотрит — из ельника на просеку выходит Ленин.

У старика при виде Владимира Ильича словно камень скинули с шеи.

И Ленин вздохнул наконец облегчённо — цел, невредим Маркелыч.

Неудобно стало Владимиру Ильичу за свою тревогу. Решил он скрыть, что искал Маркелыча.

И старику неудобно выказывать своё беспокойство. Делает вид, что вовсе не отходил никуда от вяза.

— Простите, Степан Маркелыч, — сказал Владимир Ильич. — Не сердитесь. Представьте себе — лесом залюбовался, красотища у вас какая.

— Да что вы, Владимир Ильич, — отвечает старик. — Какой уж здесь счёт. Да я на дятла тут засмотрелся. Ить, паршивец, всё стук да стук.

— Вот и отлично, — сказал Владимир Ильич.

Однако потом, когда они двинулись дальше по просеке, старик не выдержал и признался:

— А я вас искал, Владимир Ильич.

— Да что вы говорите! — поразился Ленин.

— Искал. Всё думал — беда какая.

— Эка какой беспокойный вы, батенька, человек, — произнёс Владимир Ильич.

— Беспокойный, — признался Степан Маркелыч.

Ленин заулыбался.

Глянул старик на Ленина. «Что бы такое? Кажись, смешного ничего не сказал. Чему улыбается Ленин?»

ПАМЯТНИК

Крестьяне одной из сибирских станиц решили поставить Ленину памятник.

Послали они в Москву своих делегатов с наказом получить от Владимира Ильича на то разрешение.

Прибыли делегаты. Принял их Ленин.

— Здравствуйте. Как вы доехали?

— Хорошо, — отвечают крестьяне.

— Как у вас с урожаем?

— Бог не обидел.

— Нет ли перебосв с товарами в ваших местах?

— Завозят, Владимир Ильич, завозят. И ситцу хватает, и гвозди есть, и с мылом нужды не терпим.

— Ну что же, очень приятные вести, — улыбнулся Владимир Ильич. — Тогда вопросы мои исчерпаны. Слушаю вас, товарищи. Рассказали делегаты, в чём дело.

— Памятник? — переспросил Владимир Ильич.

— Памятник, — отвечают крестьяне. — Мы уже и камень для фундамента завезли, — сообщили они не без гордости. — И место, Владимир Ильич, хорошее — на вышине. Берёзы стоят в два обхвата. Речка, желаешь, — рядом. Видно кругом. Так что обижен, Владимир Ильич, не будешь.

— А вот и буду, — ответил Ленин. Улыбка сошла с лица. — Буду, и даже очень.

Смутились крестьяне. Не ожидали, что дело примет такой поворот.

— Место, согласен, отличное, — продолжал Владимир Ильич. — А вот что касается памятника, то тут я решительно против. Категорически. Так и скажите в Сибири товарищам. Благодарю за внимание. Желаю успехов, — попрощался Владимир Ильич.

Вернулись делегаты к себе в станицу, рассказали о встрече с Лениным.

Как водится, пошли разговоры.

— Не желает, выходит, Владимир Ильич.

— Может, место ему не понравилось?

— А вы толком с ним говорили? Сказали, что камень уже завезён?

— Сказали, сказали, — отвечают делегаты. — И место ему понравилось. И мы говорили яснее ясного. Дело тут, мужики, другое — скромность великая в Ленине.

Хотели крестьяне наперекор всему всё же поставить памятник Владимиру Ильичу. Однако потом не решились. Уж очень против товарищ Ленин.

— Может, ему виднее...

Стали крестьяне думать, что же им делать с камнем. И место хорошее — зря пропадает.

И вот после долгих споров и пересудов пришли вдруг в такому согласию: построить на месте у тех вековых берёз на зависть округе школу.

Решили и сделали.

Стоит она нынче на вышине, вписалась в сибирское небо. Берёзы по каждой весне новой листвой рождаются. Речка журчит под обрывом.

Полнится всё вокруг весёлым ребячьим смехом.

Идут годы, один за другим. Уходят жизни, события в прошлое. А школа стоит.

Стоит в сибирской станице памятник вечный Ленину.

БЫЛ ЛИ В БАТУМИ ЛЕНИН?

СНЕГИРЬ

В Горках, гуляя по парку, Владимир Ильич часто подходил к одному и тому же месту. Высокая ель здесь росла, берёзка, у самой берёзки кусты.

Придёт Владимир Ильич, остановится, подымет голову вверх. Стоит долго-долго. Всё смотрит.

Что же такое там?

Снегири.

Зима. Запорошило снегом кругом дорожки. Ёлки в шубках стоят из снега. Разлетелись другие птицы. Остались в парке одни снегири. Зиме они даже рады.

Смотрит Владимир Ильич на забавных красивых птиц. Вот с розовой грудкой сидит снегирь. Вот ещё один с розовой. А вот прилетел и третий — с красной, как знамя, грудкой. Сразу видать — озорник и проказник: на головке сбились пёрышки в хохолок. Приметил его Владимир Ильич. И снегирь был не-глухой — сообразил, что Ленину именно он больше других понравился.

Привыкли птицы к приходам Ленина. Знают: то хлебных крошек принесёт для них Владимир Ильич, а то и самое вкусное — горсть конопляного семени.

Утро. Едва рассветёт — тут как тут уже снегири. Ждут, когда же появится Ленин.

Вообще снегири непоседы. Эти, однако, прижились. Неделю крутились в парке.

Любуется Ленин на птичку с красной, как знамя, грудкой. Уж больно потешный снегирь. Сядет на ветку, грудку расправит, головку подымет: смотри, мол, Владимир Ильич. Правда, я самый красивый? «Правда», — ответит Ленин.

Резвится снегирь прыг-скок, прыг-скок, с ветки на ветку, с берёзки на ёлку, с ёлки на куст. То вспорхнёт, то снова присядет. Пронесётся у Ленина над головой, бухнется в снег и снова спешит на ветку. Скосит головку, на Ленина с ветки смотрит. «Вот я какой! Правда, я самый проворный?»

Но однажды, гуляя по парку, Владимир Ильич не застал на месте весёлого снегиря. Походил Ильич по другим дорожкам, вернулся — снова нет снегиря.

Забеспокоился Ленин: «Что же случилось?»

А дело в том, что попался снегирь в силочку. Поймал его мальчишка Егорка Исаев. Поймал, посадил в клетку, повесил в избе. Томится снегирь в неволе.

Не обнаружил нигде Владимир Ильич снегиря, зато повстре-

чал Егорку. Мальчик снова пришёл сюда в парк, и снова силки расставил.

Глянул Владимир Ильич на Егорку, на огромный отцовский треух, на огромные дедовы валенки.

— Ты не видел здесь снегиря с красной пушистой грудкой?

«Видел», — хотел было сказать Егорка. Но тут же подумал: а что, если Ленин спросит: «Так где же снегирь?»

— Нет, не видел, — сказал Егорка.

— Неужели замёрз снегирь? — тревожится Ленин.

«Да он же сидит в тепле», — хотел было сказать Егорка, но тут же осекся.

Потупил глаза мальчишка. Ясно Егорке — очень расстроен Ленин.

— Замёрз, замёрз, — сокрушается Ленин. — Или кошка его схватила.

Не сдержался Егорка.

— Нет, — замахал головой. — Нет. Он живой. Он прилетит.

— Прилетит?!

— Прилетит, прилетит! — закричал Егорка.

Пришёл Владимир Ильич на следующий день к берёзке. Смотрит, прав оказался Егорка, сидит на кустах снегирь. А под берёзкой стоит Егорка.

Посмотрел Владимир Ильич на снегиря, посмотрел на мальчишку, широко улыбнулся.

— Здравствуй, — сказал Егорке. — Здравствуй, — сказал снегирю. — Где же ты пронадал?

Раскрыл снегирь свой короткий клюв, на Егорку с берёзки глянул.

Похолодело в душе у Егорки. Выдаст его снегирь, вот возьмёт и всё Владимиру Ильичу расскажет.

Однако снегирь смолчал. Понял: не такой уж противный Егорка мальчик. Зачем же зря выдавать Егорку?

ИВАШКА

Ленин любил играть в городки. Играл ловко, бил метко. Размахнётся, бросит биту, разлетаются городки, словно воробьи, в разные стороны.

Как-то в Горках, в парке на городошной площадке, Владимир Ильич увидел мальчика. Спросил, как зовут.

— Ивашка.

— Ну что же, Ивашка, давай сыграем.

Стали они играть. Только какой же игрок из Ивашки. То недобросит биту, то перебросит, то угодит в кусты.

Пожалел Владимир Ильич Ивашку, сделал так, что всё же Ивашка выиграл. Ленин специально биту бросал мимо цели.

Возгордился мальчишка. Вернулся в деревню, бежит от избы к избе:

— Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл!

Не верят ему ребята. Знают — хвастливый у них Ивашка.

— А вот и правда, правда! — кричит Ивашка. — Я целкий. Глаз у меня — ого!

Кончилось тем, что побился Ивашка с ребятами об заклад на щелчки, что он ещё раз осилит товарища Ленина. Все ребята, если хотят, сами своими глазами такое увидят.

Наутро собрались мальчишки гурьбой и двинулись в парк к товарищу Ленину. Пролезли через забор — знали ребята в ограде щёлку, незаметной тропкой прошли к городошной площадке. Спрятались кто за ель, кто за берёзу, кто за сосну, а самый маленький, Кузя Синичкин, залез в кусты. Притихли ребята, ждут: не придёт ли товарищ Ленин.

А Ленин и вправду в это время гулял по парку и скоро вышел сюда к площадке. Смотрит — стоит Ивашка.

— Здравствуй, Ивашка. Вижу, поправились тебе городки.

— Очень, — сказал Ивашка.

— Ну что же, давай сыграем.

Ивашка только того и ждал. Побежал он, расставил фигуры, стали они играть.

Первым бил по фигурам Ивашка.

Бросил одну битку, просвистела она и... мимо. Бросил вторую, и снова мимо.

— Нет, так не пойдёт, — сказал Владимир Ильич. — Не торопись. Целься внимательней. Бей снизу. Вот посмотри.

Взял Владимир Ильич битку, размахнулся. Полетела она, резанула она по воздуху, закружилась — и прямо в цель.

Высунулись ребята из-за берёз и елей. Вот это удар! Зараз всю фигуру выбил!

Снова приходит Ивашкин черёд. Снова бьёт он, и снова мимо.

— Не торопись, — повторяет Ленин. И снова Ивашку учит. — Неплохо, неплохо, — приговаривает Владимир Ильич. — Вот видишь, совсем неплохо.

Подбадривает Ленин мальчишку. Но, если правду сказать, дела у Ивашки плохи. Понимают это ребята. Хихикнул в кустах Синичкин. Приуныл Ивашка.

Видит Владимир Ильич, что Ивашка скис. Пожалел он опять мальчишку. Сделал Ленин так, что снова Ивашка выиграл.

Простился Владимир Ильич, ушёл.

Возгордился опять Ивашка. К ребятам:

— Видели! А ну, подставляйте лбы!

Что же тут делать? Пришлось ребятам подставить лбы. Бил Ивашка в полную силу. Даже маленького Кузю Синичкина не пожалел.

— Вот вам! Вот вам! — кричал Ивашка.

Вернулся мальчишка в деревню, бежит от избы к избе.

— Я у Ленина выиграл! Я у Ленина выиграл! Я целкий! Глаз у меня — ого!

Ну и хвастливый этот Ивашка! Ну и крикливый Ивашка! Обозлились, излущили ребята мальчишку. Не знаю, как вам, а мне Ивашку совсем не жаль.

ОПЕРЕДИЛ

Лёнька купался в Пахре. В это время на берегу реки появился Ленин. По строгому приказу врачей прибыл Ленин в Горки на срочный отдых.

Засмотрелся Владимир Ильич на Лёньку — уж больно ловко мальчишка плавал. Кувыркался в воде, нырял. Ложился на спину. Скользил по течению, против. От берега к берегу и снова назад возвращался без всякого отдыха.

И Лёнька заметил Ленина. Только не знал он, что это Ленин. Приехал Лёнька в Горьки недавно, принял Владимира Ильича за простого дяденьку.

Когда мальчик вылез на берег, Ленин спросил:

— Ну, как вода?

— Мокрая, — буркнул Лёнька.

Был мальчишка неразговорчивым.

— Значит, мокрая, — усмехнулся Владимир Ильич. Однако мальчик чем-то ему понравился.

Сел Ленин на травянистый пологий склон, глянул на воду, на Лёньку, снова на воду, потом повернулся к мальчишке и вдруг сказал:

— Давай наперегонки.

— Можно, — важно ответил Лёнька.

Лёнька отлично плавал. Но и Владимир Ильич был прекрасным пловцом. Он же волжанин. Редко кому удавалось в воде обогнать Ленина.

Поплыли Владимир Ильич и Лёнька. И случилось вдруг так, что мальчик Ленина опередил.

Возвращался домой Владимир Ильич огорчённым.

— Плохи наши дела. Сдаём. Стареем... Стареем. Силы уже не те.

Испортил Лёнька в тот день настроение Ленину.

Сам же Лёнька весьма доволен. Вернулся он в Горки и всем рассказал, что обогнал на Пахре городского дяденьку.

— Да каков он? — полезли ребята.

— Да так, невысокого роста, среднего.

— С бородкой?

— С бородкой.

— С усами?

— С усами.

— Лоб высокий, считай, в две ладони?

— Эге.

— Вот так дяденька! — закричали ребята. — Это же Ленин!
У Лёньки так и раскрылся рот.

Неловко тут стало Лёньке, и Ленина обогнал, и разговаривал с ним не очень приветливо. Решил он исправить свою оплошность. На следующий день мальчик снова помчал на Пахру. Крутился там до самого вечера. Но Ленин не появился.

Больше недели Лёнька ходил к реке. Лишь на десятый день мальчик снова увидел Ленина.

— Ну, как вода? — спросил Владимир Ильич.

— Тёплая! — закричал Лёнька. — Тёплая. Страсть какая тёплая, Владимир Ильич. Аж горячая!

— Значит, горячая, — усмехнулся Владимир Ильич.

Хочется Лёньке заманить побыстрее Ленина в воду.

— Распрекрасная нынче вода. Пуховая...

Договорились Ленин и Лёнька снова попробовать силы вперегонки. Бросили в воду палки. Поплыли. Лёнька только того и ждал.

Плывёт Лёнька, а сам норовит так, чтобы отстать, но делает это незаметно, чтобы себя не выдать. Для пущей убедительности тяжело дышит.

Но всё же Ленин заметил. Повернулся он к Лёньке:

— Ты что-то хитришь!

— Да что вы, Владимир Ильич, — уверяет Лёнька.

Врёт, самому Ленину врёт и не краснеет.

Понимает Ленин, что Лёнька врёт. Решил уличить мальчишку.

Поплыл Владимир Ильич чуть тише. Смотрит — и Лёнька чуть тише. Ленин взял и ещё потише. И Лёнька снова замедлил тогда. Плынут они так, и чем ближе к палке, тем тише и тише. Вот-вот остановятся.

Остановился Ленин — и к Лёньке:

— Вот и попался!

Понимает Лёнька, что он попался, потушил взор.

— Нехорошо это, Лёня, — уже потом на берегу сказал Владимир Ильич. — Непорядочно. Придётся нам повторить.

Снова бросили палку. Снова поплыли. Ясно Лёньке — не получился его обман. Пришлось плыть в полную силу. Плывёт он, и что же? Отстаёт мальчишка от Ленина. Поднажал Лёнька, хотел обогнать Владимира Ильича, видит — не может. Ещё сильнее забил руками — снова не может. Уже не прикидывается, а на самом деле пыхтит-гудит, а всё же догнать Ильича не может.

Не угнался за Лениным Лёнька. Сконфузился, сник мальчишка.

Возвращался домой Владимир Ильич довольный.

— Значит, наша ещё не сдаёт. Значит, наша ещё поборется...

Идёт Владимир Ильич по тропке.

— Это же просто отменно. Значит, можно закончить отдых. Есть ещё порох в пороховницах.

Зато Лёнька плёлся домой смущённый. Хотя и получилось так, как мальчишка того хотел, уступил же он первенство Ленину. Да всё же... Эх, не так представлял себе Лёнька это!

АРБУЗЫ

Всё лето Мишатка растил арбуз. И Родька тоже растил арбуз. Жили они по соседству.

Вначале птиц с огорода гоняли, всё боялись, как бы птицы завязь не склюнули. Потом, а лето в тот год было жаркое-жаркое, с вёдрами к речке бегали и иссохшую землю водой поили. Затем целыми днями в лопухах при огородах сидели — караулили, чтобы мальчишки арбузы не срезали.

Грелись арбузы на солнышке и не знали того, что у Мишатки и Родьки была тайна. Растили мальчишки арбузы в подарок товарищу Ленину.

Уродились они огромными, весом в полпуда каждый.

Довольны ребята. Стали собираться они в Москву. Где находилась Москва, Мишатка точно не знал.

— Она вон там, — объяснял Родька, — за тем полем, за тем лугом, за тем лесом. Недалеко. Вёрст двадцать.

А на самом деле от этих мест до Москвы было без малого тысяча вёрст.

Незаметно от родителей засушили ребята на дорогу сухарей. Родька стянул из кладовки полоску сала. Мишатка вынул из-под наседки пару яиц.

Собрались ребята. Но тут... Надо такому случиться!

Недосчиталась Мишаткина мать под наседкой яиц. Заметила Родькина мать, что не хватает в кладовке сала.

Сообразили они, где искать виновных.

Поначалу, конечно, мальчишки всю отпирались. Твердили, что тут они ни при чём — в курятник не лазили, сало не трогали. Но здесь появились отцы. Дело плохим пахло. Кончилось тем, что признались во всём ребята. И вдруг...

— А ведь верно, — сказали родители, — наши кубанские — чем не подарок товарищу Ленину.

Всем в станице понравилась эта мысль.

Решили станичные жители обязательно отправить арбузы Владимиру Ильичу. Снарядили в Москву посыльного. Повёз он Родькин и Мишаткин подарок товарищу Ленину.

Владимир Ильич долго смотрел на степных красавцев, щёл-

кал их пальцем, отходил, скашивал голову — всё любовался.
— Хороши, хороши, — приговаривал Ленин. — Это же просто чудо.

Просил Владимир Ильич передать от него ребятам привет и сердечную благодарность.

То-то гордились потом ребята. Да что ребята — вся станица гордилась.

И только одно смущало мальчишек: чей же арбуз оказался слаще?

Мишатка уверял, что, конечно, его арбуз.

Родька же спорил, кричал:

— Нет мой! Мой непременно слаще!

Хотели ребята послать письмо товарищу Ленину, попросить, чтобы Владимир Ильич ответил.

Хотели, но не решились.

Правильно сделали. Ну, что бы ответил ребятам Владимир Ильич? Он же арбузов тогда не попробовал. Ленин вспомнил других ребят. Полюбовался Владимир Ильич арбузами и отправил их в детский дом, в рабочий район Хамовники.

ФОМКА И НЮТКА

Не послушался Фомка совета Нютки. В первый раз не послушался...

Крестьяне деревни Кашино построили электростанцию. Строили дружно, все вместе. Электростанция хоть и маленькая, зато первая в тех местах. Появились в деревне столбы. К домам провода протянулись.

Радость у всех огромная.

— Первая! — торжествуют крестьяне. — Построили! Своими руками. Вон оно как!

Пригласили кашинцы на открытие электростанции Владимира Ильича.

Согласился Ленин. Собрался он в Кашино вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

— Интересно, на чём же они приедут, — стал прикидывать Фомка. — Телегу за ними небось пошлют.

— «Телегу»! — усмехнулась Нютка, посмотрела на Фомку. — На автомобиле они прибудут, во!

Верно. Гости приехали на автомобиле.

Хорошо их встретили в Кашине, с оркестром.

— Сейчас «Интернационал» заиграют, — сказала Нютка.

Верно: сыграли «Интернационал».

Нютка всё знала. Была она старше Фомки, смыслёнее и умнее. Ходил Фомка за Нюткой, словно телок. Во всём слушался.

— А теперь их в избу поведут, — вновь объясняет Нютка.

И опять не ошиблась девочка. Гостей повели в избу — погреться с дороги, дело было глубокой осенью, отведают крестьянского угощения.

Собрались ребята возле избы. Ждут, когда выйдет на улицу Ленин. Смотрят, ещё кто-то приехал к ним в Кашино. Идёт по улице человек, ящик висит за спиной, в руках у него тренога.

— Ой, что будет, что будет! — зашептала Нютка на ухо Фомке.

Смотрит Фомка на Нютку: «Что же такое будет?»

— Фотограф приехал, — сообщила Нютка.

И правда. Из города Волоколамска приехал фотограф. Подошёл он к избе, стал расставлять треногу. Глазеют ребята. Им такое впервой. А Нютка уже снималась. В Волоколамске она бывала.

— Когда будут сниматься, — наставляет приятеля Нютка, — становись в первый ряд. Норови поближе к фотографу. Никто не заслонит.

Кивает Фомка: мол, как же, конечно, мол, понял.

— Не торопись. Выжди, — не унимается Нютка. — Пусть раньше другие сядут.

Вышли Владимир Ильич и Надежда Константиновна из избы, попали прямо в руки к фотографу. Не любил Владимир Ильич фотографироваться. Но тут согласился.

— Только все вместе, — сказал крестьянам. — Общей давайте группой.

Притащили кашинцы лавок, скамеек. Расселись. Вместе со всеми сунулись было дети.

— Кыш, кыш! — закричали на них крестьяне.

— Зачем же? — сказал Владимир Ильич. — Пусть и дети будут рядом со всеми.

Бросились ребята к Владимиру Ильичу, каждый старается сесть поближе. Рванулся и Фомка.

— Стой, не беги, — дёрнула Нютка дружка за руку.

Ослушался Фомка. Не удержался на месте. Побежал он со всеми и в общую кучу бухнулся.

А Нютка выждала. Потом важно уселась впереди всех на самом открытом месте.

— Внимание! — крикнул фотограф. — Раз, два. Снимаю! Готово.

До вечера пробыл Владимир Ильич в Кашине. Походил по селу, выступил на крестьянском митинге, посмотрел, как зажётся электрический свет.

— Чудеса, поистине чудеса, — восхищался электростанцией Ленин. — Прекрасный пример. Удивительный. Вот что значит, когда люди вместе берутся за общее дело. В этом огромная сила.

— Одобряет, — шептались крестьяне. — Оно же точно: когда все разом — сила людская множится.

Простился Владимир Ильич, пожелал крестьянам успехов, уехал.

Уехал и волоколамский фотограф. А через несколько дней прислал он крестьянам снимок.

Собрались крестьяне. Отличная фотография — ясная, чёткая. Вот Владимир Ильич сидит, вот рядом с ним Надежда Константиновна, вот дед Ашурков, вот Родионов, Семёнов, старуха Кашкина, другие крестьяне. А вот и ребята — все вместе, все рядом. Много их. Если считать — собьёшься.

Ищет каждый себя. Ищет и Нютка.

«Ну, — думает, — я на самом видном, на главном месте».

Смотрит Нютка. Нет Нютки. Вместо девочки — край платка у обреза тёмным бугром торчит.

Не попала на снимок Нютка.

А Фомка попал. Если глянуть на фотографию, сидит он по самому центру. Только отцовская шапка чуть на глаза наехала. Не успел впопыхах шапку поправить Фомка.

Не послушался Фомка Нютки. Захотел быть со всеми. Не ошибся. Правильно Фомка сделал.

БЫЛ ЛИ В БАТУМИ ЛЕНИН?

Был ли в Батуми Ленин?

Если вам скажут «нет», не очень такому верьте.

Осенью 1921 года в городе Батуми собрался Первый съезд Советов молодой Аджарской республики. Делегаты избрали Владимира Ильича Ленина почётным председателем съезда.

Прослышал Леван от отца, что Владимир Ильич избран почётным председателем съезда, что значит «почётный», не понял, решил, что Ленин приехал в Батуми.

Побежал он разносить друзьям-приятелям необычную весть.

Собрались Хута и Шалва, Реваз и Сандро, Ладо, Чичико и мальчик в очках Кукури.

Смотрят они на Левана.

— Ленин приехал в Батуми, — шепчет друзьям Леван.

— Ты не ошибся? — спросил Хута.

— Нет, — отвечает Леван.

— Ты точно уверен? — спросил Шалва.

— Да, — отвечает Леван.

— Странно, — сказал Кукури.

Помчались ребята к дому, в котором работал съезд, посмотреть на товарища Ленина. Дождались конца заседания.

Вот вышел дядя Вахтанг, вот вышел дядя Григорий, вот вышел вообще незнакомый дядя, потом появились дядя Кирилл Петрович, тётя Бондо, дяди Алио и Савле. Вот уже вышли все делегаты. А где же товарищ Ленин?

Ребята к Левану:

— Ты не соврал?

— Нет,— отвечает Леван.

— Тебе не приснилось?

— Нет,— отвечает Леван.

— Странно,— сказал Кукури.

Вернулись мальчишки домой. А дома у взрослых про всё узнали. Разобрались в том, что означает слово «почётный», посмеялись над собой и Леваном.

Прошёл год. В школе, в которой учились ребята, был организован пионерский отряд. Недели ребята пионерские красные галстуки. А потом на первом же сборе поднялся вдруг пионер Леван и предложил избрать Владимира Ильича Ленина почётным председателем их отряда.

— Верно! — кричали ребята.

— Молодчина у нас Леван!

У Левана был брат Мигран. Узнал Мигран, что Ленин избран почётным председателем пионерского отряда, что означает «почётный», не очень-то понял, решил, что Ленин приехал в Батуми. Побежал он разносить друзьям-приятелям небывалую весть.

— Ленин приехал в Батуми,— шепчет друзьям Мигран.

Собрались ребята, побежали к школе, в которой учился Леван, посмотреть на товарища Ленина. Дождались конца занятий.

Вот вышел Хута, вот вышел Шалва, вот вышел вообще незнакомый мальчик, потом появились Реваз и Сандро, Ладос, Чичико и мальчик в очках Кукури. А где же товарищ Ленин?

— Где же товарищ Ленин? — полезли к пионерам ребята. — Правда, что Ленин сейчас в Батуми?

— Ленин? — поразились друзья Левана.

— Ленин,— сказали ребята. Объяснили они, в чём дело.

Хотели пионеры рассмеяться над младшими. Однако потом задумались. Переглянулись. И вдруг...

— Правда,— сказал Ладос.

— Правда,— сказал Сандро.

— Ленин теперь везде,— сказал пионер Хута. — Ленин в Москве и в Туле, в Минске, в Чите, в Ереване. Он и с нами, у нас в Батуми.

— Ленин в любом кишлаке, Ленин в любом ауле,— сказал пионер Реваз. — Он на заводе любом и в поле. Ленин и в нашей школе.

И даже мальчик в очках Кукури не ответил на это: «Странно».

— Верно,— сказал Кукури.

Был ли в Батуми Ленин?

Если вам скажут «нет» — не очень такому верьте.

От рабочих и крестьян на имя Владимира Ильича поступало много различных посылок. Присылали хлеб, крупу, сахар (с едой тогда было плохо). Приходили и другие подарки. Рабочие-кожевники присылали Владимиру Ильичу тулуп из овчины, вологодские кружевницы — нарядное покрывало, текстильщики из Петрограда — мягкий пушистый плед.

Получая такие подарки, Ленин хмурился.

— Да что вы, Владимир Ильич, — успокаивали Ленина товарищи по работе. — От души ведь идут подарки, от благодарного сердца.

— Так-то оно так, — соглашался Ленин. — А всё-таки, понимаете, неудобно, неловко. Это всё от старых времён, от старых традиций: барину — носили, попу — носили... С этим пора кончать. Кончать, — строго повторял Владимир Ильич.

И вот однажды Ленин получает письмо. Письмо издалека, из-под Гомеля, из города Клинцы от рабочих Стодольской суконной фабрики.

Читает Владимир Ильич письмо, поздравляют рабочие Ленина с приближающейся пятой годовщиной Октябрьской революции, желают хорошего здоровья, а ниже: «...посылаем тебе к празднику... скромный подарок нашей выработки». И пишут, что за подарок — отрез сукна.

Под письмом стоят подписи. Да не две, не три, целых четыреста.

Хотел Владимир Ильич рассердиться. Однако потом передумал. Решил не огорчать рабочих под праздники.

Взял Владимир Ильич перо, бумагу и написал рабочим такой ответ:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим...

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Получили в Клинцах ленинское письмо, прочли. Довольны рабочие. Хорошее письмо, тёплое, с благодарностью.

Однако пришлось рабочим и призадуматься. Поняли они: не одобряет подарков Ленин. И в отношении просьбы, хотя она и секретная, тоже что к чему разобрались верно. Приняли рабочие просьбу Владимира Ильича как боевой приказ. Всем о ней в Клинцах рассказали. Да не только в Клинцах, а шире — по всей округе.

А как-то один из стодольских рабочих Степан Шерстобитов ездил в родную деревню под самый Минск и там рассказал о ленинской просьбе.

Огорчились, конечно, крестьяне. Как раз собирались они к

новому году послать в подарок Владимиру Ильичу бочонок душистого мёда. Однако просьба есть просьба — пришлось крестьянам её уважить.

Случилось так, что в те же дни и в той же самой деревне был на побывке красноармеец Иван Додонов. Вернулся Додонов в свою часть, привёз и туда просьбу товарища Ленина.

Кончился у красноармейцев срок службы, разъехались они по разным сёлам и городам и тоже на новых местах о секретной просьбе товарища Ленина всем рассказали.

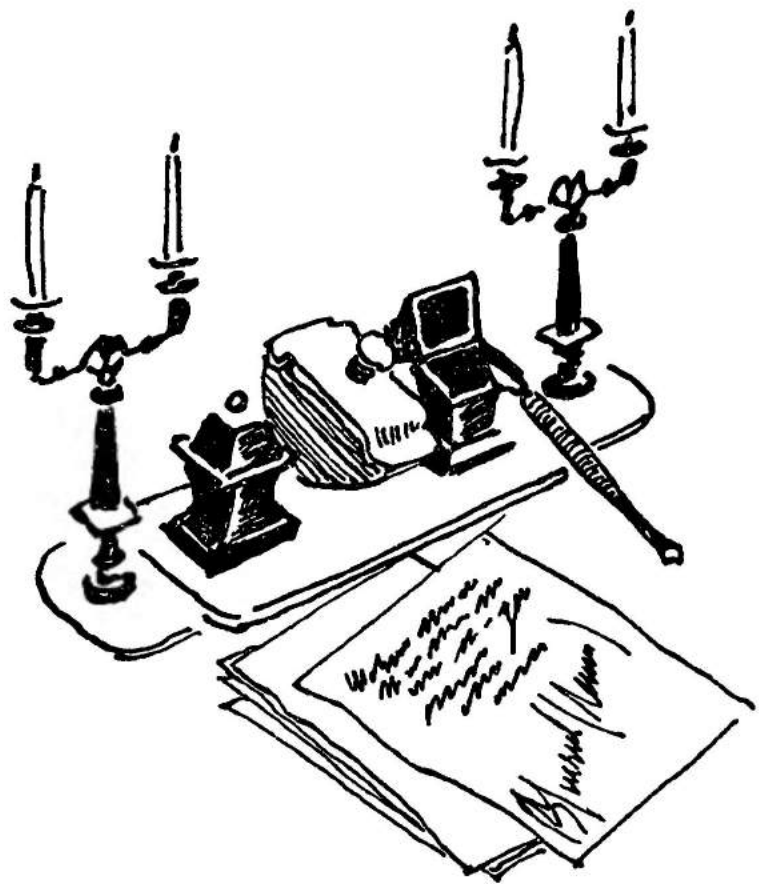
Передавалась эта просьба из уст в уста. Ходила по ближним и дальним местам. Дошла и до наших дней.

Вот и я вам о ней рассказал. И вы, в свою очередь, тоже о ней расскажите. Только помните: просьба была секретная.

Ну, а подарки! Что же — перестали рабочие и крестьяне присылать подарки товарищу Ленину? Нет. Продолжали.

В чём же тут дело?

Трудно понять. Россия — страна огромная. Может, не все о той просьбе знали. А может, другие какие причины...

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕКАБРИСТЫ	5
УПРЯМАЯ ЛЬДИНА	155
СЫН ВЕЛИКАНА	187
ОКТЯБРЬ ШАГАЕТ ПО СТРАНЕ	271
БРАТИШКА	323
СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА	385

Для младшего возраста

Сергей Петрович Алексеев

Собрание сочинений в трёх томах

Том 2

Повести и рассказы.

ИБ № 6729

Ответственный редактор

И. В. Омский.

Художественный редактор

М. Д. Суховцева.

Технический редактор

Е. М. Захарова.

Корректоры

Г. Ю. Жильцова и Э. Н. Силова.

Сдано в набор 21.01.83. Подписано к печати 16.07.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 27,0. Усл. кр.-отт. 27,5. Уч.-изд. л. 27,72. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2388. Цена 1 р. 50 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва. Суцёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»